

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
имени Г. ИБРАГИМОВА

Б.К. Миннуллин

**СПЕЦИФИКА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ ТЕКСТОВ ТАТАРСКОЙ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Казань
2022

УДК 81'366
ББК 81.2-2
М 62

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор В.З. Гарифуллин

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Ф.Ю. Юсупов,
доктор филологических наук, доцент И.С. Насипов,
доктор филологических наук, доцент Л.С. Селендили

Миннуллин Б.К.

**М 62   Специфика морфологической структуры текстов татарской
периодической печати начала XX века: монография /Б. К. Миннул-
лин. – Казань, 2022. – 336 с.
ISBN 978-5-93091-429-0**

Монография посвящена научной разработке текстов старотатарской арабографической периодической печати начала XX века, направленной на выявление их морфологических особенностей.

Книга может быть полезна для филологов, языковедов, преподавателей, аспирантов, студентов и для широкого круга читателей.

УДК 81'366
ББК 81.2-2

ISBN 978-5-93091-429-0

© Миннуллин Б.К., 2022

© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2022

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей монографии на примере татарских газет «Борхане таракки» (1906–1911, Астрахань), «Вақыт» (1906–1918, Оренбург) и «Кояш» (1912–1918, Казань), издававшихся в межреволюционный период 1905–1917 гг., предпринимается попытка комплексного исследования морфологических особенностей языка татарского газетного текста. Подобное исследование позволит нам выявить ядерные и вспомогательные морфологические элементы языка татарской периодической печати начала XX века. Изучение морфологических особенностей конкретных периодических изданий даст нам возможность определить различия в языке разных органов татарской периодики рассматриваемого периода, что, в свою очередь, поможет установить наличие языковой вариативности и восстановить наиболее объективное состояние языка татарской периодической печати начала XX века. Кроме того, при морфологическом анализе языка исследуемых текстов мы предпринимаем попытку проследить активность тех или иных грамматических форм в зависимости от того, к какой жанровой группе относятся исследуемые тексты.

Непрерывное совершенствование, характерное для общественно-политической и культурной жизни страны в XXI веке, ставит перед социумом, в том числе и перед научными коллективами, занимающимися разными направлениями фундаментальных исследований, новые актуальные задачи. Одной из таких задач как в рамках современной тюркологии, так и татарского языкознания является выявление и научное изучение материалов письменных памятников, в частности созданных на старотатарском письменном литературном языке начала XX века. Данный хронологический отрезок в жизни татарского народа характеризуется особой насыщенностью событиями, что повлияло и на лексико-грамматическое содержание языка татароязычных текстов, созданных в рассматриваемый период.

Как известно, истоки старотатарского литературного языка относятся к VII – XIII вв. и подразумевают условное разделение на древнетюркский и среднетюркский периоды. Древнетюркский период (VII – XI вв.) включает в себя рунический литературный и древнеуйгурский литературный язык, а среднетюркский (XI – XVIII вв.) – караханидско-уйгурский, золотоордынский, чагатайский и малые формы литературных языков – сельджукский, кыпчакский, болгарский.

Татарский литературный язык, на пути своего становления, в зависимости от общественно-политической ситуации, в частности, по причине потери независимой государственности, подвергался сильному влиянию чагатайского, староосманского и русского языков. В результате, в разное время татарский, а ранее старотатарский литературный язык был перенасыщен арабскими, персидскими, османско-турецкими, и русскими грамматическими и лексическими формами.

Татарская периодическая печать формируется в период наивысшего развития литературного языка татарского народа. В свою очередь, возникновение татарских газет и журналов становится одним из наиболее значимых моментов в развитии татарского литературного языка и татарского народа в целом. Начиная с 1883 г. общепризнанный печатный орган тюркоязычного населения Российской империи, издававшийся крымско-татарским просветителем, издателем и политиком Исмаилом Гаспринским в Бахчисарае на тюрко-татарском языке – газета «Тәржеман» («Переводчик», 1883–1918), становится площадкой, объединяющей тюркские народы. Однако уже после революции 1905 года у татар возникает возможность издавать периодическую печать на родном языке.

Стоит отметить, что среди татарского населения был достаточно высок уровень образованности, что стало причиной быстрого развития книгопечатания и типографического дела. Татарские газеты и журналы, издаваемые в межреволюционный период 1905–1917 гг., в свою очередь, способствовали формированию у населения широких политико-идеологических границ от реакционно-клерикальных до революционно-радикальных.

Татарскую периодическую печать рассматриваемого периода следует классифицировать по трем критериям: хронологическому, идеологическому и географическому. В хронологическом плане, зарождение татарской периодической печати начала XX века охватывает

межреволюционный период 1905–1917 гг. По разнообразию представленного материала и предложенных читателю мнений, газеты и журналы рассматриваемого периода превосходили татарскую прессу советской эпохи. Однако, большинство органов татарской периодической печати издавались на протяжении лишь короткого промежутка времени, а затем безвозвратно исчезали или возникали снова под другими названиями. Так, из многочисленных татарских газет и журналов, вышедших после 1905 года и которые в той или иной степени можно было отнести к либеральным, к концу 1911 года сохранились лишь «Йолдыз» («Звезда», Казань), «Вақыт» («Время», Оренбург), «Шура» («Совет», Оренбург) и «Идел» («Волга», Астрахань).

В идеологическом плане татарскую периодическую печать начала XX века можно разделить на сторонников кадимизма и джадидизма. Наиболее консервативным журналом кадимистского толка можно назвать «Дин вә мәғыйшәт» («Религия и жизнь», Оренбург), издававшийся муллой Вали Хусаиновым и придерживавшийся откровенно клерикальных позиций. На противоположном идеологическом полюсе существовала еженедельная газета джадидистского толка «Әл-ислах» («Реформа», Казань), которая выходила под эгидой комитета шакирдов Казани и выступала за реформу мусульманской школы.

В географическом плане издание татароязычных газет и журналов наблюдается не только в Казани, но и в Оренбурге, Уфе, Петербурге и других городах России. Всего же в 1905–1917 гг. на территории России издается более 120 газет и журналов на татарском языке [Әмирханов, 1997, б. 266]. Такие газеты, как «Нур» («Луч» С.-Петербург), «Вақыт» («Время», Оренбург), «Йолдыз» («Звезда», Казань), «Кояш» («Солнце», Казань), «Ил» («Страна», С.-Петербург), за короткий период времени завоевывают огромную популярность среди населения.

Как известно, первым татароязычным периодическим изданием является газета «Нур» («Луч»), издававшаяся в 1905–1914 гг. в Санкт-Петербурге. Первой татарской газетой, изданной в Казани стала «Казан мөхбире» («Казанский вестник»). Данная либеральная газета начала издаваться 29 октября 1905 года. Ее издателем был адвокат Саидгарей Алкин, один из основателей партии татарской буржуазии «Мөселман иттифагы» («Союз мусульман»). Несколько месяцев спустя начала издаваться вторая казанская газета «Йолдыз» («Звезда»), а 1 февраля 1906 года – газета «Азат» («Свободный»), в которой сотруд-

начали выдающиеся деятели татарской культуры Галиаскар Камал и Гафур Кулахметов. В Петербурге в 1906 году начала издаваться газета «Өлфәт» («Единство») под редакцией Рашида Ибрагимова. В 1913 года в Петербурге начала издаваться третья татарская газета города – «Ил» («Страна»). В 1914 году эта газета переехала в Москву, где с 1915 года начала выходить ещё одна газета – «Сүз» («Слово»), позже переименованная в «Безнең юл» («Наш путь»). В Оренбурге с января 1908 года выходил литературный журнал «Шура» («Совет»), издателем которого был золотопрмышленник и известный татарский поэт Закир Рамиев (Дэрдменд). Там же, в 1907 году, начала выходить социал-демократическая газета «Урал», издателем которой был большевик Хусаин Ямашев. Кроме того, следует назвать такие газеты и журналы, издававшиеся в рассматриваемый период в разных городах России, как «Фикер» («Мысль», Уральск), «Борһане тәрәккый» («Доказательство прогресса», Астрахань), «Дус» («Друг», Уфа), «Мәғариф» («Просвещение», Самара), «Акмулла» (Троицк) и т.д.

В начале прошлого столетия, во время активного роста национального самосознания у татар, именно периодическая печать определяется в качестве незаменимого средства донесения информации до народных масс и орудия формирования общественного мнения. Процессы, возникающие в общественно-политической жизни страны, в определенной степени формируются и регулируются именно посредством органов периодической печати и в результате влияют на формирование языковых норм.

В таких условиях, наряду с языком художественных произведений, язык газеты становится платформой, наиболее точно отражающей ситуацию, сложившуюся на лингвистическом уровне. Так, язык текстов татароязычных арабографических органов периодической печати, созданных в межреволюционный период 1905–1917 гг., все еще отличается наличием определенного количества традиционных общетюркских лексико-грамматических языковых элементов, осложняется огузским компонентом, вошедшим в употребление через османско-турецкое посредство, характеризуется наличием арабо-персидской лексики, но уже активно пополняется формами татарского народно-разговорного языка и русскоязычной лексикой.

При исследовании языковых характеристик периодических изданий нельзя не учитывать и влияние различных экстралингвистических факторов. Наиболее значимыми из них являются тип периоди-

ческого издания, географическое расположение населенного пункта, где публиковалось периодическое издание, хронологические рамки его издания, издатели и редакторский состав, их идеологические взгляды, цели и задачи, темы публикуемых текстов и т.д.

Объектом исследования данной монографии являются тексты газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», а предметом исследования – их морфологическая специфика. Среди татарских газет, издававшихся в межреволюционный период 1905–1917 гг., мы остановили свой выбор именно на указанных органах периодической печати по нескольким объективным причинам. Тексты данных газет прежде не являлись предметом специальных научных исследований. Кроме того, вышеназванные газеты издавались на протяжении длительного отрезка времени в период с 1905 по 1917 гг., а именно, не менее пяти лет, что дало нам возможность работать с богатым фактическим материалом. Также исследованные нами материалы относятся к газетам, издававшимся в разных точках России, что не могло не повлиять на идеологический и политический, а следовательно и на лингвистический характер их содержания. Помимо этого, при выборе объекта исследования нами было учтено, что именно Казань, Оренбург и Астрахань начала XX века являлись одними из наиболее ключевых городов на карте России в плане формирования национального самосознания и развития национальной периодической печати и издательской деятельности среди татар.

Литературная и политическая тюркская мусульманская газета «Борхане таракки», выходявшая два раза в неделю, издавалась в 1906–1911 гг. в Астрахани, ее издателями были Мустафа Лутфи Исмагилов-Ширванский и Закир Ходжаев. «Борхане таракки» является первым официальным органом татарской периодической печати в Астраханской губернии. Как известно, Астрахань рассматриваемого периода – это уникальная территория, где связи с туркестанскими мусульманами и представителями Турции были налажены лучше, чем в какой-либо другой точке России. При этом, просветительское движение мусульман Астраханской губернии была связана с издательской и педагогической деятельностью Исмаила Гаспринского, который, как известно, выпускал в Бахчисарае газету «Тарджеман» [Курмансеитова, 2008, с. 36]. Все эти факторы повлияли и на формирование особого лексико-грамматического стиля газеты «Борхане таракки».

Ежедневная политическая и литературная газета «Вақыт», издававшаяся в Оренбурге в период с 1906 по 1918 гг. братьями Мухаммедшакиром и Мухаммедзакиром Рамиевыми, является первым официальным органом татарской периодической печати, издававшимся в этом городе, а также по праву считается одной из наиболее долговечных газет рассматриваемого периода. Редактором газеты был писатель, педагог-просветитель и журналист Фатих Карими. Между тем, в начале прошлого века Оренбургская губерния являлась одним из крупнейших очагов развития татарской культуры: здесь действовали сотни мечетей и медресе, издавались национальные газеты, работал татарский театр.

Ежедневная прогрессивная татарская газета «Кояш», не следующая программе ни одной партии, издавалась в 1912–1918 гг. в Казани. Редактором и издателем газеты был Закария Садретдинов. В своей работе мы, несомненно, должны были обратиться к газете, издававшейся в Казани, которая в начале XX века стала духовным, национальным и религиозным центром татарского народа.

Материалом для исследования послужили 2040 проанализированных фрагментов текстов, выявленных в более чем 250 номерах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш».

Стоит отметить, что результаты данной монографии позволят воссоздать универсальную картину морфологической системы арабиграфической татароязычной периодической печати начала XX века. Именно через сравнение языка трех вышеназванных органов периодической печати существует возможность проследить и выявить лингвистическую вариативность языка татарской газеты как модели татарского литературного языка рассматриваемого периода.

ГЛАВА I

СПЕЦИФИКА ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Как известно, современный татарский литературный язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. В его основе лежит фонетическая система и лексический состав среднего диалекта. В то же время морфологическая структура литературного языка характеризуется наличием грамматических элементов, являющихся базовыми для западного диалекта [Совр. тат. лит. яз., 1969, с. 6], что наиболее наглядно прослеживается при изучении языка письменных памятников в диахронии.

Между тем, в современном татарском литературном языке также зафиксировано функционирование и элементов, характерных для огузских языков. Главным образом данный факт объясняется историческими контактами предков представителей западного диалекта с огузскими и уйгурскими племенами. В целом, активное употребление огузских элементов обнаруживается на протяжении всего этапа функционирования старотатарского литературного языка. Они присутствуют и в поэме Кул Гали «Кыйсса-и Йосыф» (XIII в.), и в произведениях, относящихся к периоду Золотой Орды (XIV–XV вв.) – «Хосрау и Ширин» Кутба, «Сказания о пророках» Рабгузи, «Гулистан» Сейфа Сарай, а также в произведениях Мухамедьяра (XVI в.), Мавля Кольи (XVII в.), У. Имяни (XVIII в.), А. Каргалый (XIX в.), Г. Кандалий (XIX в.) [Негматулло, 1983, с. 156].

Для татарского литературного языка начала XX вв. также характерно параллельное использование морфологических форм, относящихся к языкам как кыпчакской, так и огузской группы тюркских языков. При этом, основу составляют кыпчакские лексико-грамматические элементы. Говоря о грамматических формах, характерных

для огузских языков, следует ссылаться не только на традиционные общетюркские элементы, но следует также обозначить и влияние османско-турецкого языка. Так, начиная с XVII века наблюдается активное проникновение огузских элементов в старотатарский литературный язык, которое было обусловлено активизацией дипломатических и культурно-экономических отношений Поволжья с Турцией и Ираном [Хисамова, 1999, с. 35]. Далее в XIX веке с активизацией среди татар идеи просветительства, которая проникала в Поволжье, главным образом, из Османской империи за счет обучения татарской молодежи в ее учебных заведениях и распространения османско-турецкой литературы, османско-турецкое влияние усиливается еще больше.

В начале XX века на фоне небывалого подъема национального самосознания народов России, возникшего вследствие известных общественно-политических изменений, охвативших страну, влияние Османского государства и его языка на самосознание, образ жизни и непосредственно язык татар было как никогда сильным. Учитывая, что со второй половины XVIII века старотатарский литературный язык начинает испытывать влияние и чагатайской литературной традиции [Хисамова, 1999, с. 36], в результате которой он обогащается арабскими и персидскими заимствованиями, к середине XIX века классический старотатарский литературный язык предстает в виде смешанного языка, вобравшего в себя элементы арабского, персидского, чагатайского и османско-турецкого языков [Хаков, 1972, с. 13].

Характеризуя старописьменный литературный язык, Г. Ибрагимов говорил следующее: «Под влиянием чагатайской и османской литературы выросла и существовала древняя татарская литература, которая заимствовала не только содержание, но и жанры, стиль и термины. В результате у нас образовался такой пестрый тюркский язык, который был наполовину чагатайским и османским» [Ист. тат. лит. яз., 2003, с. 16]. Как и любой процесс, имеющий место в природе, процесс языкового развития также не протекает в одночасье, для видоизменения того или иного языка иногда требуется несколько сотен лет. Татарская периодическая печать зарождается на фоне бурно развивающихся общественно-политических и языковых процессов. В начале XX века активность традиционных общетюркских и арабо-персидских лексико-грамматических элементов в старотатарском литературном языке постепенно ослабевает. Язык газеты,

являясь гибкой основой, отражающей все языковые процессы рассматриваемого периода, был способен наиболее точно отразить в себе все функционирующие языковые элементы как на лексическом, так и на грамматическом уровнях.

Как известно, именными являются самостоятельные и изменяемые части речи, которые с точки зрения синтаксической роли служат членами предложения. В современном татарском литературном языке именными частями речи являются имя существительное, имя прилагательное, имя числительное и местоимение. Все перечисленные части речи активно функционировали и в старотатарском литературном языке рассматриваемого периода, в частности они обнаруживаются в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш». При этом, как показал фактический материал, функционирование имен существительных дает наибольшую возможность наглядно продемонстрировать ту вариативность, которая имела место в старотатарском литературном языке начала XX века.

1.1. Имя существительное

Имя существительное – это самостоятельная часть речи, выражающая общекатегориальное значение предметности. Существительные могут обозначать конкретные предметы окружающей действительности, лица и живых существ, их совокупности, действия и состояния в отвлечении от их производителей, признаки и количества в отвлечении от их носителей и т. д. [Сопоставительная грамматика..., 2017, с. 9].

Имя существительное, как и глагол, будучи составной частью частеречной системы языка татарской газеты начала XX века, в лексическом плане и по разнообразию своих грамматических категорий является наиболее развитой частью речи. В вопросе изучения имени существительного в разное время существовало множество подходов. Так, в грамматиках первой половины XIX века, а также рубежа XIX–XX вв., написанных, соответственно, на русском и татарском языках, имя существительное, как и имена прилагательные и числительные, рассматриваются в качестве составной части системы разрядов имен [Татар грамматикасы, 2016, б. 27]. В этих грамматиках при научной разработке частей речи упор делался на семантический принцип. Только в грамматиках середины XX века при изучении частей речи

татарского языка ученые берут за основу лексико-грамматический принцип, когда имя существительное изучается в плане грамматических категорий.

На грамматическом уровне имена существительные, встречающиеся в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», как и в современном татарском литературном языке, характеризуются категориями падежа, принадлежности, числа и сказуемости, которые выражаются различными грамматическими формами. В зависимости от жанровой принадлежности конкретного текста может варьироваться и активность употребления тех или иных морфологических форм в рамках грамматических категорий имен существительных.

Категория числа

Категория числа указывает на единичность или на неопределенное множество предметов, следовательно, имеет форму единственного и множественного числа. В языке татарской газеты начала XX века имена существительные различаются по числам, что влияет на их значение и форму.

Единственное число, как и в современном татарском литературном языке, не имеет морфологического показателя – существительное выступает в нулевой форме и обычно указывает на единичность предмета. При передаче единственного числа, как правило, изменений в морфологическом отношении не наблюдается: *Nižni Vadinskida jerle qaznaçejstvanıy mödire qazna aqçasıny israf itdegändän üzene üze suğa batıyıp ütergän* («Б.т.», 1906, № 33, «Казначы үзен үзе үтергән», заметка) «В Нижнем Вадинске руководитель местного казначейства из-за растраты казенных денег утопил сам себя»; *Bu mädräsü üzeneñ dinle, mili ruxly... imam möğalimlär xäzerläü mäslägene möqadäs totadyr* («В.», 1914, № 1538, «Троицкида “Мәдрәсә Рәсулия” идарәсеннән», письмо) «Данное медресе твердо придерживается своей деятельности по подготовке открытых к религии и нации... имамов и учителей»; *Bu iğlanny jazıyb elgäc Biktımerneñ xäle beraz jaxşyrdy...* («К.», 1913, № 259, «Биктимер ачуланды», фельетон) «После публикации этого объявления, положение Биктимера чуть улучшилось...».

Как видно из примеров, во всех газетах, единственное число имен существительных выражается исключительно без использования каких-либо специальных формантов. Единственное число имен существительных в языке татарской газеты начала XX века, как и

в современном татарском литературном языке, обозначает единичность предметов (*mödir* ‘руководитель’, *iĝlan* ‘объявление’, *mädräsä* ‘медресе’ и т.д.) и неделимость явлений или вещей (*su* ‘вода’, *dönja* ‘мир’, *tormuŝ* ‘жизнь’ и т.д.).

Между тем, среди текстов, опубликованных в газетах «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» встречается и аналитический способ выражения единственного числа имен существительных, который также характерен и для современного татарского литературного языка [Тат. грам., 1997, с. 41]. В данном случае в паре с именем существительным в единственном числе активно используется числительное *ber* ‘один’, а основа существительного также не имеет каких-либо формальных грамматических изменений: *Şunuñ öçen härkem alyb ber märtübä uqyrğa tijeşder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынғы болгарлар», рецензия) ‘Поэтому каждый должен один раз взять и прочесть’; *Awyl ni qadär fäqyjr bulsa da ber mäktäb asrarğa, ber möğalim totarğa хällәrendән kilä* («В.», 1909, № 536, «Идарәдән», комментарий) ‘Какой бы не была бедной деревня, ей по силам иметь одну школу и одного учителя’; *Bezneñ awылда да şundyj ber malaj bar ide. Bez any “Kärlä” dib jöri torğan idek* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән нишләтте!!», фельетон) ‘В нашей деревне тоже был такой парень. Мы звали его «Кэрлэ»’.

Множественное число имен существительных в языке рассматриваемых нами газет выражается несколькими способами. Если при выражении единственного числа каких-либо формальных изменений в структуре слова не происходит, то при выражении множественного числа при помощи морфологического способа основа слова принимает аффикс *-lar/-lär*, который, вместе с его фонетическими вариантами, является наиболее распространенной формой множественного числа в древних и современных тюркских языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 18]: *Ber danä xäjätneñ mäjdangä çyğuwı öçen maşinalarğa, xäreflärgä һәм başqa närsälärgä 30 meñ rublä aqça kiräk* («Б.т.», 1906, № 30, «Газеталарадан», обзор периодической печати) ‘Для того, чтобы был издан один экземпляр газеты «Хэят», на машины, буквы и другие предметы требуется 30 тысяч рублей’; *20 nçe januарда Fiadosija qalasyna berençe partija xacilar ilä Ruski obşestvanıy Tsaritsa paraxody kilde* («В.», 1909, № 426, «Хажиларның кайтуы», заметка) ‘20 января в Феодосию с первой партией поломников прибыл пароход «Царица», принадлежащий Русскому Обществу’; *Şähär bankasynyñ*

idarä äğzalary šähär upravasyna ğariza bireb üzlärenä wazyjfa art-dyryluyn sorağanlar («К.», 1910, № 883, «Казан хэбэрлэре», заметка) ‘Члены правления городского банка, написав заявление в городскую управу, попросили о расширении своих полномочий’.

В старотатарском литературном языке рассматриваемого периода, как и в современном татарском литературном языке, при выражении множественного числа имен существительных также используется аффикс *-лар/-ләр*. Однако в отличие от языка исследуемых газет, в современном татарском литературном языке к основам, оканчивающимся на носовой согласный звук добавляется вариант аффикса *-нар/-нәр* [Татар грамматикасы, 2016, б. 34]. Данный вариант аффикса не характерен для текстов газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», где основы оканчивающиеся на носовой согласный также принимают аффикс *-лар/-ләр*: *1500 dän artyq wäkil bar. Möselmanlar 40-50 keşedän ğyjbarät ide...* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәжлесендә», корреспонденция) ‘Присутствовало более 1500 делегатов. Из них мусульмане составляли 40-50 человек...’; *Kön buju jağmur jauğan könlär dä küb bula. Igenlär dä kötelmäğän räweşdä jaxşyrdylar...* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендә игеннәр хәле», корреспонденция) ‘Бывает много дней, когда дождь идет целый день. Нежданно воспряли и хлеба...’.

Употребление двухвариантного аффикса для выражения значения множественности предметов, характерного для огузских языков, в числе и для османско-турецкого языка рассматриваемого периода [Кононов, 1956, с. 67], который имел определенное влияние на функционирование старотатарского литературного языка, является свидетельством сохранения традиционных языковых форм в языке татарской газеты начала XX века. Между тем, использование двухвариантного аффикса для выражения множественности имен существительных обнаруживается в текстах тюркско-татарских письменных памятников на протяжении всего периода развития стротатарского литературного языка, начиная с периода Волжской Булгарии и заканчивая первой четвертью XX века, когда в татарском литературном языке для выражения множественности имен существительных начинает употребляться четырехвариантный аффикс множественности *-лар/-ләр, -нар/-нәр* [Татар әдәби теле..., 2017, б. 45, 114, 196, 249, 191].

Используемый в языке газет аффикс *-lar/-lär* в семантическом отношении может иметь разные значения. В случаях, когда имена существительные обозначают родовое понятие, множественное число обозначает членимое множество неопределенного количества предметов или явлений: *...bu soraularğa cawab birä almağanlyqyma aсuym kileb, üzemneñ dürt ajaqly canwarlardan ajyrmam faqat keşe kijeme kijeneb jörüdän genä gyjbarät idegene añlab haman iske tormyşqa doşmanlana ğyna bara idem...* («Б.т.», 1906, № 51, «Уткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘...от того, что я не мог ответить на эти вопросы я злился на себя, начинал думать, что отличаюсь от четырехногих животных лишь тем, что ношу человеческую одежду, я все больше становился врагом своей прошлой жизни...’.

В текстах газет встречаются имена существительные, обычно использующиеся в единственном числе, которые принимая аффикс множественного числа, обозначают собирательность, тем самым усиливая свои свойства: *Bazarğa aşlyqlar jaxşy kilä. Ike öç meñ jök bulğalağan könlär bula* («В.», 1909, № 433, «Оренбургта ашлык базары. 17 нче февральда», статистические данные) ‘Поток зерна на базар хороший. Бывают дни, когда привозят по 2-3 тысячи’.

Также при помощи аффикса множественного числа имена существительные могут обозначать приблизительность количества предметов, лиц, фактов или явлений: *Min jide sikez jäşlär dä bulğanmyn – änkäjem ülde. Ätkäy aңardan biş jyl elek ülgän. Anyñ ülgänlegen xäterli almyjm* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Мне было семь-восемь лет – умерла моя мама. Папа умер за пять лет до этого. Папу я не помню’.

Как и в современном татарском литературном языке, аналитический способ выражения множественного числа имен существительных, функционирующих в языке газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», происходит при помощи количественных числительных или наречий *küb* ‘много’, *bik küb* ‘очень много’, *berniçä* ‘несколько’, *berniqadär* ‘некоторое количество’. При этом основа слова не принимает аффикса множественного числа: *Fraksija jasau mäsläsenä küb xedmät häm waqyt saryf itärgä tuğry kilde...* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмөв берлә утырышу», интервью) ‘Работа по формированию фракции потребовала много сил и времени...’; *Min bondaj möğalimlärgä häm anlarnyñ tabanlaryny calauçy möridlärenä... berniçä süz söjlämäk cäsarät ittem* («Б.т.», 1906, № 33, «Мөгаллимләргә хитаб»,

статья) ‘Я решил сказать несколько слов... в адрес таких учителей и их подлизывающихся учеников’.

Одним из вариантов выражения значения множественности имен существительных, функционирующих в текстах исследуемых нами газет и образованных аналитическим путем, также, как и в случае с единственным числом, является употребление в паре с существительным имени числительного *ber* ‘один’ и таких слов, как, *törkem* ‘группа’, *fırqa* ‘команда, группа’, *möddät* ‘период, промежуток времени’ и т.д.: *Cyjylyşdan çyqğan ber fırqa xalyq Kerenskijny wä Avksentjevny täbrik itdelär.* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәжлесендә», корреспонденция) ‘Группа людей, вышедшая с собрания, поздравляла Керенского и Авксентьева’; *Risaläneñ asly ber möddät waqyt Qazan šähärendä tormyş Edwart isemle ingliz äsärendän alynyb rusça jazylmyş wä andan da törkiçägä tärcemä idelmeşder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынғы болгарлар», рецензия) ‘Текст данного трактата был взят из произведения англичанина по имени Эдвард, некоторое время назад жившего в Казани, оформлен на русском языке и переведен на татарский язык’.

Между тем, в языке текстов исследуемых газет наблюдается и морфолого-аналитический способ выражения значения множественности имен существительных, не характерный для современного татарского литературного языка. При данном способе, помимо использования наречий *küb*, *bik küb*, *berniçä*, *berniqadär*, также наблюдается присоединение к основе слова аффикса множественности *-lar/-lär*: *Xäzerendä šikläneb küb keşelärne arestavajt itkänlär* («Б.т.», 1907, № 79, «Бомба ташлау», заметка) ‘В настоящий момент, опасаясь, арестовали многих людей’; *Berniçä vasytalar arqyly ütkändän soñ nihajät 13 nçe nojabrdä xärbijä ministrynyñ möšavire Fuad Paşa xozuryña kerdem. Min kergändä any köteb toruçy afitserlar gäjät küb ide...* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре. III», очерк) ‘После того, как я побывал у нескольких посредников, 13 ноября я, наконец-то, оказался в расположении у Фуада Паши – советника министра обороны. Когда я зашел, то увидел большое количество офицеров, ожидающих его...’.

В отличие от современного татарского литературного языка, морфолого-аналитический способ выражения множественности, характерный для текстов исследуемых нами газет, регулярно используется, например, в турецком литературном языке, где указывает

одновременно на множественность и на тот факт, что все элементы, составляющие данное множество наделены определенными индивидуальными признаками [Кононов, 1941, с. 41]. Следовательно, в данном случае уместно говорить и о наличии в языке татарской газеты начала XX века определенного влияния османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода.

Категория принадлежности

Как известно, в тюркских языках, в том числе и в татарском языке, значение принадлежности предмета к какому-либо лицу выражается при помощи специальных аффиксов. Следует отметить, что факты наличия аффиксов принадлежности в тюркских языках обнаруживаются еще в древности. Так, первый случай их использования можно обнаружить во фразе на хуннском языке, сохранившейся в китайской летописи IV века [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 23].

Ведущим грамматическим значением данной категории является выражение принадлежности чего-либо или кого-либо к лицу, обозначенное специальными грамматическими формами. Такой способ выражения категории принадлежности также характерен для текстов газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш». Так же как и в современном татарском литературном языке, в текстах газет, данная категория представлена формами трех лиц в единственном и множественном числах.

В приведенной ниже таблице указываются аффиксы, используемые в исследуемых нами газетах для обозначения категории принадлежности имен существительных относительно лица и числа:

Формы принадлежности	Единственное число	Множественное число
I л.	<i>-m, -ym/-em</i>	<i>-myz/-mez, -ymyz/-emez -byz/-bez, -ybyz/-ebez</i>
II л.	<i>-η, -yη/-eη</i>	<i>-ηyz/-ηez, -yηyz/-eηez</i>
III л.	<i>-sy/-se, -y/-e</i>	<i>-lary/-läre</i>

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» категория принадлежности, как и в современном татарском литературном языке [Тат. грам., 1997, с. 32–33] и во многих тюркских языках [Сравнит.-

истор. грам., 1988, с. 23], имеет три способа выражения: синтетический, аналитический и аналитико-синтетический, причем наиболее часто используемым является синтетический способ. При синтетическом способе с помощью специальных аффиксов, исторически восходящих к личным местоимениям, указывается и на предмет обладания, и на лицо обладателя. Следовательно, для передачи значения принадлежности не требуется наличие притяжательных местоимений.

Первое лицо единственного числа синтетического способа в текстах газеты выражается при помощи аффиксов *-m*, *-ym/-em*, использование которых зависит от того, к какой основе они добавляются. Если основа слова оканчивается на гласный звук, то при выражении принадлежности оно принимает аффикс *-m*, если на согласный звук или звуки [u] и [ü] – в зависимости от мягкости или твердости основы слова, используются аффиксы *-ym/-em*. В том случае, если основа имен существительных имеет показатель множественности в виде аффикса *-lar/-lär*, то для выражения принадлежности, в зависимости от мягкости или твердости основы, используется аффикс *-ym/-em*: *Äj qärdäslär tuğanlarym bezgä bit küb säjlär kiräk...* («Б.т.», 1907, «Безгә ни кирәк», № 116, художественное повествование) ‘Эх, друзья мои, мои родные, нам же столько всего нужно...’; *Möxtäräm möxärir! Oşbu üteneçeme gazetaŋyzyñy ber jerenä darç qylmaqyzyzy insanijat namyna ütänämen* («В.», 1912, № 921, «Идарәгә мәктүпләр», письмо) ‘Уважаемый редактор! Во имя человечества прошу вас опубликовать мою данную просьбу в каком-нибудь месте вашей газеты’; *Möxtäräm möxärir äfände! Oşbu mäktübemne “Qojaş” gazetasynda basuŋyzyzy ütänäm* («К.», 1913, № 148, «Идарәгә мәктүпләр», письмо) ‘Уважаемый господин редактор! Прошу вас опубликовать мое письмо в газете «Кояш»’.

Следует отметить, что выражение грамматического значения принадлежности предмета или лица к первому лицу при помощи вышеуказанных вариантов аффикса *-m* характерно для современного татарского литературного языка. В то же время эти аффиксы являются основным показателем лица литературных произведений конца XIX и начала XX вв. [Бәширова, 2008, б. 26].

Первое лицо множественного числа, в отличие от современного татарского литературного языка, выражается при помощи аффиксов *-myz/-mez*, *-ymyz/-emez*, что является традицией литературного языка разных эпох. В текстах газеты, в зависимости от мягкости или твер-

дости основы, аффиксы *-myz/-mez* прибавляются к основам, заканчивающимся на гласные звуки, а *-ymyz/-emez* – на согласные звуки или звуки [u] и [ü]. После аффиксов множественности *-lar/-lär* всегда используется вариант *-ymyz/-emez*: ***Gazetalarymyzy satuçy xörmätle wäkilläremezdän ütenämez här çisla başynda satylmyş gazetalaryny aqçalaryny göndärmäklärene*** («Б.т.», 1906, № 54, «Ихтар», объявление) ‘Просим уважаемых продавцов наших газет в начале каждого месяца отправлять деньги от проданных газет’; ***Möxtäräm Xösäjen Tälğät bäk şuşy mönäsäbät belän “Jañy iqdam” räfiqymyзда “Qadynlarda sängät” isemendä ozyn ber mäqalä jazdy*** («В», 1915, № 1793, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘В связи с этим, уважаемый Хусаин Талгат бек опубликовал большую статью под названием «Искусство у женщин» в дружественной нам газете «Яңы икьдам»’; ***Gazetamyzyny kiçäge nomerynda Törkijä šäjah älislamynyñ Xarcijä näzaräte arqyly xökümätemezgä möräcäğät itüen... jazğan idek*** («К.», 1914, № 427, «Зәбех мәсәләсе», статья) ‘Во вчерашнем номере нашей газеты мы писали об обращении шейх-уль-ислама Турции к нашему правительству через Министерство иностранных дел’.

Как отмечает исследователь татарского литературного языка И.Б. Баширова, вышеуказанные варианты аффикса принадлежности первого лица множественного числа активно употребляются в произведениях классиков татарской литературы К. Насыри, М. Акмуллы, З. Бигиева, Г. Исхакий, Ф. Амирхана, Г. Тукая и др. [Баширова, 2008, б. 27–32]. Начиная со второй четверти XX века, когда в литературный язык начинает проникать разговорный вариант этого грамматического показателя *-byz/-bez*, *-ybyz/-ebez*, характерный для современного татарского литературного языка, некоторые авторы начинают употреблять вышеприведенные варианты уже как стилистический прием. В настоящее время аффиксы *-myz/-mez*, *-ymyz/-emez* являются характерной особенностью огузской группы тюркских языков, таких как туркменский, турецкий, азербайджанский и т.д. [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 28, 41], а также зафиксированы в грамматической системе ряда говоров диалектов татарского языка, в частности, астраханского говора среднего диалекта [Тат. хал. сөйл., 1 кит., 397 б.].

Между тем, в газете «Кояш», в отличие от газет «Борхане таракки» и «Вақыт», хотя и редко, обнаруживается выражение категории принадлежности первого лица множественного числа при помощи

грамматического показателя *-byz/-bez*, *-ybyz/-ebez*, характерного для современного татарского литературного языка: *Ämä bez nindi partijanyñ wäkile, qayda bezneñ programmabyz?* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Эхтэмов берлэ ултырышу») ‘Но мы представители какой партии, где наша программа?’

Следует отметить, что текст приведенного примера является отрывком из интервью. Как известно, данный аналитический жанр характеризуется наличием в текстах лексико-стилистических и грамматических категорий, характерных для разговорной речи. При этом, как мы подчеркивали выше, в начале XX века употребление аффикса принадлежности *-byz/-bez*, *-ybyz/-ebez* в письменных текстах носит ограниченный характер и воспринимается как элемент устной речи, создающий в письменном тексте функционально-стилистическую вариативность.

Второе лицо единственного числа обозначается при помощи аффиксов *-η*, *-yη/-eη*, в зависимости от мягкости и твердости основы, от того на гласный или согласный звук она оканчивается или от того имеется ли в слове аффикс множественного числа: *Ni öçen qorylğan cämğyjütläreñ ber dä eñ kürsätmi bälki köndän kön zäğyjflänä?* («Б.т.», 1907, № 75, «Татар углына хитаб», статья) ‘Почему организованные тобой общества не дают результатов, а наоборот, день за днем все разваливаются?’; *Xäsrät ilä ağardy bit qara saçyñ, / sineñ qajda irkäläüçe qara qaşyñ?* («В.», 1918, № 333, «Хэсрэт вакытында», художественное повествование) ‘Из-за печали поседели твои черные волосы, / Где твои ласкающие черные брови?’; *Jaxşy ismeñ mange qaldy küñlemezdä jadlanyb* («К.», 1914, № 377, «Нинди көн бу?»), художественное повествование) ‘Твое доблестное имя навечно в наших сердцах’.

Стоит отметить, что в современном татарском литературном языке для выражения значения принадлежности второго лица единственного числа также используются аффиксы *-ң*, *-ың/-ең* [Тат. грам., 1997, с. 32].

Как известно, **второе лицо множественного числа** в современном татарском литературном языке выражается при помощи аффиксов *-гыз/-gez*, *-ыгыз/-егез* [Тат. грам., 1997, с. 32]. Однако, как это было характерно для преобладающего большинства художественных и публицистических произведений конца XIX – начала XX вв. [Бәширова, 2008, б. 26-28], второе лицо множественного числа в текстах исследуемых нами газет выражается при помощи огузских аффиксов

-һуз/-һез, -уһуз/-еһез, что является традицией старотатарского литературного языка: *Ütenämen – miña iltifat itmäskä, läkin bar iltifatıyğuzny Keller äfändejä saryf idäreseğez* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Умоляю – не обращайтесь на меня внимания, но все ваше внимание направьте на товарища Келлера!’; *Öjläreğezgü aldyru öčen bik muafäq. Üzemez ilteb dä birämez* («В.», 1912, № 1045, «“Казан” гостиницасында кымыз», объявление) ‘Очень удобно для заказа на дом. Сами же и привозим’; *Marqalaryğuz tabşuryldy. Gazetalar ebäreler. Xäbäreğez basylyrlyq bulmady...* («К.», 1917, № 1064, «Идарэдән жаваплар», комментарий) ‘Марки сданы. Газеты будут отправлены. Новости не годны к публикации...’.

В диахроническом плане такая же вариативность при выражении категории принадлежности имен существительных второго лица множественного числа является нормой и для некоторых тюркских языков огузской группы. Так, исторически и в турецком языке в четырехвариантной схеме вместо *-һуз* и т.д. также использовался вариант *-һуз* и т.д. [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 28].

Третье лицо единственного числа, как и в современном татарском литературном языке, выражается при помощи аффиксов *-sy/-se*, *-y/-e*: *Borhan täräkij idaräxanäsändü Istanbuldağy Täfäjez kitap-xanäseneğ ber şöğbüse ularaq kitablar satylmaqdadyr* («Б.т.», 1906, № 57, «Тэфэйез китапханэсе», объявление) ‘В управлении «Борхане таракки», которое является отделом стамбульской библиотеки Тафаййез, в продаже имеются книги’; *Cömhürijät raise ant itde mämläkätdä demokratlyq ruxyn saqlarğa...* («В.», 1906, № 57, «Кытай вакыйгалары», обозрение) ‘В управлении «Борхане таракки», которое является отделом стамбульской библиотеки Тафаййез, в продаже имеются книги’; *Andrijanovy magazinında un dürtençe oktäbrdän başlab zur deşofka başlandy* («К.», 1913, № 259, «Зур распродажа», объявление) ‘В магазине «Андрияновы» начиная с четырнадцатого октября началась большая распродажа’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет обозначается при помощи аффикса *-lary/-läre*: *Ikmäk kümäç peşertüçe İbrahim xaci Kuramşin malajlarny bik artyq cäberlägänlegendän xezmütçeläre artyq çudyj almajynça zabastavajt itkänlär* («Б.т.», 1907, № 81, «Хажитархан хэбэрлэре», заметка) ‘Из-за того, что владелец пекарни Ибрагим хаджи Курамшин чересчур притеснял своих ребят, они, не стерпев, объявили забастовку’; *Pariž – silax müzakäräsənä bara torğan Qaratağ*

wäkilläre monda tuqtab Xarcija ministry Puankare ilä küreşdelär («В.», 1912, № 1078, «Хэрби хэбэрлэр», заметка) ‘Париж – направляющиеся на переговоры по вооружению представители Черногории, остановившись здесь, встретились с министром иностранных дел Пуанкаре’; *Soñyndan analary ike arağa kereb süğyşyrğa, nihajät atyşyrğa başlağanlar* («К.», 1914, № 303, «Дахили хэбэрлэр», заметка) ‘Позднее их матери вступили в драку, и наконец, начали стрелять’.

Как видно из примеров, в текстах исследуемых нами газет функционирует обозначение категории принадлежности имен существительных в третьем лице при помощи сочетания существительного в основном, а иногда – притяжательном падеже и существительного с аффиксом принадлежности третьего лица. При этом образуется изафетное словосочетание третьего типа: *Xäzergäçä xökümät wäkilläre «möselmanlar iñ sädaqatle ber millät» dijärgä jarata idelär bit!* («Б.т.», 1911, № 139, «Г. Думаның 26 февраль жыельшында Садри эфэнде Максудов нотыгы», отчет) ‘Ведь до настоящего времени представители власти любили повторять, что «мусульмане – самая дружелюбная нация»!’; *Ufa gubernatory Bogdanovič, daxilijä nazyjre Pleve wä Biek knäz Sergej häm başqa zur keşelär jäşeren politsijagä mäğlüm iteleb üterelgänlär* («В.», 1909, № 433, «Азеф мәсьәләсе», статья) ‘Губернатор Уфы Богданович, министр внутренних дел Плеве и Великий князь Сергей, а также другие высокопоставленные личности были убиты при содействии с тайной полицией’; *Şähäremezgä 8 nçe martda mäşhür qart pedagoglarymyzdan Ismäğyjl bäk Gasprinskij cänabläre kilgän ide* («К.», 1913, № 73, «Мәскәүдә Гаспринский жәнәбләр», корреспонденция) ‘8 марта наш город посетил один из наших пожилых педагогов Исмаил-бек Гаспринский’.

Одновременно с синтетическим способом для передачи значения принадлежности имен существительных в текстах статей газеты используется аналитико-синтетический способ. При данном способе употребляется конструкция из личного местоимения в форме притяжательного падежа с существительным, имеющим аффикс принадлежности соответствующего лица. Например: *Sezläreñ şimdilek o küçük çocuqlaryñyz kiläçäk ber zamanda göstärdegeñez tärbijäläreñez säjäsendä... ğalim ulsynlar* («Б.т.», 1906, № 30, «Ханымлара хитаб», статья) ‘Пусть ваши пока еще маленькие дети с помощью вашего воспитания в будущем... станут учеными’; *Qarçyğym miña härwaqyt: sineñ küñeleñ jaxşy, di* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы»,

художественное повествование) ‘Моя старушка всегда говорит мне: у тебя чистое сердце’; *Аның башына бәлә килгән waqytlarda şul бәлә belән bez дә көçтездән килгән дәрәсәдә көрәсгә buryçlymyz* («К.», 1914, № 485, «Бергәме, айрымы?»), статья) ‘Во времена, когда на его долю приходит беда, мы тоже обязаны бороться с этой бедой, по мере своих сил’.

Реже всего в текстах газет для передачи значения принадлежности имен существительных употребляется аналитический способ, который имеет ограниченное применение и наблюдается лишь в первых двух лицах. В данном случае объект обладания входит в синтаксическую связь с личными местоимениями в притяжательном падеже, но сам не принимает аффикса принадлежности: *Başqa millätlärgä qarağanda bezem islam milläte küb artда qalğanlyғы мәğlүmder* («Б.т.», 1906, № 28, «Яңа мөхәррирдән», статья) ‘Известно, что по сравнению с другими народами, наш мусульманский народ намного более отсталый’; *Bezney uquçylarğa da şundaj mosaxäbälär küb näqyl qylyna* («В.», 1909, № 513, «Мосахәбә (юлдан)», интервью) ‘Для наших читателей также много переводятся беседы такого рода’; *Quçqyra kemder: juq, bu minem ülgän kön* («К.», 1914, № 377, «Нинди көн бу?»), художественное повествование) ‘Кричит кто-то: нет, это мой день смерти’.

Как видно из примеров, если при синтетическом способе передачи значения принадлежности имен существительных османско-турецкое влияние на язык исследуемых нами газет выражается в аффиксах (-myz/-mez, -ymyz/-emez, -nyz/-ñez, -ynyz/-eñez), то при аналитико-синтетическом и аналитическом способах данное влияние проявляется в использовании притяжательных местоимений, характерных для огузских языков (*bezem* ‘наш’, *sezläreñ* ‘ваш’, *bänem* ‘мой’ и т.д.), которые в большей степени характерны для газеты «Борхане таракки».

Категория падежа

Категория падежа, выражая отношение имени к другим словам в предложении, считается одним из наиболее значимых морфологических признаков имен существительных. Следует понимать, что система склонения в тюркских языках складывалась на протяжении многих столетий. Основой такого становления послужили различные тенденции, восходящие к разным хронологическим отрезкам: к ран-

нему периоду пратюркского языка, к позднему периоду пратюркского языка и к периоду обособления самостоятельных групп тюркских языков и диалектов [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 28].

Как известно, в тюркских языках каждый падеж обладает богатым полисемантическим содержанием, однако форма с наиболее общим грамматическим значением является титульной для конкретного падежа и подчиняет себе остальные возможные значения. В тюркских языках, существует единый для множественного и единственного числа тип склонения, в то же время число падежей, а также их функционально-семантическое наполнение в разных языках могут быть разными. Так, общетюркская парадигма склонения разными авторами определяется в составе шести либо восьми падежей [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 35]. Относительно количества падежей в татарском литературном языке, учеными также выдвигались разные теории, согласно которым их количество составляло от шести и более, тогда как в современном татарском литературном языке традиционно выделяется шестипадежная система, состоящая из основного, притяжательного, направительного, винительного, исходного и местно-временного падежей [Татар грамматикасы, 2016, б. 47].

В данной работе исследование категории падежа имен существительных, как одной из составляющих грамматического строя языка татарской газеты начала XX века нами ведется основываясь именно на традиционной шестипадежной системе, в которой, соответственно, выделяются шесть падежных форм. Между тем, одной из наиболее значимых характерных особенностей имен существительных, встречающихся в языке газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», является использование смешанного типа склонения, где присутствуют аффиксы, характерные как для кыпчакских (татарский, башкирский, караимский, карачаево-балкарский, кумыкский, казахский, каракалпакский, ногайский, киргизский языки и т.д.), так и для огузских (турецкий, азербайджанский, гагаузский, туркменский языки, южный диалект крымско-татарского и т.д.) языков. Падежные аффиксы, характерные для кыпчакских языков, начинаются с согласного звука, а в огузских языках аффиксы могут состоять только из гласного звука или начинаться на гласный. К примеру, в современном турецком литературном языке при склонении имен существительных в притяжательном падеже используются аффиксы *-in/-in/-un/-ün, -nin/-nin/-nun/-nün*, при выражении значения направительного падежа

применяются аффиксы *-a/-e*, *-ya/-ye*, а в винительном падеже добавляются аффиксы *-i/-i/-u/-ü*, *-yi/-yi/-yu/-yü* [Кононов, 1941, с. 57-58]. В тех же случаях в современном татарском литературном языке, соответственно, при склонении имен существительных в притяжательном падеже используются аффиксы *-ның/-нең*, в направительном падеже без значения принадлежности – аффиксы *-га/-гә*, *-ка/-кә*, в винительном падеже добавляются аффиксы *-ны/-не* [Татар грамматикасы, 2016, б. 47].

В приведенной ниже таблице указаны падежные аффиксы имен существительных, функционирующие в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш».

Падежи	Аффиксы
Основной	—
Притяжательный	<i>-ның/-нең</i> , <i>-уң/-ең</i>
Направительный	<i>-ğa/-gä</i> , <i>-qa/-kä</i> , <i>-a/-ä</i> , <i>-ja/-jä</i>
Винительный	<i>-ny/-ne</i> , <i>-y/-e</i> , <i>-jy/-je</i>
Исходный	<i>-dan/-dän</i>
Местно-временной	<i>-da/-dä</i>

Падежные аффиксы несколько видоизменяются при склонении существительных с аффиксами принадлежности:

Падежи	Аффиксы: первое лицо, второе лицо	Аффиксы: третье лицо
Основной	—	—
Притяжательный	<i>-ның/-нең</i> , <i>-уң/-ең</i>	<i>-ның/-нең</i>
Направительный	<i>-ğa/-gä</i> , <i>-qa/-kä</i> , <i>-a/-ä</i> ,	<i>-na/-nä</i>
Винительный	<i>-ny/-ne</i> , <i>-y/-e</i>	<i>-n</i> , <i>-ny/-ne</i>
Исходный	<i>-dan/-dän</i>	<i>-ndan/-ndän</i>
Местно-временной	<i>-da/-dä</i>	<i>-nda/-ndä</i>

Основной падеж. Как и в современных тюркских языках, в частности в татарском литературном языке, в текстах статей данный падеж не имеет специального формального показателя и представляет собой ту именную основу, от которой образуются все падежные

формы. Как правило, в текстах исследуемых нами газет основной падеж обозначает субъект действия или прямой объект: *Gubernator qala başlyğyndan gorodskoj upravanyň 1900 nçe jylnyň xisabyny Dumada qaralu öçen tizräk birerägä sorağan* («Б.т.», 1906, № 29, «Хажитархан хэбэрлэре», заметка) ‘Губернатор попросил мэра города поспешить со сдачей отчета городского управления за 1900 год для рассмотрения в Думе’; *Bu hafta Awstrija ilä Serbija arasynda suğyş başlanuny köteb uzdy... xodağa şöker soň kilgän telegramlar beraz tynyçlyq birälär* («В.», 1909, № 433, «Сугыш ихтималы», обозрение) ‘Уходящая неделя прошла в ожидании начала войны между Австрией и Сербией... Спасибо Всевышнему, последние полученные телеграммы вселяют немного спокойствия’; *Pan islamizm jäñni ğomum möselmanlar berlege itifaqu bik matur fiker* («К.», 1917, № 1122, «Нэжиб эфэнде Хэлфин доклады», отчет) ‘Панисламиз, то есть союз всех мусульман – очень красивая мысль’.

Редко в текстах исследуемых газет встречаются примеры, где основной падеж употребляется в сочетании с существительным без притяжательно аффикса, в результате чего образуется изафетная конструкция I типа. В данном случае имена существительные в основном падеже обозначают количественные или качественные характеристики предмета или явления, профессию или материал, из которого сделан предмет: *...ämä bezneň bjurokratijä haman da xaqiyqät xälğä iltifat itmäjençä... xalyqnyň inde any küräse kilmägänlegene aňlab jetkerä almyj* («Б.т.», 1906, № 28, «Хажитархан сентябрь 24», статья) ‘...но наша бюрократия все еще не обращая внимания на реальное положение дел... не может осознать народную ненависть’; *Gosudarstvennyj banq 400 milion sumlyq kăğyd aqça çyğaryrğa bulğan* («В.», 1914, № 1598, «Сугыш вэ акча», статья) ‘Государственный банк принял решение изготовить бумажные деньги в размере 400 миллионов рублей’; *Adäm balalarynyň bere artyndan bere dönjağa kileb kitüläre ağym sunyň hiç tuqtausyz aqdyğy kebider* («В.», 1915, № 1804, «Вақыф һәм васыят намэлэрэбез», статья) ‘Бесконечная цепь приходящих в этот мир и уходящих в мир иной – словно течение реки’.

Притяжательный падеж выражает принадлежность предмета или явления другому предмету или явлению, а также разные степени связей и отношений. В отличие от основного падежа идея принадлежности здесь является конкретной и ясной. В преобладающем большинстве случаев в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» притяжа-

тельный падеж оформляется с помощью аффикса *-нуш/-ней*, который также характерен и для современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 50]: *Deputat Syrtlanovny üterüçe Syrtlanovnyy qajyn ağasy mirza Daud Şajexğalijev idege tämam añlaşyldy* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залыннан)», репортаж) ‘Стало окончательно ясно, что убийцей депутата Сыртланова является его шурина мирза Даут Шейхалиев’; *Alfabä tärtime bujynça komitetnyy äğzalary bolar...* («К.», 1906, № 37, «Казан сәүдәгәр вә һөнәрмәндләр назәрәнә», объявление) ‘Список членов комитета в алфавитном порядке следующий...’.

Данный вариант оформления притяжательного падежа можно обнаружить и в текстах газеты «Борхане таракки»: *Bezney Ästerxan tatarlarynyy bu säğatlärdä bigräk dä alğa kitkäne bezney Ästerxan şähärendä ber genä kön qunaq bulğan mosafirlarğa... bik mäğlimder* («Б.т.», 1906, № 37, «Бумы исламият? Бумы инсаният?», статья) ‘Сегодняшний прогресс наших астраханских татар... бросается в глаза и тем, кто гостит в нашей Астрахани первый день’.

Как видно из вышеприведенных примеров, притяжательный падеж часто используется в сочетании с категорией принадлежности, где имя существительное в притяжательном падеже является определением имени существительного с аффиксом принадлежности, в результате чего образуется изафетная конструкция III типа (*Syrtlanovnyy qajyn ağasy* ‘шурин Сыртланова’, *komitetnyy äğzalary* ‘члены комитета’ и т.д.).

Наряду с характерным для современного татарского литературного языка аффиксом *-нуш/-ней*, в некоторых текстах газеты «Кояш» при оформлении притяжательного падежа имен существительных используется аффикс *-уш/-еш*, свойственный для огузо-турецкого варианта старотатарского литературного языка конца XIX – начала XX вв.: *Bu mäcles jalnyz mäktäb wä müdräsäläreñ islahy mäsiläse müzakäräse wä jäki program tärtib idelmäse öçen wäli cänabläreney röxsätilä japylymyş ber mäclesder* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәжлесе», отчет) ‘Данное собрание – это собрание, проведенное с разрешения господина вали только для обсуждения вопросов реформирования школ и медресе либо упорядочения их программ’.

Между тем, регулярное употребление имен существительных с аффиксом *-уш/-еш* для обозначения притяжательных и определитель-

ных отношений является одной из характерных особенностей, отличающих язык газеты «Борхане таракки» от языка газет «Вақыт» и «Кояш»: *Iranıyü ämer malijäsene islax öçen Ameriqadan maxsus mämur kitereläçäge äwäldä jazylmyş ide* («Б.т.», 1911, № 145, «Иран хэвадисе», заметка) ‘Ранее было написано, что для реформы министерства финансов Ирана из Америки придут специалисты’; *Rumiledä ğosmanlylaryy hiç ber waqyt räxätlek kürmädekläre häp Bolğarstan arqasındadyr* («Б.т.», 1911, № 145, «Румиле – Болгарстан», статья) ‘Османцы никогда не видели спокойствия в Румелии только из-за Болгарии’.

В настоящее время вышеуказанный тип оформления притяжательного падежа характерен для тюркских языков огузской группы, таких как азербайджанский, туркменский, турецкий, гагаузский [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 48]. Кроме того, аффикс *-uŋ/-eŋ* обнаруживается в тюрко-татарских текстах письменных памятников периода Волжской Булгарии [Татар эдәби теле..., 2017, б. 53] и в некоторых художественных произведениях, оформленных на старотатарском литературном языке конца XIX – начала XX вв. [Бәширова, 2008, б. 58–63].

Направительный падеж обозначает направление предмета к кому-либо или чему-либо. Данный падеж в текстах газет, как правило, оформляется с помощью аффиксов *-ğa/-gä*, *-qa/-kä*, которые также характерны и для современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 50]: *Pravitelstva qartajsa da üzeneŋ törle räxät tormyşyndän ajrylasy kilmäjenčä az bulsa datoryb qalyjm diheb xalyqqa üzgärülär wäğdä iteb veksel birde* («Б.т.», 1906, № 33, «Хажитархан октябрь 11», статья) ‘Несмотря на то, что правительство уже постарело, оно, не желая лишаться сытой жизни, с целью хоть немного продлить ее, раздало вексель, обещая народу перемены’; *Törkijäneŋ Qaratağdağy ilçese Röstäm bäk Qaratağ xökümätenä ultimatumny üzlegendän birgän bulğanlyqdan urynyndan çyğarylaçaq häm başqa jergü täğajen dä idelmäsder* («В.», 1912, № 1015, «Оренбург август 2», корреспонденция) ‘Посол Турции в Черногории Рустам бек будет отстранен от должности и не будет назначен на другое место по причине того, что по личной инициативе поставил ультиматум правительству Черногории’; *Şunlyqdan xökümätkä zapros birü tügel, ä tijeşle çaralarğa kereşkanlege öçen aña baş ijärgä kiräk* («К.», 1913, № 53, «Дәүләт думасы», отчет) ‘Поэтому, ему нужно кланяться не

потому, что он отправил запрос в правительство, а из-за того, что он спохватился за соответствующие меры’.

Направительный падеж у имен существительных с аффиксом принадлежности первого и второго лица единственного числа оформляется при помощи аффикса *-a/-ä*: *Keller äfände minem kyjüfätemü kersen häm vagonnyj berenče klasyna utyrsyn...* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Пусть товарищ Келлер войдет в мое положение и сядет в первый класс вагона!’; *Niček Ğajd köne buldy isä minem bala çağym xosusän bala çağymdağy ber bilgele waqyjğa isemü töšä* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Если настает Гае, я тут же вспоминаю свое детство, в частности, какое-нибудь знаменательное событие из детства’.

В случае, если в текстах газет имена существительные с аффиксом принадлежности третьего лица употребляются в направительном падеже, применяется аффикс *-na/-nä*: *Zinhar šäkerd ibdäšlärem šul xəzrätlärneñ urunsyz bädđoğalaryna qolaq virmäñez...* («Б.т.», 1906, № 31, «Ислах хакында», статья) ‘Друзья мои шакирды, пожалуйста, не обращайтесь внимания на неуместные проклятия этих хазратов...’; *Änkäñ dä üleb min bötenläje üksez qalğaç änkäñneñ enese Safi abzyj mine üz öjenü aldy...* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘После того как моя мама умерла и я стал полной сиротой, младший брат моей мамы Сафи абзый забрал меня к себе домой...’; *Ul, Tuqajda üzeneñ küñelenä jaqyn, jähüid küñelendäge ük tojğylar taba* («К.», 1914, № 377, «Жырчы малай», статья) ‘Он находит в Тукае чувства, близкие своему сердцу, либо даже свои чувства’.

В некоторых текстах газеты «Борхане таракки» зафиксировано функционирование имен существительных в направительном падеже, оформленных при помощи аффикса *-a/-ä*: *Šul keše bu könä qadär... ber karejka ulsa da iğanä aqçasy göndärdege juğdyr* («Б.т.», 1911, № 145, «Дикъкатъ кирәк», статья) ‘До сегодняшнего дня этот человек... не вложил в пожертвования ни единой копейки’.

В тех случаях, когда слово оканчивается на гласный звук, при оформлении направительного падежа вместо аффиксов *-a/-ä* в текстах газеты «Борхане таракки» используется аффикс *-ja/-jä*: *Ütenämen – miña iltifat itmäskä, läkin bar iltifatnyñny Keller äfändejä saryf idärsenöz* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Умоляю – не обращайтесь на меня внимания, но все ваше внимание направьте на товарища Келлера!’; *...düšanbe köne köndez säğät 8 dän başlab*

šuraja sujylasyz («Б.т.», 1906, № 54, «Мөһим игълан», объявление) ‘...в понедельник начиная с 8 утра собираетесь в совете’; *Berençe noterasy idarüjü kilde* («Б.т.», 1907, № 79, фельетон) ‘Первый номер поступил в управление’.

Употребление данного варианта аффикса направительного падежа в газетах «Вақыт» и «Кояш» носит ограниченный характер. Также он не характерен и для современного татарского литературного языка, где используется лишь с существительными с аффиксом принадлежности первого и второго лица единственного числа [Тат. грам., 1997, с. 50]. Следует отметить, что аффикс *-a/-ä* характерен для ряда тюркских языков огузской группы, а именно для современного азербайджанского, туркменского, турецкого и гагаузского языков [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 51], а также зафиксирован в грамматической системе говоров татарского языка, в частности, астраханского говора среднего диалекта [Тат. хал. сөйл., 1 кит., 397 б.]. Между тем, употребление аффикса *-a/-ä* при оформлении направительного падежа имен существительных характерно и для произведений некоторых классиков татарской литературы рубежа XIX–XX вв., среди которых М. Акъегет, Ф. Карими, Р. Фахретдинов [Бәширова, 2008, б. 64–69].

Винительный падеж определяется как падеж прямого объекта. В отличие от основного падежа, он выражает прямой объект с оттенком определенности. В современных тюркских языках в вопросе употребления винительного и основного падежей существует четкая регламентация. Так, в зависимости от того, является ли прямое дополнение грамматически определенным или грамматически неопределенным, употребляется, соответственно, винительный и основной падежи [Тат. грам., 1997, с. 51].

Как правило, при оформлении винительного падежа у имен существительных в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» используются аффиксы *-nu/-ne*, которые характерны и для современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 52]: *Xäzerge xökümätne köçle wä bik fidaqär iteb kürsätergä тырışалар* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәжлесендә», корреспонденция) ‘Нынешнее правительство пытаются показать сильным и очень самоотверженным’; *Şul säbäble andağy süzlärne jazarğa bezneñ haqymyzda bar* («К.», 1917, № 1086, «Төркестан эшләрә», статья) ‘По этой причине, мы в праве опубликовать эти слова’.

Употребление данного аффикса характерно и для текстов газеты «Борхане таракки»: *Eš taba almaučylarnyň xisaby köndän kön arta häm şul xaqta telegraflarda bersendän berse açy bulğan xäbärlärne kiteretolarar* («Б.т.», 1906, № 39, «Ачлык – эш таба алмаучылык», статья) ‘Число безработных растёт каждый день, об этом на телеграфы поступают все новые и новые неутешительные подробности’.

Однако характерной особенностью текстов газеты «Борхане таракки» является параллельное употребление аффиксов винительного падежа, характерных для тюркских языков как кыпчакской, так и огузской группы. Так, в текстах данной газеты регулярно обнаруживаются имена существительные в винительном падеже, оформленные при помощи аффиксов *-y/-e*, характерных для огузских языков, а именно для некоторых языков юго-западной группы (туркменский, азербайджанский, кумыкский, гагаузский и турецкий языки) и частично для якутского [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 52]: *Däftäre qajtarmady* («Б.т.», 1911, № 145, «Дикъкат вэ сакынмак кирэк», обзор периодической печати) ‘Нашу тетрадь не вернул’; *Äğzalar sajlau säğat 11 dän başlanaçaqdyr biletlary onytmujasyňyz* («Б.т.», 1906, № 54, «Мөһим игълан», объявление) ‘Выборы начнутся в 11 часов, не забудьте свои билеты’.

Имена существительные в винительном падеже, оформленные при помощи аффиксов *-y/-e* также обнаруживаются в некоторых тюрко-татарских письменных памятниках разного периода [Татар әдәби теле..., 2017, б. 56, 125, 204, 255, 380]. В настоящее время данная форма винительного падежа сохранилась в диалектах татарского языка [Тат. грам., 1997, с. 51; Тат. хал. сөйл., 2 кит., 17, 32, 135 б.].

В преобладающем большинстве, в текстах газет «Вақыт» и «Кояш», так же как и в современном татарском литературном языке, к существительным с аффиксом принадлежности третьего лица для оформления винительного падежа добавляется аффикс *-n*: *Flot üsderü – Rusijäneñ flotyn üsderü öçen 5 jyl eçendä 502 milion rasxod totarğa röxsät sorab G. Dumağa proekt kertelgän ide* («В.», 1912, № 970, «Дахили хэбэрлэр», заметка) ‘Расширение флота – В Государственную Думу был внесен проект с просьбой разрешить расходование 502 миллионов в течение 5 лет на расширение флота России’; *Bu Dumada möselman fraksijasyn täşkil itü bajtaq awyr buldy* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмөв берлә утырышу», интервью) ‘Формирование

мусульманской фракции в нынешней Думе оказалось довольно сложным делом'.

Однако в редких случаях в текстах этих газет обнаруживаются имена существительные в винительном падеже и осложненные аффиксом принадлежности третьего лица, оформленные при помощи аффикса *-ny/-ne*, характерного для огузировавшего варианта татарского литературного языка начала XX века: *Şul säbäble janıy Törkijäneñ iñ berençe wazyjfasıy äcnäbilär mödaxaläseneñ julıny beteregä tyruşu* («В.», 1909, № 470, «Яңы Төркия вә солтаннıң тәхет хатбәсе», обозрение) 'По этой причине главной обязанностью новой Турции является попытка пресечь иностранное вмешательство'; *Doktor P.M. Krasın. Törle cäräxätlärne, qolaq, boron häm tamaq awıy-rularıny qaryj* («К.», 1914, № 512, «Доктор медицины П.М. Красин», объявление) 'Доктор П.М. Красин. Лечит разного рода повреждения, болезни уха, носа и горла'.

Между тем, в текстах газеты «Борхане таракки» использование данного варианта в именах существительных с аффиксом принадлежности третьего лица является нормой вариативности и встречается регулярно: *Dumanıy äwälge wäkile Ğarıf Badamşın cänäblärene aristavajıt itkänlär* («Б.т.», 1906, № 56, «Русия хәбәрләре», заметка) 'Арестован предыдущий член Думы, господин Гариф Бадамшин'; *Möxtäräm möštäriläremezdän adreslaryny açuq häm dörest jazmaq-laryny rica idämez* («Б.т.», 1906, № 39, «Игълан», объявление) 'Просим клиентов писать свои адреса четко и правильно'.

Исходный падеж в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», в противоположность направительному падежу, выражает точку, от которой начинается действие (в том числе точку временного отрезка), место отрыва предмета от чего-либо, а также предмет или лицо, от которого исходит или начинается движение, процесс. Данный падеж, в отличие от современного татарского литературного языка, в текстах газет оформляется исключительно с помощью аффиксов *-dan/-dän*, которые присоединяются к основам, оканчивающимся и на гласный, и на согласный звуки, причем это может быть как звонкий, так и глухой согласный:

а) после гласных: *Törmädän zalok berlän çyğaryluıny sorab Ystalypingä xäbär birelgän ide* («Б.т.», 1906, № 27, «Русия хәбәрләре», заметка) 'Столыпину была передана просьба освободить его из-под стражи под залог'; *Möselmanlar 40-50 keşedän ğyjbarät ide* («В.», 1917,

№ 2271, «Мәскәү киңәш мәжлесендә», корреспонденция) ‘Мусульмане составляли порядка 40-50 человек’; *Adesada da şuşu könlärdä Ameriqadan ajaq kijemläre köteläder* («К.», 1916, № 981, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘В Одессе в эти дни также ожидается обувь из Америки’;

б) после звонких согласных: *Islaxat täläb itü tawuşlary bez möselmanlarny da tämle tämle joqylarymyzdan ujğattıy..* («Б.т.», 1917, № 28, «Яңа мөхәррирдән», статья) ‘Голоса, требующие перемен, разбудили и нас, мусульман, от сладкого сна...’; *Moña qadär waqyflardan fajdalanylğan ikän, ul da zäğyjf ber jul belän ğomumi “zaveşçanıja” qağyjdälärenä tuğry kiterib kenä eş qylynğan* («В.», 1915, № 1804, «Вақыф һәм васыят намәләребез», статья) ‘Если даже до этого были использованы вакфы, то делалось это примитивным путем, соблюдая правила общего завещания’; *Bu säbäbdän möselman yştblarynyu da zakonlary ber bersenekenä jaxşuq başqa bulyrğa mömkin* («К.», 1906, № 1122, «Нәжиб әфәнде Хәлфин доклады», отчет) ‘По этой причине законы и мусульманских штабов могут сильно отличаться друг от друга’.

в) после глухих согласных: *Ütkän sänä raboçij xalyqdan alyb sinat çinouniklaryna qadär pravitelstvağa qarşy ber culy kütärelgäç...* («Б.т.», 1906, № 33, «Хажитархан октябрь 11», статья) ‘После того, как в прошлом году одновременно устроили забастовку все, от рабочих до чиновников сената...’; *Aqçany kübräk cyjğan öçen üzlärenä xökümüt-dän zur mökäfätlär birelä* («В.», 1916, № 1976, «Харижи хәбәрләр», заметка) ‘За сбор большей, чем положено суммы денег, им выделяются большие вознаграждения от государства’; *Bu islaxatdan maqsud Iran-nyu daxili eşlären tärtibkä qujmaq* («К.», 1910, № 656, «Иран эшләре», статья) ‘Задачей данной реформы является упорядочение внутренней политики Ирана’.

Такое оформление исходного падежа является характерной особенностью письменных памятников конца XIX – начала XX вв., оформленных на старотатарском литературном языке [Бәширова, 2008, б. 82–84]. В современном татарском литературном языке, кроме вышеуказанных аффиксов, для обозначения исходного падежа используются аффиксы *-тан/-тән, -нан/-нән* [Татар грамматикасы, 2016, б. 53].

Имена существительные с аффиксом принадлежности третьего лица в текстах рассматриваемых газет принимают аффикс

-*ndan/-ndän*, являющимся традиционной языковой формой, тогда как в современном татарском литературном языке в данном случае используется вариант аффикса *-ннан/-ннән*: *Dumadağy çlenlar partija cähätendän* uñlar sullar wä bu ikeneñ arasynda ulan kadet partijalary («Б.т.», 1907, № 79, «Яңгы дума һәм халыкның вәкилләре», статья) ‘В состав Думы, с точки зрения партийного деления, входят правые, левые и расположившиеся между ними кадеты’; *Xatyn qyzlarny irlär ilä hämä xoquqda ber tigez itü öçen Amerika wä Avrupa xatynlaryndan ber firqaneñ ictimad wä cähed qylğanlyğy mäglümder* («К.», 1912, № 987, «Оренбург июнь 13», письмо) ‘Известно, что партия, состоящая из американских и европейских женщин, усердствует и старается для того, чтобы женщин воспринимались на всех правовых уровнях наравне с мужчинами’; *Näticädä, här möselman awylyndan berär wäkil kertergä qarar birelde* («К.», 1917, № 1102, «Мөселман социалистлар комитеты», заметка) ‘В результате, было принято решение включить по одному представителю из каждой мусульманской деревни’.

Местно-временной падеж употребляется при указании местонахождения предмета или времени совершения действия. Данный падеж в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» оформляется исключительно при помощи аффикса *-da/-dä*:

а) после гласных: *Çönki dönjada jäğni gosudarstvolarda bajlarğa qarağanda ešçe häm fäqyjr xalyq kübräk* («Б.т.», 1906, № 32, «Правовой государство», статья) ‘Потому что в мире, то есть в государствах, больше рабочих и бедняков, чем богатых’; *Polšada Sidlis qalasynda açlyq buntı buldu* («В.», 1916, № 1976, «Яурупа сугышы», обозрение) ‘В Польше в городе Сидлис случился бунт из-за голода’; *Tarixqa qarağanda äwälge Jaurupada da bik artyq ğadälät, maturlyq östenä tözelgän tormyş, añar xezmät iteb kilgän mädnijät kürenmi ide...* («К.», 1918, № 1242, «Хэзерге Яурупа мәдәниятенә китешә», статья) ‘Если обратиться к истории, то и в прежней Европе не наблюдались справедливость, красивая жизнь и культура, направленная на ее обеспечение...’;

б) после звонких согласных: *Bijek totqaly qul mašinalary härber magazinlarymyzda 20 sumdan başlab satyla* («Б.т.», 1907, № 79, «Зингер ширкәте», объявление) ‘В каждом нашем магазине имеются в продаже ручные машинки с высокой ручкой, начиная от 20 рублей’; *Istanbulda çyğä torğan “Хақ” gazetasy şujlä jaza: ...* («В.», 1917, № 1102, «Төркия-Италия сугышы», объявление) ‘Газета «Хак», издающаяся в Стамбуле, пишет следующее:...’; *Üzen şul eškä iqtidarly sanağan xanym*

wä tutaşlar xäzerdänük tübändäge keşelürdä jazyla başlarğa tijeş («К.», 1917, № 1102, «Казан хэбэрлэре», объявление) ‘Женщины и девушки, считающие себя способными трудиться на данной работе, начиная с данного момента должны начать записываться у нижеприведенных людей’;

в) после глухих согласных: *Bu cämğyjütdä äğzalarnıy küplege ni qadär bulsa da...* («Б.т.», 1906, № 45, «Хажитарханда «Мэжлес Шураи Ислам» жэмгыятенең уставы», статья) ‘Каким большим бы ни было количество членов данного общества...’; *Şunıy ilä bärabär, bu mäm-lükütdä hiç kötelmäğän eşlär päk tizlek ilä mäjdangä kilüwe mömkin bulğanğa...* («В.», 1909, № 470, «Яңы Төркия вә солтанның тәхет хатбәсе», обозрение) ‘Наряду с этим, по причине того, что в данном государстве очень быстро могут произойти абсолютно неожиданные события...’; *Bez, üzebezneñ matbuğatda, bulğan ber faktıny dörest häm jaqın küreneşe belän uquçylarımıznı tanyşdıra alamız* («К.», 1917, № 1086, «Төркестан эшлэре», статья) ‘Мы, в своем издании, можем ознакомить своих читателей с правдивой и близкой составляющей реального факта’.

В отличие от текстов исследуемых газет, в современном татарском литературном языке для передачи местно-временного падежа имен существительных используется четырехвариантный аффикс *-da/-дә, -ma/-мә* [Татар грамматикасы, 2016, б. 54].

Также, как и в современном татарском литературном языке, в текстах исследуемых газет при обозначении местно-временного падежа имен существительных с аффиксом принадлежности третьего лица употребляется аффикс *-nda/-ндә*: *16 synda kiç berlän Bolğar nomerasında Josyf Aqçurin bülmäsendä cämğyjät buldy* («Б.т.», 1906, № 36, «Казан хэбэрлэре», заметка) ‘16 числа вечером в номерах «Болгар» в комнате Юсуфа Акчурина была организована встреча’; *Sanitarınyj popeçitelstvo Orenburg öjüzendü xäzergäcä 100 aşxanä açyb 12 meñ keşene aşatadyr* («В.», 1912, № 942, «Оренбург хэбэрлэре», заметка) ‘Санитарное попечительство, на данный момент открыв 100 столовых в Оренбургском уезде, кормит 12 тысяч человек’; *Dumanınyj soñğy 23 nçe häm 24 nçe fevral mücleslärendü berničä zaproslar belä bergä azyq jeteşderü mäsläsen müzakärä däwam itde* («К.», 1917, № 1086, «Дәүләт думасы», отчет) ‘На последних заседаниях Думы от 23 и 24 февраля наряду с несколькими запросами было продолжено обсуждение вопросов продовольственного производства’.

Как уже было отмечено, категория падежа имен существительных, функционирующих в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» характеризуется наличием смешанного типа склонения, где присутствуют аффиксы, характерные как для кыпчакских, так и для огузских языков. Как показывает наш анализ, в этом плане следует выделить падежную систему имен существительных, обнаруживающихся в текстах газеты «Борхане таракки». С одной стороны, это объясняется отдаленностью Астрахани, где издавалась вышеупомянутая газета, от духовного, национального и религиозного центра татар – Казани. Это, учитывая факт проживания на территории Астрахани разных тюркских народов, могло иметь влияние и на развитие языка местного татарского населения в плане склонности к употреблению традиционных общетюркских языковых форм. Кроме того, основываясь на географическую составляющую, можно говорить о возможном влиянии на язык местного татароязычного населения, а следовательно и на язык газеты «Борхане таракки», южного диалекта крымско-татарского языка, а также османско-турецкого языка через крымско-татарское посредство. Все это, наряду с наличием других грамматических и лексических особенностей, дает основание говорить о наличии благодатной почвы для функционирования огузо-турецкого варианта старотатарского письменного литературного языка конца XIX – начала XX вв., близкого к языку газеты «Гарджеман».

Категория сказуемости

В текстах исследуемых газет имена существительные, выполняющие в предложении роль сказуемого, как и остальные именные части речи, принимают аффикс сказуемости. Данные аффиксы одновременно указывают и на лицо, и на число.

Категория сказуемости имен существительных является традиционной грамматической категорией, характерной для тюркских языков. К примеру, в современном турецком литературном языке также используются традиционные для тюркских языков аффиксы сказуемости, отличающиеся от аффиксов в татарском литературном языке лишь в фонетическом плане [Кузнецов, 2000, с. 48]. Принято считать, что аффиксы сказуемости первого и второго лица в тюркских языках, восходят к личным местоимениям первого и второго лица соответствующих чисел, которые исторически употреблялись вместо функционирующих сегодня в них аффиксов сказуемости, а аффикс треть-

его лица сформировался на основе общетюркской формы *dur* (стой) [Кононов, 1941, с. 44–45].

В настоящее время в татарском литературном языке использование категории сказуемости носит ограниченный характер. Как правило, использование аффиксов сказуемости первого и второго лица заменяется личными местоимениями, а аффиксы сказуемости третьего лица почти не используются. В исключительных случаях вместо них могут быть использованы личные местоимения третьего лица [Татар грамматикасы, 2016, б. 57].

Подобно современному татарскому литературному, функционирование категории сказуемости имен существительных в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» также носит ограниченный характер. Как показывают проанализированные материалы, не все имена существительные могут принимать аффиксы сказуемости. Как правило, имена существительные получают аффикс сказуемости при условии, что в предложении дается пояснение конкретному предмету, лицу или явлению, которое выражено существительным, либо при использовании имен существительных обозначающих профессию, род занятий. При этом, в текстах исследуемых газет, в отличие от современного татарского литературного языка, наиболее активно употребляются имена существительные с аффиксом сказуемости третьего лица, что обусловлено спецификой языка газеты, где повествование ведется от третьего лица: *Mäktüb jazan Isxaq Ğabdelräxmanof nam šaxes mäxällämezneñ bajı İļjas xaci Äxtäm uĝly Ğabdelräxmanofnuñ uĝlydyr* («Б.т.», 1907, № 74, «Мәктублар», письмо) ‘Вам написал Исхак Габделрахманов – сын известного человека, бая нашего махалле, Габделрахманова Ильяса хаджи сына Ахтама’; *Šundyj xalyqlardan berse Avstrijada sanlary 7–8 milionğa jetkän čex miläteder* («К.», 1915, № 1781, «Австрияда чехлар», статья) ‘Одним из таких народов являются чехи, чья численность в Австрии достигла 7–8 миллионов’; *Bu mäcles jalhyz mäktäb wä mädräsäläreñ islaxy mäsäläse müzakäräse wä jäki program tärtib idelmäse öčen wäli cänabläreneñ röxsätilä japylmyš ber mäclesder* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Данное собрание – это собрание, проведенное с разрешения господина вали только для обсуждения вопросов реформирования школ и медресе либо упорядочения их программ’.

Вышеприведенные примеры подчеркивают соотношение категории сказуемости имен существительных с настоящим временем. В то

же время, как и в современном татарском литературном языке [Тат. грам., 1997, с. 57], рассматриваемая грамматическая категория может соотноситься как с будущим, так и с прошедшим временем. В текстах исследуемых газет были обнаружены несколько примеров употребления категории сказуемости в соотношении с прошедшим временем. В этом случае категория сказуемости имен существительных оформлено аналитическим путем – при помощи сочетания имени существительного с вспомогательным глаголом *ide* ‘был’, который принимает соответствующий аффикс лица и числа: *Ul waqyt min töbsez ber ğäläm idem* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘В ту пору я был бездонной вселенной’; *Min, kübdän wafat bulğan sul “Kärläne” sağınyb qujdım: Bičara Kärlä, sin tip ideŋ* («К.», 1913, № 50, «Зэки хэлфәң нишләтте!!», фельетон) ‘Я вспомнил того самого, давно перешедшего в мир иной, Кэрлэ. Бедный Кэрлэ, ты был типом’.

Употребление отрицательной формы сказуемости в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» также носит ограниченный характер и оформляется при помощи отрицательной частицы *tügel* ‘не, ни’: *Ul xəzer elekege sadä wä rabytsyz söjläneb tora torğan bala tügel ide* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘Сейчас он уже не был прежним, говорящим просто и бессвязно, ребенком’.

Между тем, в некоторых текстах наблюдается отказ от традиционных языковых форм в виде употребления аффиксов сказуемости. В данном случае вместо аффикса сказуемости обнаруживается применение личных местоимений: *Min möselman, sin jevrej, ul urys* («Б.т.», 1906, № 32, «Правовой государство», статья) ‘Я – мусульманин, ты – еврей, он – русский’; *Sin ij jaxşı qalble keşe* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘Ты – человек с самым хорошим сердцем’; *Ul bezneŋ soŋġy ömed* («К.», 1917, № 1155, «Сугыш мәйданында куркыныч хәлләр», корреспонденция) ‘Он – наша последняя надежда’.

Таким образом, в текстах исследуемых газет имя существительное является одной из наиболее активно используемой частью речи и обнаруживается как в текстах информационного, так и аналитического и художественно-публицистического характера. Однако, как показывают приведенные примеры, часть грамматических элементов более характерна для определенных жанров. Так, имена существительные с аффиксом принадлежности первого и

второго лица единственного числа, как правило, обнаруживаются в текстах очерков, фельетонов и текстах, относящихся к жанру художественное повествование. Все перечисленные тексты относятся к художественно-публицистическим жанрам. Также имена существительные с аффиксом принадлежности первого и второго лица единственного числа обнаруживаются в текстах открытых писем, которые относятся к аналитическим жанрам. Кроме того, имена существительные с аффиксами принадлежности второго лица множественного числа, как правило, употребляются в текстах фельетонов (художественно-публицистические жанры), а также в текстах объявлений и комментариев, относящихся к аналитическим жанрам. Данный факт объясняется тем, что в текстах перечисленных жанров повествование, как правило, ведется от первого лица.

1.2. Имя прилагательное

Имя прилагательное – это самостоятельная часть речи, выражающая общекатегориальное значение признака, качества, свойства предмета или лица. Под признаком предмета подразумевается широкий спектр качеств, свойств, отношений, характеризующих предметы или лицо [Сопоставительная грамматика..., 1983, с. 116]. Большинство имен прилагательных, функционирующих в тюркских языках, также, как и наречия, несут в себе семантику признака действия. При этом, признак действия не могут обозначать прилагательные, выражающие значение цвета, внешние физические или телесные качества, физиологические или физические состояния, социальное положение [Кононов, 1956, с. 136; Мусаев, 1964, с. 149].

Определенное внимание научной разработке имен прилагательных уделяется еще в первых грамматиках татарского языка. Так, в работах И. Гиганова (1801), М. Иванова (1842), К. Насыри (1895) и др. говорится о значении, образовании и разновидностях имен прилагательных. Позднее более глубокая разработка вопросов функционирования в татарском языке частей речи, в том числе и имен прилагательных ведется в научных трудах Дж. Валиди (1919), Г. Алпарова (1945), В.Н. Хангильдина (1959), Д.Г. Тумашевой (1964) и др.

Имена прилагательные, функционирующие в языке газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», с морфологической точки зрения не имеют каких-либо формальных показателей, которые отличали

бы их от других частей речи (*sary* ‘желтый’, *jaŋa* ‘новый’, *baj* ‘богатый’, *nadan* ‘неграмотный’ и т.д.). Однако под это утверждение не подпадают производные прилагательные. Для них характерно наличие словообразовательных аффиксов, присущих только данной части речи (*sädaqatle* ‘дружелюбный’, *jämsez* ‘некрасивый’, *üksez* ‘сиротский’ и т.д.). В то же время имена прилагательные в языке татарской газеты начала XX века являются неизменяемой частью речи, т.е. они не склоняются и не принимают аффиксов множественного числа или аффиксов принадлежности. Исключением являются качественные прилагательные, которым свойственна передача степени сравнения (*awyrraq* ‘тяжелее’, *iŋ kiräkle* ‘самый нужный’, *bik jaxşu* ‘очень хороший’ и т.д.).

В лексико-семантическом плане имена прилагательные, функционирующие в текстах исследуемых газет, можно разделить на несколько групп, наиболее часто встречающимися из которых являются следующие:

Прилагательные, обозначающие цветовой признак: *Jaz başlarynda härkemneŋ künelendän qajğylarŋy jebärä torğan, jäşel jafraqlar ilä örtelgän ağaçlary törle ränkle saçäklärne wä jäşel çirämlär ilä qyjtgä kebi tüşälmeş çirämleklärne kürmäk telär* («Б.т.», 1906, № 54, «Инсаният ялкыны», статья) ‘В начале весны все хотят наблюдать покрытые зеленой листвой деревья, отгоняющие из сердца все горести, разноцветные цветы и покрытые зеленой травкой лужайки’; *Bitlärenä qara pärdä töşergänlär* («В.», 1913, № 1131, «Истанбул мәктүпләре. 39. Хатынлар митингы», очерк) ‘На лица свисали черные шторы’; *Mondan başqa bu säjähätdä alar aq tänle eskimoslar näsle käşf itdelär* («К.», 1913, № 108, «Кәшеф ителмәгән жирләр эзләргә», статья) ‘Кроме этого, в данном путешествии они также обнаружили племя бледнолицых эскимосов’.

Прилагательные, обозначающие меру, объем, степень качества: *Pravitelstvanyŋ ozun ğomerle buluwylazem bulğan šikelle...* («Б.т.», 1906, № 47, «Вафат», статья) ‘Также как существует необходимость в продолжительной жизни правительства...’; *Bunyŋ östenä, qysqa mödätte veksellär ilä xəzinägä järdäm bireb toryrğa xökümät banqasy-nyŋ kağyd aqça çyğaru pravasy ber milliard 200 milion sum kiñäjtelgän* («В.», 1914, № 1598, «Сугыш вә акча», статья) ‘Кроме этого, вместе с помощью казне в виде краткосрочных векселей, были расширены права государственного банка в вопросе печатания бумажных денег

до одного миллиарда 200 тысяч рублей»; *Ağuly ğaz şulqadär tyğyz häm küb ide, ki ul ğaz taralmyj-nitmi tub qujylğan urymlarğa kileb jetde* («К.», 1910, № 706, «Агулы газ хақында», заметка) ‘Ядовитый газ был настолько плотным и его было настолько много, что он не рассеявшись, достиг тех мест, где установлены пушки’.

Прилагательные, обозначающие качества предметов, характер и психический склад людей: *2 nçe martdan başlab ačyq tatar telendä ajda ike märtäbä çyğa torğan rüsemle wä kölkele* «Туп» *žurnaly aluçy däftäre ačyqdyr* («Б.т.», 1907, № 89, «Игълан», объявление) ‘Открыта запись для желающих подписаться на иллюстрационный и юмористический журнал «Туп», издающийся со 2 марта два раза в неделю на чистом татарском языке’; *Saqlyj änkäy bar köče bar quäte berlän tağyn, / Häm fäläkdä irkäli kürsätmider jümsez jağyn* («В.», 1914, № 1544, «Яшь балага», художественное повествование) ‘Защищает тебя твоя мама со всей своей силой, / Ласкает в счастье, не показывая неприглядную сторону’; *Biktimer hönürle šäkert ide: ul jazu syzu belmäğän jegetlärgä “qyzlar xaty” jazyb bireb, tamağyn tujdyra ide. Biktimer sabyr jeget ide: ul üzen sükkänne, qyjnağanny da kütärä, häm üzeneñ şul syjfaty belän maqtana da ide* («К.», 1913, № 259, «Биктимер ачуланды», фельетон) ‘Биктимер был работающим шакирдом: он зарабатывал на жизнь тем, что писал девичьи письма за тех шакирдов, которые не умели этого делать. Биктимер был терпеливым парнем: он терпел даже когда его ругали, били и очень гордился этой своей чертой’.

Прилагательные, обозначающие внешние физические качества предметов, людей и животных: *Bez ničä jözläb jüş jegetlär şul keçkenä genä çolanlar eçendä qyrmysqa šikelle qajnaşyb jatamyz* («Б.т.», 1906, № 28, «Кием тегүче, бүрекче һәм читекче ибдәшләремезгә ачык хат», письмо) ‘Мы несколько сотен молодых парней словно муравьи возимся в этих маленьких чуланах’; *Bitlärendäge pärdälär bezdäge vuallär šikelle siräk wä nečkä tügel* («В.», 1913, № 1131, «Истанбул мәктүпләре. 39. Хатынлар митингы», очерк) ‘Шторы на их лицах не были редкими и тонкими, как у нас’; *Uram malajlary arasynda ajaqlary ike jağğa taba qarab tora torğan, cilkäläre häm kükräkläre beraz çyğynqyraq, qysqa bujly ber törle malajlar bula* («К.», 1913, № 50, «3эки хәлфәң нишләтте!!», фельетон) ‘Среди уличных ребят есть такой тип, со смотрящими в разные стороны ногами, с чуть торчащими плечами и небольшим ростом.’

Прилагательные, выражающие абстрактные признаки или качества: *Tatarlar üzlärenең üclären alyrğa tağy ällä ni qadär gönahсыз keşelärнең qanlaryn tügälär* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Чтобы отомстить, татары снова проливают кровь множества неповинных людей’; *Läkin ber niçä mäxälä imamy cäm-gyjädä xalyqğa, jäşläreneң bu fikeren bik jamanlab, “kitabxanä açu xäräm. Kitabxanädä törle fäxeş eşlär eşlänäçäk” dib šab notyq söjläde...* («В.», 1909, № 426, «Кыйраэтханә вә сыра мәжлесләре», заметка) ‘Однако имамы нескольких махалля на собрании перед народом очень плохо отзываясь о данной затее молодежи, выступили с пламенной речью, утверждая, что «открытие библиотеки – это харам. В ней будет процветать разврат»...’; *Ber mäşhür kupes üzeneң ystudent uğlyn saldat-dan qaldyryr öçen 305 sumğa beräüädän 2 nçe razräd biletу satyb alğan ikän* («К.», 1915, № 613, «Законнан тыш солдаттан калдырган өчен», заметка) ‘Один известный купец, для того, чтобы не отправлять своего сына-студента в армию, за 305 рублей приобрел у третьего лица билет 2-го разряда’.

В лексико-грамматическом плане имена прилагательные, функционирующие в текстах газет «Вақыт», «Борхане таракки» и «Кояш» следует разделять на два разряда – качественные и относительные. При этом, как и во многих тюркских языках, имеются определенные трудности в вопросе четкого разграничения качественных и относительных прилагательных. Это связано с тем, что некоторые, казалось бы относительные прилагательные, могут употребляться как качественные со степенями сравнения [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 184].

Качественные прилагательные обозначают признаки предмета (качество, свойство, характер и т.д.), непосредственно присущие предметам и явлениям без отношения к другим предметам и явлениям: *Orenburg okrugyndağy mäğarif mämurlary хäzer möselman mäktäblärenä 31 nçe martda mäğarif ministry tarafyndan tasdyjq qylyntyş jaңa pravilalaryn kertmäk ilän mäşgüllär* («Б.т.», 1906, № 42, «Газеталардан», заметка) ‘Работники образования Оренбургского округа сейчас заняты внедрением в мусульманские школы новых правил, утвержденных 31 марта министром образования’; *Fuad paşa qysqa bujly ber keşe ide* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘Фуад паша был человеком невысоким’; *Germanija ğaskärenең täcaweze, sovet Qyzyl Armijäseneң qaçuwу... xalyqğa zur almaşynu birde* («К.», 1918, № 1222, «Советлар белән көрәш», статья) ‘Вторжение

германских войск, отступление советской Красной Армии... дало народу большую перемену’.

Относительные прилагательные выражают признаки, приписываемые предметам, т.е. отношение одного предмета к другому по содержанию, местонахождению, принадлежности чего-либо и т. д.: *Taşkäntdä “Nadežda” qantorynyň “Uratübä”däge qantoryndağy ağenty “Urajef”ğa qorally ike adäm hocum iteb ajağyn cäräxätläb 4800 sum aqçasyn talab qaçqanlar* («В.», 1908, № 333, «Дахили хэбэрлэр», заметка) ‘В Ташкенте двое вооруженных людей сбежали, напад на агента конторы в Ура-Тюбе, относящейся к конторе «Надежда», Ураева, ранив в ногу и отняв 4800 рублей’; *Un biş köndän birle totaş hiç ber jaňğyrsyz kön bulğany juq* («К.», 1913, № 148, «Минзэлэ өязендэн», корреспонденция) ‘На протяжении пятнадцати дней подряд не было ни единого дня без дождя’; *Gazetamyznyň kiçäge nomerynda Törkijä şäjah älislamynyň Xarcijä nazaräte arqyly xökümetemezgä möräcägat itüen... jazğan idek* («К.», 1914, № 427, «Зэбех мәсәләсе», статья) ‘Во вчерашнем номере нашей газеты мы писали об обращении шейх-уль-ислама Турции к нашему правительству через Министерство иностранных дел’.

Чаще всего в рассмотренных нами текстах относительные прилагательные образуются при помощи аффиксов *-ly*, *-syz* и *-ğy*. В то же время, как можно заметить из приведенных выше примеров, аффикс *-ly*, который выражает значение обладания, также, как и аффикс *-syz*, обозначающий отсутствие, наряду с относительными прилагательными, употребляются и при образовании качественных прилагательных. Такая же картина наблюдается во многих тюркских языках. Так, в турецком языке, в зависимости от лексического значения основы слова, прилагательные на *-ly* и *-syz* могут относиться как к разряду качественных, так и относительных имен прилагательных [Кононов, 1956, б. 142]. Функционирующий в текстах рассматриваемых нами газет аффикс *-ğy*, который выражает значение времени или места, также не может восприниматься как специальный показатель относительных прилагательных, так как данный аффикс также употребляется и при оформлении синтаксических форм имен существительных, местоимений и имен числительных. В связи с этим следует отметить, что часть ученых-лингвистов в целом подвергают сомнению факт наличия в тюркских языках такой категории, как относительные прилагательные [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 151].

Кроме того, в текстах исследуемых газет обнаруживаются относительные имена прилагательные, образованные в результате употребления имен существительных в атрибутивной функции: *Başda baş ministr Kerenskij ozyn ber notyq söjläde* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәжлесендә», корреспонденция) ‘В начале с длинным докладом выступил председатель правительства Керенский’; *Soñ, xäzer Dumada barysy jede genä möselman deputat bit, şulardan qajyslary fraqsija jasauğa qarşy kildelär?* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу», интервью) ‘Ну и что же, сейчас ведь в Думе всего лишь семь депутатов мусульман, которые из них были против создания фракции?’.

Следует отметить, что безаффиксальный изафет I типа в тюркских языках считается одним из наиболее ранних и распространенных способов образования определительных словосочетаний, что косвенно может свидетельствовать об отсутствии в прошлом в тюркских языках лексико-морфологической категории относительных имен прилагательных [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 152].

Также в текстах газет можно обнаружить примеры употребления относительных прилагательных в форме, используемой в языке-источнике: *Peterburg gazetalary jazadyr ixtimal Gosudarstvennyj Dumağa wäkil sajlau ğinwar 15 ndä täğajen qylynynr diheb* («Б.т.», 1906, № 33, «Думага сайлау эше», заметка) ‘Петербургские газеты пишут, что, скорее всего, выборы членов в Государственную Думу будут определены 15 января’; *26 apreldä comğa kön kiç säğat 7 dä Gorodskoj дума zalynda Narodnyj universitet obšestvasynyñ ğomumi kiñäş cyjlyşy buldy* («В.», 1913, № 1189, «Уфа хәбәрләре», заметка) ‘В пятницу 26 апреля в 7 часов вечера в зале Городской думы прошло общее собрание общества «Народный университет»’.

Как видно, часть слов, вошедших в язык текстов газет из русского языка и употребляемые в качестве относительных прилагательных, функционируют в предложениях с сохраненным родовым окончанием, характерным для русского языка, но в искаженной (некорректной) форме.

Как и в современном татарском литературном языке, качественные прилагательные, обнаруживающиеся в текстах рассматриваемых нами газет, могут выражать разную степень признака того или иного предмета либо лица. Чаще всего в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» обнаруживаются прилагательные в исходной

форме – в **положительной степени**. Положительная степень называет качество предмета безотносительно к тем же качествам других предметов, не сравнивая данный предмет с другими по степени этого качества [Татар грамматикасы, 2016, б. 63], а также не имеет особого показателя этого значения, например: *Zur qorsaqlı bajlar arasynda “Bu jyl eščenej poty ber tijen bulyr” digän süzlär haman išetelmäktäder* («Б.т.», 1906, № 39, «Ачлык – эш таба алмаучылык», фельетон) ‘Среди упитанных богачей до сих пор слышны высказывания «В этом году пуд рабочих будет стоить одну копейку»’; *Mesken jäš jeget ečendä bulğan qajğylaruny bökläb vagonğa atlady* («В.», 1914, № 1514, «Мәңгегә калды...», художественное повествование) ‘Бедный молодой паренек, скрутив всю свою внутреннюю горесть, шагнул в вагон’; *Andrijanovy magazinynda un dürtençe oktäbrdän başlab zur deşofka başlandy* («К.», 1913, № 259, «Зур распродажа», объявление) ‘В магазине «Андрияновы» начиная с четырнадцатого октября началась большая распродажа’.

Сравнительная степень называет качество, свойственное данному предмету (или предметам) в большей мере, чем другому какому-нибудь предмету или предметам, или же в большей мере, чем сам предмет обладает, обладал или будет обладать этим качеством в других условиях или в другое время [Татар грамматикасы, 2016, б. 64]. В текстах газеты сравнительная степень, как и в современном татарском литературном языке, образуется при помощи аффиксов *-raq/-räk*: *Bu sualgä cawab birü awyrraq bulsa da bağzy adämlär xalyq nadan bulğanğa kürä dip cawab birergä batyrçylyq itälär* («Б.т.», 1906, № 32, «Газеталар ник туктыйлар», статья) ‘Несмотря на то, что на данные вопросы не так-то просто ответить, некоторые граждане, пользуясь необразованностью населения, отваживаются отвечать на них’; *Menä şuny şikelle tağyn da başqa lözümlä bulğan tädbirlär ešläneb eškä başlansa aptek däwalaryndan fajdalyraq bulğan bu qymyzyñy säüdäsenej dä şul apteklar säüdäsendän fajdalyraq bulaçağynda... hiç şöbhä juq* («В.», 1914, № 1514, «Төркиядә кымызчылык», статья) ‘Нет ни единого сомнения..., что если будут предприняты и другие такого рода необходимые меры и начнется работа в данном направлении, то продажи кумыса, который полезнее аптечных препаратов, будут намного прибыльнее чем продажа тех же аптечных препаратов’; *- Soñ menä kanikul waqytynda milätneñ bajyrağ häm anlyraq keşelären küreb söjläsmädeñezme?* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов

берлә ултырышу», интервью) ‘- Ну и что же, вот на каникулах вы не поговорили с более богатыми и разумными представителями нации?’.

Превосходная степень означает высшую меру качества или превосходство данного предмета над рядом других в отношении степени называемого качества [Татар грамматикасы, 2016, б. 64]. Рассматриваемая степень в текстах исследуемых газет имеет ограниченное распространение и не характеризуется наличием единого показателя. В текстах статей она чаще образуется при помощи частиц *ij* (самый), *bik* (очень), *artyq* (слишком, чрезмерно) и т.д. Например: *Daxiliye ministrunyñ birgän xäbäre buenča ütkän sänä eçendä zimskiy aqçalarny pamišçiklar da **bik jaxšy** tülämilär* («Б.т.», 1906, № 28, «Русия хэбэрлэре», заметка) ‘По сведениям, предоставленным Министром внутренних дел за прошлый год, и помещики не очень хорошо платили земские деньги’; *Bu köndä möselmanlarnyñ **ij kiräkle ike** närsäläre bar* («Б.т.», 1906, № 51, «Мөселманларның иң кирәкле нәрсэлэре», статья) ‘В эти дни у мусульман намечается два важных события’; *Şahidlärneñ söjläülärenä qarağanda bu doşmanlyqğa sähäb bulğan närsä dä Daud belän märxüm Syrtlanof arasynda tabiğat wä tärbijä cähätendän ber bersenä **bik xilaf** ber başqalyq idege aňlaşyldy...* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залындан)», репортаж) ‘Судя по показаниям свидетелей, прояснилось, что причиной такой вражды стало нечто иное, возникшее на почве расхождения в характерах и воспитании...’; *Törkijäneñ Xärbijä nəzaräte Istanbulnyñ Bäjazyd mäjdanynda **ğajät zur** ber dairäder* («В.», 1912, № 1077, «Иstanbul мәктүплэре», очерк) ‘Министерство обороны Турции занимает крайне большую территорию на Площади Беязыт в Стамбуле’; *Tatarlarnyñ **ij nadan, ij qysynqy** wäqytларында Törkestan üzeneñ mädräsäläre arqasynda аларныñ dinlären, milätlären wä tellären saqlab kilde* («К.», 1918, № 1206, «Олуг Төркестан», статья) ‘В те времена, когда татары были наименее образованы и наиболее притеснены, Туркестан при помощи своих медресе сохранял их религию, нацию и язык’; *Artyq janğyrly bulu sähäble, hawa salqyn bulğanlyqdan igenläär üsә almyj toralar* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән», корреспонденция) ‘По причине того, что дни чрезмерно дождливые, а погода прохладная, хлеба не могут расти’.

Особая форма превосходной степени прилагательных в рассматриваемых нами газетах образуется при помощи способа редупликации. Однако, стоит отметить, данная форма превосходной степени

в текстах периодической печати встречается крайне редко. В данном случае прилагательные в форме превосходной степени обозначают интенсивность проявляющегося признака. Например: *...här syjnyf üz xaqyn üz pravasyñ tabu öçen törle törle tädbirlär qoralar* («Б.т.», 1906, № 28, «Яңа мөхәрирдән», статья) ‘...каждая прослойка общества старается быть очень предусмотрительной, чтобы найти свои права’; *Başqa milätlärneñ räxät räxät tämle tämle gazeta uqyğanlyqlaryny küreb ax bezneñ üz telemezdä gazetalar bulsa ide digän tawyşlar berlän qolaqlar tonyb bette* («Б.т.», 1906, № 29, «Хажитархан сентябрь 24», статья) ‘Наблюдая за тем, как другие народы с удовольствием читают очень интересные газеты, начало закладывать уши от таких слов, как, «эх, вот бы и нам иметь газету на родном языке»’.

Редко в текстах исследуемых газет обнаруживаются имена прилагательные в превосходной степени, образованные при помощи особой препозитивной частицы, характерной только для данного конкретного прилагательного, либо для группы прилагательных, имеющих определенную схожесть на фонетическом уровне: *...awyzny qaplab tora torğan qar qara qalyn tujuqlar...* («Б.т.», 1906, № 29, «Бу нәрсә бу?», статья) ‘...толстые черные-пречерные усы, прикрывающие рот...’; *Häm çynlab da kapitulatsijä mäsiläläre julğa salynyñ kitär şikelle kürengän bu daqiqada suğyş başlau töreklär öçen ap açyq ber säjäsätsezlekdän başqa ber närsä bulmas ide* («К.», 1914, № 512, «Гомуми Яурупа сугышы», статья) ‘И вправду, в данную минуту, когда кажется, что вопросы капитуляции вот-вот встанут на рельсы, объявление войны стало бы для Турции самой что ни на есть настоящей аполитичностью’.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» имена прилагательные в **уменьшительной степени** не обнаруживаются. Главным образом, это связано с тем, что такие прилагательные, как правило, обозначают цветовой и вкусовой признак, а также физическое состояние предмета, что в определенной степени сужает сферу их употребления. При этом, в современном татарском литературном языке использование прилагательных в уменьшительной степени также имеет ограниченное распространение [Татар грамматикасы, 2016, б. 65], что может объясняться результатом позднего развития данной формы в тюркских языках в целом [Рассадин, 1978, б. 90].

Как видно из примеров, в целом, имена прилагательные обнаруживаются в текстах, относящихся ко всем трем жанровым группам. Однако наибольшее их присутствие наблюдается в текстах художе-

ственно-публицистического и аналитического характера. Так, имена прилагательные обнаруживаются в текстах статей, корреспонденций, а также фельетонов, очерков, и в текстах, относящихся к жанру художественное повествование. Это объясняется тем, что наиболее существенной стороной прилагательных, использованных в текстах газет, является способность передавать различные экспрессивно-стилистические оттенки. Как известно, высокий уровень оценочности и экспрессивность в первую очередь являются характерной особенностью текстов художественно-публицистического характера. Введение в текст элементов оценочности и экспрессии наблюдается и в аналитических жанрах, в частности в текстах статей, корреспонденций и рецензий. Тексты информационного характера, как правило, отличаются безоценочностью и нейтральностью текста. Однако среди них стоит выделить тексты интервью, которые отличаются своей высокой экспрессией, оценочностью, обилием языковых средств, характерных для разговорной речи, а также тексты коммерческих объявлений, где наблюдается активное использование имен прилагательных с целью повышения экспрессии и перечисления положительных свойств предлагаемого продукта или услуги.

1.3. Местоимение

Местоимение – это часть речи, характеризующаяся универсальным значением, оно не называет явления объективной действительности, а лишь указывает на них [Татар грамматикасы, 2016, б. 308]. В татарском языкознании местоимения, наряду с другими именными частями речи, рассматриваются как особая часть речи, при этом часть исследователей в качестве основной выделяют заместительную функцию местоимений [Сопоставительная грамматика..., 2017, с. 69].

Местоимения, функционирующие в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», по традиционной классификации, основанной на лексическом значении, делятся на личные, указательные, вопросительные, неопределенные, отрицательные и определительные.

К **личным местоимениям**, наиболее часто встречающимся в текстах исследуемых газет, относятся местоимения *min*, *bän* ‘я’, *sin* ‘ты’, *ul*, *o* ‘он’, *bez*, *bezlär* ‘мы’, *sez*, *sezlär* ‘вы’, *alar* ‘они’. Эти варианты местоимений характерны и для современного татарского

литературного языка. Личные местоимения соотносятся с именами существительными и характеризуются, хотя и непоследовательно и своеобразно, обладают категориями числа и падежа. Первое лицо *min*, *bez* обозначает говорящего, второе лицо *sin*, *sez* – слушающего, третье лицо *ul*, *alar* может выражать как человека, отсутствующего в момент разговора, так и одушевленные и неодушевленные предметы. Например: **Min möselman sin evrej ul urys digän ajrymlyqlar bulmyjdyr** («Б.т.», 1906, № 32, «Правовой государство», фельетон) ‘Не бывает такого деления, как я – мусульманин, ты – еврей, он – русский’; **Sez xalyq wäkile syfatyjlä bezneñ aramyzdağy xällärne belergä tijeşle bulğanlyqtan min bunlarny söjlimen...** («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталарымыздан», обзор периодической печати) ‘Я рассказываю вам это, потому что вы, будучи народным избранником должны быть в курсе наших дел...’; **Alar bu kanstitutsionna-demokratičeski partija mäjdangä çyqaç bu partijanıñ anasy bulyb barsy bergä quşyldylar...** («Б.т.», 1906, № 27, «Канститутсионна-демократически партиянıң арганизатсиясы», статья) ‘После того, как возникла эта конституционно-демократическая партия, они стали ее создателями и объединились вокруг нее...’; **Min kergändä any köteb toruçy afitserlar ğajät küb ide. Alarnıñ eşläre beteb näübät miña jetkänçe berär säğät ütte** («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре. III», очерк) ‘Когда я зашел, то увидел большое количество офицеров, ожидающих его. Пока они закончили дела и очередь дошла до меня, прошел, где-то, час’; **Äma bez asyl aqça tülägän keşelär gazetalarımyznı uqudan mäxrüm bulyb, böten vöcdanımyz mäğzüb bulyb toramyz...** («В.», 1913, № 1216, «Газета каракларына», письмо) ‘Однако мы, лица, в действительности оплатившие газеты, лишаясь их чтения, чувствуем свою совесть обманутой...’; **Ul xäzer elekege sadä wä rabytsyz söjläneb tora torğan bala tügel ide** («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘Сейчас он уже не был прежним, говорящим просто и бессвязно, ребенком’; **Başqa keşe anlamasa da, sin anlağansın Kärälä, Zäki abyjınñ gimnazija tuğrısında ni äjtergä köçängänen. Sez bit Zäki abyjın belän ber törle tiplar, sez ber bereñezne anlaşyrğa tijeşle... Sin märxüm bujın jetmälek keşelärneñ awızyna suğarğa ürelä iden... Äma Zäki abyjın sindän uzdyrdı, ul böten Qazan xalqınñ awızyna suqmaqçy buldy** («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфәң нишләтте!!», фельетон) ‘Если даже остальные не поняли, ты, Кэрлэ, понял, что пытался сказать дядя Заки о гимназии. Вы ведь с дядей Заки люди одного типа, вы должны понимать друг

друга... ты, поконыйй, тянулся дать по морде людям, до которых не доставал... однако дядя Заки переплюнул тебя, он захотел ударить всех казанцев'; *Äjje, bez jede genä deputat. Şularnuñ ikese Qafqazdan, berse Samara gubernasyndan, berse Orenburgdan, öçese Ufadan* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Эхтэмов берлә ултырышу», интервью) 'Да, нас всего лишь семь депутатов. Двое из них с Кавказа, один из Самарской губернии, один их Оренбурга, трое из Уфы'; *Alar kontr revolutsionerlar ilä bergä eşlilär, xalyq hakimijäten beteregä telilär fälän, dib sojli, eščelärneñ järdämen soryj* («К.», 1918, № 1242, «Самара фронты», репортаж) 'Он говорит, что они работают совместно с контрреволюционерами, хотят развалить народное правительство и просят помощи рабочих'.

В отличие от газет «Вақыт» и «Кояш», где активно используются варианты личных местоимений, характерных для современного татарского литературного языка, в газете «Борхане таракки» обнаруживается применение варианта личного местоимения первого и второго лица множественного числа *bezlär* 'мы' и *sezlär* 'вы', восходящего корнями к традиционным языковым формам. Следует отметить, что такие варианты личных местоимений на сегодняшний день характерны, например, для каракалпакского языка [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 210], относящегося, также, как и татарский язык, к кыпчакской группе тюркских языков. Например: *...bezgä dä bik eraqdan xörrijät kisäkläre kürenä başlağaç bezlär dä fälän bulasy idegä totyndyq* («Б.т.», 1906, № 29, «Хажитархан сентябрь 24», статья) '...как только мы заметили, что где-то очень далеко и нам тоже светит независимость, все тут же перешли на «было бы хорошо, если»'; *Sezlär isä...* («Б.т.», 1911, № 145, «Нэзер яда намаз», статья) 'А вот что касается вас...'

Как видно из вышеприведенных примеров, подавляющее большинство местоимений, использованных в статьях, являются характерными для языков кыпчакской группы. Однако в статьях с явными лексико-грамматическими признаками, присущими языкам огузской группы, опубликованных в газете «Борхане таракки», при обозначении местоимения первого лица единственного числа вместо кыпчакского варианта *min* наблюдается регулярное употребление не характерного для современного татарского литературного языка огузского варианта *bän*, который был в употреблении как в османско-турецком языке начала XX в., так и употребляется в современном турецком

литературном языке [Кононов, 1956, с. 174]: *Bän fäqir bu mullanıñ ni öçen kildegene soradım...* («Б.т.», 1907, № 75, «Тасыфлы вакыйга», статья) ‘Я спросил, с какой целью пришел этот бедный мулла...’. Между тем, принято считать, что местоимение *bän* относится к наиболее древнему пласту тюркской лексики и восходит, если не к прототюркской, то к пратюркской эпохе, однако встречается и в старотатарской литературе (до XX в.), написанной на литературном языке того времени – татарском тюрки, и в некоторых песенных куплетах [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 210; Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 202].

Между тем, вариант личного местоимения первого лица единственного числа *bän*, хотя и редко, встречается и в текстах газеты «Вакыт», оформленных в разговорном стиле, а именно, в текстах открытых писем, относящихся к аналитическим жанрам: *Bän Orenburg öjäsentä Ufa gubernasynda säjähätemdä bik küb qarjalarny wä mäktäblären küzdän kiçerdem* («В.», 1909, № 470, письмо) ‘Во время своего путешествия в Оренбургском уезде Уфимской губернии я увидел много деревень и их школы’; *Qylynğan ixtirazlarnyñ ber niçäse bänem jalğyş täfsir qylyum mäsläseder* («В.», 1909, № 470, письмо) ‘Некоторая часть совершенных противодействий является результатом моего ошибочного истолкования’.

Указательные местоимения представлены в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» при помощи таких форм, как *bu, oşbu* ‘этот’, *bunlar* ‘эти’, *tege, şul, ul* ‘тот’, *monda, bunda* ‘здесь’, *şunda, anda* ‘там’, *böjlä, şöjlä* ‘так’ и т.д. Они указывают на признаки предметов, действий, других признаков и соотносятся с именами прилагательными, наречиями и частицами. Рассмотрим примеры: *Zinhar şäkerd ibdäşlärem şul xəzrätlärneñ urynsyz bäddoğalaryna qolaq virmäñez...* («Б.т.», 1906, № 31, «Ислах хакында», статья) ‘Друзья мои, шакирды, пожалуйста, не обращайтесь внимания на неуместные проклятия этих хазратов...’; *Monlarğa hiç kemdän järdäm juq* («Б.т.», 1906, № 33, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Этим нет помощи ни от кого’; *Ber azdan tege cuan keşe tağy kilde* («Б.т.», 1906, № 45, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Некоторое время спустя тот толстый человек снова вернулся’; *Monda elek jyllardağy kebi xökümät hamanda suğyşuda wä fetnä bastyruda däwam itde* («В.», 1910, № 561, «1909 нчы елда», статья) ‘Здесь, как и в предыдущие годы, государство продолжело воевать и подавлять восстания’; *Şul uram ilä tämam şähärneñ çitenä jetde* («В.», 1910, № 640, «Юк өчен

үлде», художественное повествование) ‘Той дорогой он дошел до самой окраины города’; *Oşbu xällärendä däwam itdekläre täqdirdä bunlarny aralarynda täğtim itderü mömkinme?* («В.», 1915, № 1752, «Безнең хәлләр», статья) ‘Можно ли сравнивать их между собой в ситуации, когда они продолжают работу в таком состоянии’; *Bu qyrğyz sine qajan tabdy soñ?* («К.», 1913, № 53, «Кыз сатуга гайд», художественное повествование) ‘Откуда тебя нашел этот киргиз?’; *Bundan bitaraf дәүләtlärneñ säüdläre su asty suğuşyndan zararlıana* («К.», 1917, № 1082, «Харижи хәбәрләр», заметка) ‘Торговля самоотстроившихся от этого государств, ухудшается в связи с подводной войной’; *Anda başqordlar хақында rus zyjalylarның күbeseneñ notyğының cölasäse şundan ğyjbarät buldy* («К.», 1913, № 49, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘Содержание выступлений о башкирах большинства русской интеллигенции там включало в себя следующее’.

Вопросительные местоимения в языке газет «Борхане таракии», «Вақыт» и «Кояш» представлены корневыми словами *ni* ‘что’, *qaj* ‘который, какой’, *ket* ‘кто’ и словами, производными от них: *närsä* ‘что’, *niqadär*, *niçä* ‘сколько’, *niöçön*, *nigä* ‘почему’, *niček* ‘как’, *nindäjen* ‘какой’ и т. д.

Местоимения *ket*, *ni*, *närsä* соотносятся с именами существительными и характеризуются всеми грамматическими признаками этой части речи – категориями падежа, числа и принадлежности. Местоимение *ket* ‘кто’ используется лишь по отношению к лицу. Местоимение *qaj* ‘какой’ соотносится с прилагательными, *niqadär* ‘сколько’ – с числительными, *niček* ‘как’ – с наречиями, и, соответственно, они характеризуются признаками этих частей речи: *Niöçön uqu waqıtlarynda iske mädräsä poçmaqlarynda keşe aldarğa ügräteb jatamyz?* («Б.т.», 1906, № 31, «Ислах хакында», статья) ‘Почему это мы во время занятий в углах старых медресе обучаем жульничеству?’; *...mondan soñra nomerularymyzda eşçe xalyqğa niček prafisjanalnyj sazuzlar jasarğa kürsätü mäsiläse хақында ажры бер qysym bulynaçaqdyr* («Б.т.», 1906, № 33, «Игълан», объявление) ‘...в будущем планируем создать в номерах отдельную рубрику на тему как основать рабочим профессиональные союзы’; *Ägärdä inde tajañğan närsäse ärly birle selkenä başlasa ul waqyt vlast xalyqның teläğänen kübräk birergä totyna* («Б.т.», 1906, № 37, «Хажитархан октябрь 24», статья) ‘Если же то, на что опирается власть, расшатывается, то она начинает давать народу желаемого в большем количестве’; *Möselman arasynda uqytu*

wä mäğarif ešeneŋ nä dārəcədä idege mäśäläsenä kälenčä... («В.», 1908, № 333, «Гайсэ мирза Еникеевның нотыгы», отчет) 'Переходя к вопросу об уровне педагогической деятельности и образованности среди мусульман...'; *Bezneŋ šul iğlanymyznyŋ qajda tabšyrylgāny bezgä hānüz mäğlüm bulmady* («В.», 1908, № 333, «Гайсэ мирза Еникеевның нотыгы», письмо) 'Нам пока не стало известно куда было передано наше объявление'; *Äj möqadäs, moŋly sazım! Ujnadyŋ sin nik bik az?* («В.», 1910, № 700, «Өзелгән өмет», художественное повествование) 'Саз мой нежный и печальный, слишком мало ты звучал...' (перевод А. Ахматовой) [Тукай, 1978, с. 150]; *1613 nče jyldan 1913 nče uylğa qadär niqadär zaman ütkän, niqadär sular aqğan...* («К.», 1913, № 54, «Милләтче һәм ватанчы», статья) 'Сколько же времени прошло с 1613 по 1913 год, сколько воды утекло...'; *Ničä milionly möselman xalqynyŋ wäkülläre bulumyz syjfaty ilä, baş kamitetnyŋ tübändäge xällärgä diqat itüen sorarğa mäcbürmez dib belämez...* («К.», 1916, № 1060, «Мөселман фраксиясенен гаскәриләргә мөһләт бирү эшен карый торган баш камитетка биргән даклады», отчет) 'Пользуясь тем, что мы являемся представителями многомиллионного мусульманского народа, мы считаем, что мы вынуждены просить верховный комитет обратить внимание на следующие вопросы'; *Nindi kön bu? Nik qaraŋy? Nik qojaš çyqmyj tora? / Nigü jaqtırtmyj tatarny? Başqa jaqda jaqyra...* («К.», 1914, № 377, «Нинди көн бу?», художественное повествование) 'Что это за день? Почему темно? Почему солнце не восходит? / Почему не освещает оно татар? Светит где-то далеко...'

Неопределенные местоимения указывают на неопределенность предметов и их признаков, на неопределенность различных обстоятельств (например, времени, места, причины и т.д.), связанных с действием или состоянием. В целом, в рассматриваемых нами газетах употребление неопределенных местоимений ограничено, а образуются они, как правило, путем присоединения к вопросительным местоимениям частицы *ällä: ällä qajan* 'откуда-то', *ällä ničä* 'сколько-то', *ällä niček* 'как-то', *ällä niqadär* 'сколько-то', *ällä qajdan* 'откуда-то' и т.д. При этом частица *ällä* располагается перед местоимением и не подчиняется закону сингармонизма, поэтому и пишется раздельно. Например: *Az bulsa da čit mämläkättä uqyğan altyn küzlekleläremez dä ällä qajan kileb çyğa başlady* («Б.т.», 1906, № 29, «Хажитархан сентябрь 26», статья) 'Хоть немного начали откуда-то появляться ребята с золотыми очками, получившие образование за границей'; ...

ärmänlär tatarlarğa tatarlar ärmänlärğä höcüm iteb ällä nikädär qanlar tüqälär («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘...армяне проливают очень много крови, нападая на татар, а татары – на армян’; *...qaşlaryn ällä niçek bik qyzyqsyz räweşdä töşereb tora ide* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘...она стояла как-то очень неинтересно нахмутив брови’; *Işek aldynda ällä niçä jerdä ğaskär ügrätälär* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘Во дворе в нескольких местах обучают солдат’; *Möselmanlaryn bunlarğa çyn küjeldän мәхәбәт әjteb wä ällä niqadär ömedlär bağlab qarağanlyqlary ällä qajdan beleneb tora* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘На расстоянии бросаются в глаза признание в любви и большие надежды мусульман относительно них’.

Также в текстах обнаруживаются неопределенные местоимения, образованные от вопросительных местоимений с помощью частиц *-dyr/-der*: *Güjә miña da Ğajddä nindider söjeneç nindider şadlyq bulaçaq töslә tyjyla ide* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Казалось что и мне в Гае будет какая-то радость, какое-то веселье’; *Qyçqyra kemder hatifdän: juq jätim ülgän bu kön!* («К.», 1914, № 377, «Нинди көн бу?», художественное повествование) ‘Доносится тайный голос: «Нет, сегодня нас покинул сирота!»’.

Между тем, в исследуемых газетах, в преобладающем большинстве – в газете «Кояш», обнаруживаются неопределенные местоимения, представляющие собой непроизводное слово *fälän* ‘тот, какой-то’, а также образования иного происхождения (*berniqadär* ‘несколько’, *berniçä* ‘несколько’, *bağzy* ‘некоторый’ и т.д.): *Ul üzenej buju citmäslegenej küreneb toruyna da qaramyçä, fälün ağajnyj awyzyuna meneb töşdem äle, fälün keşenej baş түbäsen töjdem äle dib... maqtana ide* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфәң нишләтте!», фельетон) ‘Не обращая внимания на естественность нехватки роста, он хвастался..., что ударил такого-то дядьку, дал по голове тому-то’; *Watanymyznyj bik küb ğasyrlar eçendä synalyb kilgän bahadır ğaskärläre berniçä köndän inde suğyşqa хәзер хәлгә kileb jetär* («К.», 1914, № 465, «Германский парикмахер», статья) ‘Могущественные войска нашей родины, испытанные на протяжении многих столетий, уже нечер несколько дней престанут готовыми к войне’; *Andan elek min üzem дә bağzy nazymlar jazğalab mataşә idem* («К.», 1914, № 377, «Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр», статья) ‘До этого я и сам писал было некоторое коли-

чество поэтических произведений'; *Atyşu waqytynda 20 keşe üldä wä berniqadär keşe mäcrux buldy* («К.», 1917, № 1130, «Дахили хэбэрләр», заметка) 'Во время перестрелки погибло 20 человек и несколько было ранено'.

Отрицательные местоимения в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», так же как и в современном татарском литературном языке, как правило, образуются на основе вопросительных местоимений, путем присоединения к ним отрицательной частицы *hiç* 'нисколько', либо числительного *ber* 'один'. Отрицательные местоимения, образованные при помощи данных компонентов, синонимичны между собой, т.е. принципиальной разницы в использовании того или иного варианта не наблюдается. В то же время, принято считать, что местоимения, образованные при помощи частицы *hiç* более характерны для текстов, оформленных в художественном стиле, тогда как отрицательные местоимения с компонентом *ber* чаще являются признаком разговорного стиля.

В целом, как и неопределенные, отрицательные местоимения в текстах рассматриваемых нами газет обнаруживаются сравнительно реже. Рассмотрим следующие примеры: ...*şul säbäple bajlar berlän ber janğy bernärsä dä eşläp bulmyj* («Б.т.», 1906, № 28, «Кием тегүче, бүрекче һәм читекче ибдәшләремезгә ачык хат», письмо) '...поэтому один на один с баями ничего поделывать нельзя'; *Monlarğa hiçkemdän jändäm juq* («Б.т.», 1906, № 33, «Русия хэбэрләр», заметка) 'Этим нет помощи ни от кого'; *Bu eşdä möselmanlarnyñ ruslardan ajrym eş kürülären min hiçniček iteb anlyj almyjm* («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяж вә аларга ярдәм», статья) 'Я никоим образом не могу понять раздельную от русских деятельность мусульман в проработке данного вопроса'.

Между тем, в текстах газеты «Борхане таракки», в отличие от текстов газет «Вақыт» и «Кояш», регулярно обнаруживается вариант образования отрицательного местоимения, где к вопросительному местоимению одновременно присоединяются частицы *hiç* и *ber*. Данный вариант выражает категорическое отрицание: *Şulaj iteb sez Bubi mädräsäsändä dä jabyлмаqda bulğan başqalarda da watанға xäläf dijyerlek hiçbernärsä taba almazyñyz* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталарымыздан», обзор периодической печати) 'Таким образом, ни в медресе Буби, ни в каком другом закрытом медресе вы не найдете ничего, что могло бы стать полезным для родины'; *Rumiledä ğos-*

manlylaryň hiçberqačan räxätlek kürmädekläre häp Bolğarstan arqasyn-dadyr («Б.т.», 1911, № 145, «Румиле – Болгарстан», статья) ‘Османцы никогда не видели спокойствия в Румелии только из-за Болгарии’.

Вместе с тем частицы *hiç* и *ber* могут выполнять функцию отрицательного местоимения и самостоятельно: *Çönki naçar eştän hiç tuqtawsyz canly maşına şikelle xezmät itüdän bezneň jözläremez sarğajğan cilkäläremez çyqqan...* («Б.т.», 1906, № 28, «Кием тегүче, бүрекче һәм читекче ибдэшләремезгә ачык хат», письмо) ‘Потому что из-за плохой работы, от безостановочного труда, словно живая машина, у нас пожелтели лица, вывихнулись плечи...’; *Kafkazda bu qanğa bujalmağan ber ärmän awyly ber tatar mäxälläse qalmady* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘На Кавказе не осталось ни одной армянской деревни, ни одной татарской улицы, не запачканной кровью’; *Şul uq tutaşnyň any täbrik iteb tağy ber qul birgänen wä şunja isereb üzeneň hiç mönäsäbätsez şul tutaşnyň janyňa baryb tağy ber qul totqanyn söjli ide* («К.», 1914, № 377, «Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр», статья) ‘Он рассказывал, как та же девушка, поздравляя его, еще раз подала ему руку, и как он, опьянев от этого, без какой-либо причины, подошел к ней и снова взял ее за руку’; *Ul şunda Säğyjt Rämijefne şağyjrlekdä üzendän östen kürä wä any maqtarğa ber dä xurlanmyj ide* («К.», 1914, № 377, «Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр», статья) ‘Тогда он видел Сагита Рамиева в поэзии выше себя и ничуть не стеснялся хвалить его’.

Как видно, в последнем примере слово *ber*, самостоятельно выполняющее в рассматриваемом предложении функцию отрицательного местоимения, присоединено к глаголу и для усиления значения отрицания употребляется с усилительной частицей *dä*.

Кроме того, в текстах газет, хотя и редко, также как в современном турецком и татарском языках можно обнаружить самостоятельное одновременное употребление компонентов *hiç* и *ber* без вопросительного местоимения, что передает значение категорического отрицания [Кононов, 1956, с. 179; Татар грамматикасы, 2016, б. 315]: *Din eślärändä hiçber törle qysu wä ämsaly şajlär bulmasqa tijeşleder* («В.», 1909, № 486, «Хажы Мөхәммәдов нотыгы», отчет) ‘В религиозных делах не должно присутствовать никакое притеснение или прецедентные случаи’; *Xälbuki bunlarnyň hiçber ğaibläre juqdyr* («В.», 1913, № 1109, «Балканда», заметка) ‘Между тем, у них нет никакой вины’.

Определительные местоимения указывают на единичные, индивидуальные, а также обобщенные предметы и явления. В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» как правило обнаруживаются местоимения *här, härber, härkem* ‘каждый’, *bar, barlyq, barča* ‘весь, все’ и т.д.

Как видно, преобладающее большинство местоимений, функционирующих в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» – это сложные определительные местоимения, образованные путем слияния двух компонентов – местоимения персидского происхождения *här* ‘каждый’ и общетюркского или собственно татарского компонентов, обозначающих предмет, лицо, время, место и т.д.: *härkem* ‘каждый человек’, *härniqadär* ‘сколько угодно’, *härqajsy* ‘всякий, каждый’, *härtörle* ‘разный’. Часть определительных местоимений является результатом переосмысления значений предикатива *bar* ‘есть’, а также результатом образования от него таких местоимений, как *barča* ‘все, весь’, *barlyq* ‘все’ и прилагательного *böten* ‘целый’ [Татар грамматикасы, 2016, б. 316].

В текстах газеты «Борхане таракки» преобладают определительные местоимения, образованные при помощи компонента *här*, заимствованного из персидского языка. Например: *Pravavoj gasudarstvada härkem irken bulyrğa tijeş* («Б.т.», 1906, № 32, «Правовой государство», статья) ‘В правовом государстве каждый должен быть свободным’; *Borhane täräqqyj idarä xanäse härtörle iğlanlar afişkalar... matbağamyzda bastyrmaq öçen zakazajt itüçelärneñ zakazlaryny qabul itäder* – («Б.т.», 1906, № 57, объявление) ‘Управление газеты «Борхане таракки» принимает заказы от желающих напечатать в нашей типографии разные объявления, афиши...’; *Soñğy könlärdä alyñğan gazetalar härqajsy bu ikençe Dumanıñ da kwalanıyndan xäwef iteb... jazalar* («Б.т.», 1907, № 81, «Думаны куалау хакында», заметка) ‘Все газеты, полученные в последние дни, с горестью пишут о роспуске и второй Думы’.

Как показывает анализ текстов, в газетах «Вақыт» и «Кояш» одинаково активно употребляются как сложные определительные местоимения, так и местоимения образованные от компонента *bar* и прилагательного *böten*: *Härber mäxkämälärdä 1905 nçe jyllarınñ eşläre siräk tügel* («В.», 1910, № 561, «1909 нчы елда Русия», статья) ‘В каждом суде нередки дела 1905 годов’; *Uramdağy keşelärneñ baryn da üzlären üzläre kürgäzergä çyğğan axmaqlar dijeñ kenä tanij* («В.», 1910, № 640,

«Юк өчен үлде», художественное повествование) ‘Он воспринимает всех людей на улице как глупцов, вышедших показать самих себя’; *Härkemgä mäglüm, fajdalanıwıy mömkin, läkin ni säbäbdänder onıtylgan* («В.», 1910, № 1752, «Күмелгән акча», статья) ‘Всеми известно, что их использование допустимо, но по какой-то причине они позабыты’; *Böten möslimälärneñ arğanizatsijäläre berläşergä tijeş digän madä itilafsyz ütä* («К.», 1917, № 1114, «Мөслимәләр съезды», отчет) ‘Пункт, согласно которому все организации мусульманок должны объединиться, принимается единогласно’; *Bu sanğa järdämçe wä qarawılcı ğaskärlärneñ barsıy da keräder* («К.», 1916, № 1045, «Харижи хәбәрләр», заметка) ‘В это количество входят все вспомогательные и охранные войска’; *Watan buryçı här mämläkätdä iñ möqadäs ber wazyfa sanala* («К.», 1914, № 465, «Германский парикмахер», статья) ‘Долг перед родиной считается самой священной обязанностью в каждом государстве’.

Как видно из примеров, местоимения обнаруживаются в текстах, относящихся ко всем трем жанровым группам. Однако личные местоимения *min*, *bän* ‘я’, *sin* ‘ты’, как правило, используются в текстах очерков, фельетонов и в текстах, относящихся к жанру художественное повествование, которые являются составной частью художественно-публицистических жанров, а также в текстах интервью и открытых писем, относящихся к аналитическим жанрам. Данный факт объясняется тем, что для перечисленных жанров характерны повествование от первого лица, менее официальный стиль изложения и активное употребление элементов разговорной речи. При этом, вариант личного местоимения первого лица единственного числа *bän* активно употребляется лишь в текстах газеты «Борхане таракки» и реже – в текстах газеты «Вақыт», оформленных в разговорном стиле, а именно – в текстах открытых писем, авторами которых являются подписчики газеты. Также принято считать, что отрицательные местоимения, образованные при помощи частицы *hiç* более характерны для текстов, оформленных в художественном стиле, тогда как отрицательные местоимения с компонентом *ber* чаще являются признаком разговорного стиля. В текстах исследуемых газет отрицательные местоимения с компонентом *ber* активно обнаруживаются в текстах открытых писем.

1.4. Имя числительное

Как известно, имя числительное – это самостоятельная часть речи, выражающая общекатегориальное значение количества или числа. Имя числительное может называть отвлеченное число, выражать счет, обозначать количество лиц и предметов, обозначать определенную часть целого или дробные величины, обозначать совокупность количества предметов или лиц, а также выражать порядок перечисления предметов [Сопоставительная грамматика..., 2017, с. 9]. При этом, лексический пласт имен числительных, для большинства тюркских языков считается традиционным общетюркским наследием, дошедших до современности в разных фонетических вариантах [Татар лексикологиясе, 2016, б. 21, 38].

Уже в первых грамматиках татарского языка учеными-языковедами уделяется определенное внимание изучению вопросов функционирования в татарском языке имен числительных. Труды И. Гиганова (1801), И. Халфина (1809), А. Казембека (1846), А. Троянского (1860), Г. Фаизханова (1887), К. Насыри (1895), Г. Нугайбека (1911), Г. Ибрагимова (1911), Дж. Валиди (1919), Г. Алпарова (1945) и др. характеризуются как разнообразностью применяемой для обозначения имен числительных терминологии, так и разным подходом в определении лексико-семантической и морфологической составляющих рассматриваемой части речи. Более глубокое решение вопросы изучения имен числительных получили уже в научных трудах, посвященных исследованию грамматической системы современного татарского литературного языка. В определенной степени этому способствовали достижения в области тюркологии и общего языкознания.

В преобладающем большинстве случаев имена числительные в текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» обозначаются при помощи цифр. На наш взгляд, такой подход объясняется стремлением редакции к лаконичности текста, что в свою очередь повышает уровень восприятия адресатом подаваемой информации. Для их выражения используется смешанный вариант обозначения, т.е. числительные обозначаются как арабскими, так и персидскими знаками, которые несколько отличаются друг от друга. Прочтение цифр осуществляется не справа налево, как буквенный текст на арабской графике, а слева направо, что является характерной особенностью

оформления числительных в виде цифр в арабиграфическом тексте. Для обозначения цифр в газете используются следующие знаки:

Современные знаки	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Арабские знаки	•	١	٢	٣	٤	٥	٦	٧	٨	٩
Персидские знаки	•	١	٢	٣	٤	٥	٦	٧	٨	٩

Имена числительные, использованные в текстах исследуемых газет, основываясь на их морфологические признаки, можно разделить на четыре разряда: количественные, порядковые, разделительные, приблизительные, среди которых наиболее часто используются первые два разряда. Каждый из этих разрядов имеет свои грамматические особенности.

Количественные числительные, выражающие количество как признак предмета, не имеют специфических аффиксов и отвечают на вопрос ‘сколько’. Они служат основой для образования всех других разрядов числительных. В свою очередь, количественные числительные также делятся на простые и сложные. К простым относятся числительные, состоящие из одного слова с непроизводной основой, такие как названия единиц от *ber* (1) ‘один’ до *tuğuz* (9) ‘девять’, названия десятков (*un* (10) ‘десять’, *utyz* (30) ‘тридцать’, *altmyş* (60) ‘шестьдесят’ и т.д.), слова *jöz* ‘сто’, *meñ* ‘тысяча’, *milion* ‘миллион’ и *miliard* ‘миллиард’. Например: *Igen igärlek cir berlän bolylyq ikese bergä 4 disätinädän artyğraq tijäder* («Б.т.», 1906, № 51, «Русиядә никадәр жир бар?») ‘Посевные земли и луга вместе составляют более 4 десятин’; *Uzğan 10 aj eçendä Turğaj oblastenä 45 meñ 791 jaña xaxol küçeb kilgän* («В.», 1910, № 563, «Мәхмүд бай Хөсәеновның иганәсе», заметка) ‘За последние 10 месяцев в Тургайскую область переехали 45 тысяч 791 новый хохол’; *70 tijen bulyb torğan saryq tirese mulalar bәxetenä genä töсле Ğajd aldyndan ğyna sumnyñ juğary jağyna kütärelde* («К.», 1914, № 549, «Этраф хәбәрләре», заметка) ‘Овечья шкура, стоявшая 70 копеек, словно пытаюсь угодить муллам, прямо перед праздником Гаёт перевалила за рубль’;

Как показывают примеры, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» названия десятков, также, как и в современном

татарском литературном языке, воспринимаются в качестве простой лексической формы, хотя изначально являются сложными именами числительными. Об этом говорит, к примеру, наличие в их составе, основ *ike*, *alty*, *sıde*, *sıgez*, *tuğyz* и грамматических показателей *-me*, *-myş/-meş*, *-an/-än*, где аффикс *-an/-än* является фонетическим вариантом названия первого десятка *un* ‘десять’ [Татар грамматикасы, 2016, б. 71], а форманты *-me*, *-myş/-meş* также имеют отношение к названию десятка [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 179].

Сложные числительные, функционирующие в языке исследуемых текстов, представляют собой сочетание двух или более простых числительных и подразделяются на две группы, основанные на способе их сложения. Так, к сложным числительным мы относим названия круглых сотен и тысяч, а также десятков тысяч и сотен тысяч, которые образованы путем сложения названия единицы и названия сотен или тысяч (*biş jöz* (500) ‘пятьсот’, *tuğyz meñ* (9 000) ‘девять тысяч’, *jegerme meñ* (20 000) ‘двадцать тысяч’, *alty jöz meñ* (600 000) ‘шестьсот тысяч’ и т.д.), а также все составные числительные, сложенные из сочетания простых и сложных числительных первой группы (*un biş* (15) ‘пятнадцать’, *jöz utyz tuğyz* (139) ‘сто тридцать девять’, *ber meñ tuğyz jöz unber* (1911) ‘одна тысяча девятьсот одиннадцать’ и т.д.). Например: *Talanğan 37 meñ simjanuñ 159 meñ canyndan 937 keşe üterelgän 1190 cäräxätlängän* («Б.т.», 1906, № 38, «Русия хэбэрлэре», заметка) ‘Из ограбленных 37 тысяч семей всего пострадало 159 тысяч человек, из них 937 – убито, 1190 – ранено’; *Napalionnuñ hocum itäcäge äwäldän mäglüm bulsa da bezneñ tarafdan ike jyl eçendä anyñ 600 meñ ğaskärenä qarşy barlyğy 200 meñ ğaskär xäzerlände* («В.», 1912, № 1027, «Сугыш бэйрәме», художественное повествование) ‘Несмотря на то, что о нападении Наполеона было известно заранее, с нашей стороны за два года против его 600 тысяч войск было подготовлено всего 200 тысяч солдат’; *Bundan başqa Änvär Paşa 1916 nçy jylğa jäslärne çaqyrtıyça jänä 800 meñ keşe çyğara aladyr* («К.», 1915, № 699, «Төркия сугышы», заметка) ‘Кроме того, Энвер Паша, не привлекая молодежь в 1916 году, снова сможет выпустить 800 тысяч человек’.

Как видно из примеров, несмотря на то, что числительные оформляются в текстах, как правило, при помощи цифр, при оформлении сложных количественных числительных употребляется смешанный буквенно-цифровой метод. В данном случае названия единиц указываются при помощи цифр, а для указания названий тысяч использу-

ется не цифровой способ, а буквенный, а именно – компонент *meŋ* ‘тысяча’ (500 *meŋ* ‘500 тысяч’, 159 *meŋ* ‘159 тысяч’ и т.д.). Следует отметить, что тексты газеты «Борхане таракки» в этом плане отличаются тем, что в них при буквенном обозначении названий тысяч наряду с вариантом *meŋ* регулярно обнаруживается и вариант *beŋ*, который корнями восходит к позднему периоду пратюркского языка [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 177] и в чуть ином фонетическом варианте функционирует в некоторых современных тюркских языках, в частности в турецком языке [Кононов, 1956, с. 164]: *Bu qadär kotçuyğyç dähşätle waqyjğalaryny küz aldyna kiterib qujsaq beŋ märtäbä jazı meŋ märtäbä išetü dä az bulyr* – («Б.т.», 1907, № 75, фельетон) ‘Если мы представим перед глазами эти мощные душераздирающие события, то написать тысячу раз и услышать тысячу раз – и то будет мало’.

Как было отмечено выше, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», вне зависимости от разряда, буквенный метод обозначения имен числительных на письме встречается редко. При помощи букв, как правило, оформляются названия простых имен числительных, состоящих из одного слова с непроизводной основой и названия десятков, реже – названия сложных числительных: *...üzemneŋ dürt ajaqlı canwarlardan ajyrtam faqat keşe kijeme kijeneb jörüdän genä gyjbarät idegene aňlab haman iske tormuşqa doşmanlana gyna bara idem...* («Б.т.», 1906, № 51, «Уткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘...я понимал, что отличаюсь от четырехногих животных лишь тем, что ношу человеческую одежду и все больше становился врагом своей прошлой жизни’; *Min jide sikez jäşlärdä bulğannıñ – änkäjem üldä. Ätkäñ aňardan biş jyl elek ülgän* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Мне было семь-восемь лет – умерла моя мама. Папа умер за пять лет до этого’; *Un biş köndän birlä totaş hiç ber jaŋğyrsyz kön bulğany juq* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән», корреспонденция) ‘На протяжении пятнадцати дней подряд не было ни единого дня без дождя’.

Говоря о количественных числительных, функционирующих в текстах исследуемых газет, следует более подробно остановиться на слове *ber* ‘один’. В текстах татарской периодической печати начала XX века слово *ber*, как правило, употребляется в трех значениях: при передаче количественного числительного ‘один’, в качестве неопределенного артикля и в качестве особого лексико-синтаксического

показателя. Следует отметить, что похожее функционирование количественного числительного *ber*, в соответствующих фонетических вариантах, наблюдается и в других тюркских языках, в частности в современном турецком [Кононов, 1956, с. 168] и татарском литературном языках.

Употребление слова *ber* в качестве количественного числительного, которое в паре с именем существительным образует аналитический способ выражения единственного числа существительного, нами был рассмотрен выше при анализе категории числа имен существительных. Основным условием, при котором слово *ber* функционирует в текстах газет в качестве числительного является отсутствие у имени существительного грамматических показателей определенности (аффикс принадлежности, употребление с указательным местоимением и т.д.) либо вытекающего из контекста логического значения определенности (*ber märtäbä* 'один раз', *ber mäktäb* 'одна школа', *ber möğalim* 'один преподаватель', *şundyj ber malaj* 'такой один мальчик' и т.д.).

Слово *ber*, употребленное в текстах исследуемых газет в значении неопределенного артикля, в зависимости от контекста выражает и количество и неопределенность: *Xäzrätlärneñ arasyña İcady saçmäk kiräk. / Näfsanijät arzusyny Ber tarafqa atmaq kiräk...* («Б.т.», 1907, № 116, «Безгә ни кирәк?», художественное повествование) 'И распылить между хазратами Стремление к творчеству. / Чувство ненависти Нужно отбросить в сторону...'; *Şähärdäge hämä graždan bik uñajsyz ber häldä qaldy* («В.», 1917, № 2247, «Оренбургта күңелсез вакыйгалар», статья) 'Каждый гражданин города оказался в неудобном положении'; *Bu oluğ suğyş böten Jaurupada ber inqyjlab fikere tuğdyrğan şikelle, kiläse tormyşqa da üzeneñ ezlären bik nyq qaldyryr şikelle kürenä* («К.», 1910, № 613, «Нимес хатынлары», статья) 'Эта великая война, кажется так же, как породила революционную мысль во всей Европе, оставит свой неизгладимый след и на предстоящей жизни'.

Как можно наблюдать, имена существительные, использованные в приведенных примерах в паре с числительным *ber*, в семантическом плане, как правило, имеют оттенок неопределенности или обобщения, либо об этих предметах и явлениях в тексте говорится впервые. Также наши примеры показывают, что слово *ber* может находиться только лишь перед словом, которое логически и грамматически вос-

принимается как неопределенное. Как только имя существительное в результате присоединения к нему аффикса принадлежности, при употреблении с указательным местоимением и т.д., логически и грамматически приобретает определенность, слово *ber* начинает восприниматься в значении количественного числительного.

В некоторых тюркских языках, в частности в современном турецком литературном языке, существительное в основной форме, употребленное с количественным числительным *bir* также может обозначать не только одну счетную единицу данного рода предметов, но и имеет оттенок неопределенности или обобщения [Кузнецов, 2000, с. 23]. Поэтому, когда речь о чем-либо, пока неизвестном, заходит впервые и необходимо подчеркнуть, что предмет речи мыслится как единичный, прибегают к помощи числительного *bir*, которое в этом случае правильнее будет воспринимать в значении неопределенного артикля.

Употребление слова *ber* в качестве особого лексико-синтаксического показателя в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» осуществляется при условии, когда оно употребляется между определением и определяемым в определительных словосочетаниях, образованных способом примыкания: *Xäzergäcä xökümät wäkilläre «möselmanlar iñ sädaqatle ber millät» dijärgä jarata idelär bit!* («Б.т.», 1911, № 139, «Г. Думаның 26 февраль жылышында Садри эфэнде Максудов нотыгы», отчет) ‘Ведь до настоящего времени представители власти любили повторять, что «мусульмане – самая дружелюбная нация!»; *Şaxxadağy möselman eşcelär tormuşyna dair Şärif äfände Kamal qalämilä jazylmyş ğyjbrätle ber xikäjäder* («В.», 1910, № 700, объявление) ‘Поучительный рассказ о жизни рабочих-мусульман на шахте, написанный господином Шарифом Камалом’; *Watan buryçy här mämläkätdä iñ möqadäs ber wazyjfa sanala* («К.», 1914, № 465, «Германский парикмахер», статья) ‘Долг перед родиной считается самой священной обязанностью в каждом государстве’.

Как видно из примеров, в данном случае слово *ber* утрачивает свое реальное значение, грамматикализуется и служит для интонационного разграничения определения от определяемого слова, в результате чего определение приобретает повышенную степень качества.

Порядковые числительные выражают последовательность предметов, расположенных в естественном числовом порядке, и эта последовательность предметов осознается как их признак. В статьях

данная категория образуется от основы количественных числительных с помощью аффиксов *-nčy/-nče*. При этом, в сложных числительных данный аффикс присоединяется к последнему слову: *Mušskoj gimnazianuñ 5 nče klas šäkertläre berlän šul klasnuñ uči tele arasynda däğäwi çyqqan waqytda kükert šikelle qabynyrga torğan 5, 6, 7, 8 nče klas šäkertläre... zabastofka jasağanlar* («Б.т.», 1906, № 38, «Хажитархан хэбэрлэре», заметка) 'Когда между учащимися 5 класса мужской гимназии и учителем этого класса возникли взаимные претензии, учащиеся 5, 6, 7, 8 классов, готовые вспыхнуть как сера... устроили забастовку'; *1906 nčy jylğy zapasnoj larny öc kön midätendä kileb jetärgä xedmätkä čaқыryldy* («В.», 1913, № 1302, «Төрөк-юнан мөнәсәбәте», корреспонденция) 'Запасные 1906 года рождения вызваны для прибытия на службу в течении трех дней'; *"Nordlits" digän ingliz köjmäse 24 nče martda mina belän batyryldy* («К.», 1915, № 664, «Япониядә», заметка) '24 марта при помощи мины затоплено английское судно «Нордлис»'.

Также в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» обнаруживается аффикс *-unčy/-enče*, который применяется только с именами числительными, обозначенными на письме буквенным способом и оканчивающимися на согласный звук: *Berenče ijunda kič Tiflista Iran konsuly izveščik ilä qajtyğy waqyt...* – Первого июня, когда иранский консул с извозчиком возвращался домой... («Б.т.», 1907, № 116, «Русия хэбэрлэре», заметка); *8 nče ijüngä qarşy töndä öcencē mäxälä mäscideneñ jozaqlaryn watyb 4-5 danä kijez uğrağanlar* («В.», 1909, № 480, «Өтраф хэбэрлэре», заметка) 'В ночь на 8 июня, взломав замки мечети третьего махалля, украли 4-5 кошмы'; *Andrijanovu magazin-ynda un dürtenče oktäbrdän başlab zur deşofka başlandy* («К.», 1913, № 259, «Зур распродажа», объявление) 'В магазине «Андряновы» начиная с четырнадцатого октября началась большая распродажа'.

Числительные приблизительного счета обозначают примерное количество предметов. Данный разряд числительных имеет большую, по сравнению с другими разрядами, образовательную вариативность. Так, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» обнаруживаются приблизительные числительные, образованные путем сочетания двух количественных числительных: *Pravovoj gasudarstvada xalyqnuñ balalary dürt biş ellar saldat bulyb jörmäenčä bälki ber el jäki sigez aj ğyna xezmät itärgä tijeş* («Б.т.», 1906, № 32, «Правовой государство», статья) 'В правовом государстве дети людей должны

служить в армии не четыре – пять лет, а год либо восемь месяцев’; *Nimeslärneñ här ordusy jäki armijäse 10 – 14 divizijädän ğyjarät* («В.», 1915, № 1842, «Сугышның барышы», статья) ‘У немцев каждая орда либо армия состоит из 10 – 14 дивизий’; *Baqçaçu da jul bujynča ber jağğa taba kiteb, 30 – 40 adym ütä, läkin hawa bik awyr bulğanlyqdan, artyq barmyĵa, kire qajta* («К.», 1913, № 75, «Йер астындагы өй», статья) ‘Садовник направившись по одной из дорог, прошел около 30–40 шагов, однако из-за того что воздух был тяжелый, не продолжив движение, вернулся обратно’.

Кроме вышеприведенного способа, в исследуемых текстах газет, также наблюдается употребление приблизительных числительных, образованных при помощи аффикса множественности *-lar/-lär*. При этом, если числительному в предложении сопутствует нумератив, то аффикс множественности присоединяется к нему. Рассмотрим примеры: *14 nçe nojabrda säğat kiç 11 lärdü...* («Б.т.», 1906, № 44, «Хажитархан хэбэрлэре», заметка) ‘14 ноября вечером, где-то в 11 часов...’; *10 jäslärendä waqytda Simferopol gimnazijäsensä kergän* («В.», 1914, № 1598, «“Тәржеман” газетасы», обзор периодической печати) ‘В возрасте около 10 лет он поступил в Симферопольскую гимназию’; *10 – 12 majlarda salqynaja töšär, 16 – 18 lärendä jaxşı ğyna suyqlar buluwy ixtimal* («К.», 1913, № 108, «Дахили хэбэрлэр», заметка) ‘10 – 12 мая чуть похолодает, в 16 – 18 числах возможны довольно-таки сильные морозы’.

Как видно, в некоторых текстах наблюдается употребление числительного, которое несет в себе значение приблизительности, для оформления которого используется сочетание двух количественных числительных и аффикса множественности (*10 – 12 majlarda* ‘10 – 12 мая’, *16 – 18 lärendä* ‘в 16 – 18 числах’).

Также в текстах исследуемых газет значение приблизительности имени числительного может передаваться с помощью аффикса *-lab/-läb*. Причем, как и в предыдущем способе, при наличии нумератива, аффикс присоединяется к нему. При таком способе образования приблизительных числительных за основу берутся все количественные числительные за исключением числительного *ber* ‘бер’: *50 läb kešelärne bäjläb ber dä aşyqmaenča 3840 rublä aqçasyny alyb çyğyb kitkänlär* («Б.т.», 1906, № 31, «Русия хэбэрлэре», заметка) ‘Связав около 50 человек, не спеша вынесли 3840 рублей’; *Anuñ urynun kükräklärenä aj jasalyb, anda 1333 nçe dib jazylğan 15 läb keçkenä qyz*

balalar aldylyar («В.», 1914, № 1632, «Чилэбедэ яңа елны каршы алу кичэсе», корреспонденция) ‘Его место заняли около 15 маленьких девочек, у которых на груди были нарисованы месяцы и написано 1333-й’; *500 läb saldat, ber tub häm 7 pulämit aldyq* («К.», 1915, № 799, «Гомуми Йаурупа сугышы», статья) ‘Мы взяли около 500 солдат, одну пушку и 7 пулеметов’.

В исследуемых текстах также встречаются числительные приблизительного счета, образованные путем сочетания количественных или приблизительных с особыми словами, выражающими значение неопределенности, приблизительности. Наиболее активно для этого используется послелог *qadär* ‘до, около’: *1150 qadär keşe kileb xəzergä universitet eçendä mitinglar jasamyj toryrğa qarar birdelär* («Б.т.», 1906, № 28, «Русия хэбэрлэре», заметка) ‘До 1150 человек, собравшись, решили пока не устраивать митинги внутри университета’; *Anyj istixkamlarynda 3400 qadär tub bulu, xalqy 350 – 400 meñgä jetü, iskäläsenä här jyl 6000 qadär zur dihez paraxodlary kerü mäğlümder* («В.», 1914, № 1598, «Сугышның барышы», статья) ‘Известно о наличии до 3400 пушек в его крепостях, о присутствии около 350 – 400 человек, о заходе в его пристань ежегодно до 6000 больших морских пароходов’; *Hökümät, Ädirnä tiräsendä 180 000 qadär ğaskärneñ iştiräge belän manivrlar jasarğa qarar birde* («К.», 1913, № 186, «Әдирнә тирәсендә манизрлар», заметка) ‘Правительство приняло решение провести маневры рядом с Эдирне с участием около 180 000 солдат’;

В газете «Борхане таракки» встречаются приблизительные числительные, образованные при помощи аффикса направительного падежа и прилагательного *qarib* ‘близкий’, заимствованного из арабского языка: *Suyylğan jäslär täxminän 60 – 70 kü qarib ide* («К.», 1913, № 73, «Мәскәүдә Гаспринский хэзрәтлэре», корреспонденция) ‘Количество собравшейся молодежи приблизительно была близка к 60 – 70’.

В газете «Вақыт» обнаруживается употребление аффикса исходного падежа в паре с наречием *artyq* ‘больше’: *1500 dän artyq wäkil bar. Möselmanlar 40 – 50 keşedän ğyjbarät ide* («В.», 1917, № 2271, «Мәскәү киңәш мәҗлесендә», корреспонденция) ‘Присутствовало более 1500 делегатов. Из них мусульмане составляли 40 – 50 человек’.

Реже всего в текстах исследуемых газет использованы **разделительные числительные**. Данная группа имен числительных характерна не для всех тюркских языков. Так, разделительные чис-

лительные функционируют в башкирском, кумыкском, ногайском, татарском, хакасском и некоторых других языках [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 200]. Данный разряд числительных в текстах газет образуется от основы количественных числительных с помощью аффикса *-ar/-är* (после согласных) и *-šar/-šär* (после гласных). Разделительные числительные отвечают на вопрос 'по сколько'. Основное значение разделительных числительных заключается в том, что они используют идею абстрактных чисел для разбивки предметов по однородным группам [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 200]. Рассмотрим примеры: *Ämma jaznuñ nindäj esse könlärendä 12 – 14 är säğat ešläb tabqan aqçalarymuñny juq uryñlarğa saryf iteb fajdasyn kürmämäk-tämez* («Б.Т.», 1906, № 57, «Ачлык вә ногай кардәшләремез», статья) 'Но мы не чувствуем пользы от ненужной траты денег, которые были заработаны нашим трудом по 12 – 14 часов в жаркие летние дни'; *Alarnuñ ešläre beteb näübät miña jetkänçe berär säğat ütde* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре. III», очерк) 'Пока они закончили дела и очередь дошла до меня, прошел час'; *16 keše nōmaišlärğä iştiräk iteb, Piterburg šähär başlyğy tarafyndan 2 šär ajğa törmägä xökem itelgänlär* («К.», 1914, № 385, «Дахили хәбәрләр», заметка) '16 человек, приняв участие в демонстрациях, были приговорены главой Петербурга к 2 месяцам тюрьмы';

Как видно из приведенных примеров, вне зависимости от того, к какому разряду относится имя числительное, в текстах газет оно может употребляться как самостоятельно, так и в паре с пояснительными словами – нумеративами, которые располагаются в предложении между числительным и названием исчисляемого предмета. Наиболее активно в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» функционируют нумеративы, обозначающие меру длины (*aršun* 'аршин'), меру земельного участка (*disätinä* 'десятина', *hiktar* 'гектар'), а также нумеративы, используемые при счете денежных средств (*sum* 'рубль', *tijen* 'копейка').

Наиболее активно имена числительные функционируют в текстах статистических данных, относящихся к информационным жанрам. Здесь обнаруживаются числительные, относящиеся ко всем рассмотренным нами разрядам и оформленные как цифровым, так и буквенным и буквенно-цифровым способом. Основная причина, по которой примеры из текстов статистических данных отсутствуют в данном параграфе, связана с тем, что статистические данные – это,

как правило, таблицы с цифрами и соответствующими комментариями. Однако такой материал является не лучшим показателем использования в языке грамматических средств. В целом, как видно из примеров, помимо текстов статистических данных, наиболее активно имена числительные обнаруживаются в текстах заметок и объявлений, которые также относятся к информационным жанрам. Сравнительно реже имена числительные обнаруживаются в текстах аналитических и художественно-публицистических жанров.

1.5. Наречие

Как известно, наречие – это самостоятельная и неизменяемая часть речи, обозначающая признак действия или качества предмета. В историческом плане в тюркских языках формирование и развитие наречий соотносится с процессом выделения из состава именных частей речи определенной частеречной группы, характеризующейся выражением признака того или иного явления [Щербак, 1987, с. 13]. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно рассматривать функционирование наречий в текстах татароязычных арабграфических газетных текстов начала XX века именно в рамках изучения функционирования именных частей речи.

Следует отметить, что в рамках грамматической системы газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» наречие определяется в качестве наименее устойчивых морфологических категорий. Прежде всего это объясняется регулярным переходом части наречий к таким служебным словам, как союзы, послелого и частицы. Также наречия в текстах газет в рамках некоторых грамматических признаков сближаются с прилагательными, что отражается, например, в сходстве в вопросе образования степеней некоторых наречий, а также в выполнении некоторых функций на синтаксическом уровне. Кроме того, регулярная взаимосвязь наречия с другими частями речи создает затруднение в установлении определенных лексико-грамматических границ между данными частями речи.

Так или иначе, наречия, функционирующие в текстах исследуемых газет, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 320], на лексико-грамматическом уровне делятся на определительные и обстоятельственные, которые, в свою очередь, также распадаются на соответствующие группы.

Определительные наречия, обнаруживающиеся в текстах, употребляются для передачи качественной и количественной характеристики действиям и признакам и, соответственно, распадаются на две группы: наречия образа действия и наречия меры и степени.

Наречия образа действия употребляются в текстах для выражения качества, образа, а также способа действия. Для реализации данной функции в текстах газет нами было зафиксировано употребление таких наречий, как *räxät* ‘хорошо’, *tuqtausyz* ‘непрерывно’, *naçar* ‘плохо’, *ciñel* ‘легко’, *berdän* ‘всеобщее’, *uldyqça* ‘достаточно’, *äsasly suratdä* ‘основательно’ и т.д.: *Bezney şundyj andan mondan ğyjlem xasil itkän keşeläremezdän millätemez darelfönün betergän keşelärney xezmäten kötä başlady* («Б.т.», 1906, № 28, «Яна мөхәрирдән», статья) ‘Наш народ начал ждать от таких людей, как попало создающих науку, работу как от людей, закончивших университеты’; *Menä şundan istifadä iteb bağzy keşelär buşlaj gazeta uqu julyna kergänlär.* («В.», 1913, № 1216, «Газета каракларына») ‘Воспользовавшись этим, некоторые люди вступили на путь бесплатного чтения газет’; *Inqylabnyj bolaj tiz kütäreleb kitüwenä, Ädirnä mödafiğy Şökre paşanyj... Kamil paşağa birgän telegram, jäş töreklärgä mäğlum buluwy säbäb bulğan* («К.», 1913, № 26, «Сугыш вә солых хәбәрләре», заметка) ‘Причиной такого быстрого разгорания революции, стало раскрытие младотуркам информации о телеграмме, переданной Камил паше от защитника Эдирне Шукру пашы...’.

Наречия меры и степени в текстах газет употребляются для обозначения определенного или неопределенного количества. Кроме того, они могут выражать меру или степень действия или признака. В текстах нами было зафиксировано употребление таких наречий меры и степени, как *bajtaq* ‘довольно много’, *bik* ‘очень’, *beraz* ‘немного’, *nyq* ‘очень’, *artyq* ‘черезчур много’, *ğajät* ‘исключительно’, *tätäm* ‘окончательно’ и т.д.: *Çalyşalar gücä köndez...* («Б.т.», 1906, № 31, «Шигыр», художественное повествование) ‘Работают безостановочно...’; *Japonijädä mäşrutijät iğlan iteleb Milät mäclese açylğanğa bajtaq ütsä dä, monda Milät mäclese bik köçsez ide* («В.», 1913, № 1131 «Япониядә парламентаризм», статья) ‘Несмотря на то, что прошло много времени с тех пор, как в Японии был объявлен конституционный режим и был создан Национальный совет, он был очень слабым’; *Min kamisijädä äğza buldyğym öçen buñarğa bik ähämitijät biräm* («К.», 1913, № 259, «Петербург мәктүпләре», очерк)

‘По причине того, что я являюсь членом комиссии, уделяю большое внимание этому’.

Обстоятельственные наречия, функционирующие в текстах газет, употребляются для выражения обстоятельств осуществления того или иного действия. При этом, обстоятельства могут раскрывать локализацию, временной отрезок, цель и причину действия.

Наиболее распространенной группой обстоятельственных наречий, обнаруживающихся в текстах, являются **наречия времени**. Нами было зафиксировано функционирование таких лексических форм, как *xäzerendä* ‘сейчас’, *irtük* ‘спозаранку’, *haman* ‘все еще’, *irtäge kön* ‘завтра’, *köndän kön* ‘ежедневно’, *aqşam* ‘вечером’, *bügen* ‘сегодня’, *başda* ‘вначале’, *şimdi* ‘сейчас’ и т.д.: *Andan soñ irtägesen irtük şul eškä kereşälär* («Б.т.», 1906, № 34, «Шулай кирәкме?», статья) ‘После этого на следующий день спозаранку берутся за эту работу’; *Buğaça palaklar jäxüdilärgä hiçber uryn birmilär ide* («В.», 1913, № 1148, «Г. дума», отчет) ‘Ранее поляки не давали евреям вообще никаких мест’; *Jyl sajyn jözär keşe tağundan hälak bula* («К.», 1913, № 161, «Котлымөхәммәт мирза Тәфкилевнең Дәүләт думасында сөйләгән нотыгы», отчет) ‘Ежегодно сотни человек погибают от чумы’.

Реже в текстах обнаруживаются **наречия места**. Так, нами было зафиксировано функционирование таких наречий, как *juqary* ‘наверх’, *jyraq* ‘далеко’, *tübän* ‘вниз’ и т.д.: *...şul zavoddan jyraq tügel şase julynda (taş julda) eşläüçelär bar* («Б.т.», 1906, № 34, «Шулай кирәкме?», статья) ‘... есть люди, работающие недалеко от завода на шоссе (на каменной дороге)’; *Juqaryda söjläb kildekemez ruslaşdyru maqsady ilä möselmanlarnyñ dini mäktäb wä mädräsäläre... mäğarif nazaräte ministerstvasy qaramağyna tabşyryldy* («В.», 1908, № 333, «Мәғарифкә ачка күбрәк кирәк», отчет) ‘С целью русификации, о которой мы говорили выше, религиозные школы и медресе мусульман... были переданы под контроль министерства образования’; *Bezney Kärlä qulyndan eş kilü jağyndan başqa malajlarğa qarağanda küb түбән torsa da, maqtanırğa böten awyl malajyndan osta ide* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфәң нишләтте!!», фельетон) ‘Несмотря на отставание нашего Кэрлэ от других мальчиков в плане умения работать, он был самым лучшим среди деревенских парней в вопросах хвастовства’.

Наименьшим распространением в текстах исследуемых газет характеризуются **наречия причины и цели**: *Juqqa qanlar äräm itä torğan juqqa canlarny fida qyla torğan waqyt ütde* («Б.т.», 1906, № 30,

«Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Прошло то время, когда впустую тратилась кровь и жертвовались души’; *Läkin ömedem buşqa çyqdy* («В.», 1913, № 1156, «Мәктәп вә мэдрәсәләрне тәфтиш», отчет) ‘Но моя надежда была напрасной’.

Как видно из приведенных примеров, на лексическом уровне состав наречий, употребляющихся в текстах газет, наряду с традиционными для рассматриваемого периода лексическими элементами, характеризуется наличием форм, близких к современному состоянию татарского литературного языка. Этот факт свидетельствует о постепенном формировании современных языковых норм начиная с начала XX века. При этом, в текстах также обнаруживаются и наречия, вошедшие в состав старотатарского литературного языка начала XX века и язык татарской периодической печати в частности, через османско-турецкое посредство (*uldyqça* ‘достаточно’, *äsasly suratdä* ‘основательно’, *şimdi* ‘сейчас’, *gäcä köndez* ‘безостановочно’ и т.д.). Такие наречия, наряду с другими лексико-грамматическими элементами, характерными для огузских языков, в частности для османско-турецкого языка рассматриваемого периода, являются системообразующими элементами огузизованного варианта старотатарского литературного языка начала XX века, морфологические и лексические формы которого обнаруживаются и в текстах исследуемых газет.

Следует отметить, что приведенные выше группы наречий, в том или ином объеме, характерны и для текстов древнетюркских и старотатарских письменных памятников, созданных начиная с XIII века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 69, 142, 211, 261, 424]. Как отмечено в указанной научной работе, в период Волжской Булгарии на лексическом уровне тексты письменных памятников характеризовались наличием единиц, свойственных для традиционного письменного литературного языка, а народно-разговорные лексические элементы имели ограниченное распространение. Позже, в текстах, созданных в период Золотой Орды зафиксировано параллельное функционирование как общетюркской традиционной лексики, так и арабо-персидского пласта. Тексты, созданные в период Казанского ханства уже характеризуются активным функционированием наречий арабского и персидского происхождения, тогда как в старотатарских письменных текстах, созданных в XVII – XVIII вв. наряду с функционированием арабо-персидской лексики зафиксировано активное употребление

наречий тюрко-татарского, в том числе огузского происхождения. В текстах, созданных в XIX – начале XX вв. на старотатарском письменном литературном языке, наблюдается равное функционирование наречий тюрко-татарского и арабо-персидского происхождения в составе всех перечисленных нами выше лексико-грамматических групп наречий. При этом, особое место в функционировании старотатарского языка рассматриваемого периода занимали наречия, вошедшие в письменно-литературный язык через османско-турецкое посредство.

Таким образом, в текстах исследуемых газет зафиксировано функционирование наречий, относящихся как к традиционному общетюркскому лексическому пласту, так и олитературование народно-разговорных форм, что является свидетельством постепенного формирования языковых норм, характерных для современного татарского литературного языка. При этом, в текстах обнаруживается определенное количество наречий, характерных и для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода, функционирование которых на ряду с другими лексико-грамматическими элементами, свойственными для огузских языков, является показателем наличия огузо-турецкого варианта старотатарского письменного литературного языка начала XX века.

***

1. Как видно из изученных материалов, морфологическая система текстов газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» характеризуется наличием грамматических показателей, свойственных как для кыпчакских, так и для огузских языков. Это позволяет нам говорить о функционировании в рамках текстов татароязычной арабографической периодической печати начала XX века, так называемого, огузированного варианта старотатарского письменного литературного языка, сформированного на основе лексико-грамматических показателей, присущих как старотатарскому, так и османско-турецкому литературным языкам рассматриваемого периода, с определенным соотношением традиционных общетюркских и народно-разговорных грамматических элементов. При этом, присутствие общетюркских грамматических элементов и элементов, характерных для османско-турецкого литературного языка в текстах каждой из исследуемых газет неодинаково.

2. Несмотря на то, что по формальным и функциональным признакам морфологическая система текстов каждой из исследованных нами газет близка к современному татарскому литературному языку, функционирование именных частей речи характеризуется определенными особенностями, противопоставляющимися их функционированию в рамках современного татарского литературного языка.

Единственное число имен существительных, как и в современном татарском литературном языке, не имеет морфологического показателя – существительное выступает в нулевой форме и обычно указывает на единичность предмета (*su* ‘вода’, *mödir* ‘руководитель’). Множественное число имен существительных в текстах газет выражается, в отличие от современного татарского литературного языка и подобно турецкому литературному языку, только посредством аффикса *-lar/-lär* (*maşinalar* ‘машины’, *xäreflär* ‘буквы’), что объясняется влиянием орфографических традиций.

Как и во всех тюркских языках, категория принадлежности имен существительных в текстах газет выражается посредством специальных грамматических показателей, часть которых функционирует и в современном татарском литературном языке, а часть является специфической особенностью письменного литературного языка начала XX века, в частности текстов исследуемых газет. Так, параллельно показателям принадлежности первого лица множественного числа *-byz/-bez*, *-ybyz/-ebez*, характерным для современного состояния татарского литературного языка, в текстах зафиксировано функционирование традиционных для старотатарского письменного литературного языка рассматриваемого периода формы *-mız/-mez*, *-ymız/-emez*, тогда как второе лицо множественного числа образуется и вовсе строго посредством показателя *-ñız/-ñez*, *-yñız/-eñez*, традиционного для классического старотатарского литературного языка.

При этом, функционирование показателей принадлежности *-byz/-bez*, *-ybyz/-ebez* характерно только для текстов газеты «Кояш». С учетом того, что данная газета, среди всех исследуемых газет издавалась в наиболее поздний временной отрезок, подчеркивает наличие общей тенденции в языке, обусловленной постепенным отходом от употребления традиционных грамматических элементов и элементов, характерных для огузских языков и стремлением к употреблению народно-разговорных форм.

Категория падежа имен существительных, функционирующих в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» также характеризуется наличием показателей, характерных как для кыпчакских, так и для огузских языков. В этом плане следует выделить падежную систему имен существительных, обнаруживающихся в текстах газеты «Борхане таракки». В ее текстах параллельно с кыпчакским вариантом аффикса притяжательного падежа *-нуу/-неу* наиболее активно обнаруживается и огузский вариант *-уу/-еу*. Также здесь наряду с кыпчакским вариантом аффикса направительного падежа *-ğa/-gä, -qa/-kä* функционирует огузский вариант *-a/-ä, -ja/-jä*. Винительный падеж в текстах газеты «Борхане таракки» образуется как посредством аффиксов кыпчакского варианта *-ну/-не*, так и посредством огузского варианта *-у/-е, -ју/-је*. В текстах всех исследуемых нами газет для реализации форм исходного и местно-временного падежей, употребляются строго, соответственно, фонетические варианты *-dan/-dän* и *-da/-dä*, тогда как в современном татарском литературном языке, в зависимости от основы глагола, могут функционировать, соответственно, и фонетические варианты *-тан/-тән* и *-та/-тә*.

Наиболее активное функционирование огузских аффиксов при реализации склонения по падежам в текстах газеты «Борхане таракки», прежде всего, объясняется отдаленностью Астрахани, где издавалась данная газета, от духовного, национального и религиозного центра татар – Казани. Это, учитывая факт проживания на территории Астрахани разных тюркских народов, могло иметь влияние и на развитие языка местного татарского населения в плане склонности к употреблению традиционных общетюркских языковых форм. Кроме того, основываясь на географическую составляющую, можно говорить о возможном влиянии на язык местного татароязычного населения, а следовательно, и на язык газеты «Борхане таракки», южного диалекта крымско-татарского языка, а также османско-турецкого языка через крымско-татарское посредство.

В текстах исследованных нами газет имя существительное является одной из наиболее активно используемой частью речи и обнаруживается как в текстах информационного, так и аналитического и художественно-публицистического характера. Однако, как показывают приведенные примеры, часть грамматических элементов более характерна для определенных жанров. Так, имена существительные с аффиксом принадлежности первого и второго лица единственного

числа, как правило, обнаруживаются в текстах очерков, фельетонов и текстах, относящихся к жанру художественное повествование. Все перечисленные тексты относятся к художественно-публицистическим жанрам. Также имена существительные с аффиксом принадлежности первого и второго лица единственного числа обнаруживаются в текстах открытых писем, которые относятся к аналитическим жанрам. Кроме того, имена существительные с аффиксами принадлежности второго лица множественного числа, как правило, употребляются в текстах фельетонов (художественно-публицистические жанры), а также в текстах объявлений и комментариев, относящихся к аналитическим жанрам. Данный факт объясняется тем, что в текстах перечисленных жанров повествование, как правило, ведется от первого лица.

3. Грамматическая система имен прилагательных, функционирующих в текстах газет, в целом, близка к нормам ее функционирования в рамках современного татарского литературного языка. Так, имена прилагательные, функционирующие в текстах газет, с морфологической точки зрения не имеют каких-либо формальных показателей, которые отличали бы их от других частей речи. При этом, для производных прилагательных характерно наличие словообразовательных аффиксов, присущих только данной части речи (*sädaqatle* 'дружелюбный', *jämsez* 'некрасивый', *üksez* 'сиротский'). В то же время имена прилагательные в текстах газет являются неизменяемой частью речи, т.е. они не склоняются и не принимают аффиксов множественного числа или аффиксов принадлежности. Исключением являются качественные прилагательные, которым свойственна задача степени сравнения (*awyrraq* 'тяжелее', *iñ kiräkle* 'самый нужный', *bik jaxşu* 'очень хороший').

Как показывают материалы, имена прилагательные обнаруживаются в текстах, относящихся ко всем трем жанровым группам. Однако наибольшее их присутствие наблюдается в текстах художественно-публицистического и аналитического характера. Так, имена прилагательные обнаруживаются в текстах статей, корреспонденций, а также фельетонов, очерков, и в текстах, относящихся к жанру художественное повествование. Это объясняется тем, что наиболее существенной особенностью прилагательных, использованных в текстах газет, является способность передавать различные экспрессивно-стилистические оттенки. Как известно, высокий уровень оценочности и экспрессивность в первую очередь являются характерной

особенностью текстов художественно-публицистического характера. При этом, введение в текст элементов оценочности и экспрессии наблюдается и в аналитических жанрах, в частности в текстах статей, корреспонденций и рецензий. Тексты информационного характера, как правило, отличаются безоценочностью и нейтральностью текста. Однако среди них стоит выделить тексты интервью, которые отличаются своей высокой экспрессией, оценочностью, обилием языковых средств, характерных для разговорной речи, а также тексты коммерческих объявлений, где наблюдается активное использование имен прилагательных с целью повышения экспрессии и перечисления положительных свойств предлагаемого продукта или услуги.

4. Местоимения, функционирующие в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» делятся на личные, указательные, вопросительные, неопределенные, отрицательные и определительные. Наиболее активными в плане создания функционально-стилистической вариативности являются личные местоимения.

В отличие от газет «Вақыт» и «Кояш», где активно используются варианты личных местоимений, характерных для современного татарского литературного языка, в газете «Борхане таракки» обнаруживается применение варианта личного местоимения первого и второго лица множественного числа *bezlär* 'мы' и *sezlär* 'вы', восходящего корнями к традиционным языковым формам. Также в ее текстах при обозначении местоимения первого лица единственного числа вместо кыпчакского варианта *min* 'я' наиболее часто обнаруживается употребление не характерного для современного татарского литературного языка огузского варианта *bän*, который был в употреблении как в османско-турецком языке начала XX в., так и употребляется в современном турецком литературном языке. Между тем, вариант личного местоимения первого лица единственного числа *bän*, хотя и редко, встречается и в текстах газеты «Вақыт», оформленных в разговорном стиле, а именно, в текстах открытых писем, относящихся к аналитическим жанрам.

Местоимения обнаруживаются в текстах, относящихся ко всем трем жанровым группам. Однако личные местоимения *min*, *bän* 'я', *sin* 'ты', как правило, используются в текстах очерков, фельетонов и в текстах, относящихся к жанру художественное повествование, которые являются составной частью художественно-публицистических жанров, а также в текстах интервью и открытых писем, относящихся

к аналитическим жанрам. Данный факт объясняется тем, что для перечисленных жанров характерны повествование от первого лица, менее официальный стиль изложения и активное употребление элементов разговорной речи. При этом, вариант личного местоимения первого лица единственного числа *bän* активно употребляется лишь в текстах газеты «Борхане таракки» и реже – в текстах газеты «Вақыт», оформленных в разговорном стиле, а именно – в текстах открытых писем, авторами которых являются подписчики газеты. Также принято считать, что отрицательные местоимения, образованные при помощи частицы *hiç* более характерны для текстов, оформленных в художественном стиле, тогда как отрицательные местоимения с компонентом *ber* чаще являются признаком разговорного стиля. В текстах исследуемых газет отрицательные местоимения с компонентом *ber* активно обнаруживаются в текстах открытых писем.

5. Имена числительные, функционирующие в текстах газет, основываясь на их морфологические признаки, можно разделить на четыре разряда: количественные, порядковые, разделительные, приблизительные, среди которых наиболее часто используются первые два разряда. При этом, наиболее активно имена числительные функционируют в текстах статистических данных, относящихся к информационным жанрам. Здесь обнаруживаются числительные, относящиеся ко всем рассмотренным нами разрядам и оформленные как цифровым, так и буквенным и буквенно-цифровым способом. Помимо текстов статистических данных, имена числительные обнаруживаются в текстах заметок и объявлений, которые также относятся к информационным жанрам. Сравнительно реже имена числительные обнаруживаются в текстах аналитических и художественно-публицистических жанров.

6. Наречия, функционирующие в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», делятся на два разряда: определительные и обстоятельственные наречия, которые, в свою очередь, также распадаются на несколько групп. При этом, тексты газет не противопоставляются друг другу в плане функционирования наречий. Так, наиболее широкое распространение в текстах всех исследуемых нами газет получили наречия образа действия и наречия меры и степени, относящиеся к разряду определительных местоимений. Также зафиксировано активное функционирование наречий времени, относящихся к обстоятельственным наречиям. При этом, наречия места, а также

наречия причины и цели, также относящиеся к обстоятельственным наречиям, в текстах имеют ограниченное распространение.

Следует отметить, что на лексическом уровне состав всех рядов наречий, употребляющихся в текстах газет, характеризуется наличием традиционных для рассматриваемого периода лексических элементов, а также форм, близких к современному состоянию татарского литературного языка, что говорит о постепенном формировании современных языковых норм начиная с начала XX века. Также в текстах зафиксировано функционирование наречий, вошедших в состав старотатарского литературного языка начала XX века через османско-турецкое посредство (*uldyqça* ‘достаточно’, *äsasly suratdä* ‘основательно’, *şimdi* ‘сейчас’, *gäcä köndez* ‘безостановочно’ и т.д.). Эти примеры определяются в качестве системообразующих элементов огузированного варианта старотатарского литературного языка начала XX века.

ГЛАВА II

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Как известно, глагол обозначает действие или состояние предмета либо лица, как процесс, протекающий во времени и характеризуется наличием категорий залога, наклонения, времени, отрицания, лица и числа, а также различных способов передачи характера протекания действия и его модальных оттенков [Татар грамматикасы, 2016, б. 109]. Еще в первых грамматиках татарского языка учеными уделяется определенное внимание вопросам изучения глагола. Если в дореволюционный период развития татарского языкознания глагол изучается менее активно, то послеоктябрьский период ознаменован новым этапом в изучении морфологической системы татарского языка. На начальном этапе изучения татарского глагола особую роль сыграли работы таких тюркологов, как И. Гиганов (1801), М. Иванов (1842), А. Казембек (1846), А. Троянский (1860), Х. Фаизханов (1887), К. Насыри (1895), Г. Нугайбек (1911), Г. Ибрагимов (1918), Дж. Валиди (1919), Г. Алпаров (1926), Д.Г. Тумашева (1964) и т.д.

Глагол является одной из наиболее развитых частей речи, функционирующих в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш». По сравнению с остальными частями речи, глагол располагает большим набором морфологических категорий и, следовательно, отличается более активным употреблением различных грамматических форм. Тот факт, что глагол играет определяющую роль при выражении того или иного события в динамике также является актуальной характерной особенностью при формировании текстов некоторых аналитических и художественно-публицистических жанров.

В исследованных нами текстах глагол как часть речи, помимо личных грамматических и лексико-грамматических форм, состоит из так называемого собственного глагола и из неличных форм, совмещающих признаки и свойства некоторых других частей речи. Такими являются инфинитив, причастие, деепричастие, имя действия и модальные формы. В настоящей монографии изучение функционирования глагола в рамках грамматической системы языка татарской периодической печати начала XX века осуществляется на основе двух глагольных групп: личные формы глагола и неличные формы глагола.

Неличные формы глагола, функционирующие в языке исследуемых нами газет, как и в современном татарском литературном языке, не обладают категориями лица, числа, залога, а также не могут выполнять функции глагольного сказуемого на синтаксическом уровне. При этом, неличные формы глагола, к которым относятся инфинитив, причастие, деепричастие и имя действия, характеризуются наличием общих глагольных свойств. Однако в силу того, что обладают качествами, присущими для других частей речи, в предложении они выполняют различные синтаксические функции, не присущие глаголам.

2.1. Причастие

Одной из наиболее сложных грамматических категорий, функционирующих в системе неличных глагольных форм языка татарской периодической печати начала XX века является причастие. Согласно наиболее распространенному в тюркологии мнению, причастия своими корнями восходят к отглагольным именам с синкретичным значением [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 444]. Многозначность и полифункциональность причастий, обнаруживающихся в исследуемых нами текстах, в первую очередь объясняется полисемантическим содержанием их основ. Данная категория, характеризующаяся своей глагольно-именной формой, как правило, выражает то или иное действие, приписываемое определенному лицу или предмету в качестве его внутреннего признака или свойства. При этом, также, как и в тюркских языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 444], в частности в татарском языке и в его диалектах [Юсупов, 2004, с. 20], причастия, функционирующие в текстах исследуемых нами газет, характеризуются наличием в себе признаков глагола и имени прилагательного.

В отличие от других неличных форм глагола причастие имеет временную характеристику. В исследуемых нами текстах наблюдается функционирование причастий настоящего, прошедшего и будущего времени.

Причастия прошедшего времени

Причастие прошедшего времени в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» представлено несколькими формами, среди которых обнаруживаются характерные как для кыпчакских, так и огузских языков. С одной стороны данный факт может восприниматься как свидетельство влияния языков огузской группы на татарский литературный язык конца XIX – начала XX вв., а именно османско-турецкого языка. С другой стороны, в данном случае также уместно говорить о функционировании в языке исследуемых нами газет традиционных языковых форм, характерных для преобладающего большинства тюркских языков.

Наиболее активно в рассматриваемых текстах функционирует форма причастия прошедшего времени на *-ğan*, характерная для кыпчакских языков, в том числе для современного татарского литературного языка и его диалектов. Кроме того, в текстах обнаруживается форма на *-туь*, характерная для огузских языков, но употреблявшаяся в татарском литературном языке до первой четверти XX века. Следует отметить, что на сегодняшний день форма на *-туь* sporadически встречается лишь в диалектах татарского литературного языка. Менее активно в текстах газет обнаруживаются формы причастия прошедшего времени на *-an*, *-dyq* и на *-maqda ulan (bulğan)*, характерные для огузских языков.

Форма на *-ğan*

Данная форма, характерная для кыпчакской группы тюркских языков, в частности для современного татарского литературного языка, в исследуемых нами текстах является наиболее активно функционирующей и продуктивной формой причастия прошедшего времени. В текстах также представлены алломорфы – варианты *-gän*, *-qan*, *-kän*. Составными элементами данной формы являются аффиксы отглагольных прилагательных *-q* и *-an*, которые изначально не имели временной и залоговой дифференциации, а обозначали результат действия [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 446]. В текстах исследуемых

нами газет причастие на *-ğan* обозначает процессуальный признак предмета в плане прошедшего времени. В зависимости от контекста, характеризует предмет, лицо по действию, совершающемуся одновременно с основным действием, а также может выражать постоянный признак предмета.

В исследуемых текстах, форма на *-ğan*, как правило, употребляется в атрибутивном, субстантивированном значениях, а также в значении имени действия. При употреблении причастия на *-ğan* в атрибутивном значении, определяемым могут выступать слова, обозначающие субъект: *Şunyň öçen hämäse ber tösdä çuar kijem **kigän saldatlarny** baraban wä muziq tawyşlary berlä kamanda iteb, ajlarça jyllarça bergä jörerägi sikerergä mäcbür itälär* («Б.т.», 1906, № 42, «Шулай кирәкме?», статья) 'Поэтому всех солдат, одетых в одинаковую пеструю одежду, командуя при помощи барабанов и музыки, месяцами, годами заставляют маршировать, прыгать вместе'; *Irtä belän **kilgän dustymny** çäj belän syjlau ber dä xäteremä kilmägän ide* («В.», 1909, № 636, «Юк-бар», очерк) 'Я не подумал о том, чтобы угостить чаем пришедшего с утра друга'; ***Qalğan** öç **fırqä** tarafdarlary bağzy ber mäsilälärdä ber süzgä kilä almasalar da...* («К.», 1913, № 75, «Кытайда сайлаулар», статья) 'Несмотря на то, что оставшиеся три партии в некоторых вопросах, так и не смогли прийти к единой мысли...'

Также при употреблении причастия на *-ğan* в атрибутивном значении, определяемым могут выступать слова, обозначающие объект: *Ğasudarstvalardağy ğadälätsezlek östenä **salynğan tärtiplär** üzgäreб jaңa tormyşnyň başlanğanyny kürsätäder* («Б.т.», 1906, № 37, «Хажитархан октябрь 24», статья) 'Это является свидетельством начала новой жизни после изменения правил, наложенных на бесправие в государствах'; *Şul möbaräk qarçyqnyň ber waqyt minem **jemerelgän xäteremne** tözätüwe... isemä töşä* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) 'Я вспоминаю, как однажды эта уважаемая старушка излечила мою разбитую душу...'; *Xalyq tarafyndan **sajlanğan äğzalar** öç jyl mödätinä sajlanylrlar* («К.», 1917, № 1130, «Казан губернасындагы мөселманнар съезды», отчет) 'Члены, избранные народом, избираются на трехлетний срок'.

Реже в текстах исследуемых нами газет причастие прошедшего времени на *-ğan*, функционируя в атрибутивном значении, является определением слов, обозначающих место: *Menä bez säkerdlärneň **ğaciz ulğan jerläre** oşbu jerlärdä* («Б.т.», 1907, № 116, «Шәкерт

галэме», статья) 'Вот эти земли являются нашими растерянными землями учащихся'; *Xäzer suğyşnyj ij qyzğan jere Ğanaqqalğä saxilendä* («В.», 1915, № 1752, «Сугышның барышы», статья) 'Сейчас самая напряженная точка войны находится на побережье Чанаккале'; *Ütkän cäj saldat pavirkasy waqytynda biş volosdan cyjylğan zapas saldatny min torğan Maqar awylynda tikşerü bulğan ide* («К.», 1913, № 75, «Стәр-летамак өязе мөселманларында эчү», корреспонденция) 'Прошлым летом во время солдатской поверки, в деревне Макар, где я жил, проводилась проверка солдатов запаса, собравшихся из пяти волостей'.

Кроме того, в текстах исследуемых нами газет обнаруживаются причастия прошедшего времени на *-ğan*, которые являются определением слов, обозначающих время: *Anyj tirän fiker ijäse ber zat ikänlege bezgä şul ütkän zamanlarduq mäğlüm ide* («Б.Т.», 1911, № 139, «Газеталардан», обзор периодической печати) 'Мы еще с этих давних пор знали, что он является человеком глубокомыслящим'; ... *tup atylğan waqytlardağy dähşät wä fäläkätneñ ğajät zur bulğanlyğyn söjlägänlär* («В.», 1915, № 1752, «Ковно дәһшәтләре», статья) '...рассказали, что ужас и бедствие во время бомбежки были очень сильными'; *Häm çynlab da kapitulatsijä mäşäläläre julğa salynyb kitär şikelle kürengün bu daqiqada suğyş başlau töreklär öçen ap açuq ber säjäsätsezlekdän başqa ber närsä bulmas ide* («К.», 1914, № 512, «Гомуми Яурупа сугышы», статья) 'И вправду, в данную минуту, когда кажется, что вопросы капитуляции вот-вот встанут на рельсы, объявление войны стало бы для Турции самой что ни на есть настоящей аполитичностью'.

Как было отмечено выше, причастие прошедшего времени на *-ğan* в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» также может употребляться без определяемого слова и выражать значение констатации действия и имени действия. При этом, графически наблюдается употребление различных форм падежей. Следует отметить, что наиболее активно в исследуемых нами текстах обнаруживаются причастия рассматриваемой формы в винительном, направительном и местно-временном падежах.

Форма причастия прошедшего времени на *-ğan* в винительном падеже, как правило, выражает значение имени действия. При этом, употребление аффиксов принадлежности не несет в себе какую-либо смысловую нагрузку: *Bez bolaj bulğaç hamanda alğa kitä almağanymyzny kürsätergä тырышамыз* («Б.Т.», 1906, № 29, «Уку хакында», статья) 'Так мы стараемся показать, что до сих пор не

смогли прогрессировать»; *Čanaq Qalğä buğazy açylğanny köteb toručy paraxodlar 130 ğa tuldy* («В.», 1912, № 956, «Теркия – Италия сугышы», заметка) ‘Количество пароходов, ожидающих открытия пролива Дарданеллы возросло до 130’; *Biktimer sabyr jeget ide: ul üzen sükkänne, qyjnağanny da kütärä, häm üzenej şul syjfaty belän maqtana da ide* («К.», 1913, № 259, «Биктимер ачуланды», фельетон) ‘Биктимер был терпеливым парнем: он терпел даже когда его ругали, били и очень гордился этой своей чертой’.

Форма на *-ğan* в направительном падеже в текстах газет, как правило, указывает на причину совершения действия. При этом использование аффиксов принадлежности не наблюдается: *Şuny ilä bärabär, bu mämläkätdä hiç kötelmägän eşlär päk tizlek ilä mäjdänğa kilüwe mömkin bulğanğa, kisäkdän ällä nindi waqyjğalar çyğyb quju... ixtimaly totyladyr* («В.», 1909, № 470, «Яңы Теркия вә солтанның тәхет хатбәсе», обозрение) ‘Наряду с этим, по причине того, что в данном государстве очень быстро могут произойти абсолютно неожиданные вещи, держится в уме возможность неожиданного возникновения каких-либо событий...’; *Töreklärneñ maqsudlary da Balqan xökümätläreneñ maqsudlary belän ber bulğanğa Černagorijäneñ Avstrijägä qarşy möğamäläsenä... şadlanalar* («К.», 1913, № 108, «Арнаутлык мәсьәләсенен читенләшүе», статья) ‘По причине того, что цели Турции совпадают с целями балканских государств, они радуются отрицательному настрою Черногории по отношению к Австрии...’.

Следует отметить, что в отличие от текстов газет «Вақыт» и «Кояш», где форма причастия прошедшего времени на *-ğan* в направительном падеже имеет широкое распространение, она не является характерной формой для текстов газеты «Борхане таракки». В данном случае, для передачи значения причины совершения того или иного действия, как правило, употребляется форма на *-ğan*, которая осложняется субстантивным аффиксом *-lyq* и приобретает аффикс исходного падежа (*uquğanlyqdan* ‘по причине того, что прочитал’, *belgänlekdän* ‘по причине того, что знал’, *kürgänlekdän* ‘по причине того, что видел’ и т.д.): *Ğasudarstvalar bik zur bulğanlyqdan häm ğasudarstvalarda küb törle eşlär bulğanlyqdan padşah ber üze genä bu ğasudarstvanuñ eşlären qarab beterä almyj* («Б.т.», 1906, № 30, «Правовой государство», статья) ‘По причине того, что государства являются очень большими и в государствах есть много разных дел, царь не может в одиночку рассматривать дела этого государства’.

Следует отметить, что на сегодняшний день форма причастия прошедшего времени на *-ğanlyq* активна в нагорном говоре среднего диалекта современного татарского литературного языка [Юсупов, 2004, с. 110]. Также в текстах газеты «Борхане таракки» для передачи причинно-следственных отношений употребляется форма причастия на *-dyq* в направительном падеже, как правило, осложненная аффиксом принадлежности в паре с послелогом *kürä* 'ввиду, вследствие, по причине' (*buldyğyna kürä* 'по причине того, что было', *aldyğyna kürä* 'по причине того, что взял', *açdyğyna kürä* 'по причине того, что открыл' и т.д.). Последняя форма считается специфической особенностью огузских языков, а по синтаксическим функциям соответствует кыпчакской форме причастия прошедшего времени на *-ğan* [Юсупов, 2004, с. 116].

В местно-временном падеже рассматриваемая форма прошедшего времени в текстах исследуемых нами газет обычно выражает соотношение двух действий вне зависимости от временных рамок: *Ingiltärä kral wä kraličäse Edinburg šähärendä vokzaldan sarajğa barğanda sufražistkalar arbağa üzlärenen täläbläre jasalğan proklamatsijalaryn, risalälären häm käğyddan jasalğan ber šar yrğytdylar* («В.», 1914, № 1524, «Харижи хәбәрләр», заметка) 'В Эдинбурге, во время перемещения английского короля и королевы из вокзала во дворец, суфражистки бросили в карету прокламации со своими условиями, трактаты и шарик, сделанный из бумаги'; *Üzenä qarşy kilä torğan avstrijä ğaskärenä totaşyr wä şulaj iteb, krepost alyñğanda äsir töşüdän qotylyb qalyr ide* («К.», 1914, № 577, «Гарби Галиция майданыннан», статья) 'Он бы объединился с идущей ему на встречу австрийской армией и, таким образом, избавился бы от попадания в плен при взятии крепости'.

В некоторых текстах форма причастия на *-ğan* в местно-временном падеже употребляется в значении предполагаемого условия совершения действия. Функционирование данной формы причастия в вышеуказанном значении зафиксировано и в современном татарском литературном языке, а также в говорах среднего диалекта [Юсупов, 2004, с. 101]. При этом важно понимать, что значение условия, выраженное рассматриваемой формой, в отличие от личных форм условного наклонения, всегда относится к неопределенному лицу: *Äwälge tormyşqa qarağanda häzerge tormyşumyz başqara başladyğy kürenä* («Б.т.», 1906, № 39, «Беренче адым», статья) 'Если посмотреть

на предыдущую жизнь, заметно, что наше нынешнее положение стало меняться»; *Şahidlärneñ söjläülärenä qarağanda bu doşmanlyqğa säbäb bulğan närsä dä Daud belän märxüm Syrtlanof arasynda tabiğat wä tärbijä cähätendän ber bersenä bik xilaf bulğan ber başqalyq idege añlaşyldy...* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залындан)», репортаж) ‘Если обратиться к показаниям свидетелей, прояснилось, что причиной такой вражды стало нечто иное, возникшее на почве расхождения в характерах и воспитании...’; *Nömaiş bulmağanda bu xäräkätneñ mäğnäse bik açyqdyr* («К.», 1915, № 731, «Мәркәздә сугышлар башлану алдыннан», статья) ‘При условии, что демонстрации не будет, значение этого движения вполне понятно’.

При замещении субъекта или объекта причастие прошедшего времени на *-ğan* субстантивируется, т.е. употребляется без определяемого слова. При этом, рассматриваемая форма может принимать аффиксы принадлежности, числа и падежа и, как правило, выражает имя действующего лица либо объект действия: *Xäzer bulğanlarğa añlatyldyqdan soñra, xälfämez dä bu fikerne xuş küreb, ... kamisija sajlauğa qarar birelde* («Б.т.», 1906, № 44, «Бер еллык бәйрәм», статья) ‘После того, как объяснили готовым, учитель, тоже положительно восприняв данную идею, ... было принято решение избирать комиссию’; *Quşqanny ešli torğan Duma cyjarğa тырысуçылар министрлар өчен bik küñel bolğatqyç ber eş bulyb qujdy* («Б.т.», 1912, № 47, «Ледбал вә Горький компанияләре турында берничә сүз», статья) ‘Стараящиеся собрать Думу, делающую все, что поручат, стали для министров очень противной проблемой’; *Möxbirlärgä anda baryrğa röxsät birelmi, elekdän barğanlaryn da qajtardyq...* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре. III», очерк) ‘Корреспондентам не разрешается туда ехать, мы вернули и тех, кто уехал раньше’; *...uzğan barğannyñ ğäjeb wä qujyqlaryn tağy da nyqlabrağ tikşerä başladylar* («К.», 1913, № 148, «Минзәлә өязендән», корреспонденция) ‘...начали еще шепетильнее перемывать косточки проходим’.

По мнению некоторых ученых причастие на *-ğan* в местно-временном падеже по своим функциям приближается к деепричастиям и выражает действие, совершающееся параллельно с действием, выраженным личной формой глагола [Юсупов, 2004, с. 100]. Следует отметить, что данная форма причастия прошедшего времени, наряду с современным татарским литературным языком и его диалек-

тами, активно функционирует в других тюркских языках, в частности в башкирском, киргизском, узбекском, туркменском, кумыкском, ногайском и т.д. [Гаджиева, 1963, с. 60].

Отрицательная форма причастия прошедшего времени на *-ğan* в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая добавляется к глагольной основе: *Üzenej jäsägän ğasudarstvasynda tügel bälki üzenej küršesendä ni bulğanny beläse kilmägän bu milätne...* («Б.т.», 1906, № 42, «Хажитархан ноябрь 14», статья) ‘Это государство, не желающее знать не только что происходит в своем государстве, но и то, что происходит у соседей...’; *Şulaj iteb, awyllarda jätimlär hiç tarafdän järdäm kürmägän wä tämam taşlanğan xäldä... jyldan jyl kübjäi barmaqdadır* («В.», 1913, № 1240, «Авылларда ятимнәр өчен эш сөү йортлары», статья) ‘Таким образом, в деревнях количество сирот растет из года в год, не получая помощи ни с какой стороны и в заброшенном положении...’; *Şähär idaräse jorty aldynda bäjrämlärdä wä başqa könlärdä kürelmägän ber jañalyq wä başqalyq, Sintralni wä Puşkinski kebek Ufanıñ zurraq uramlarynda bigräk canly* («К.», 1915, № 742, «Уфада йолдыз сату көне», статья) ‘Перед домом Городской управы какое-то новшество и отличие, не виданное в праздничные и другие дни, на более крупных улицах Уфы, таких, как Центральная и Пушкинская, особенно оживленно’.

Форма на *-туз*

Рассматриваемая форма в текстах исследуемых нами газет употребляется, как и форма на *-ğan*, для выражения признака или свойства предмета, лица по действию в плане прошедшего времени. Однако, как показывают наши материалы, в преобладающем большинстве случаев, форма на *-туз* указывает не столько на действие во времени, а на качество или постоянный признак предмета либо лица, как результат совершившегося действия.

По сравнению с формой на *-ğan*, в текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма получила менее широкое распространение. Говоря о характере функционирования формы причастия прошедшего времени на *-туз* в текстах татарской периодической печати начала XX века, уместно подчеркнуть ее спорадичность. Так, наиболее активно данная форма употребляется в текстах газеты «Борхане таракки», а в текстах газеты «Вақыт» ее функционирование крайне

нерегулярное. В газете «Кояш» рассматриваемая форма имеет очень низкую активность. При этом, в текстах всех исследуемых нами газетах, где вместо формы на *-ğan* используется форма на *-туџ*, обнаруживаются грамматические и лексические особенности, характерные для языков огузской группы, в частности османско-турецкого языка рассматриваемого периода. Данный факт объясняется тем, что форма на *-туџ* входит в число первичных признаков, составляющих характеристику западноогузских языков [Грунина, 1991, с. 131] и подчеркивает важность учитывания языковых особенностей конкретного автора в формировании публицистического текста.

Сегодня причастие прошедшего времени на *-туџ* не является частью грамматической системы современного татарского литературного языка, а в ее говорах имеет крайне ограниченное употребление [Юсупов, 2004, с. 111]. В то же время, следует отметить, что в современном татарском литературном языке можно обнаружить употребление формы на *-туџ* в составе лексикализованных единиц (*язмыш* ‘судьба’, *тормыш* ‘жизнь’ и т.д.), а также при образовании имен прилагательных (*укымышлылык* ‘образованность’, *укымышлы* ‘образованный’ и т.д.). Между тем, вплоть до первой четверти XX века, наряду с формой причастия прошедшего времени на *-ğan*, рассматриваемая форма регулярно обнаруживается как в текстах тюрко-татарских, так и старотатарских письменных памятников [Татар әдәби теле..., 2017, б. 179, 744].

Подобную языковую вариативность в определенные периоды развития тюркских языков следует воспринимать в качестве нормы. Так, в кыпчакско-огузском литературном языке причастие на *-туџ* выступает параллельно с причастием на *-ğan*, однако его функции значительно ограничены [Наджиб, 1978, с. 26]. Схожую картину, на примере газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», мы обнаруживаем и в грамматической системе языка татарской периодической печати начала XX века.

В текстах исследуемых нами газет временное значение причастия прошедшего времени на *-туџ*, в отличие от форм на *-an* и на *-duq*, которые также характерны для грамматической системы языка татарской периодической печати начала XX века, является абсолютным, оно не зависимо от времени действия, выраженного глаголом личной формы. В текстах газет форма на *-туџ*, как правило, употребляется в атрибутивном значении и служит определением к словам, выражающим зна-

чение субъекта или объекта действия: *Orenburg okrugundağy mäğäriñ mämurlary häzer möselman mäktäblärenä 31 nçe martda mäğäriñ minis trı tarafyndan tasdyj qylynyş jaña pravilalary kertmäk ilän mäşğüllär* («Б.т.», 1906, № 42, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Работники образования Оренбургского округа сейчас заняты внедрением в мусульманские школы новых правил, утвержденных 31 марта министром образования’; *Iske tarixymyzğa ğaid ularaq rusça jazylmyş ni qadär äsär var isa cömläsenä tärcemä wä näşer itmäk lazemder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынғы болгарлар», рецензия) ‘Каждое произведение о нашей истории, написанные на русском языке, должно быть переведено и опубликовано’; *Bugen bu mäclesdä mözakäräjä qunylmyş mäktäb wä mädräsälärenә islahy мәsälәse 20, 30 sänä qadär durmadan söjlände, jazylды, faqat bunlar häb käğydda, ğazätä sötiñlärendä qaldы* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәжлесә», отчет) ‘Поставленная сегодня на обсуждение проблема реформирования школ и медресе, не останавливаясь обсуждалась, писалась на протяжении 20-30 лет, однако все это так и осталось на бумаге, газетных колонках’.

В атрибутивной функции рассматриваемая форма является определением к словам, выражающим состояние: *Bijek Piter zamanynda Rusijä, Moskva ätrafyна tämamilä cyjylmyş, nyğajmyş ber xäldä ide* («В.», 1909, № 488, «Полтава мөхарабәсе», заметка) ‘Во время Великого Петра Россия была в положении, когда она полностью была собрана вокруг Москвы и укрепла’.

Как видно, пример относящийся к газете «Кояш», а также текст указанной статьи в целом, в языковом плане выпадает из общей картины лексико-грамматического построения текстов данной газеты, и на фоне преобладающего большинства остальных текстов, опубликованных в газете, создавая вариативность нормы письменного татарского литературного языка рассматриваемого периода за счет употребления лексических (*mözakärä* ‘обсуждение’, *sänä* ‘год’, *durmadan* ‘непрерывно’, *häb* ‘все, весь’, *käğyд* ‘бумага’, *ğazätä* ‘газета’, *sötün* ‘колонка’, *para* ‘деньги’ и т.д.) и грамматических (*mözakäräjä, mädräsälärenә, durmadan, çuqarylan* и т.д.) элементов, характерных для огузских языков, в частности османско-турецкого литературного языка начала XX века, воспринимается в качестве исключения. Данный факт в очередной раз подчеркивает важность языковых предпочтений автора конкретной статьи в вопросе формирования как лек-

сико-грамматической, так и стилистической системы текста статьи и языка газеты в целом.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени на *-tuŭ* образуется при помощи отрицательной частицы *-ta/-mä*, которая присоединяется к основе глагола. В целом данная форма обнаруживается в текстах рассматриваемых газет редко. Чаще всего она встречается в текстах газеты «Борхане таракки»: *Hičber xujalğa kilmämeŭ Borhan Täräqij gazetasy mäjdangä çuqdy* («Б.т.», 1906, № 36, «Дәрел Әдәбдә сөйләнгән нотык», отчет) 'Появилась газета «Борхане таракки», о которой мы даже и не мечтали'.

Форма на *-an*

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» обнаруживается спорадическое функционирование формы причастия прошедшего времени на *-an*. Данная форма считается огузским аналогом кыпчакской формы на *-ğan* [Грунина, 1991, с. 131], функционирует в огузизованном варианте татарского литературного языка рубежа XIX – XX вв. и является одной из наиболее активных неличных форм глаголов, употребляющихся в художественных произведениях рассматриваемого периода [Мирхаев, 2003, с. 102]. При этом, по мнению ряда тюркологов форма на *-an* представляет собой результат упрощения первоначальной формы на *-ğan* [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 453].

Рассматриваемая форма не употребляется ни в современном татарском литературном языке, ни в его диалектах. Учитывая тот факт, что она в целом не характерна для кыпчакских языков [Щербак, 1977, с. 167], можно предположить, что форма на *-an* вошла старотатарский литературный язык начала XX века и в язык татарской периодической печати рассматриваемого периода в частности, под влиянием османско-турецкого литературного языка.

На регулярной основе, являясь ядерным элементом грамматической системы, форма причастия прошедшего времени на *-an* функционирует лишь в текстах газеты «Борхане таракки». При этом отличительной чертой употребления данной формы является тот факт, что она наиболее активно употребляется с глаголом *ul, bul* 'будь'.

В преобладающем большинстве случаев, рассматриваемая форма выражает постоянный признак предмета либо лица, не привязанный к конкретному временному отрезку: *Adäm balasy här waqyt üzeney*

xäjätene, wä xäjäteneñ ruxu ulan xoquq mädänijäsene üze saqlamaq öçen tyryşmağa buryçlydyr («Б.т.», 1906, № 45, «Хэят – тереклек саклау», статья) ‘Человек обязан всегда стараться сохранить свою жизнь и правовую культуру, являющейся основой его жизни’; *Uquçy äfändelärne ğaibanä mäsrur idäçäk ber cähät var isä o da Boxaranuñ iske ğädäte ulan xajvanlarny ğaryz ändam idmäkder* («В.», 1910, № 595, «Бохара эхвалендэн», очерк) ‘Если и есть хоть одна необходимость заведомо развеселить товарищей учащихся, то это делать статуи из животных, что является старой традицией Бухары’; *Adäm ulmaq istäjän ävlat milät istifadä idä belsen* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарэ руханиясендэ мөһим мөшәвэрэ мәжлесө», отчет) ‘Ребенок, желающий стать человеком, пусть умеет использовать нацию’.

В текстах исследуемых нами газет форма на *-an* чаще всего употребляется в атрибутивной функции и обозначает субъект действия: *...veja başqa iġanädä bulynmaq istäjän kemsälär* («Б.т.», 1906, № 36, «Игълан», объявление) ‘...или люди, желающие делать другие пожертвования’; *Şul program mädräsäneñ saxiby ulan Äxmäd baj wä mädräsä idaräse tarafyndan qabul iteleb ğamälgä qujyldy* («В.», 1909, № 495, «Мәдрәсә Хөсәениянең программы», заметка) ‘Эта программа была принята Ахмедом баем, являющимся хозяином медресе, и руководством медресе, после чего стала применяться’.

В атрибутивной функции рассматриваемая форма обозначает объект действия: *Binaän ğäläjhi bu kiçä çärşänbä kiçäse ğomum möminin haqynda ber şäp ğafu wä räxmät ulan Läjläi möbarai qaderder* («Б.т.», 1906, № 39, «Ләйләи кадер», статья) ‘Таким образом, этот вечер среды являющийся Вечером почтения – хороший повод для прощения и благодарения всех мусульман’; *Hämä xalyqlarnuñ mäktäblärendä rus tele uqytluny wä buña hämäse öçen möştiräk ulan xökümät tele dib qaralu lazem küreläder* («В.», 1909, № 426, «Ибтидаи тәғлим», статья) ‘Считается должным преподавание русского языка во всех национальных школах и восприятие его как государственного языка, являющимся посредническим звеном’; *Çyqarylan paranyñ lazem järlärä saryf idelmäse julyny düšenälem* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарэ руханиясендэ мөһим мөшәвэрэ мәжлесө», отчет) ‘Давайте подумаем пути для расходования выделенных денег в нужных направлениях’.

Кроме того, встречаются причастия прошедшего времени в форме на *-an*, обозначающие место действия: *Bez möselman küb ulan jerlärädä wäkil ulmağa laiğ ulan keşemez var isä möselmandan sajlamağa tyr-*

uřatuz («Б.т.», 1906, № 31, «Мөселманларның иң кирәкле нәрсәләре», статья) ‘Если в местах, где много мусульман есть человек, достойный стать представителем, мы стараемся выбирать из мусульман’; *Bezem milätneñ mondayn möhlik ulan qabaxät julğa kerüeneñ säbäbläre tiz-räk möxakämä qylynyb tijeşle çaralar kürelsen ide* («В.», 1912, № 932, «Башкортлар вә маскарад», статья) ‘Хотелось бы, чтобы побыстрее была дана судебная оценка попаданию нашей нации на такой губительный безобразный путь и были приняты соответствующие меры’.

В текстах газет субстантивированные причастия на *-an* обнаруживаются крайне редко: ...*Matbuğatdan mäxrüm ulan mäsäl mesken biçara* («Б.т.», 1906, № 30, «Матбугат», художественное повествование) ‘...Лишенный прессы – пример несчастного бедняги’.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени на *-an* в текстах исследуемых нами газет имеет ограниченное распространение. Она образуется при помощи отрицательной частицы *-tu-j/-mi-j: eçendä läjläi qader bulynmyjan aj...* («Б.т.», 1906, № 39, «Ләйләи кадер», статья) ‘месяц, не содержащий Вечера почтения...’.

Как было отмечено выше, наиболее активно рассматриваемая форма функционирует в текстах газеты «Борхане таракки». При этом она является формой, характерной для тюркских языков огузской группы. Как видно из приведенных примеров, преобладающее большинство текстов исследуемых нами газет, где наблюдается употребление причастия на *-an* характеризуются наличием также других грамматических (*xäjätene* ‘жизнь’, *mädänijäsene* ‘культуру’, *düšenälem* ‘давайте подумаем’ и т.д.) и лексических (*ävlad* ‘ребенок’, *istifadä* ‘пользование’, *istämäk* ‘хотеть’, *para* ‘деньги’, *lazem* ‘нужно’ и т.д.) элементов, характерных для огузских языков, и османско-турецкого литературного языка начала XX века в частности. Следовательно, учитывая уникальность географического расположения Астраханского региона, есть основание предположить наличие определенного влияния османско-турецкого языка, через крымско-татарское посредство, на язык татар, проживающих в данной местности и, следовательно, на язык газеты «Борхане таракки». В текстах газеты «Вақыт» рассматриваемая форма встречается реже, а для текстов газеты «Кояш», ввиду ограниченного распространения, она и вовсе может считаться лишь вспомогательным грамматическим элементом.

Форма на *-dyq*

Распространение формы причастия прошедшего времени на *-dyq* в текстах исследуемых нами газет имеет разнородный характер. Наиболее активно данная форма функционирует в текстах газеты «Борхане таракки», тогда как для текстов газеты «Кояш» она не является системаобразующим элементом.

Причастие прошедшего времени на *-dyq*, как и форма на *-туş*, принадлежит к языковому состоянию, содержащему элементы, которые в более поздний период вошли в активное употребление в огузских языках [Грунина, 1991, с. 131]. В целом, учеными подчеркивается соперничество на тюркской почве между суффиксами причастий прошедшего совершенного, где с одной стороны находятся формы на *-dyq* и *-туş*, а с другой – форма *-ğan*. При этом, на сегодняшний день рассматриваемая форма причастия прошедшего времени наиболее активно используется в тюркских языках огузской группы – в современном турецком, гагаузском, азербайджанском языках, а в туркменском языке функционирует исключительно в отрицательном аспекте [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 461], а в заказанской и нагорной группах говоров среднего диалекта татарского языка употребляется в ограниченном порядке с узкой группой глагольных основ [Юсупов, 2004, с. 112].

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» рассматриваемая форма причастия прошедшего времени характеризуется употреблением только с аффиксами принадлежности. Именно такое использование рассматриваемой формы, характерно и для современного турецкого языка [Кононов, 1956, с. 439], что может считаться свидетельством влияния османско-турецкого языка начала XX века как на старотатарский литературный язык, так и, в частности, на язык татарской периодической печати рассматриваемого периода.

В исследуемых текстах форма на *-dyq*, как правило, выражает процессуальный признак предмета, лица, состояния и т.д. в плане прошедшего времени и близка по значению к кыпчакской форме на *-ğan*: *Här milätneñ tarix täräqyjse ul milätneñ üz ixtijac wä kiräklärene üzläre kürdege köndän başlamyşdyr* («Б.т.», 1907, № 80, «Без ни хәлдә?», статья) 'Исторический прогресс каждого народа начался с того дня, когда этот народ сам начал отвечать за свои потребности и нужды'; *Palitsijä hämä waqyjğadan xäbärdar buldyğy häldä, höcüm aldyndan*

ğyna totarğa häzerläneb kötkän («В.», 1909, № 433, «Азев мәсәләсе», статья) ‘Полиция, владея информацией о всем событии, ждала чтобы задержать прямо перед нападением’.

Также, как и причастие на *-ğan*, рассматриваемая форма, в зависимости от контекста, характеризует предмет или лицо по действию, совершающемуся одновременно с основным действием, а также может выражать постоянный признак предмета: *...östendä utyryb bardyqymyz paroxodnyy, timerdän jasalğan bulyb da, suda batmaučylyğın soryjlar* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘...спрашивают, почему же, несмотря на то, что наш пароход, на котором мы плывем сделан из металла, он не тонет’; *Jäğni cil şimal tarafyndan isdege waqyt su cänüb tarafyna jä bilğakes şäryqdan isdege waqyt Ğaräp tarafyna jä bilğakes awuşyr* («Б.т.», 1907, № 116, «Мәғыйшәт мөхәрәбәсе яхуд инсанларың яшәмәсе», статья) ‘То есть когда ветер дует со стороны севера, вода склоняется в сторону юга, или, наоборот, когда ветер дует с востока, то она склоняется в сторону Аравии’; *Ul bu tuğry juldan barmajynča, ačdyğy yškollarynda fäqat ike maqsadğa xedmät itä* («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеевның нотыгы», отчет) ‘Он, не следуя по этому праведному пути, в школах, открытых им, служит лишь двум задачам’.

В одном из текстов газеты «Кояш», язык которого, в отличие от преобладающего большинства текстов этой газеты, характеризуется своей огузированной лексико-грамматической системой, нами был обнаружено редкое употребление причастия на *-dyq* в значении будущего времени, на что указывает как личная форма глагола в рассматриваемом предложении, так и контекст: *Japdyğymyz proğram ilä dares uqytmaq öçen ğubernatorymyz wasitasyljä Mäğarif nazarätendän röxsät istäneläçäkder* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәжлесе», отчет) ‘Для того, чтобы преподавать по программе, которую мы составим, через нашего губернатора будет сделан запрос в Министерство образования на получение разрешения’.

Как видно из материалов, форма на *-dyq* характеризуется относительным временным признаком. При этом ее временная характеристика напрямую зависит от того, каким временем выражена личная форма глагола.

В текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» рассматриваемая форма причастия с разной степенью активности употребляется как

в атрибутивном, так и в субстантивированном и глагольно-именном значениях. Так, в атрибутивном значении она наиболее активна в текстах газеты «Борхане таракки», где чаще всего является определением к словам, обозначающим объект действия: *Mostafa äfändeneŷ Ästerxannuŷ bağzy mullalary haqynda Ölfät gazetasyna jazdyğy mäqaläse öçen Ästerxan mullalary Peterburg mäxkämäsena ğariza virgänlär* («Б.т.», 1907, № 75, «Тасыфлы вакыйга», письмо) ‘За статью Мустафы эфенди о некоторых муллах Астрахани, опубликованную в газете «Ульфат», муллы Астрахани подали заявление в суд Петербурга’.

Также в текстах газеты «Борхане таракки» обнаруживаются причастия на *-dyq*, выступающие в атрибутивной функции и выступающие в роли определения к словам, обозначающим место действия: *Namaz qylsa utyrdyğy jerendän qalyqmadan Haq täğälä xäzrätläre kändiseneŷ wä ata wä anasynuŷ gönahlaryny ğafu idär* («Б.т.», 1906, № 39, «Ләйләи кадер», статья) ‘Если прочтет намаз, Всевышний простит его грехи, грехи отца и матери, до того, как он успеет встать с места на котором сидит’.

Кроме того, рассматриваемая форма может выступать определением к словам, обозначающим время действия: *Ministrlar başlyğy Petkofny başqa äxbab ministrlary berlän bäräbär šähär baqçasynyda säjer itdege waqyt urynyndan töşerelgän činaunik revalverdan atyb ütergän* («Б.т.», 1907, № 80, «Чит мәмләкәт хәбәрләре», заметка) ‘Уволенный чиновник застрелил из револьвера премьер-министра Петкова во время прогулки по городскому парку в компании других министров’.

Как отмечалось выше, употребление причастия на *-dyq* в атрибутивной функции в текстах газеты «Вақыт» носит ограниченное распространение. Так, нами была обнаружена рассматриваемая форма, являющаяся в предложении определением к слову, обозначающему состояние действия: *Möselman säüdä xedmätkärläreneŷ iqtisadi mänfäğätläre rus säüdä xedmätkärläreneke belän ber buldyğy xäldä ajrym cämğyjät tözüweneŷ säbäbe dä mili wä dini ixtijaclary jaxšyraq ütäü öçen ide* («В.», 1917, № 2247, «Оренбургта күнелсез вакыйгалар», статья) ‘При ситуации, когда экономические интересы мусульманских торговых работников сопоставимы с интересами русских торговых работников, причиной создания отдельного общества является более качественное воплощение национальных и религиозных интересов’.

В тех случаях, когда в текстах исследуемых нами газет наблюдается замещение определяемого слова, форма причастия на *-dyq* суб-

стантивируется, что выражается в аффиксации при помощи показателей принадлежности и падежа. В текстах газеты «Борхане таракки» наблюдается наиболее активное употребление формы на *-dyq* с аффиксами направительного, винительного, исходного и местно-временного падежей.

При аффиксации с помощью показателя направительного падежа рассматриваемая форма, как правило, употребляется в значении имени действия и выражает косвенный объект действия: ...*cawab birä almadyqyma jözem qyzara... ide* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) '...мое лицо покраснело от того, что я не мог ответить'. Кроме того, в данном примере наблюдается употребление причастия на *-dyq* в отрицательной форме, которая образуется при помощи аффикса *-ma/-mä* (*birä almadyqyma* 'от того, что не мог ответить').

Причастие на *-dyq* в винительном падеже также употребляется в значении имени действия и выражает прямой объект действия: *Bolarnyñ bezneñ xällärne ni öçen soraşdyqlaryny, bezneñ ni öçen alar berlän söjläseb tanyşmadyqymyzy ujlyj idem* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) 'Я думал о том, почему они спрашивали о наших делах, почему мы не познакомились с ними'.

Следует отметить, что объектные отношения причастия на *-dyq* в текстах татарской периодической печати начала XX века, в частности в текстах газеты «Борхане таракки» могут быть выражены и при помощи основного падежа: ...*polevoj sudlar arqasynda tynyçlanğan šikelle bulyb kürengän diñez tulqyny, jañadan kütäreleb xalyqğa tuğry jul berlän kitärgä uñajsyzlagan ystinalarny watyb kitärgä tordyğy tyjyla başlady* («Б.т.», 1906, № 44, «Хажитархан ноябрь 28», статья) 'Начало ощущаться как из-за полевых судов, морская волна, которая, казалось бы, успокоилась, снова, поднявшись, готова разломать стены, мешающие народу идти прямым путем'.

В исходном падеже рассматриваемая форма также употребляется в значении имени действия и, как правило, выражает причину совершения того или иного действия: *Nižni Vadinskida jerle qaznaçejstvanyñ mödire qazna aqçasyny israf itdegendän üzene üze suğa batyryb ütergän* («Б.т.», 1906, № 33, «Казначы үзен үзе үтергән», заметка) 'В Нижнем Вадинске руководитель местного казначейства из-за растраты казенных денег утопил сам себя'.

Принимая аффикс местно-временного падежа причастие на *-dyq* выражает действие, совершающееся параллельно с другим действием, которое выражается при помощи личной формы глагола: *Fevralnej 13 nče jaumendä bän Kiläče qarjasyna aqrabalaryma zizarät vardyqymda nä kürim Kiläčenej juğarğy awylynda uramdan juldaşym ilä uzdyqda mula Möxtär äfändene kürdem* («Б.т.», 1907, № 75, «Тасыфлы вакыйга», статья) ‘В 13 день февраля, когда я навещал родных в селе Килинчи, что я вижу: когда мы с моим спутником шли по улице верхней части Килинчей, я увидел муллу Мухтара эфенди’.

Как видно из последнего примера, причастие на *-dyq* в местно-временном падеже может функционировать в текстах как с аффиксом принадлежности, так и без него. Кроме того, как показали приведенные примеры, в отличие от текстов газет «Вақыт» и «Кояш», где рассматриваемая форма осложненная аффиксом принадлежности, как правило, функционирует в форме *-dyğy*, в газете «Борхане таракки» наблюдается активное употребление графического варианта *-dyqu*.

В текстах газеты «Вақыт» наиболее активно обнаруживаются причастия на *-dyq* в основном, винительном и исходном падежах. В нижеприведенном предложении причастие на *-dyq* имеет аффикс винительного падежа и, употребляясь в функции имени действия, обозначает прямой объект действия выраженный личной формой глагола.: *Graf Palin mämurlary bağzy mäktäblärgä kereb möğalimlärneñ kemnäz uldyğyny, šahadätnamäläre mävcud ulyb ulmadyğyny, uqytyla torğan kitablarnyñ nilärdän ğyjbarät idegene soraşdyrğalağanlar* («В.», 1909, № 433, «Мәктәпләр вә мөгаллимләремез», статья) ‘Чиновники графа Палина, посетив несколько школ, интересовались личностями преподавателей, имеются или нет у них удостоверения и содержанием учебников...’.

Рассматриваемая форма в основном падеже также выражает объектные отношения: *...möselmanlary kübräk ulan vilajätlärgä mäğarif öčen birelgän aqça bigräk az uldyğy daxi ačyğraq küreler* («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеевның нотыгы», отчет) ‘...становится еще отчетливее, что денег, выделенных на образование областям с более многочисленным мусульманским населением, мало’.

В следующем примере причастие на *-dyq* представлено в исходном падеже и указывает на причину совершения другого действия, представленного глаголом личной формы: *Iranda zur üzgäreşlär wä möhim waqyjğalar bulyb tordyğyndan... idarämezgä dörest wä*

täfsille mäğlümat bireb toryr öčen gazetamyznıy möxäriklärändän Borhan Şäräf äfände gazetamyzğa maxsus möxbir ulyb İraŋğa kitde («В.», 1909, № 513, «Идарэдән», комментарий) ‘Из-за того, что в Иране происходят большие изменения и важные события, ...для того, чтобы обеспечивать редакцию достоверной и подробной информацией, один из редакторов нашей газеты – Бурхан Шараф эфенди, отправился в Иран в качестве специального корреспондента газеты’.

Между тем, в текстах всех исследуемых нами газет наблюдается функционирование причастия на *-dyq* в сочетании с послелогоми, такими, как *kürä* ‘по’, *öčen* ‘для, из-за’, *kebi* ‘как’, *soŋra*, *soj* ‘после’, *ilä*, *ilän* ‘с, вместе с’, *binaän* ‘из-за’ и т.д. Так, употребление причастия на *-dyq* в исходном падеже в сочетании с послелогом *soŋra* ‘после’ подразумевает наличие в предложении двух и более действий, одно из которых выражено причастием на *-dyq*, а остальные, следующие сразу после первого – личной формой глагола и выражает временную последовательность нескольких действий: *Xäzer bulğanlarğa aŋlatyldyqdan soŋra, xälfämez dä bu fikerne xuş küreb, ... kamisija sajlauğa qarar birelde* («Б.т.», 1906, № 44, «Бер еллык бэйрэм», статья) ‘После того, как объяснили тем, кто готов, учитель, тоже положительно восприняв данную идею, ...было принято решение избрать комиссию’.

Причастие на *-dyq* в направительном падеже в сочетании с послелогом *kürä* ‘по’ (*-dyğyna kürä*) выражает причину совершения действия, выраженного в предложении при помощи личной формы глагола: *Risäläneŋ nädän baxs itdege isemendän aŋlaşyldyğyna kürä... babalarymyz bolğarlar äxwalendän wä... Bolğar şähärendän baxs itmäktäder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрәбәләре һәм борынғы болгарлар», рецензия) ‘Как становится понятно из названия произведения, ...в нем говорится о жизни наших предков древних болгаров и... о городе Болгар’.

Употребление причастия на *-dyq* в сочетании с послелогом *öčen* ‘из-за, для’, выражает какое-либо действие, которое служит причиной для совершения другого действия, которое выражено в предложении при помощи личной формы глагола: *Waqytymyz – täräqyj zamanı uldyğy öčen milät bunı bezdän istäjur* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесә», отчет) ‘Из-за того, что наше время – это эпоха прогресса, наша нация ждет от нас этого’.

Как видно из материалов, если для газеты «Борхане таракки» рассматриваемая форма может считаться ядерным элементом, то в газете

«Вақыт» она имеет ограниченное распространение. При этом, наиболее активно рассматриваемая форма обнаруживается в более ранних номерах газеты «Вақыт». Анализ фактического материала показывает, что для газеты «Кояш» форма причастия прошедшего времени на *-duq* не является системообразующим элементом. Более того, по сравнению с текстами газет «Борхане таракки» и «Вақыт» ее употребление носит ограниченный характер, а обнаруживается она лишь в редких случаях в текстах, язык которых оформлен на огузизованном варианте старотатарского литературного языка начала XX века.

На наш взгляд существует несколько причин для реализации такой тенденции. Во-первых, определенное значение имеет временной принцип. Именно межреволюционный период 1905–1917 гг. является тем ключевым отрезком, когда процессы формирования нового татарского литературного языка протекают наиболее активно и происходит отказ от традиционных общетюркских языковых элементов как на грамматическом, так и на лексическом уровне. Результаты таких процессов находили свое отражение и в языке татарской периодической печати рассматриваемого периода. Следовательно, для газеты «Борхане таракки», издававшейся в 1906–1911 гг., более активное употребление рассматриваемой огузской формы, по сравнению с газетой «Кояш», издававшейся в 1912–1918 гг. является логичным.

Во-вторых, значимым фактором при формировании языка того или иного органа периодической печати является географический принцип. Учитывая, что Астрахань начала XX века, где издавалась газета «Борхане таракки» является территорией, где связи с туркестанскими мусульманами и представителями Турции были налажены лучше, чем в какой-либо другой точке России, что не могло не повлиять и на язык татар, проживающих в данном регионе, вполне уместным выглядит активное употребление формы на *-duq*, являющейся характерной особенностью тюркских языков огузской группы.

Форма на *-maqda ulan (bulğan)*

В текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» зафиксировано ограниченное употребление формы на *-maqda ulan (bulğan)*, которое своим присутствием подчеркивает имевшееся вплоть до начала XX века влияние османско-турецкого литературного языка на старотатарский письменный литературный язык. Рассматриваемая форма и на сегодняшний день продолжает активно функционировать в турецком

языке и определяется в качестве причастия, передающего вневременное длительное действие [Кононов, 1956, с. 472].

В исследуемых текстах указанная форма, как правило, употребляется для передачи длительного, либо постоянного признака предмета или лица, не привязанного к конкретному временному отрезку и является грамматическим синонимом формы на *-an*: *Şulaj iteb sez Bubi mädräsäsändä dä jabylmaqda bulğan başqalarda da watanğa xäläf dijerlek hiç ber närsä taba almazsuñuz* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталарымыздан», обзор периодической печати) ‘Таким образом, ни в медресе Буби, ни в каком-либо другом закрытом медресе вы не найдете ничего, что могло бы стать полезным для родины’; *Bu xəbärne Bakuda çyqmaqda ulan “Itifaq” gazetasy jazyb näşer itdegändän soñ, “Itifaq” nuñ ike nomerynda ike keşe monuñ öçen şadlyq ibraz itälär* («В.», 1909, № 488, «Мөселман мәктәбендә музыка дәресләре») ‘После того, как эту новость опубликовала газета «Иттифак», издающаяся в Баку, в двух номерах данной газеты выразили радость два человека’.

Сегодня форма на *-maqda ulan (bulğan)* не характерна ни для современного татарского литературного языка, ни для его диалектов. Функционирование рассматриваемой формы в текстах исследуемых нами газет подчеркивает наличие в письменно-литературном языке рассматриваемого периода функционально-стилистической вариативности. При этом, ограниченное употребление данной формы зафиксировано и в текстах других письменных памятников конца XIX – начала XX вв. [Татар әдәби теле..., 2017, б. 441, 643, 668], оформленных на огузированном варианте старотатарского письменного литературного языка.

Причастия настоящего времени

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» причастие настоящего времени выражается при помощи двух форм: синтетической, образующейся при помощи аффикса *-uç/-üçe* и *-yrlyq*, а также при помощи аналитической формы, образующейся в результате сочетания деепричастия на *-a/-i* в качестве основного глагола и вспомогательного глагола *torğan*.

Форма на *-a torğan*

Наиболее активной формой причастия настоящего времени, функционирующей в текстах исследуемых нами газет является аналитиче-

ская форма на *-a torġan*. Главным образом данный факт объясняется тем, что в отличие от формы на *-иҫу*, которая также обнаруживается в языке татарской периодической печати начала XX века, форма на *-a torġan* является определением к словам, обозначающим как одушевленные, так и неодушевленные предметы. Кроме того, по мнению диалектологов, аналитическая форма причастия настоящего времени на *-a torġan* вместе с мишарским диалектом, наиболее активна в среднем диалекте [Юсупов, 2004, с. 58], в территорию распространения которого, помимо прочих территорий, относят саму Казань, Астраханскую и Оренбургскую области, где и издавались исследуемые нами газеты.

Данная форма, как и в современном татарском литературном языке, образуется от деепричастия на *-a/-ä, -yj/-i* с помощью вспомогательного глагола *torġan*. Общим значением данной формы в текстах газеты является выражение постоянного признака, свойства субъекта или объекта действия, при этом заключенный в ней процессуальный признак может относиться к моменту речи и не иметь временного значения. Рассматриваемая форма в исследуемых текстах, как правило, функционирует в атрибутивной функции: *...miläteñ pravasyn şul miläteñ üzenä kürsäätä torġan közgelär jasarġa kiräk buldy* («Б.т.», 1906, № 28, «Яңа мөхәррирдән», статья) ‘...потребовалось создать зеркала, показывающие права народа самому этому народу’; *Xalyqġa jyş kiräk bula torġan närsälär eşli torġan fabriq häm zavodlarda gel suġyş äsbaby xäzerlärgä başlağanlar* («В.», 1916, № 1967, «Икътисад», статья) ‘Заводы и фабрики, которые производили товары, часто востребованные населением, на постоянной основе начали производить военные принадлежности’; *Jänädän bolarnyñ härberendä ireksez küzgä bärelü torġan ajrım ajrım waqyjğalar da bulyb ütkän* («К.», 1916, № 921, «Фракциядәге киңәшләр», статья) ‘Снова в каждом из них произошли отдельные события, невольно бросающиеся в глаза’.

Определяемое слово может выступать не только в качестве объекта или субъекта действия, но может обозначать и орудие, место, время и т.д.: *Juqqa qanlar üräm itü torġan juqqa canlarny fida qyla torġan waqyt ütte* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Прошло то время, когда впустую тратилась кровь и жертвовались души’; *Xacilar ütü torġan här jerdä bu cämġyjätneñ şöġbäläre açylsyn* («В.», 1909, № 513, «Иран әхвале», заметка) ‘Пусть во всех

местах, где проходят пути паломников, будут открыты отделения этого общества»; *Zaqonlar tözi torğan bu jerdä šundyj ähämiätle ber waqyjğa bulğaç tabiğyj bez dä añarğa diqat itmiçä ütä almayıq* («К.», 1916, № 921, «Фракциядәге киңәшләр», статья) 'Раз уж в месте, где составляются законы произошло такое важное событие, мы тоже не смогли не обратить своего внимания';

Отрицательная форма причастия настоящего времени на *-a torğan* в текстах исследуемых нами газет образуется при помощи отрицательной частицы *-myj/-mi*, которая присоединяется к основе глагола, после чего следует вспомогательный глагол: *Eslämi torğan xalyqlarınuy xällärene üzgärtergä sorağan Kara diñez häm Kranštat saldatlary...* («Б.т.», 1906, № 28, «Хажитархан сентябрь 24», заметка) 'Черноморские и Кронштадтские солдаты, попросившие вмешаться в ситуацию с безработным народом...'; *Operetta kilgändän birle buš kön bulmağanlyqdan šähär tiatry birelmi torğan bulğaç, artistlar... uñğajsyz bulsa da kinematograf säxnäsen alğanlar* («В.», 1916, № 1996, «Оренбург хәбәрләре», заметка) 'Из-за отсутствия свободных дней с момента приезда оперетты, и по причине того, что городской театр не ставил пьес, артисты... не смотря на то, что это было неудобно, воспользовались сценой для кинематографа'; *...bälki dä bašymyżğa kiterib suqmyj torğan noqtalarda bulyrğa kiräk* («К.», 1913, № 259, «Петербург мәктүбләре. Магбугат хакында закон ләихасы», очерк) '...возможно, следует быть в точках, не бьющих нам по голове'.

Следует отметить, что сегодня употребление рассматриваемой формы причастия настоящего времени, помимо среднего и мишарского диалектов татарского языка, наблюдается также в башкирском, карачаево-балкарском и некоторых диалектах каракалпакского и кумыкского языков [Юсупов, 2004, с. 62].

Форма на *-иçу*

Рассматриваемая форма относится к группе, так называемых, поздних образований и охватывает большую зону тюркских языков [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 470]. Несмотря на то, что учеными-языковедами форма на *-иçу* воспринимается как базовая, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» она употребляется реже чем аналитическая форма на *-a torğan*. Следует отметить, что на сегодняшний день данная форма представлена как в современном татарском литературном языке, так и во всех его диалектах, однако также,

является малоупотребительной и, как правило, заменяется аналитической формой причастия настоящего времени на *-a torğan* [Юсупов, 2004, с. 21]. Форма на *-иçу* в текстах исследуемых нами газет образуется путем присоединения к основе глагола аффикса *-иçу/-иçe*.

Рассматриваемая форма, также, как и в современном татарском литературном языке, как правило, является определением к одушевленному существительным либо к существительным, в семантическом плане предусматривающим непосредственное присутствие одушевленных предметов, в большинстве случаев обозначающим человека и употребляется для обозначения занятия, профессии человека или выражает постоянное свойство, качество, признак субъекта или объекта: *Min bondaj möğalimlärgä häm anlarnuñ tabanlarynu calauçy möridlärenä... berničä süz söjlämäk cisarät itdem* («Б.т.», 1906, № 33, «Мөгалимләргә хитаб», статья) ‘Я решился сказать несколько слов... в адрес таких учителей и учеников, лизущих им подошву’; *Sajlaularda kübesenčä ber bere ilä tartıyşuçy balğar partıjalarynuñ berärsenä aldanyb tawıış birüdän uzmuñ idelär* («В.», 1912, № 942, «Болгария мөселманлары вә сәяси уяну», статья) ‘На выборах, как правило, они обманывались и отдавали свой голос за одну из болгарских партий, спорящих между собой’; *Şul neft ezläüçe eşçelär berlän çeçen xalqı arasynda nizağlar çyqdy* («К.», 1916, № 928, «Чечен халкының ерләре», обзор периодической печати) ‘Между этими рабочими, ищущими нефть, и чеченским народом возник спор’.

В текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» наблюдается нерегулярное употребление формы на *-иçу* в постпозиции в сочетании с деепричастием на *-уб*, которое в атрибутивной функции выражает некоторые дополнительные оттенки характера протекания действия: *Xalyqny inqıjraz (betü) gä jul başçy bulıyb alyb baruçy bulularyna säbär...* («Б.т.», 1907, № 74, «Жәмгыять», статья) ‘Причиной тому, что они являются полководцами, которые ведут народ за собой в сторону небытия, является...’; *Istanbul – Čanaq Qalğä buğazy açylğanny köteb toruçy paraxodlar 130 ğa tuldy* («В.», 1912, № 956, «Төркия – Италия сугышы», заметка) ‘Стамбул – Количество пароходов, ожидающих открытия пролива Дарданеллы возросло до 130’;

В текстах исследуемых нами газет обнаруживаются причастия на *-иçу*, которые употребляются без определяемого слова. В данном случае причастие, подобно имени существительному, может принимать аффиксы падежа, числа, принадлежности, а на

синтаксическом уровне выполнять роль подлежащего, дополнения или обстоятельства. При этом, наблюдается тенденция, когда причастие, утратившее свои глагольные свойства, перемещается в разряд имен существительных: *Quşqanny ešli torğan Duma cyjarğa tyryşuçylar ministrлар öçen bik künel bolğatqyç ber eş bulyb qujdy* («Б.т.», 1912, № 47, «Ледбал вә Горький компанияләре турында берничә сүз», статья) ‘Стараящиеся собрать Думу, делающую все, что поручат, стали для министров очень противной проблемой’; *Läkin jarty jyllyq inqyrlab мәйданында ошбу мақсадны икесе дә ğakes älinqyrlabğa itüçe ikänlek isbat qylyndy* («В.», 1917, № 2285, «Демократия киңәш мәжлесә», статья) ‘Однако за пол года революции было доказано, что обе эти цели являются проводником к совсем иной революции’; *Fäqat ul waqyt zemstvada 6 protsent alyb, aluçy 12 gü qadär tüläjäçäkder* («К.», 1915, № 679, «Кооперативлы жәмгыятьләр тормышыннан», корреспонденция) ‘Однако в этом случае, получатель, взяв в земстве 6 процентов, будет платить до 12’.

Учитывая пассивное функционирование в текстах исследуемых нами газет причастия настоящего времени на *-uçu*, ее отрицательная форма обнаруживается крайне редко. Она образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая присоединяется к основе глагола, после чего следует показатель причастия: *Ğyylem wä fän qarşysynda tez çükmüçe keşelär дә жуq tügel* («Б.т.», 1907, № 74, «Жәмгыять», статья) ‘Хватает и людей, не встающих на колени перед наукой и образованием’.

Наиболее регулярное употребление причастия на *-uçu* наблюдается в текстах газеты «Борхане таракки» и «Вақыт», тогда как в газете «Кояш» функционирование рассматриваемой формы является менее активной, а вместо нее используется аналитическая форма причастия настоящего времени на *-a torğan*. В целом, рассматриваемая форма определяется учеными-языковедами как традиционный общетюркский грамматический элемент. Форма на *-uçu* в разных фонетических вариантах, а также с различной семантикой и с неравной регулярностью функционирует в морфологической системе многих тюркских языков, в преобладающем большинстве – кыпчакской группы. Так, в казахском языке форма на *-uçu*, также, как и в языке татарской периодической печати начала XX века и современного татарского литературного языка, функционирует в качестве причастия. При этом, подобно текстам исследуемых нами газет, наблюда-

ется тенденция, при которой причастие в указанной форме утрачивает свои глагольные свойства и переходит в разряд существительных [Совр. каз. яз., 1962, с. 324]. В киргизском языке рассматриваемая форма спрягается, принимая личные окончания, и выражает процессуальность действия со значением прошедшего времени [Орузбаева, 1955, с. 36]. В карачаево-балкарском языке форма на *-иџу* употребляется с семантикой временного, постоянного, многократного времени [Урусбиев, 1963, с. 122]. Данная форма в качестве показателя прошедшего времени активно употребляется в диалектах туркменского языка [Гаджиева, 1975, с. 210].

Форма на *-ырлыq*

В отличие от современного татарского литературного языка, [Татар грамматикасы, 2016, б. 240], в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» обнаруживается форма причастия настоящего времени на *-ырлыq*. По мнению диалектологов, на сегодняшний день данная форма в разной степени активности функционирует во всех диалектах татарского языка. Особенно активна рассматриваемая форма в говорах среднего диалекта [Юсупов, 2004, с. 43]. Помимо диалектов татарского языка форма на *-ырлыq* обнаруживается в карачаево-балкарском, кумыкском, башкирском, узбекском языках.

В исследуемых текстах форма на *-ырлыq* образуется от причастия на *-ур* при помощи аффикса *-лыq/-лек*. При этом, чаще всего она обнаруживается в текстах газет «Кояш». Рассматриваемая форма, как правило, обозначает потенциальную способность лица или предмета: *Bu köndä möselmanlarnuñ in kiräkle ike närsäläre bar. Bere Itifaq Möslimin partijasynu quwätländerü ikenčese kiläčäk Gosudarstvennyj думаğa eškä jararlyq wä xalyq fajdasyna tyryşyrylyq wäkil sajlaudyr* («Б.т.», 1906, № 51, «Мөселманларның ин кирәкле нәрсәләре», статья) ‘На сегодняшний день есть две вещи, необходимые для мусульман. Одна из них – усиление партии «Иттифак-аль Муслимин», вторая – избрание в будущую Государственную думу представителей, способных к работе и старающихся во благо народа’; *Doşmanny dürt aj intekdererlek wä anuñ mökämäl wä montazam jöz meñ ğaskärenä qarşy toryrlyq ber quwät kiterdelär* («В.», 1912, № 910, «Сугыш өстендә», статья) ‘Они привнесли мощь, дающую возможность изматывать врага на протяжении 4 месяцев и противостоять его совершенной и организованной четырехтысячной армии’; *Kerenski belän Petrograddağy demoqratlar arae*

synda çyqğan itilafny här ike jaq öčen dä qabul itä alyrlyq jul belän xäl itü öčen cyjylğan demoqratija kiñäš mäclese... üzeneñ qararlarын iğlan itde («К.», 1917, № 1166, «Демократия киңәш мәҗлесе мөнәсәбәте белән», статья) ‘Совещательное собрание демократов, созванное для того, чтобы разрешить разногласие, возникшее в Петрограде между Керенским и демократами путем, который бы приняли обе стороны, объявило о своих решениях’.

Также рассматриваемая форма может обозначать назначение, пригодность лица или предмета к совершению действия: *Šulaj iteb sez Bubi mädräsäsendä dä jabyлмаqda bulğan başqalarda da watanğa хäläf dijerlek hiç ber närsä taba almazsynyz* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталарымыздан», обзор периодической печати) ‘Таким образом, ни в медресе Буби, ни в каком другом закрытом медресе вы не найдете ничего, что могло бы стать полезным для родины’; *Hiç bulmasa ber ajaq ilä basyb toryrlyq ber jer alyb qalyrğa qarar birde* («В.», 1913, № 1178, «Балкан мәсьәләсенә тармақлары», статья) ‘Принял решение занять место, где было бы возможно, хотя бы, стоять на одной ноге’; *Awylда еškä jararlyq zurraq keşeläre irtädän kiçkä qadär qyrda xedmätdä kön uzdyralar* («К.», 1913, № 148, «Тәрбия йорты ачу (авыл халкы диккатенә)», статья) ‘В деревне, взрослые люди, пригодные к труду, с утра до вечера проводят время в поле за работой’.

В текстах газет также обнаруживаются причастия на *-yrlyq*, которые выражают меру, степень или признак предмета или лица для совершения процесса, действующее лицо которого является обобщенным: *Ike jyldan birlе tatarlar berlän ärmänlär arasynda räximsez kışeşüнеñ häm böten ğaläm халqyny teträterlek pağromlaryн kem quly berlä mäjdangä çyqğanyn... knäz Urusof cänabläre... ачыb salğan ide* («Б.т.», 1906, № 38, «Хажитархан октябрь 27», статья) ‘Господин князь Урусов... раскрыл... чьей рукой были организованы резня между татарами и армянами, продолжающаяся на протяжении двух лет и погромы, будоражащие население всего мира’; *Räxätläneb sulana torğan irken hawa wä härtörle xislärne tujdyryrlyq tabiğat bajlyğы anlarğa jetä* («В.», 1913, № 1178, «Юк өчен үлде...», художественное повествование) ‘Им достаточно вдыхаемого с удовольствием свободного воздуха и насыщающего любые чувства богатства природы’; *Härber dini wä mili xise bulğan möselmannың böten vöcudyn qaltrandyrlyq wä zärba bulyrlyq бу qarary, älbätä möselmanlar tarafыndan salqyn ğyna qarşylana almyjdyr* («К.», 1914, № 331, «Тәсефле хәл», статья) ‘Конечно же это реше-

ние, заставляющее дрожать все тело каждого мусульманина имеющего религиозные и национальные чувства и являющееся ударом, не может быть воспринято мусульманами с прохладой’.

Отрицательная форма причастия настоящего времени на *-yrlyq* образуется при помощи отрицательного показателя причастия *-mas/-mäš*, после которого следует аффикс *-lyq/-lek*. Данная форма причастия в текстах исследуемых нами газет выражает невозможность совершения действия как свойство или признак предмета: ...*šul adämğä çyrajy sytmajynča qaryj almasıq dārəcägä kiteräder* («Б.т.», 1906, № 36, «Алданучыларның берсе», статья) ‘...доводит до состояния, когда не возможно посмотреть на этого человека, не сделав кислую мину’; ...*fajdaly äsärlär motalağa häwäselärene jalyqdyrmasıq dārəcädä jyš näšer iteleb toradyr* («В.», 1910, № 561, «Русия мөселманлары», статья) ‘...полезные книги печатаются так часто, что любящие поспорить не успевают устать’; *Šul awyllar šušyndy janyğyr waqytlarda ajaq atlyj almasıq sazlyqğa äjlänälär* («К.», 1913, № 148, «Минзэлэ өязендән», корреспонденция) ‘Эти деревни в период дождей превращаются в непролазное болото’.

Причастия будущего времени

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» для обозначения признака предмета по действию, которое совершится в будущем, используются формы причастия на *-açaq*, *-yr* и *-asy*. Следует отметить, что по сравнению с формами причастий настоящего и прошедшего времени, формы причастий будущего времени в текстах газет имеют несколько ограниченное распространение. Как показывает фактический материал, в отличие от современного татарского литературного языка, где наибольшая активность зафиксирована со стороны форм на *-yr* и *-asy*, а форма на *-açaq* наиболее употребительна для художественного стиля [Тат. грам., 1997, с. 220], в исследованных текстах наблюдается активность формы на *-açaq*. Учитывая огузское происхождение этой формы [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 465], данную тенденцию можно объяснить влиянием тюркских языков огузской группы, в частности османско-турецкого литературного языка начала XX века на язык татарской периодической печати рассматриваемого периода и старотатарский литературный язык в целом.

Форма на *-aĉaq*

Форма на *-aĉaq* является наиболее активной формой причастия будущего времени в текстах татарской периодической печати начала XX века. Как было отмечено выше, форма на *-aĉaq*, которую относят к позднему праязыковому состоянию, является характерной особенностью огузских языков. В кыпчакских языках она наиболее употребительна в южных районах расселения тюркских народов – с разной степенью распространенности функционирует в уйгурском, узбекском, каракалпакском, татарском и башкирском языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 465]. При этом, она не получила широкого распространения в современном татарском литературном языке и в его говорах. Наиболее активно рассматриваемая форма употребляется в заказанской и нагорной группах говоров среднего диалекта [Юсупов, 2004, с. 87].

В текстах газет рассматриваемая форма образуется при помощи аффикса *-aĉaq/-äĉäk* (для согласных основ) и *-jaĉaq/-jäĉäk* (для гласных основ) и, как правило, употребляется в атрибутивном и глагольно-именном значениях. В атрибутивном значении форма на *-aĉaq* обозначает признак, свойство предмета или лица по действию, осуществление которого не подвергается сомнению: *Ufa ğubernatory qatnaĉaĉaq ber Ğajdkä qaryjm...* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан»), обзор периодической печати) ‘Я обращаю свой взор на праздник Гаёт, где будет участвовать губернатор Уфы’; *Jazyłaĉaq närsälär barsy da qara xəbärlär; naĉar xəbärlär* («В.», 1913, № 1109, «Истанбул мәктүб пләре»), очерк) ‘Вещи, о которых я буду писать, все черные новости, плохие новости’; *...monda qaluĉy wä törek jaralylary ilä rus jaralylaryna xedmät iäĉäk šäfqat tutaşlary azad iteläĉäk dijälär ide* («К.», 1915, № 596, «Әсир төшкән сәхабә поезды»), статья) ‘Поговаривали, что медицинские сестры, остающиеся здесь и которые будут помогать турецким и русским раненым, будут освобождены’.

Как и другие формы причастий, причастие на *-aĉaq* в атрибутивной функции, как правило, выступает в роли определения к словам, обозначающим субъект действия: *Aña iñ möhim ber šäj var isä o da qadyn ulaĉaq qyz ilä ir ulaĉaq jegetneñ ämraz möhlikädän masun ulmaqlarydyr* («Б.т.», 1906, № 28, «Тыйб вә издиваж»), статья) ‘Если для него и есть что-то наиболее важное, то это отсутствие у девушки, которая станет женой и юноши, который станет мужем,

губительных болезней'; *Zatä bu suğyşny **kuzğataçaq** närsä Törkijäneñ xaqiqyñ mänfäğatendän bigräk üz ara bulğan partija nizağlary, jäşeren ixtılaflar wä xosusyñ maqsadlar ide* («В.», 1909, № 507, «Төркия вә Крид мәсьәләсе», статья) 'В сущности, причиной, приведшей к возникновению войны стали внутрипартийный разлад, скрытые противоречия и личные цели, нежели реальные интересы Турции'; *Jöklären töşermičä, **tuwaçaq** balalaryñ tärbijä itärgä teläğän xatynlarğa aqça belän järdäm qyluny sorab, parlamentqa petitsijä birergä qarar birde* («К.», 1915, № 679, «Нимес балалары», заметка) 'Он принял решение отправить в парламент петицию, с просьбой о финансовой помощи женщинам, пожелавшим, не делая аборт, воспитывать детей, которые родятся'.

Рассматриваемая форма также может быть определением к словам, обозначающим объект действия: *Qaralaçaq мәsälälärdän iñ möhim ulany, jevrejlarñnyñ tigez pravalı ulmaqlary häm sajlau zaqonyñy üzgärtü haqynda* («Б.т.», 1907, № 89, «Русия хәбәрләре», заметка) 'Наиболее важный вопрос, который будет рассмотрен – равноправие евреев и об изменении закона о выборах'; *Janı açylaçaq mäktäblärgä iğänä sujar öçen alty jede keşedän möräkäb ber kamisijä sajlandy* («В.», 1909, № 536, «Мөселман жәмгыятенең жылышы», заметка) 'Для того, чтобы собрать пожертвования для открывающихся новых школ, была избрана комиссия, состоящая из шести-семи человек'; *Ramanof söläläseney padişahlyq sürüwenä 300 jyl tulu mönasäbäte belän çyğaryl-açaq ber sumlyq kömeş täñkäneñ nindi wä ni räweşçä bulaçağyñnyñ täfsile näşer itelde* («К.», 1913, № 54, «Зур иганә», заметка) 'Опубликовано подробное описание серебряной рублевой монеты, которая будет выпущена в честь 300 летия царствования династии Романовых'.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» обнаруживается употребление формы на *-açaq* в атрибутивной функции, при котором она служит определением к словам, обозначающим место действия: *...wä öçençe jaqdan da toraçaq jerdän idarä itüe hiç mömkin tügelder* («Б.т.», 1906, № 32, «Тырышмак вә эшләмәк», статья) '...в третьих, с того места, где он будет находиться, невозможно управлять'; *MinistrLAR sovety jaqyn arada bulaçaq cyjlyuşynda bu notany qarajaçaqdyr* («В.», 1912, № 1045, «Яңа сугыш», заметка) 'Совет министров рассмотрит данную ноту на своем собрании, которое будет в ближайшее время'; *Äfjün jandyrylaçaq jergä çit mämläkät keşeläre dä çaqyrylğan idelär* («К.», 1914, № 321,

«Харижи хэбэрлэр», заметка) ‘На место, где будет сожжен опиум, были приглашены и представители иностранных государств’.

Реже в текстах исследуемых нами газет обнаруживаются причастия на *-aĉaq*, которые в атрибутивной функции являются определением к словам, обозначающим время действия: *Läjläi Šärqyjä bulaĉaq kön fevral 21 dä isä säfir cänablärlilä berlekdä Peterburğda mosafir xarcijä nazujre Räfğat Pašanuj da kiläĉäge aňlaşyldy* («В.», 1909, № 438, «Петербургта Ләйләи Шәркыя вә мосафир төрек пашалары», статья) ‘Стало понятно, что в день, когда будет Ляйляи Шаркыя, 21 февраля, вместе с господином послом придет и министр иностранных дел Рафгат Паша, гостящий в Петербурге’; *Jenikijef belän Cägfaref kenä Petroğradda bulyb, başqalary Ğ. дума aĉylaĉaq könlärdä kiläĉäklär imeš* («К.», 1917, № 1082, «Петроград мәктүбе», корреспонденция) ‘Говорят, в Петрограде находятся лишь Еникеев и Ягфаров, а остальные придут в день, когда начнет работу Г. дума’.

В тех случаях, когда причастие на *-aĉaq* в текстах газет употребляется в функции имени действия, оно может принимать аффиксы числа, принадлежности, а также падежные аффиксы: *Qan tügelä dä tügelä, qajĉanğa betäĉäge, bu qurqunyĉly awyrudan ärmän tatarlarnuj qajĉan qotylaĉaqlary haman belenmi* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Кровь продолжает проливаться, неизвестно, когда это закончится, когда татары и армяне избавятся от этого страшного недуга’. Как видно, в данном примере форма на *-aĉaq* в основном падеже осложнена аффиксом принадлежности, который указывает непосредственно на субъект действия.

...*bu qymyznuj säüdäsenej dä šul apteklar säüdäsendän fajdalyraq bulaĉağynda... hiĉ šöbhä juq* («В.», 1914, № 1514, «Төркиядә кумызчылык», статья) ‘Нет ни единого сомнения, что продажи кумыса будут намного прибыльнее чем продажа тех же аптечных препаратов...’; *Mäcles Sovet wäkilenej süzlärendän qänäğat xasil imti, bik qaty täñqyjđ iteb, äğär Sovet ĉexlarny uzdyrmasa üzläre Sovet ğaskärenej artyna töšäĉäklären iğlan itälär* («К.», 1918, № 1242, «Самара фронты», репортаж) ‘Собрание не выражает довольства от слов представителя страны Советов, очень сильно подвергнув критике, объявляют, что в случае, если страна Советов не пропустит чехов, то они сами дадут нагоняй Советской армии’. В последнем примере причастие на *-aĉaq*, оформленное при помощи аффиксов числа и принадлежности, упо-

треблено с винительным падежом. Такое оформление рассматриваемой формы выражает объектное отношение.

В субстантивированном виде причастие на *-açaq* в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», употребляется крайне редко. При этом, как правило, приходится говорить о словах, перешедших в разряд существительных посредством контекстуальной субстантивации (*eşlänäçäk* ‘дело’, *kiläçäk* ‘будущее’, *viräçäk* ‘долг; предмет, который должен быть отдан’, *küräçäk* ‘судьба’ и т.д.): *Järdäm itkän keşe viräçäken vireb kvitansijä alyr sonjra gazetamyzda iğlan ideler* («Б.т.», 1907, № 81, объявление) ‘После того, как помогший человек отдаст, что должен был отдать и возьмет квитанцию, объявление будет опубликовано в нашей газете’; *Sullar, kiläçäkdä bulaçaq mödaxälälärgä küneb şunıñ belän bergä mäsläkle wä liberalnyj ber kamitet kiräklegen taläb itüdü nijät kürsätdelär* («К.», 1913, № 49, «Япониянец яңа вэзарәте», заметка) ‘Левые, смирившись с вмешательствами, которые будут в будущем, вместе с этим, показали рвение в отстаивании необходимости профессионального и либерального комитета’.

Отрицательная форма причастия на *-açaq* в текстах газет, как и в современном татарском литературном языке [Тат. грам., 1997, с. 219], образуется при помощи отрицательного аффикса *-ma/-mä*: *Idarämezgä waqytly näşiremez Xucaef isemenä Ğajsä mula Salixof imzaly vöçdan kütärmäjäçäk ber açyq xat kilsä dä şu açyq xatnyñ jazu wä imzasyny Ğajsä mulanyqy tügel dimäklärene ujladyq wä açyq xatqa cawab birelmäde* («Б.т.», 1906, № 30, «Идарэдән», комментарий) ‘Несмотря на то, что на имя нашего временного издателя Ходжаева поступило душераздирающее открытое письмо с подписью Гайсы муллы Салихова, прислушавшись к мнениям, которые утверждают что стиль и почерк данного открытого письма не соответствуют стилю и почерку Гайсы муллы Салихова, ответ не был дан’; *Praxodlarny tänbih qylmyjça batyrmajaçağyn ğaraz qylğan* («К.», 1915, № 883, «Германия вә Америка», заметка) ‘Он запланировал, что не будет топить пароходы без предупреждения’.

В целом, рассматриваемая форма регулярно обнаруживается не только в текстах татарской периодической печати начала XX века, но и в текстах старотатарских письменных памятников рассматриваемого периода, оформленных в разных жанрах [Татар әдәби теле..., 2017, б. 726] и является показателем нормы литературного языка.

Форма на *-ур*

Наиболее ранним значением данной формы в тюркских языках является выражение постоянного динамического признака. При этом, она довольно рано начинает употребляться для создания настоящего-будущего времени, что приводит к снижению интенсивности употребления в сфере причастий [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 447]. В настоящее время в некоторых тюркских языках, в частности огузской группы, форма на *-ур* в функции причастия характеризуется ограниченным употреблением [Кононов, 1956, с. 239], а в некоторых языках она и вовсе отсутствует [Мусаев, 1964, с. 281].

Как известно, в современном татарском литературном языке, а также во всех ее диалектах форма на *-ур*, наряду с формами на *-ау* и *-аҗақ*, составляет систему форм причастий будущего времени и характеризует предмет, лицо либо явление по его постоянному признаку, а также может выражать будущее время. При этом, степень употребительности рассматриваемой формы причастия в диалектах татарского языка варьируется. Так, если в мишарском диалекте форма на *-ур* имеет сравнительно ограниченное употребление, то в говорах среднего диалекта ее активность заметно снижается, а в говорах пермских, ичкинских и сафакульских татар она максимально активна, что объясняется отсутствием в последних конкурирующих форм на *-ау* и *-аҗақ* [Юсупов, 2004, с. 69].

В отличие от современного состояния татарского литературного языка, где рассматриваемая форма употребительна в собственно-причастном значении, выступает в роли имени действия, а также, хотя и реже, субстантивируется, в текстах исследуемых нами газет форма на *-ур* наиболее активна при передаче обстоятельственных отношений и функционирует в паре с такими послелогоми и служебными словами, как *öçen* 'для', *şikelle, kebek, kebi*, 'как, как будто', *aldan, aldyndan* 'до, раньше', *sonra* 'после, позже' и т.д.

Наиболее часто в текстах обнаруживается форма на *-ур* в сочетании с послелогом *öçen* 'для'. Такое сочетание употребляется для выражения цели совершаемого действия: *Här ǵaqly bar ärmän, här vöcdany bar tatar bu kiräksez qanlarny tüǵüne tuqtatyr öçen böten köçen saryf qylyrǵa tijeşder* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) 'Каждый разумный армянин, каждый совестливый татарин должен приложить все свои силы чтобы остановить это

ненужное кровопролитие'; *Jäşlär qujylыр öçen metriqa däftärendän svediniya birergä formasy duхovnyj sobranija tarafyndan jazylыb tasdyjq idelgän metriçeskij ysprafka häm semejnuy vypiska blankalary basylыb çyqdy* («В.», 1910, № 640, объявление) 'Отпечатаны формы метрических справок и семейных выписок для указания сведений о возрастах из метрической книги, подготовленные и одобренные духовным собранием'; *Bezney Dvina nähren saqlar öçen qujylğän quwätle tuplarymyz doşmannuy jylğa kiçüwenä qarşy tora almağanlar* («К.», 1917, № 1155, «Сугыш мәйданында куркыныч хәлләр», статья) 'Наши мощные пушки, установленные для защиты реки Двина не смогли противостоять переправке врага через реку'.

Еще одним наиболее активным сочетанием является употребление в текстах формы на *-ыр* в паре со служебным словом *aldyndan* 'до'. В данном случае выражается значение предшествующего действия: *Suğyş başlar aldyndan Germanija ilä Avstrija böten ğälämneñ üzlärenä qarşy ajaqlanaçağyn beldelärme ikän?* («В.», 1914, № 1544, «Каршау эчендә», статья) 'Знали ли Германия и Австрия перед объявлением войны о том, что весь мир восстанет против них?'.

Для выражения значения предшествующего действия в текстах газет служебное слово *aldyndan* 'до' также может употребляться без аффикса принадлежности: *Öçençe sjezd Gasudarstvennyj дума аçылыр алдан ğyna apreldä buldy* («Б.т.», 1906, № 27, «Конституционно-демократический партиәнең организациясе», статья) 'Третий съезд состоялся еще только в апреле перед открытием Государственной думы'.

Кроме того, в текстах обнаруживается сочетание формы на *-ыр* и послелога *soñra* 'после, позже', которое употребляется для выражения значения последующего действия: *Järdäm itkän keşe viräçäken vireb kvitansijä алыр soñra gazetamyzda iğlan ideler* («Б.т.», 1907, № 81, объявление) 'После того, как помогший человек отдаст, что должен был отдать и возьмет квитанцию, объявление будет опубликовано в нашей газете'.

Также в текстах регулярно обнаруживается сочетание формы на *-ыр* с послелогом *şikelle* 'как будто', которое выражает сомнение или неуверенность субъекта в совершении действия: *Bu oluğ suğyş böten Jaurupada ber inqyjlab fikere tuğdyrğän şikelle, kiläse tormyşqa da üzeneñ ezlären bik nuq qaldыrыр şikelle kürenä* («К.», 1910, № 613, «Нимес хатынлары», статья) 'Эта великая война, кажется так же,

как породила революционную мысль во всей Европе, оставит свой неизгладимый след и на предстоящей жизни’.

Таким образом, проанализированный нами фактический материал показал ограниченную степень функционирования формы причастия будущего времени на *-ur* в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш». Однако этому есть ряд логических объяснений. Как мы подчеркивали выше, в грамматическом плане рассматриваемая форма может характеризовать предмет по постоянному действию. Однако в текстах газет функционирует одна из наиболее сильных причастных форм на *-a torğan*, которая в исследуемых текстах также характеризует предмет по постоянному действию. Следовательно, в результате конкуренции форма на *-ur* получает ограниченное распространение.

В тех случаях, когда форма на *-ur* в текстах газет могла быть употреблена при выражении процесса, который обязательно произойдет в будущем, вместо нее наблюдается активное употребление наиболее активной для языка татарской периодической печати начала XX века формы на *-açaq*.

Кроме того, при выражении формы на *-ur* динамического признака предмета как его постоянного свойства, данное значение может сопровождаться модальными оттенками возможности или потенциальной способности субъекта к совершению того или иного действия [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 449]. Однако в данном значении в текстах газет наиболее активно употребляется форма на *-yrlyq*, позиционирующаяся как форма причастия настоящего времени [Юсупов, 2004, с. 42].

Следует отметить, что подобное нерегулярное функционирование формы причастия будущего времени на *-ur* характерно и для текстов художественных произведений, оформленных на старотатарском литературном языке рассматриваемого периода. Так, в произведении М. Акъегета «Хисаметдин менла» форма на *-ur* употребляется лишь в сочетании с послелогом *kebi*, ‘как, как будто’, в ряде произведений З. Бигиева рассматриваемая форма употребляется только лишь в атрибутивной функции, а в путевых очерках Ф. Карими наблюдается лишь эпизодическое употребление данной формы [Татар әдәби теле..., 2017, б. 714, 716].

Форма на *-asy*

Еще одной формой причастия будущего времени, функционирующей в текстах татарской периодической печати начала XX века, является форма на *-asy*. Рассматриваемая форма имеет активное употребление как в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 232], так и в некоторых ее диалектах [Юсупов, 2004, с. 76]. Так, она активна в среднем диалекте, где функционирует во всех говорах, характеризуясь, при этом, разной степенью употребительности – ее наиболее активное присутствие наблюдается в заказанских и нагорных говорах, а также в мензелинском говоре.

В отличие от современного состояния татарского литературного языка, по сравнению с формами причастий будущего времени на *-açaq* и *-yr*, в текстах татароязычных газет начала XX века рассматриваемая форма характеризуется наименьшей степенью распространения. Наиболее активное употребление данной формы зафиксировано в текстах газеты «Кояш», тогда как для текстов газеты «Вақыт» ее употребление не является характерной особенностью. Функционирование рассматриваемой формы в текстах газеты «Борхане таракки» характеризуется как спорадическое.

В текстах газеты «Кояш» форма на *-asy* выражает будущее время, которое сопровождается модальным оттенком долженствования. При этом, временное значение данной формы причастия всегда абсолютное и не зависит от времени, выраженным глаголом в личной форме: *Jurjef darel'fönüne Permgä küčkän täqdirdä Meşkof digän bajnuñ darel'fönün fajdasyna 500 meñ sum birüse jazylğan ide* («К.», 1910, № 858, «Юрьев дарелфөнүне Пермгэ күчэ», заметка) 'Ранее писалось, что о бай по фамилии Мешков передаст в пользу Юрьевского университета 500 тысяч рублей в случае переезда университета в Пермь'.

Следует отметить, что в текстах газеты «Кояш» рассматриваемая форма, как правило, наиболее активна в атрибутивной функции, а также может быть использована в функции имени действия. При употреблении в текстах газеты определительно-атрибутивная характеристика является наиболее активной в семантике формы на *-asy*, которая в данном случае выражает свойство предмета или лица по действию, которое произойдет в будущем. При этом, рассматриваемая форма, как правило, характеризует объект или субъект действия. Однако, как и в случае с рассмотренными выше формами причастий,

в зависимости от лексического содержания и формы определяемого слова, может указывать на место или время совершения действия: *Bik az ğyna xata buldy, aldan küräse keşelärne küreb, jaxşyraq häzerläneq qyjmadyq, dilär imeş* («К.», 1914, № 331, «Тасыфлы хэл», статья) ‘Говорят, мол, сделали маленькую ошибку, не подготовились получше, заранее увидев людей, которых должны были увидеть’; *Jaŋa baş ministr Ğaremykin, hökümetneñ kiläçäkdä totaçaq xat xäräkäte tuğrysındağy bəjanätne Däülät dumasında kiläse atnada uqyjaçaqdyr* («К.», 1914, № 331, «Дахили хэбэрлэр», заметка) ‘Новый председатель Совета министров Горемыкин на будущей неделе в Государственной думе зачитает доклад о направлении, которого в будущем будет придерживаться правительство’.

Как отмечалось выше, в текстах газеты «Кояш» также обнаруживается форма причастия на *-asy* в функции имени действия: *Läkin ul bik tiz ajnydy wä bu xälne kürsätü adäm balasy öçen zur ber cinajät bulasyn töşende* («К.», 1914, № 377, «Габдулла мэрхүм Тукай хакында хосусый ядкэр», статья) ‘Но он очень быстро пришел в себя и осознал что демонстрация такого состояния станет большим преступлением для человека’.

Кроме собственно-причастной и глагольно-именной функций форма на *-asy* в текстах газеты «Кояш» может выступать и на позиции сказуемого, выражая при этом будущее действие с оттенком необходимости или долженствования: *Un öçendän un jedenäçä “Säjfulla” sujyny bulasyn* («К.», 1913, № 148, «Минзэлэ өязендэн», корреспонденция) ‘С тринадцатого по семнадцатое планируется проведение джигена «Сайфулла»’.

В текстах газет «Борхане таракки» и «Кояш» зафиксировано функционирование модальной конструкции, образованной в результате сочетания формы на *-asy* с глаголом *-kil* ‘иди’, которое выражает субъективное желание того или иного лица совершить какое-либо действие: *...ämä bezneñ bjurokratijä haman da haqiyqät xälgä iltifat itmäjenčä... xalyqnuy inde any küräse kilmägänlegene anlab jetkerä almyj* («Б.т.», 1906, № 28, «Хажитархан сентябрь 24», статья) ‘...но наша бюрократия все еще не обращая внимания на реальное положение дел... не может осознать народную ненависть’; *Pravitelstva qartajsa da üzeneñ törle räxät tormyšyndan ajrylasyn kilmäjenčä az bulsa da toryb qalyjm diheb xalyqqa üzgärülär wäğdä iteb veksəl birde* («Б.т.», 1906, № 33, «Хажитархан октябрь 11», статья) ‘Несмотря на то, что

правительство уже постарело, оно, не желая лишаться сытой жизни, с целью хоть немного продлить ее, раздало вексель, обещая народу перемены»; *Samaradan kilgän deputat Miñle ğaliev oktäbristlardan saylanyb kilgängä kürä, möselman fraksijasyna quşylasy kilmäde* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмөв берлә ултырышу», интервью) 'Депутат из Самары Миннеғалиев, по причине избрания от октябристов, не пожелал вступать в мусульманскую фракцию'.

Посредством сочетания формы на *-asy* и вспомогательного глагола *ide* 'был' в текстах газет выражается значение пересеченного условного действия: *bezgä dä bik eraqdan xörrijät kisäkläre kürenä başlağaç bezlär dä fälän bulasy idegä totyndyq* («Б.т.», 1906, № 29, «Хажитархан сентябрь 24», статья) '...как только мы заметили, что где-то очень далеко и нам тоже светит независимость, все тут же перешли на «было бы хорошо, если»'.

Следует отметить, что форма на *-asy* является характерной особенностью огузских языков, тогда как сфера ее употребления в кыпчакских языках заметно сужается [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 466]. Так, до XV века рассматриваемая форма функционировала в османском письменном литературном языке, а на сегодняшний день находится в употреблении в современном турецком, а также азербайджанском, туркменском и в некоторых кыпчакских языках.

Ограниченное распространение формы на *-asy* в текстах исследуемых нами газет прежде всего объясняется конкуренцией с наиболее употребительной формой на *-açaq*. Кроме того, тот факт, что форма на *-asy* более употребительна для газеты «Кояш», которая по сравнению с газетами «Борхане таракки» и «Вақыт» в рамках межреволюционного периода 1905-1917 гг. начинает издаваться в более поздний временной отрезок, свидетельствует о наличии процессов отхождения от влияния традиционных общетюркских языковых элементов, а также от влияния тюркских языков огузской группы, в частности османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода. Это, в свою очередь, приводит к активизации процессов формирования норм нового татарского письменно-литературного языка начала XX века и процессов перехода к этапу современного языкового состояния. Учитывая, что в настоящее время центром употребления рассматриваемого изоглоссного явления считаются говоры среднего диалекта, распространенные на территории Татарстана [Юсупов, 2004, с. 76], немаловажную роль в сравнительно более активном упо-

треблении формы на *-asy* можно считать и тот факт, что издавалась газета «Кояш» в Казани. При этом, спорадическое функционирование формы на *-asy* было характерно и для письменных памятников конца XIX – начала XX вв., созданных на старотатарском литературном языке. Так, употребление данной формы причастия будущего времени не зафиксировано в литературных произведениях, относящихся к рассматриваемому периоду, хотя в текстах произведений, созданных на более ранних этапах ее употребление имеет место быть [Татар эдэби теле..., 2017, б. 107, 179, 240, 283, 707], что подчеркивает ослабевающий характер распространения формы на *-asy*.

Как показал анализ фактического материала, в текстах газет функционируют причастные формы, характерные как для кыпчакских языков, так и для тюркских языков огузской группы. Среди форм причастий прошедшего времени наиболее активно функционирует форма причастия прошедшего времени на *-ğan*, характерная для кыпчакских языков, в частности для современного татарского литературного языка. Также в текстах обнаруживается форма на *-туџ*, характерная для огузских языков, но употреблявшаяся в татарском языке до первой четверти XX века. Менее активно в текстах газеты обнаруживаются формы причастия прошедшего времени на *-an* и на *-dyq*, характерные для огузских языков. Также в текстах исследуемых нами газет обнаруживается ограниченное употребление формы на *-maqda ulan (bulğan)*, которая является грамматическим элементом, вошедшим в огузированный вариант старотатарского письменного литературного языка начала XX века, и в частности в грамматическую систему исследуемых нами газет, через османско-турецкое посредство.

Причастие настоящего времени в текстах выражается при помощи синтетических форм на *-иџу* и *-yrlyq*, а также аналитической формы на *-a torğan*. При этом наиболее продуктивной является последняя форма.

В отличие от современного татарского литературного языка, где наибольшая активность среди форм причастий будущего времени зафиксирована со стороны форм на *-yr* и *-asy*, в исследованных текстах наблюдается отчетливое превосходство формы на *-aџaq*, являющейся характерной особенностью огузских языков.

Наличие в системе причастий элементов, характерных для огузских языков может восприниматься как свидетельство влияния языков огузской группы на татарский литературный язык конца

XIX – начала XX вв., а именно османско-турецкого языка. В то же время уместно говорить о функционировании в языке исследуемых нами газет традиционных языковых форм, характерных для преобладающего большинства тюркских языков.

В целом, причастия функционируют в текстах, относящихся ко всем жанровым группам. Однако наиболее широкое распространение рассматриваемая часть речи получает в текстах статей, относящихся к аналитическим жанрам, в текстах очерков, фельетонов, а также в текстах художественного повествования, относящихся к художественно-публицистическим жанрам и в текстах отчетов, относящихся к информационным жанрам. При этом, употребление причастий ограничено в текстах заметок, объявлений, комментариев и статистических данных.

Причастия, более подробно раскрывая информацию о предмете или лице, обогащают речь, делают предложения более глубокими и красивыми. Однако не все жанры, функционирующие в рамках текстов периодической печати, по форме своей композиции могут содержать в себе подобные не всегда обязательные элементы. Так, например, статья не ограничена в объемах, что позволяет автору более точно выражать свои мысли, выискивать наиболее действенные на читателя языковые обороты, что позволяет создать особенный, отличающийся от информационных жанров стиль текста. Между тем, тексты заметок ограничены как по времени написания, так и по форме, а именно по объемам. Автор заметки коротко и лаконично дает информацию по уже свершившемуся либо планируемому действию. В результате текст в грамматическом плане заметно упрощается, что отражается и на его стилистической композиции. Такая же ситуация наблюдается в текстах объявлений, которые несут в себе задачу информирования или воздействия на читателя с целью получения экономической выгоды. В результате тексты объявлений на грамматическом уровне получают более упрощенными, чем объемные тексты отчетов, репортажей, интервью, либо текстов, относящихся к аналитическим и художественно-публицистическим жанрам.

2.2. Деепричастие

Как и в современном татарском литературном языке, а также в других тюркских языках, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и

«Кояш» деепричастие представляет собой неличную форму глагола, выражающую второстепенное, дополнительное действие по отношению к главному действию. Деепричастие совмещает в себе признаки глагола и наречия, в результате чего, как и наречие, выражает признак другого действия, характеризуя его по образу и способу, времени, цели, причине совершения действия. Будучи формой глагола, деепричастие всегда выражает значение действия и характеризует его как признак другого действия.

В настоящее время в современном татарском литературном языке функционирует пять форм деепричастий: формы на *-ып*, *-а*, *-гач*, *-ганчы*, *-ышлы* [Татар грамматикасы, 2016, б. 249]. В текстах исследуемых нами газет кроме некоторых форм, находящихся в употреблении в современном татарском литературном языке, также наблюдается функционирование форм, характерных для тюркских языков огузской группы (*-araq*, *-madan*, *-masdan*). Основываясь на традиционную морфологическую классификацию, принятую в тюркологии [Баскаков, 1952, с. 460–461], можно разделить все формы деепричастий, функционирующие в текстах исследуемых нами газет, на первичные и вторичные. При этом, к первичным формам относятся формы на *-ып* и *-а*, тогда как к вторичным, либо сложным формам деепричастий относятся все остальные формы, так как все они образуются от причастных либо глагольно-именных основ путем присоединения специальных аффиксов.

Форма на *-ып*

В текстах исследуемых нами газет, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 249] и в его говорах [Юсупов, 2004, с. 126], а также в других тюркских языках [Грунина, 1991, с. 144], деепричастие на *-ып* имеет широкую сферу употребления и характеризуется своей многозначностью и полифункциональностью. После основ с конечным согласным, в зависимости от мягкости и твердости основы, она оформляется при помощи аффикса *-ып/-еп*, тогда как после гласных основ добавляется аффикс *-б*. В текстах газет рассматриваемая форма наиболее активна в значении действия, предшествующего действию, выраженному основным глаголом, либо в значении одновременного с ним действия: *Bezney ğotumi Rusijä xalqyny zalim birokrajä qulyndan qurtylyb irkenle wä paçotly tormyşqa jul açar öçen... irekle tügellärder* («Б.т.», 1907, № 81,

«Думаны куалау хакында», статья) ‘Они подневольны..., чтобы открыть дорогу всему российскому народу к свободной и почетной жизни, освободив от жесткой руки бюрократии’; *Ğotum daxili Rusijä möselmanlarynuň möfiläre şunda xäzer bulyub, bu ešne täbrik wä täqdis itde* («В.», 1910, № 640, «Мөселман съездындагы тасырат», статья) ‘В этот момент муфтии мусулман всей внутренней России, будучи готовыми, поздравили и отметили это дело’; *17 nçe sentäbrdä ike märtäbä mäcles jasalyb keçkenä mäclesdä törle milätlärneň wäkilläre wä şul cömlädän möselmanlardan Äxmädbäk Sälahof ilä Möselman xärbi şurasy isemendän Tuqumbetofsöjläde* («К.», 1917, № 1165, «Демократлар киңәш мәжлесе», отчет) ‘17 сентября после того, как два раза было проведено собрание, на малом собрании выступили представители разных стран, в частности от мусульман выступил Ахмадбек Салахов, от имени Военного совета мусульман – Тукумбетов’.

Кроме указанного выше основного значения деепричастия на *-yb*, в текстах газет обнаруживаются и ее сопутствующие значения. Так, в текстах активно значение образа либо способа действия, которое, в частности, может выражаться и при помощи звукоподражательных слов. При этом, как правило, уместно говорить о действии, совершающемся параллельно с другим действием: *Ajağyna zur kün itekläär kigän cilkäsenä ütken uştyqly savaş system myltyqny kütäreb ber urynda basyb bağana kebi tora jäisä şaq şaq iteb trotuarda ärle birle jörider* («Б.т.», 1906, № 42, «Шулай кирәкме?», статья) ‘На ногах большие кожаные сапоги, стоит на одном месте словно столб, повесив на плече боевое ружье с острым штыком или ходит туда-сюда по тротуару, топая ногами’; *Mal asrarğa teläüçeläremez öçen ajrym jalanlar kiseb bireñez* («В.», 1910, № 563, «Кыргызларның күчәбәлекне ташлый башлаулары», статья) ‘Для тех из нас, кто хочет разводить скот, выделите луга’; *Xäzer sajlaulardan soñ awyllaryndan tyşqa çyqğanda, ... motlaq şabqa kieb çyğarğa mäcbür bulalar ikän* («К.», 1914, № 388, «Болгарстанда хөррият диния», статья) ‘Оказывается теперь, после выборов, когда они едут куда-то за пределы своих деревень, ... они вынуждены обязательно надевать шапки’.

Также в текстах газет активно обнаруживаются примеры функционирования формы на *-yb*, передающие значение причины совершения того или иного действия: *Sentäbr 7 ndä törmäneş tabıby qarab, monuň übkäse bozulyb çixotkağa äjlänä başlağan dide* («Б.т.», 1906, № 30, «Киев – Уманский төрмәгә ябылган», заметка)

‘7 сентября после того, как его осмотрел тюремный доктор, сказал, что у него изменения в легких и начинается чахотка’; *Äbi padša üze böjlä fransuz filosoflarynyň äsärlären uqyb läzätlänä wä anlarğa ijäreb liberal mäsläkle kürenä* («В.», 1912, № 1027, «Ватан сугышы вэ аның эһәмияте», статья) ‘Царица Екатерина II и сама читая произведения таких французских философов, получает от этого наслаждение и следуя им кажется сторонником либеральных взглядов’; *Vagzalda xedmät itüçe Ğarif Wäliullin digän keşe şul vagonnyň töbendä qalğan yspirtny eçärgä ujab vagonnyň östendäge qabqaçyn açyb miçkäneň eçenä töşkän* («К.», 1915, № 706, «Эчэсе килгән», заметка) ‘Человек по имени Гариф Валиуллин, работающий на вокзале, решив выпить спирт, оставшийся на дне этого вагона, открыл крышку на верхней части вагона и провалился в бочку’.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» также зафиксировано употребление деепричастия на *-ub* в сочетании с частицей *-da/-dä*, что позволяет рассматриваемой форме передавать значение уступительного действия: *Xäzerge waqytda Räsidi qazyj şäm jaqtysynda brilliant bulyb küreneb dä, elektrik jaqtysynda fajdasyz “ğapon” idege här kemgä mäğlüm buldy* («Б.т.», 1906, № 36, «Алданучыларның берсе», статья) ‘Несмотря на то, что сегодня на свете свеч Рашид казий выглядит бриллиантом, на свете электрическом всем стало понятно, что он бесполезный «гапон»’; *Fäqat anlarnyň xozurynda säjäxät itärgä qujylyb da šäxsi xedmätläär kürsätkän adämlär genä büläk alyrğa haqlydyrlar* («В.», 1910, № 640, «Бохара эмире илэ Хива ханының бүләк бирү хақларын киметү», заметка) ‘Однако даже при условии, что они были предназначены для путешествий при них, подарки имеют право получать лишь лица, представляющие частные услуги’; *Häm bu suallärgä niçek kenä itdereb dä sawab bireb bulmyj* («К.», 1914, № 427, «Зэбех мәсәләсе», статья) ‘И что бы ни сделать, на эти вопросы невозможно ответить’.

Кроме того, в текстах газет наблюдается употребление двух и более деепричастий на *-ub* в рамках одного предложения для передачи временной характеристики ряда действий, совершаемых один за другим: *Qulğa töşkän aqçany israf itmiçä genä totyb, ... şuşyndaj möselman qardäşläremezneň aç wä jalanğaç wä moxtac könlärendä bireb järdäm itsäk awyllarymyzdağy jyğylyb jatqan mäktäbläremezne torğyzyb jaxşy jaxşy xälfälär, möğalimläär aldyryb balalarymyzğa uramlarda ata ana sügeб jörü urynyна iman ügrätärsäk ni xuş möselmanlar bulyr idek*

(«Б.т.», 1906, № 57, «Ачлык вә ногай кардәшләремез», статья) ‘Если бы мы использовали попавшие нам в руки деньги не растрчивая впустую,... если бы помогли нашим братьям мусульманам в эти голодные и нуждающиеся дни, если бы отремонтировав разваленные деревенские школы, наняли хороших преподавателей и обучали бы детей, вместо того чтобы они бродили бы по улицам ругая родителей, какими хорошими мусульманами мы бы были’; *Čönki bu näfrätlär, bajqotlar tirän ujab ozaq fikerläb wä kitabny tiješlečä uqyb iğlan itelgän tügellär* («В.», 1910, № 561, «“Исабәт” китабы хакында», статья) ‘Потому что эта ненависть, байкоты, не объявлены после глубоких размышлений, долгих раздумий и должным образом прочитав книгу’; *Tižni gubernasynyň qaraňy ber öjäsentän kileb, qyryq tartma säüdäsentän başlab, häzerge köndä ütken, citez säüdägär syjnyfy täškil iteb, fin mädänijäte belän jaqynlaşuýy bu qysym tatarlarynyň här izge ešdä şulaj ürnäk bulyb torulary diqat itelmälek tügelder* («К.», 1916, № 928, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘Невозможно не обратить внимания на то, как эта группа татар, сближающаяся с финской культурой, приехав из темного уезда Нижегородского уезда, начав с галантерейной торговли, сегодня образовав класс хватких, проворных торговцев, всегда является образцом в этом священном деле’.

Такое употребление формы на *-yb* более характерна для художественных произведений конца XIX – начала XX вв., созданных на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 771]. В какой-то степени данный прием способствовал оживлению речи и употреблялся авторами в качестве стилистического средства. Кроме того, рассматриваемая форма активно использовалась при передаче чувств и переживаний литературных персонажей.

В некоторых текстах обнаруживается ограниченное употребление причастия на *-yb* в редуцированной форме, когда рассматриваемое причастие, образованное от одной и той же основы, употребляется в повторном виде. В данном случае форма на *-yb* служит для передачи значения многократности, интенсивности, длительности либо усиления того или иного действия: *Çiŋgi Näğimä belän Zäjnäbneň başlaryny majlab majlab tarağaç janı külmäklär kiderde, alar bik maturlandyrlar* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘После того, как тетушка, мажа, расчесала волосы Нагиме с Зайнаб, она одела их в новые платья, они очень похорошели’; *Şul möbaräk qarçyqnyň ber waqyt minem jemerelgän häteremne tözätüe, qoçaqlab*

übeb übeb... dib äjtüläre isemä töşä («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Я вспоминаю, как однажды эта уважаемая старушка излечила мою разбитую душу, целуя обнимая сказала...’.

Как видно из последнего примера, форма на *-yb* может употребляться также в редуцированной форме, образованной от разных основ (*qoçaqlab übeb* ‘целуя обнимая’). В данном случае при помощи рассматриваемой формы деепричастия выражается образ и способ совершения действия, а не ее многократность или интенсивность: *Balşiviklar fırqase tartıyb suzyb xisab itelgändä dä, ysjezdnyj altydan ber qadäresendän artyq bula almady, mondan qalğanlary partijäsezlär ide* («К.», 1917, № 1130, «Казан губернасындагы мөселман съезды», статья) ‘Партия большевиков, даже при подсчете с натяжкой, не смогла превзойти одну шестую всего съезда, остальные были беспартийными’.

Отрицательная форма деепричастия на *-yb*, функционирующая в текстах газет, по способу оформления разделяется на несколько видов. При этом, наибольшая вариативность наблюдается в текстах газеты «Борхане таракки». Так, здесь регулярно обнаруживается образованная непосредственно от деепричастия на *-yb* отрицательная форма на *-majyb*, где с целью сохранения гласного звука в аффиксе *-yb* после отрицательной частицы используется графема *-j*: *Bu köngä qadär üzetmezne qyzğanmajyb hiç tuqtausyz eşläb...* («Б.т.», 1906, № 28, «Кием тегүче, бүрекче һәм читекче ибдәшләремезгә ачык хат», письмо) ‘До этого дня не щадя себя и работая безостановочно...’.

Такая форма деепричастия на *-yb* не характерна для современного татарского литературного языка, но в чуть иной фонетической форме, а именно без графемы *-j*, встречается в некоторых говорах мишарского диалекта и является его отличительной особенностью, противопоставляющей данный диалект другим диалектам и современному татарскому литературному языку [Юсупов, 2004, с. 150].

В текстах газеты «Борхане таракки» обнаруживается и, так называемая, простая отрицательная форма, образованная путем присоединения к глагольной основе аффикса отрицания *-ma/-mä* и деепричастного аффикса *-j*: *Köne tone joqlamyj milätne qarawyllyj torğan xäjät babaj märxüm jäşli wafat buldy* («Б.т.», 1906, № 29, «Хажитархан сентябрь 26», статья) ‘Дедушка «Хаят», и днем и ночью не смыкая глаз охраняющий народ, отошел в мир иной будучи еще молодым’.

Данная форма, функционирующая в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 252], также активно употребляется в текстах газеты «Вақыт»: *Läkin bu eşneñ xatalyq belän genä bulmyj, Daud belän märxüm Syrılanov arasynda bulğan šäxsi doşmanlyq belän bulğanlyğy añlaşyldy* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залындан)», репортаж) ‘Однако стало ясно, что это произошло не случайно, а в результате личных неприязненных отношений, имевших место между Даутом и покойным Сыртлановым’.

В текстах газеты «Борхане таракки» функционирует форма, также находящаяся в употреблении в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 251], образованная при помощи сложного аффикса *-myj* и аффикса наречия *-ča/-čä*: *Üzläre teläğän möğalimlärne qujğanlyqny ber närsägä sanamyjča küz jomsa da...* («Б.т.», 1906, № 28, «Хажитархан сентябрь 24», статья) ‘Если даже он, не считаясь с их выбором учителей, закрывает на это глаза...’.

Такой вариант оформления отрицательной формы деепричастия на *-yb* имеет широкое распространение и в текстах газет «Вақыт» и «Кояш»: *Xäzergä Qytaj eşlärenä qatnaşyrğa lözüm tabmyjča ni taraf qalamyz* («В.», 1912, № 956, «Русиянең хәзерге сясәте», статья) ‘В настоящее время, не находя необходимости вмешиваться в дела Китая, какой позиции мы придерживаемся?’; *Nimes iskдрысы inde тоңар çydyj almyjča, cänübкә, üz saxalaryna taba çigenä başlyj* («К.», 1916, № 970, «Олуг дингез сугышы», статья) ‘Немецкая эскадра, не выдержав этого, начинает отступать на юг, по направлению к своей территории’.

Для текстов газеты «Борхане таракки» и «Вақыт» характерно употребление отрицательной формы деепричастия, образованной при помощи сложного аффикса *-majyn/-myjyn* и наречного аффикса *-ča/-čä*: *İñ artta qalğan ber milät bulsa ul da bezneñ tatar miläte bulmajynča kem bulsyn* («Б.т.», 1906, № 42, «Хажитархан ноябрь 14», статья) ‘Если есть на свете самый отсталый народ, то кто это, если не мы?’; *Mili wä dini teläkläremздән бағзыларын жуғарыдан röxsüt sorama jynča, jäki nizamlar üzgärtelüne kötmäjenčä xalyq qarary ilä... ğamälgä quju mömkin* («В.», 1917, № 2206, «Гамәлгә куела торган берничә эш», заметка) ‘Есть возможность воплотить некоторые из наших национальных и духовных желаний путем народного голосования, не спрашивая разрешения сверху или не дожидаясь поправок в законы’.

Как видно из приведенных примеров, в основе трех последних отрицательных форм лежит общий смешанный аффикс *-maj/-mäj*, *-tuj/-ti*, образованный прибавлением деепричастного аффикса *-j* к аффиксу глагольного отрицания на *-ta/-mä*. В данном случае уместно утверждать, что отрицательные формы деепричастий на *-ub* и *-a* совпадают, либо отрицательная форма деепричастий на *-ub* восходит своими корнями к форме *-a*, но при этом, учитывая степень распространения в текстах газет, вторая форма вытеснена из употребления первой.

В целом, учеными признается, что на более раннем этапе развития тюркских языков, а именно в период функционирования тюркского праязыка, количество деепричастий было небольшим [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 471]. При этом, к наиболее древним формам деепричастий, наряду с формой на *-a* относят и деепричастие на *-ub*, которое сегодня находится в употреблении в преобладающем большинстве тюркских языков.

Форма на *-a*

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» обнаруживается ограниченное употребление деепричастий на *-a*. При этом, данная форма наиболее распространена в текстах газеты «Борхане таракки». Рассматриваемая форма образуется от основ, оканчивающихся на согласный звук при помощи аффикса *-a/-ä*, а от основ, оканчивающихся на гласный – при помощи аффикса *-yj/-i*.

В современном татарском литературном языке, а также его диалектах рассматриваемая форма используется в одинарном и редуцированном виде, при этом, ее использование в одинарном виде носит ограниченный характер [Юсупов, 2004, с. 140]. В текстах исследуемых нами газет форма на *-a* функционирует только в редуцированном виде и в силу своего ограниченного распространения не может считаться ядерным грамматическим элементом. На семантическом уровне она выражает дополнительное повторное или продолжительное действие, совершающееся одновременно с главным действием, выраженным личной формой глагола: “*İrşad*” *şikete xezmätçe jäş jegetneñ basquçqa menü menü ajaqlary talğan* («Б.т.», 1906, № 29, «Хажитархан сентябрь 26», заметка) ‘У газеты «Иршад», словно у молодого парня-слуги, устали ноги, взбираясь вверх по лестнице’.

В изученных текстах наблюдается тенденция перехода деепричастия на *-a* в другие части речи. Так, определенная часть функционирующих в текстах деепричастий на *-a*, как правило, употребляются в качестве наречия: *Bara bara üzenä ber eñ wä käseb tabıyb az zaman eçendä küb aqça tabıçylary da juq tügel* («В.», 1914, № 1537, «Бохарада татарлар», корреспонденция) 'Есть и такие, кто постепенно нашел себе работу и профессию, в результате чего в течение короткого времени заработал большие деньги'.

В целом, ограниченное употребление причастия на *-a* является характерной особенностью преобладающего большинства текстов старотатарских письменных памятников конца XIX – начала XX вв. Так, наиболее активно рассматриваемая форма встречается лишь в авторской речи текстов татарской просветительской прозы рассматриваемого периода, в частности, в текстах М. Акъегета и Р. Фахретдина, при описании образа и способа совершения основного действия [Татар әдәби теле..., 2017, б. 776].

Рассматриваемую форму деепричастия ученые относят к раннему состоянию тюркского праязыка и подчеркивают его присутствие во всех тюркских языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 474]. Так, данная форма обнаруживается в древнетюркском и древнеуйгурском языках [Кононов, 1980, с. 131], а также в текстах Восточного Туркестана [Щербак, 1961, с. 157] и в кыпчакско-огузском литературном языке [Наджиб, 1965, с. 58]. При этом, уже в древнетюркском языке степень функционирования формы на *-a* заметно снижается, что приводит к ее вытеснению формой на *-ıb*.

Как видно, чаще рассматриваемая форма обнаруживается в текстах, оформленных в разговорном стиле, характерной особенностью которых является активное применение лексических и грамматических средств, присущих для разговорной речи. Кроме того, в текстах нередко наблюдается ситуация, когда даже в случаях, на семантическом уровне допускающих употребление рассматриваемой формы, авторами делается выбор в пользу других форм деепричастий, а именно, формы на *-ıb*, являющейся традиционным элементом старотатарского литературного языка, а также формы *-araq*, являющейся характерной особенностью огузских языков, в частности османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода. Такое ограниченное функционирование причастия на *-a* не только в границах текстов татарской периодической печати начала XX века, но и в

текстах, оформленных в других стилях, подчеркивает наличие в старотатарском письменно-литературном языке рассматриваемого периода функционально-стилистической вариативности.

Форма на *-ğaç*

Еще одной ядерной формой деепричастия, наиболее активно функционирующей в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», является форма на *-ğaç*. Она также имеет широкое распространение в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 252], характерна для среднего и чокающих говоров мишарского диалекта и наиболее употребительна в заказанском, параньгинском, мензелинском, пермском, глазовском, каринском, нагайбакском, бирском, говорах и в говорах, распространенных на территории Нижнего Прикамья, Оренбургской и Самарской областей, западных районов Башкортостана [Юсупов, 2004, б. 159].

Форма на *-ğaç*, наряду с деепричастием на *-yb*, имея широкое распространение в текстах газет, употребляется для выражения ряда временных значений. Основным значением рассматриваемой формы является выражение действия, предшествующего другому действию и представляющего семантическое ограничение во времени, в котором совершается второе действие: *Soñra beraz waqytlar uzğaç noğajlar törle taraflarğa taralalar* («Б.т.», 1906, № 38, «Тарихдан бер ике сүз», статья) 'Позже, некоторое время спустя, ногайцы расходятся в разные места'; *Istanbulğa kitergüç qarçyqlarny piçätle köjençä Ğosmanly banqasyna iltkänlär* («В.», 1909, № 488, «Харижи хэбэрләр», заметка) 'После того, как привезли в Стамбул, мешки в запечатанном виде отвезли в Османский банк'; *Jyllar bujynça söjläneb kilä torğaç, ber waqyt Oluğ suğyş qabynyb da kitde* («К.», 1915, № 596, «Шәрәкъ сугыш мәйданында», репортаж) 'После того, как годами говорилось, в один момент началась Великая война'.

Как видно из последнего примера, в некоторых случаях форма на *-ğaç* может употребляется в паре с деепричастием на *-yb* (*söjläneb kilä torğaç* 'после того, как говорилось'). Такая конструкция, как правило, выражает ряд действий, происходящих один за другим. Кроме того, в этом же примере форма на *-ğaç* употребляется для выражения действия как длительного процесса (*söjläneb kilä torğaç* 'после того, как говорилось'). Для этого рассматриваемая форма используется в конструкции на *-a torğaç*.

В текстах газет деепричастие на *-ğaç* может употребляться в сочетании с частицей *da/dä*. Такое употребление рассматриваемой формы с усилительной частицей придает значение непосредственного следования другому действию, выраженному в предложении: *Bu wäkällär köndän kön аның ғажebene böten халықға аса **başlağaç da tizräk Dumany qualady*** («Б.т.», 1906, № 37, «Хажитархан октябрь 24», статья) ‘Сразу же после того, как эти представители изо дня в день начали раскрывать его вину всему народу, он быстрее распустил Думу’; *Gubernator fondyn täğajen qylğan 10 мең sumny **alğaç da zemstva eškä başla-jaçaq*** («В.», 1914, № 1445, «Петербург агентствосы хэбэрлэре», корреспонденция) ‘Сразу же после того, как получит 10 тысяч рублей, составляющие губернаторский фонд, земство приступит к работе’; *Bu fiker таралыб **betküč dü, äle vöcüdkä qıjyluwı öçen ber niçä jyl ütärgä kiräk bulır*** («К.», 1915, № 613, «Нимес хатынлары», статья) ‘Сразу же после того, как эта идея получит распространение, потребуются несколько лет, чтобы она материализовалась’.

Одним из альтернативных значений рассматриваемой формы, активно обнаруживающихся в текстах исследуемых нами газет, является значение, выражающее причинно-следственную связь: *Hä j nišlisez! Keşe üteräsezme dib **qyçqyrğaç tegelär meskenne taşlab kitdelär*** («Б.т.», 1906, № 44, «Хажитархан хэбэрлэре», заметка) ‘После того, как крикнул «Эй, что вы делаете! Человека убиваете?», они отстали от бедняги’; *Serbija qraly Pitrnıy Piterburğa baraçağy wä ixtiram ilä qabul iteläçäge **işetelgüč** Avstrija gazetalary bik qyzdylar* («В.», 1910, № 563, «Харижи хэбэрлэр», заметка) ‘После того, как распространилась информация о визите короля Сербии Петра в Петербург и о том, что он будет принят с почестями, австрийские газеты вспикели’; *Dardanelgä suğyş аçu fikere iñ başlab 1914 nçe jılnyñ 12 nçe nojábrendä, Uniston Ćerçil tarafyndan Misyрny ximajä öçen iñ jaxşy jul Törkijäneñ Asija saxalaryna wä bigräk дә Galipoli jarym atasyna hocüm itü digän fiker **ğaryz itelgüč buldy*** («К.», 1917, № 1086, «Дарданел сугышы хакында», статья) ‘Идея начать войну в проливе Дарданеллы впервые возникла 12 ноября 1914 года, после того, как Уинстоном Черчиллем была предложена идея о том, что самым лучшим способом для защиты Египта является нападение на азиатскую часть Турции, особенно на полуостров Галлиполи’.

Также в текстах газет форма на *-ğaç* употребляется для передачи значения условия осуществления другого действия: *Sıjylyb söj-*

läškändä bik jaxşy äta taralyb kitkäč ber beremezne onytamyz («Б.т.», 1906, № 29, «Хажитархан сентябрь 26», статья) ‘Когда мы собираемся и общаемся очень хорошо, однако если расходимся, то забываем друг-друга’; *Mäxälä başlyğy bulğaç anyñ bu eşne jerenä jetkeräcägenä yşana* («В.», 1915, № 1804, «Вақыф һәм васыятьнамәләремез», статья) ‘Он верит, что если тот станет главой махалля, то доведет эту работу до конца’; *Alaj bulğaç öjzädäge ar wä čirmeşlär dä... mäktäb açuny sorar dib ixtiraz qyldy* («К.», 1917, № 1136, «Малмыждан», письмо) ‘Он возразил, что при таком условии, удмурты и марийцы, живущие в уезде... попросят открыть школы’.

Отрицательная форма деепричастия на *-ğaç* образуется при помощи отрицательного аффикса *-ma/-mä* и также активно функционирует в текстах исследуемых нами газет: *Xalyqnyñ anly öleşene törmälärgä tutyryb syjdyra almağaç, torğan üskän ğaziz watanyndan čit mämläkätlärgä jebärde* («Б.т.», 1906, № 36, «Хажитархан сентябрь 25», статья) ‘После того, как не смог поместить всю образованную часть населения в тюрьмы, из дорогой родины, где они жили и росли, отправил их в чужие страны’; *Muafäq bula almağaç Ğabas Xilmi paşanyñ vasitalyğyn ütende* («В.», 1914, № 1445, «Шәех карары», заметка) ‘Так как не смог справиться, попросил посредничество Аббаса Хильми-паши’; *Töreklär mondan ber närsä dä aŋlamağaç, bolğar äsirlärenen bersen qazan janyna kiterib, ... dib sorağanlar* («К.», 1913, № 53, «Булаир мөхарәбәсенә тәфсиләтә», корреспонденция) ‘Так как турки ничего из этого не поняли, они подвели одного из болгарских пленных к котлу и спросили...’.

В целом, рассматриваемая форма, являющаяся характерной особенностью разговорной речи, с разной степенью употребления функционирует в письменных памятниках, созданных в конце XIX – XX вв. на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 780]. Так, если спорадическое употребление формы на *-ğaç* наблюдается в текстах татарской просветительской прозы, в поэтических произведениях и дастанах, то для религиозно-философских текстов и текстов саяхатнаме данная форма не характерна, что подчеркивает ее функционирование в текстах в качестве показателя функционально-стилистической вариативности.

Форма на *-ğançy*

Активизация употребления формы на *-ğançy*, образованной в результате стяжения наречного слова *çaq* ‘еле, едва’ относится к более позднему периоду формирования деепричастий, а именно к эпохе кыпчакской общности [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 476]. В настоящее время рассматриваемая форма деепричастия представлена в современном татарском литературном языке и входит в ядерную часть диасистемы всех ее диалектов, наиболее активно функционируя в говорах среднего диалекта, в мишарских говорах, а также в говорах сибирских татар [Юсупов, 2004, с. 163–164]. Однако в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» она имеет крайне ограниченное распространение.

Как показывают тексты статей, посредством деепричастия на *-ğançy*, как правило, осуществляется выражение временной границы, до которого происходит действие другого глагола: *Premjer ministr Ystalypin uqu mäktäblärenen barsyn da 17 nçe oktäbr ütkänçe jabyb uquny tuqtatyb toryrğa ämer itkän* («Б.т.», 1906, № 33, «17 октябрь көнендә саклану», заметка) ‘Премьер-министр Столыпин издал указ о закрытии всех учебных школ и приостановлении учебы до того, как пройдет 17 октября’; *...künel qanäğatlänerlek dārädä açyq aylağnçy küb fiker wä uylarğa täüqyjif itä* («К.», 1917, № 1130, «Мөфти хэзрэт шәрәфенә зыяфәт», статья) ‘...до того, как понять на том уровне, когда удовлетворена душа, тратится (время) на множество мыслей и раздумий’.

В тексте газеты «Вақыт» зафиксировано употребление деепричастия на *-ğançy* с аффиксом направительного падежа и в сочетании с послелогом *qadär* ‘до’ (*ğançyga qadär*), что считается характерной особенностью разговорной речи и диалектов [Совр. тат. лит. яз., 1969, с. 259]. В настоящее время подобное употребление рассматриваемой формы характерно для мензелинского, красноуфимского, златоустовского, заказанско-дубьязского говоров, для говора пермских татар, для татарских говоров, распространенных в западных районах Республики Башкортостан [Юсупов, 2004, с. 165], а также, в соответствующих фонетических вариантах, зафиксировано в некоторых тюркских языках, в частности, в турецком и узбекском [Кононов, 1956, с. 285, 482]. В рамках указанной конструкции послелог *qadär* служит для усиления и подчеркивания временных рамок либо предела осу-

ществляемого действия: *Luzitanijäneŋ qorally bulmağanlyğy, qoral taşyumağanlyğy isbat itelğänčegü qadär Germanija su asty köjmäläreneŋ möğamäläläre haqly bulyb bulmau mäsäläse tikşerelmi toryr* («В.», 1915, № 1776, «Германия ихтилафы», статья) ‘До тех пор, пока не будет доказано то, что Лузитания не вооружена и не возит оружие, действия подводных лодок Германии не будут проверены на предмет правомерности’.

Сегодня форма на *-ğänçy* в разных фонетических вариантах имеет распространение и в других тюркских языках, преимущественно, кыпчакской группы. В частности она характерна для казахского, башкирского, узбекского, хакасского языков [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 477].

Следует отметить, что если употребление формы на *-ğänçy* для текстов татарской периодической печати начала XX века носит ограниченный характер, то ее функционирование в текстах литературных произведений рассматриваемого периода, созданных на старотатарском письменном литературном языке, и вовсе не зафиксировано [Татар әдәби теле..., 2017, б. 769]. Учитывая активное функционирование формы на *-ğänçy* в современном татарском литературном языке, ее отсутствие либо ограниченное функционирование в текстах письменных памятников начала XX века может свидетельствовать о том, что в рассматриваемый период форма на *-ğänçy* лишь начинает входить в грамматическую систему старотатарского литературного языка в качестве вспомогательного морфологического элемента. При этом, употребление рассматриваемой формы в текстах газет и ее отсутствие в текстах художественных произведений начала XX века подчеркивает наличие функционально-стилистической вариативности в старотатарском письменном литературном языке рассматриваемого периода.

Форма на *-araq*

Форма на *-araq* не характерна для современного татарского литературного языка, а также его диалектов. В текстах газет она воспринимается в качестве характерной особенности огузских языков. Однако по мнению некоторых ученых, в современном татарском литературном языке все же функционирует узкая группа глаголов, от которых может образовываться деепричастие на *-арак/-әрәк* [Совр. тат. лит. яз., 1969, с. 259]. При этом, наиболее активна она в тюркских языках

огузской группы, в частности, в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 477].

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» форма на *-araq* характеризуется ограниченным употреблением и, как правило, функционирует с глаголом *ulmaq* 'быть'. Такая конструкция в текстах используется, как правило, для передачи действия, происходящего одновременно с действием, выраженным при помощи основного глагола. При этом, она характеризует действие с точки зрения образа действия и по своему семантическому значению является грамматическим синонимом формы на *-yb*, которая находится в широком употреблении в современном татарском литературном языке: *Oşbu säbäbdän mäzkür ystanitsalarnyñ möselman qazaçilary isemendän sezgä soñgy däfğa ularaq belderämez ki...* («Б.т.», 1906, № 47, «Соң сүз», обзор печати) 'В связи с этим, от имени мусульманских казаков вышеназванных станиц, в качестве последнего раза, объявляем вам:...'; *Serbijägä mäkamät ularaq jer birmiçä bälki Afstrija ilä ticarät möğahädäsendä ber az müsağadä jasalu jäñni ike aranyñ kileşüwe ixtimallandy* («В.», 1909, № 433, «Сугыш ихтималы», заметка) 'Стало возможно допущение договора о торговле с Австрией, то есть соглашение сторон, не передавая земли Сербии в качестве места пребывания'; *Berençe ularaq mösafır Xälil Bekof cänäbläre bu mili eśläremezne täbrik iteb öç jöz sum jazylды* («К.», 1913, № 75, «Әстерханда дарелмөгаллимин вә дарелмөгаллима́т мәсьәләсе», отчет) 'Будучи первым, гость господин Халил Беков, поздравляя эти национальные мероприятия, записался на триста тысяч рублей'.

Как мы отмечали выше, функционирование формы на *-araq* в текстах исследуемых нами газет воспринимается в качестве элемента огузированного варианта татарского литературного языка начала XX века и является показателем функционально-стилистической вариативности литературного языка рассматриваемого периода. Ее ограниченное употребление объясняется более активным функционированием в текстах газет ее грамматического синонима, формы на *-yb*, характерного для кыпчакских языков, в частности современного татарского литературного языка.

Неоднородное по степени распространения употребление формы на *-araq* наблюдается также и в текстах некоторых художественных произведений, оформленных на старотатарском письменном литературном языке конца XIX – начала XX вв., в частности, она активна в

текстах просветительской прозы, а также в религиозно-философских текстах [Татар әдәби теле..., 2017, б. 784].

Форма на *-madan*

Употребление деепричастия на *-madan* в текстах исследуемых нами газет носит крайне ограниченное распространение. Факты употребления рассматриваемой формы были обнаружены нами лишь в текстах газет «Борхане таракки» и «Кояш». В связи с этим, в рамках грамматической системы татарской периодической печати начала XX века форма на *-madan* определяется как вспомогательная.

Сегодня рассматриваемая форма не характерна для современного татарского литературного языка, а также его диалектов. При этом она является характерной особенностью огузских языков, в частности, ее активное функционирование наблюдается в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 483].

В текстах газет форма на *-madan* употребляется для передачи образа совершения действия, которое выражено при помощи личной формы глагола: *Namaz qylsa utyrdygy jerendän qalyqmadan Haq täğälä xäzrätläre kändiseney wä ata wä anasynyň gönahlaryny ğafu idär* («Б.т.», 1906, № 39, «Ләйләи кадер», статья) 'Если прочтет намаз, Всевышний простит его грехи, грехи отца и матери, до того, как он успеет встать с места на котором сидит'; *Bugen bu mäclesdä mözakäräjä qunylmyş mäktäb wä mädräsäläreñ islaxy mäsiläse 20, 30 sänä qadär durmadan söjlände, jazylady, faqat bunlar häb kägydda, ğazätä sötünlärendä qaldy* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәжлесә», отчет) 'Поставленная сегодня на обсуждение проблема реформирования школ и медресе, не останавливаясь обсуждалась, писалась на протяжении 20-30 лет, однако все это так и осталось на бумаге, газетных колонках'.

Как показывают приведенные примеры, на семантическом уровне наблюдается идентичность между огузской формой на *-madan* и деепричастием на *-ub* в отрицательной форме, активным как в современном татарском литературном языке, так и в его диалектах [Юсупов, 2004, с. 126]. Следует отметить, что функционирование рассматриваемой формы носит ограниченный характер и в литературных произведениях, созданных на татарском литературном языке конца XIX – начала XX вв. Так, форма на *-madan* обнаруживается лишь

в текстах татарской просветительской прозы, в частности, в текстах саяхатнаме Ф. Карими [Татар эдәби теле..., 2017, б. 790].

Наличие данной формы в текстах исследуемых нами газет, которое, хотя и характеризуется низкой степенью, на наш взгляд, связано с влиянием османско-турецкого литературного языка начала XX века. При этом, являясь элементом функционально-стилистической вариативности татарского литературного языка рассматриваемого периода, данная форма участвует в формировании ее огузированной варианта.

Форма на *-masdan*

В текстах газет «Борхане таракки» и «Кояш» также в ограниченном количестве обнаруживаются деепричастия, оформленные при помощи формы на *-masdan*. Данная форма, как и форма на *-madan* определяется в качестве характерной особенности тюркских языков огузской группы, в частности турецкого языка, и идентифицируется как устаревший грамматический синоним деепричастия на *-madan* [Кононов, 1956, с. 484]. Форма на *-masdan* не характерна для современного татарского литературного языка, однако с разной степенью распространения активна во всех диалектах татарского языка и входит в ядерную часть диасистемы категории неличных глагольных форм [Юсупов, 2004, с. 175]. Так, ее наиболее активное присутствие наблюдается в диалектах сибирских татар, где рассматриваемая форма относится к особенностям общедиалектного характера.

Форма на *-masdan*, употребляясь для передачи образа совершения действия, характеризует его с точки зрения временных рамок выполнения: *Menä iskärtmäsdün Oslan tawı qarşında jaña möxärir päjda buldu* («К.», 1913, № 161, «Биктимер элһәме», фельетон) 'Вот, заранее не извещая, напротив Услонской горы появился новый редактор'.

В газете «Борхане таракки» обнаруживаются примеры, где форма на *-masdan* употребляется в сочетании с послелогоми, которые в данном случае служат для подчеркивания выражаемого при помощи нее временного или пространственного значения: *Möfti qujylmasdan elek anyuñ "Tärceман" idaräsenä jazğan xatlaryna xedmäte бар* («Б.т.», 1911, № 139, обзор периодической печати) 'До того, как был назначен муфтий, он внес определенный вклад в письма, написанные в адрес редакции «Тарджеман»'.

В целом, подобно ограниченному употреблению формы на *-madan*, деепричастие на *-masdan* также характеризуется ограни-

ченным распространением и в текстах литературных произведений, оформленных на старотатарском литературном языке конца XIX – начала XX вв. [Татар эдэби теле..., 2017, б. 789]. При этом, наличие данной формы в текстах исследуемых нами газет объясняется влиянием османско-турецкого литературного языка начала XX века, а сама форма определяется как элемент функционально-стилистической вариативности татарского литературного языка рассматриваемого периода.

Как видно из примеров, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» функционируют формы деепричастий, характерные как для современного татарского литературного языка (-*yb*, -*a*, -*ğaç*, -*ğançy*), так и показатели, активные в огузских языках, в частности в турецком литературном языке (-*araq*, -*madan*, -*masdan*). Данный факт может быть определен как влияние османско-турецкого литературного языка на формирование языка татарской периодической печати и татарского литературного языка начала XX века в целом. При этом, употребление в текстах газет синонимичных на грамматическом уровне кыпчакских и огузских форм подчеркивает наличие функционально-стилистической вариативности в татарском литературном языке рассматриваемого периода.

Деепричастия в текстах газет выполняют описательную, повествовательную, экспрессивную и т.п. функции и служат для передачи его эстетической составляющей. Посредством употребления деепричастных форм автор передает действие, соотнесенное с другим действием. Наличие в тексте деепричастия одновременно повышает эмоционально-эстетическую составляющую текста, а также позволяет сделать его кратким, конкретным и лаконичным. Если обратить внимание на порядок распространения в текстах газет деепричастных форм относительно функционирующих в газетах жанров, то можно констатировать, что деепричастия употребляются во всех текстах, вне зависимости от того, к какой жанровой группе они относятся. Однако наиболее активны деепричастные формы в текстах статей, открытых писем, рецензий, фельетонов, в текстах художественного повествования, а также в отчетах и репортажах, где существует необходимость не просто подать информацию, но и раскрыть описываемое действие в деталях.

2.3. Инфинитив

Как известно, инфинитив отличается от других неличных форм глагола тем, что называет действие или процесс без указания на его отношение к лицу, числу, наклонению и времени. Принято считать, что инфинитив в тюркских языках имеет позднее происхождение и сформировался только после распада общетюркского языка, что не позволяет отнести его к числу древнейших грамматических форм, относящихся к общетюркскому языку-основе [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 483]. Поэтому в настоящее время его функционирование зафиксировано не во всех современных тюркских языках.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» выявлено активное функционирование инфинитивной формы на *-yrġa*, характерной для современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 258]. Кроме того, в текстах обнаруживаются формы, характерные для огузских языков [Мирхаев, 2003, с. 137], а именно, форма на *-maġa*, функционирующая в огузизованном варианте старотатарского литературного языка начала XX века, а также форма на *-maq*, определяющаяся в современном состоянии татарского языка как устаревшая. Основным содержанием указанных инфинитивных форм является выражение цели действия. При этом, инфинитивные формы, функционирующие в текстах исследуемых нами газет, могут сочетаться с глаголами, модальными словами и некоторыми послелогоми, выражающими значение цели.

Форма на *-yrġa*

Рассматриваемая форма образована от причастия на *-ur* и аффикса направительного падежа *-ġa*. Она является основной формой инфинитива для современного татарского литературного языка, а также для говоров среднего и мишарского диалектов [Юсупов, 2004, с. 190].

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» форма на *-yrġa* имеет широкое распространение и, как правило, выражает цель действия. Как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 259], в текстах газет рассматриваемая форма функционирует в зависимой и независимой позициях. При этом, в отличие от современного состояния татарского литературного языка, независимое употребление формы на *-yrġa* в текстах газеты имеет

ограниченное распространение. Главным образом данное обстоятельство объясняется тем, что в такой позиции рассматриваемая форма, как правило, выражает побуждение, повеление или оттенки необходимости и долженствования. На стилистическом уровне такое употребление инфинитива на *-yrğa* не является приоритетной задачей для текстов газет, а больше характерно для разговорной речи. В связи с этим, рассматриваемая форма, как правило, обнаруживается лишь в текстах, содержащих призыв к совершению какого-либо действия, приказание, предписание и т.д.: *Mäxälä xalqynyň röxsätendän başqa mulalarğa çitkä çyqmasqa, här häldä ike mulanyň berse mäxälädä xäzer bulyrğa* («В.», 1916, № 1955, «Орски мөселманларының мөһим каралары», статья) ‘Без разрешения жителей муллам не выходить за границы прихода, в любой ситуации одному из двух мулл быть готовым в приходе’; *Xäbär vireliüwenä kürä, Rumanija Bolğarijağa qarşy oşbu taläblärne qujğan: Selestra istixkamyn bozarğa, ...Mostafytäpä, Ordutäpä hämdä Manğalynyň cänübendäge jerlärne Rumanijägä qaldyryrğa. Bolğarija wä Serbija tarafyndan işgal itelgän vilajätlärdäge hoquqlarны ximajä itürgä. Rumanijanyň Bolğarija wä Törkijä belän totaşuwı öçen, Qarabijä awyly janyndan Dunaj arqyly timer jul küpere salyrğa* («К.», 1913, № 26, «Матбугат», обзор периодической печати) ‘Судя по отправленной информации, Румыния выдвинула следующие требования по отношению к Болгарии: разобрать крепость у Селестры, ...оставить Румынии земли Мустафытепе, Ордутепе и земли на юге Мангалы. Защитить права вилайетов, завоеванных Болгарией и Сербией. Для соединения Румынии с Болгарией и Турцией, рядом с селом Карабия построить железнодорожный мост через Дунай’.

Наиболее активно форма на *-yrğa* в текстах газет употребляется в зависимой позиции, когда подчиняется к определенному слову в предложении и, тем самым, способствует образованию различного рода инфинитивных сочетаний. Так, в сочетании с глаголами инфинитив на *-yrğa* употребляется в целевом значении: *Bar çinauniklarnyň oluğ wä keçkenäse tizräk üz ara cyrtyqny janğadan camab eşne iskeçä qaldyryrğa tyryşadyr* («Б.Т.», 1906, № 47, «Ледбал вә Горький компанияләре турында берничә сүз», заметка) ‘Все чиновники от мала до велика, поскорее залатав дыры между собой, старались оставить работу по-старому’; *...buña oxşaşlyraq başqa mäclesläär beräm beräm isemä kileb töşkängä, anlarny bu mäcles belän çağyşdyryrğa totyna idem* («В.», 1910, № 563, «Юк-бар», очерк) ‘...по причине того, что мне

на ум один за другим приходили другие такого рода мероприятия, я начинал сравнивать их с этим мероприятием»; ...*anda ğaskär töşeregä wä anuñ arqyly Germanijäneñ ğaräbdäge xarb safynuñ artyna tähdid jasarğa qarar birgänlär imeş* («К.», 1916, № 940, «Голландиянец битарафлыктан чыгу ихтималы», статья) ‘Говорят, они решили направить туда войско и через эту территорию создать напряжение на арабской линии войны Германии’.

Также в текстах газет наблюдается активное употребление инфинитива на *-yrğa* в сочетании с модальными словами *jaryj*, *mömkın* ‘можно’, *riza* ‘согласен’ и т.д., которые в паре указывают на возможность или невозможность, допустимость или недопустимость совершения того или иного действия: *Xäzerge qağyjdälärne tämam betermäjençä toryb cir dä häm irkenlek dä alyrğa mömkın bulmağanlyğy bik açuq мәğlüm buldy* («Б.т.», 1906, № 31, «Хажитархан октябрь 4», статья) ‘Стало очень ясно, что пока мы полностью не отменим нынешние правила, не будет возможности получить и земли и свободу’; *Bu eşne janıdan şular başlab quzğatyrğa mömkinder* («В.», 1915, № 1737, «Мобилизация игъланы», заметка) ‘Это дело заново могут начать они’; *Bolğarija şul jaqğa quşylyr, qajsy jaq anuñ mili idealyn vöcüdkä çyğaryrğa riza bulyr* («К.», 1914, № 549, «Казан 5 ноябрь», статья) ‘Болгария присоединится к той стороне, которая будет согласна воплотить ее национальные идеалы в реальность’.

В сочетании с модальными словами *tijeş* ‘должен’, *kiräk* ‘необходимо, нужно’ инфинитив на *-yrğa* в текстах газет выражает значение пожелания, совета, необходимости или долженствования: *Şunuñ öçen här ğaqly bar ärmän här vöcdany bar tatar bu kiräksez qanlarny tüğüne tuqtatyr öçen böten köçen saryf qylyrğa tijeşder* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Поэтому каждый благоразумный армянин, каждый милосердный татарин должен приложить все свои силы, чтобы остановить это ненужное кровопролитие’; *Tuqtanuzy. Atışudan fajda bulmas. Här ike tarafğa zarar ğyna bulyr, nizağny söjläşeb xäl qylyrğa kiräk* («В.», 1912, № 921, «“Айлэ” вилаяте вакыйгалары», статья) ‘Остановитесь. От стрельбы толку не будет. Обе стороны только пострадают от этого, противоречия нужно решать при помощи переговоров’; *Şuny da diqatkä alyrğa kiräk ki, Germanijäneñ silax şartlary Anglijä xökümäte tarafyndan da söküt ilä genä qarşy alynyb...* («К.», 1918, № 1206, «Германиянец силах шартлары», статья) Нужно учиты-

вать и то, что условия вооруженности Германии, с молчаливого восприятия Англии...?.

Отрицательная форма инфинитива на *-yrğa* в текстах газет оформляется посредством аффикса *-masqa*, *-mäskä*, образованного от отрицательной формы причастия на *-ur* в сочетании с аффиксом направительного падежа: *Läkin şunsyn xäterdän çyğarmasqa kiräktär ki: täräqyj jäğni alga kitü jalğyz bu närsälärne eşläü berlän genä bulmyj* («Б.т.», 1906, № 39, «Беренче адым», статья) ‘Но всегда стоит помнить: прогресс, то есть движение вперед, не происходит, только лишь, делая эти вещи’; *Din eşlärendä hiçber törle qysu wä ämsaly şäjlär bulmasqa tijeşleder* («В.», 1909, № 486, «Хажы Мөхәммәдов нотыгы», отчет) ‘В религиозных делах не должно присутствовать никакое притеснение или прецедентные случаи’; *Şunyñ öçen dä unlar ul zaprosny aşyğyç jöretmäskä tawuş biräçäklär* («К.», 1914, № 78, «Дәүләт думасы», отчет) ‘Именно поэтому правые будут голосовать за то, чтобы не поднимать этот вопрос поспешно’.

На сегодняшний день инфинитив на *-yrğa* определяется в качестве ядерного элемента грамматической системы татарского литературного языка и его диалектов. Кроме того, указанная форма функционирует в башкирском, хакасском, алтайском, шорском и кабардино-балкарском языках [Юсупов, 2004, с. 198]. В текстах литературных произведений, созданных в конце XIX – начале XX вв. на старотатарском литературном языке, инфинитив на *-yrğa* функционирует с разной степенью распространения [Татар әдәби теле..., 2017, б. 827] и определяется в качестве элемента, подчеркивающего наличие функционально-стилистической вариативности в литературном языке рассматриваемого периода.

Форма на *-maq*

По мнению ученых-языковедов, форма на *-maq*, определяющаяся в рамках татарского литературного языка как традиционный для тюркских языков грамматический элемент, является застывшей формой древнего направительного падежа отглагольного имени на *-ta/-mä* [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 484]. Данная форма была отмечена еще в древнетюркских памятниках как словообразовательная модель абстрактных существительных со значением действия вне процесса [Грунина, 1991, с. 138].

В современном татарском литературном языке рассматриваемая форма не функционирует и воспринимается в качестве устаревшей формы [Татар грамматикасы, 2016, б. 259]. При этом, в диалектологии отмечается ее активное употребление в преобладающем большинстве говоров, а именно, в мензелинском, ичкинском, заказанском говорах, в говоре златоустовских татар среднего диалекта, в басканском говоре, в тоболо-иртышском, барабинском диалектах сибирских татар и т.д. [Юсупов, 2004, с. 208].

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» форма на *-maq*, по сравнению с формой на *-yrġa*, характеризуется ограниченным распространением. Наиболее активна она в текстах газеты «Борхане таракки», а в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» наблюдается ее вытеснение из активного употребления формой на *-yrġa*. Данный факт является свидетельством того, что на тексты газеты «Борхане таракки», которая среди всех исследуемых нами газет начала издаваться раньше, определенное влияние мог иметь османско-турецкий литературный язык начала XX века, где и на сегодняшний день форма на *-maq* является основной формой передачи инфинитива [Кононов, 1956, с. 191], тогда как в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» наблюдается стремление к употреблению более поздней формы на *-yrġa*. В зависимости от звукового состава конкретного слова в текстах газет обнаруживается два фонетических варианта (*-maq/-māk*).

В текстах рассматриваемая форма употребляется как в роли инфинитива, так и имени действия. При этом, в последней функции форма на *-maq* более активна. В чисто инфинитивной функции рассматриваемая форма, как правило, употребляется в сочетании с вспомогательными глаголами, модальными словами или послелогоми.

В отличие от инфинитива на *-yrġa*, рассматриваемая форма в значении целевого инфинитива выступает в определенных конструкциях. Например, форма на *-maq* активна в сочетании с послелогоми *öçen* 'для' и *üzere* 'для того, чтобы'. Следует отметить, что сочетание инфинитива на *-maq* с послелогом *öçen* в значении цели активно применялось в письменных памятниках татарской литературы XIX века [Борынгы татар..., 1963, б. 412, 563]. Сегодня такая конструкция характерна для многих современных тюркских языков, в частности турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 317]. В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» такое сочетание является одним из наиболее широко распространенных: *Inde šäkerdlärne*

qanägätländereb fajdaly suratdä täğlim itmäk öčen bolarnuñ här bersene bik jaxşy belmäk ilä ulyr («Б.т.», 1907, № 116, «Шәкерт галәме», статья) ‘Таким образом, чтобы удовлетворить потребности шакирдов и дать им полезное образование, нужно все это знать очень хорошо’; “*Tär-ceman*” нуң 25 sänä däwamy šäräfenä, *Ismäğyjl bäk isemenä jasalaçaq möässäsägä totylmaq öčen... 35 sum iğanä tapşyryldy* («В.», 1908, № 333, «Иганә хисабы», заметка) ‘Для того, чтобы использовать для мероприятия, организованного на имя Исмаила бека в честь 25 летия «Гарджемана»,... было пожертвовано 35 рублей’; *Japdyğymyz proğ-ram ilä dares uqytmaq öčen ğubernatorymyz wasitasyjlä Mäğarif nazarätendän röxsät istäneläcäkder* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәжлесә», отчет) ‘Для того, чтобы преподавать по программе, которую мы составим, через нашего губернатора будет сделан запрос в Министерство образования на получение разрешения’.

Также в текстах обнаруживается конструкция, состоящая из формы на *-maq* и модальных слов *kiräk*, *lazem* ‘необходимо, нужно’. Такое сочетание выражает пожелание или совет совершить действие с оттенком долженствования или необходимости: *Härnä ulsa ulsyn Ğyjlem millätomezgä sačmäk kiräk. / Fikerlärdän berse budyr Darelğölüm ačmaq kiräk. / Xäzrätlärneñ arasyna Icady sačmäk kiräk. / Näfsanijät arzusyny Ber tarafqa atmaq kiräk...* («Б.т.», 1907, № 116, «Безгә ни кирәк?», художественное повествование) ‘Будь что будет, но нам нужно Посеять образованность в народ. / Одна из главных мыслей наших – Открыть университет. / И распылить между хазратами Стремление к творчеству. / Чувство ненависти Нужно отбросить в сторону’; *Iske tarixymyżgä ğaid ularaq rusça jazylmyş ni qadär äsär var isa cömläsenä türcemä wä näşer itmäk lazemder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынғы болгарлар», рецензия) ‘Каждое произведение о нашей истории, написанные на русском языке, должно быть переведено и опубликовано’.

Значение намерения, решимости либо желания совершить лицом какое-либо действие, как правило, обозначается посредством сочетания формы на *-maq* и глаголов *bul*, *ul* ‘будь’, *istä*, *telä* ‘хоти’, *cäsarät it* ‘решишь’ и т.д. в личной и временной формах. При этом, наиболее активно эти конструкции употребляются в текстах газеты «Борхане таркки»: *Jaz başlarynda härkemneñ küñelendän qajğylarny jebärä torğan, jäşel jafraqlar... wä jäşel čirämlär ilä qyjğa kebi tüşälmeş*

čirämleklärne kürmäk telär («Б.т.», 1906, № 54, «Инсаният ялкыны», статья) ‘В начале весны все хотят наблюдать покрытые зеленой листвой деревья... и покрытые зеленой травкой лужайки’; *Min bondaj möğalimlärğä häm anlarnyñ tabanlaryny calauçy möridlärenä... berničä süz söjlämük cäsarät ittem* («Б.т.», 1906, № 33, «Мөгаллим-ләргә хитаб», статья) ‘Я решил сказать несколько слов... в адрес таких учителей и их подлизывающихся учеников’; *Ästerxan šähärendä dä jaqyn zamanda ğomumi xalyqğa fajdaly ulan narodnyj universitet ačmaq ulalar* («Б.т.», 1906, № 47, «Народный университет», статья) ‘В городе Астрахани в ближайшее время также хотят открыть народный университет, который будет полезен для всего населения’; *Šunlyq ber-län bu keşelär tiz šifa tabmaq bulsalar bezlärğä kilsenlär* («Б.т.», 1906, № 47, объявление) ‘Таким образом, если люди хотят получить быстрое исцеление, пусть идут к нам’; *Adäm ulmaq istäjän ävlad milät istifadä idä belsen* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) ‘Ребенок, желающий стать человеком, пусть умеет использовать нацию’.

Инфинитив на *-maq* в текстах газет, как правило, не имеет собственной отрицательной формы. Значение отрицания, как и в случае с формой на *-yrğa*, передается при помощи отрицательной формы причастия на *-mas*, осложненного аффиксом направительного падежа *-qa/-kä* (*-masqa/-mäskä*).

Сегодня за пределами диалектов современного татарского литературного языка инфинитив на *-maq* обнаруживается в говорах башкирского языка, в турецком, туркменском, азербайджанском, кумыкском языках [Юсупов, 2004, с. 213]. На рубеже XIX – XX вв. инфинитив на *-maq* с разной степенью распространения функционировал во всех текстах татароязычных письменных памятников [Татар әдәби теле..., 2017, б. 821] и определялся как элемент, подчеркивающий наличие функционально-стилистической вариативности в старотатарском литературном языке рассматриваемого периода. Как показывают проанализированные нами тексты газет, позже, в межреволюционный период 1905-1917 гг. форма инфинитива на *-maq*, являющаяся традиционным общетюркским элементом, постепенно вытесняется из употребления в рамках старотатарского литературного языка рассматриваемого периода более поздней формой на *-yrğa* и становится характерной особенностью, как правило, тюркских языков огузской группы и части говоров татарского литературного языка.

Форма на *-tağa*

Форма на *-tağa*, являющаяся характерной особенностью огузских языков, в частности турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 458], не является ядерным элементом грамматической системы текстов исследуемых нами газет и обнаруживается только в некоторых текстах газеты «Борхане таракки», что может являться свидетельством влияния на его язык османско-турецкого литературного языка начала XX века. При этом, в газетах «Вақыт» и «Кояш» инфинитив в преобладающем большинстве случаев выражается посредством формы на *-yrğa*.

Рассматриваемая форма инфинитива представляет собой застывшую форму направительного падежа имени действия на *-maq* [Покровская, 1964, с. 162]. В рамках современного татарского литературного языка она не функционирует, но является характерной особенностью среднего диалекта татарского языка. Она более специфична для бастанского, касимовского, каринского, глазовского, параньгинского говоров и для говора пермских татар [Атлас тат. нар. гов., 2015, с. 300]. За пределами диалектной системы татарского языка форма на *-tağa* в качестве инфинитива функционирует в ногайском, кумыкском, туркменском, гагаузском языках, а также в говорах башкирского языка [Юсупов, 2004, с. 190].

В текстах газеты «Борхане таракки» данная форма представлена в фонетических вариантах *-tağa/-mäğä*. При этом, как и для предыдущих инфинитивных форм, форма на *-tağa* функционирует в текстах в зависимой позиции. Чаще всего обнаруживаются примеры сочетания рассматриваемой формы с другими глаголами. Такое сочетание, как правило, передает значение цели совершения действия и, тем самым, соответствует форме на *-yrğa*: *Här kemgä mäğlüm ber keşe jäki ber milät ber eşkä totynsa şul eşneñ fajdasyn kürmägä çalyşmaq lazemder* («Б.т.», 1906, № 29, «Бу нәрсә бу?», статья) ‘Все знают, что если один человек или отдельный народ взялся за какую-либо работу, он должен стараться увидеть ее пользу’; *...üzene häläklekdän saqlağan kebi başqalarny da häläklekdän saqlamağa quşa* («Б.т.», 1906, № 54, «Хажитархан декабрь 22», статья) ‘...просит спасти от бедствия других, так же как спасли его самого’.

Также в текстах газеты «Борхане таракки» обнаруживается употребление инфинитива на *-tağa* в сочетании с именными частями

речи: *Adäm balasy här waqyt üzeney xäjätene, wä xäjäteneñ ruxy ulan xoquq määdäniyäsenä üze saqlamaq öçen tyryşmağa buryçlydyr* («Б.т.», 1906, № 45, «Хэят – тереклек саклау», статья) ‘Человек обязан всегда стараться сохранить свою жизнь и правовую культуру, являющейся основой его жизни’; *...bajlyq säğadät cäleb itmägü wäsilä wä säbär bulmağan ber ğujlem kebi täläqyj ulyna* («Б.т.», 1907, № 81, «Наданлык бэласы», объявление) ‘...воспринимается как знание, не являющееся способом и причиной притягивать богатства и благополучия’.

Отрицательная форма инфинитива на *-tağa*, как и в случае с предыдущей инфинитивной формой, не имеет собственного показателя и оформляется, как и отрицательная форма на *-yrğa*, при помощи отрицательной формы причастия на *-tas* и аффикса направительного падежа *-qa/-kä*.

В целом, употребление рассматриваемой формы с разной степенью распространения характерно для старотатарского письменного литературного языка на всех этапах его развития [Татар әдәби теле..., 2017, б. 110, 190, 247, 287]. Функционирование данной формы в грамматической системе старотатарского литературного языка подчеркивает наличие в языке функционально-стилистической вариативности. В то же время пассивное употребление формы на *-tağa* в текстах исследуемых нами газет свидетельствует о том, что в межреволюционный период 1905-1917 гг. на фоне формирования нового татарского литературного языка, в рамках языка татарской периодической печати происходит вытеснение традиционных языковых форм, а также языковых элементов, вошедших в употребление под влиянием османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода более поздними грамматическими формами.

Как видно из приведенных примеров, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» наблюдается параллельное употребление инфинитивных форм, характерных как для кыпчакских, так и для огузских языков. Форма на *-yrğa* является ядерной и функционирует в текстах всех исследуемых нами газет. Форма на *-taq* наиболее регулярно обнаруживается в текстах газеты «Борхане таракки», а в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» вытесняется более поздней формой на *-yrğa*. В настоящее время форма на *-taq* является основной формой инфинитива в современном турецком литературном языке, в рамках современного татарского литературного языка не функционирует, определяется как устаревшая форма инфинитива и традици-

онный для тюркских языков грамматический элемент. Инфинитив на *-tağa* также является формой, характерной для огузских языков, в частности встречается в современном турецком литературном языке. Он обнаруживается только в текстах газеты «Борхане таракки», тогда как в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» для передачи соответствующих значений употребляется форма на *-yrğa*.

Факт параллельного употребления в текстах исследуемых нами газет инфинитивных форм на *-yrğa*, *-maq* и *-tağa* свидетельствует о наличии функционально-стилистической вариативности в языке татарской периодической печати начала XX века и старотатарского литературного языка рассматриваемого периода в целом. В такой ситуации часть авторов оформляла свои статьи на огузо-турецком варианте татарского языка, близком к османско-турецкому языку.

В целом, инфинитив, будучи начальной формой глагола и на синтаксическом уровне употребляясь в функции практически любого члена предложения, в рамках исследуемых нами газетных текстов активно функционирует в текстах, относящихся ко всем трем жанровым группам.

2.4. Имя действия

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» наблюдается активное функционирование имени действия – особой категории неличных форм глагола, которая одновременно обладает признаками имени существительного и глагола. Основной семантической особенностью этой части речи является передача значения действия, состояния или процесса.

Подобно глагольным формам, имя действия в текстах исследуемых нами газет обладает категорией залога, аспектами отрицания, возможности и невозможности, а также может выражать характер протекания действия и разного рода модальные значения [Грунина, 1963, с. 237-253]. При этом, имя действия безотносительно к категории времени и наклонения. Тот факт, что имя действия может склоняться по падежам и принимать показатели принадлежности, числа, а также сочетаться с послелогом или модальными словами, является ключевым моментом, сближающим его с именами существительными.

Имена действия в текстах исследуемых нами газет, как и в современном татарском литературном языке, образуются посредством при-

соединения специальных аффиксов. Если в настоящее время в татарском литературном языке основной формой, используемой для образования имени действия является форма на *-у*, а также менее активно употребляется форма на *-ыш* [Татар грамматикасы, 2016, б. 255], то в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» кроме формы на *-и* также зафиксировано функционирование формы на *-таq*, которая определяется в рамках татарского литературного языка в качестве традиционной языковой формы [Татар әдәби теле..., 2017, б. 804] и формы на *-та*, активной в функции имени действия в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 457] и в некоторых говорах татарского литературного языка [Юсупов, 2004, с. 267].

Форма на *-и*

Рассматриваемая форма имени действия в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», как и в современном татарском литературном языке и во всех его диалектах и говорах [Юсупов, 2004, с. 242], является основной и наиболее широко распространенной формой. Исторически форма на *-и* восходит к общетюркскому периоду и позже, согласно фонетической закономерности, находит свое отражение в языках уйгурской и кыпчакской групп [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 488].

В текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма образует имена действия от любой глагольной основы, от всех простых и сложных корней. На семантическом уровне имя действия на *-и* чаще всего обозначает нейтральное название действия, процесса или состояния. При этом, в зависимости от звукового состава конкретного слова она может иметь два фонетических варианта (*-и/-и*).

Как было отмечено выше, имя действия на *-и* склоняется по падежам. Так, в текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма наиболее активна в основном падеже и обозначает название действия, процесса или состояния: *Mašina ğytleme käşefitelgäç bu qul berlän eşläü üzendän üze fajdasызğa äjlände* («Б.т.», 1906, № 39, «Ачлык – эш таба алмаучылык», статья) ‘После того, как было изобретено машиностроение, эта ручная работа сама по себе стала бесполезной’; *13 wä 14 nče ijünlärä G. savet cyjyşlarynda dürt jany branenoses salu mäsläse qaraldy* («В.», 1908, № 333, «Г. совет жылышы», заметка) ‘13 и 14 июня на собраниях Государственного совета рассматривался вопрос построения четырех новых броненосцев’; *Zur dārācāle türälärne küreb*

ütener öčen wäkillär jebärelsä, üteneçneñ qabul itelüwe ömedle ikän («К.», 1915, № 883, «Шекерт вә мөгаллимлэргә отсрочка алу мәсәләсе», заметка) 'Оказывается, если будут направлены представители для переговоров с высокопоставленными чиновниками, будет надежда на то, что просьба будет удовлетворена'.

Имя действия на *-u* в основном падеже в текстах газет может функционировать в составе изафетных конструкций. В этом случае рассматриваемая форма характеризует предмет либо лицо по действию или состоянию, а также может указывать на место или время совершения действия. В данной функции на семантическом уровне имя действия на *-u* выступает в качестве синонима к причастию на *-a torğan*: *Sajlau köne jetkäç, ... pulemiotlar torğan Tiflis šähäre... bötenläj ikençe qyjäfätkä kerde* («Б.т.», 1906, № 33, «Уткән сайлауга бер нәзер», статья) 'После того, как настал день выборов, ... город Тбилиси, где стояли пулеметы, ... приобрел совершенной иной вид'; *Xökümät möselmanlar arasynda igençelek wä mal asrau ysullaryn berläšderergä xedmät itdeme?* («В.», 1908, № 335, «Гайсә мирзаның нотыгы», статья) 'Правительство пыталось совместить у мусульман методы земледелия и животноводства?'; *Jaña jullar salu kamisijäse mömkin qadär qysqa möddätdä Saratofdan Azof diñgeze bornyna timer jul salunyñ kiräklegenä qarar birgän* («К.», 1917, № 1086, «Яңа тимер юл», заметка) 'Комиссия по строительству новых дорог приняло решение о необходимости строительства в течении максимально короткого времени железной дороги от Саратова до залива Азовского моря'.

Кроме того, имя действия на *-u* в основном падеже также может сочетаться со словами *bar* 'есть' и *juq* 'нет'. В текстах газет такая конструкция, как правило, выражает наличие или отсутствие того или иного действия, состояния либо процесса: *Hiç söjläşü fälän juq* («В.», 1911, № 1077, «Истанбул мәктүпләре», очерк) 'Какие-либо разговоры отсутствуют'.

Имя действия на *-u* в родительном падеже в текстах исследуемых нами газет, как правило, выступает в роли определения. При этом определяемое слово принимает аффикс принадлежности: *Mösele man säüdä xedmätkärläreneñ iqtisadi mänfäğatläre rus säüdä xedmätä kärläreneke belän ber buldyğy xäldä ajrym cämğyjät tözüweneñ säbäbe dä mili wä dini ixtijaclarny jaxşyraq ütäu öčen ide* («В.», 1917, № 2247, «Оренбургта күнелсез вакыйгалар», статья) 'При ситуации, когда экономические интересы мусульманских торговых работников сопоста-

вимы с интересами русских торговых работников, причиной создания отдельного общества является более качественное воплощение национальных и религиозных интересов’.

Винительный падеж имени действия на *-u* в текстах газет выражает объектные отношения: *Gubernator ilä ğalawa ministrdan Râzân – Uralski timer julyñ Toz Tübägä tügel, bälki Orenburğa suzdyryluyn ütengänlär* («В.», 1912, № 1045, «Министр үтү», заметка) ‘Губернатор и глава попросили министра проложить железную дорогу Рязань – Уральск не в Туз-Тубе, а в Оренбург’.

Многозначность употребления в текстах отличается имя действия на *-u* в направительном падеже. Так, одной из ее особенностей, широко распространенных в текстах газеты «Борхане таракки» является употребление в функции целевого инфинитива. В данной функции форма на *-u*, обозначая цель действия, соответствует одному из значений инфинитива на *-yrğa*: *...üzlärändän soñğy balalaryna ber cirle miras qaldyrmaq nijätilä, kamisijä sajlauğa qarar birelde* («Б.т.», 1906, № 44, «Бер еллык бэйрэм», статья) ‘...с целью оставить будущим детям местное наследие, было принято решение создать комиссию’.

Направительный падеж формы на *-u* в текстах газет также может выражать и объектные отношения: *...šähadätnamäse buluwu, redaktornuñ tatarça gramotnyj buluwyna ber dä dälalät itmi bit* («К.», 1914, № 385, «Матбугат ләихасы вә мөселман редакторлары», статья) ‘...наличие разрешения ведь не доказывает татароязычную грамотность редактора’.

Также имя действия на *-u* в направительном падеже может указывать на исходный момент совершения действия: *Bu gönahsyz qanlarnuñ tügelü başlaularyna jyl jarym buldy* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Прошло полтора года с тех пор, как начала проливаться эта невинная кровь’.

Форма на *-u* в исходном падеже, как правило, обозначает косвенный объект: *Bu tänqyjd wä cawablarnuñ kübese haman, Dumada xökümät bäjinatyn mözakärä itkändäge süzlärne täkrarlaudän ğyjbarät bulsa da...* («К.», 1916, № 928, «Дәүләт думасы», отчет) ‘Несмотря на то, что большинство этой критики и ответов, все еще состоят из повторения слов, произнесенных в Думе при обсуждении правительственных доказательств...’.

Местно-временной падеж имени действия на *-u* в текстах газет обозначает действие, совершающееся одновременно либо параллельно с действием основного глагола: *Monda elek jyllardağy kebi xökümät hamanda suğyşuda wä fetnä bastyruda däwam itde* («В.», 1910, № 561, «1909 нчы елда», статья) ‘Здесь, как и в предыдущие годы, государство продолжало воевать и подавлять восстания’.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» наблюдается активное функционирование имени действия на *-u* с послелогами и модальными словами. Так, имя действия на *-u* в основном падеже в текстах газет сочетается с послелогом *öçen* ‘ради’, ‘для’. Такое сочетание в текстах, как правило, выражает цель совершения действия: *Jal itü könenä waqytny xuş ütkärü öçen dä ğomumi jal itü köne bulyrğa tijeş* («К.», 1914, № 303, «Чиркәү бәйрәмнәре тарафдарлары», статья) ‘И для того, чтобы хорошо провести время в выходной день, выходной день должен быть общепринятым’.

Кроме того, в текстах обнаруживается употребление имени действия на *-u* в сочетании с послелогом *säbäble* ‘по причине’, ‘из-за’. Такое сочетание выражает причинно-следственные отношения: ... *ber fajda kilmäü wä xalyqnyñ fikere dä mäsrutijät ilä idarä qylynrlyq dәрäcägä jeteşmäü säbäble*, ... *xökümät şurai дәülätne genä qaldyraçaq ikän* («В.», 1911, № 1077, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘...говорят, что по причине того, что отсутствует какая-либо польза, а также из-за того, что взгляды населения не достигли того уровня, когда было бы возможным управление конституционным режимом... правительство оставит только Государственный совет’.

Имя действия на *-u* в сочетании с послелогом *haqynda* ‘про’, ‘о’ употребляется для выражения объектных отношений и указывает на повод для суждения: *Ministr Ystalypinnyñ Dumada uqylaçaq ministrлар deklaratsijäsenä qarşu sawab birü haqynda ... qarar birelde* («Б.т.», 1907, № 80, «Без ни хәлдә?», статья) ‘Было принято решение об ответных мерах по отношению к министерской декларации, которая будет зачитана министром Столыпиным в Думе...’.

Направительный падеж имени действия на *-u* в сочетании с послелогами *qarağanda*, *binaän* ‘судя по’, ‘основываясь на’ в текстах газет употребляется, как правило, для выражения изъяснительно-сравнительных отношений: *Şahidlärneñ söjläülärenü qarağanda bu doşmanlyqğa säbäb bulğan närsä dä Daud belän märxüm Syrtlanof arasynda tabiğat wä tärbijä cähätendän ber bersenä bik xilaf ber başqalyq idege*

añlaşyldy... («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында», репортаж) ‘Судя по показаниям свидетелей, прояснилось, что причиной такой вражды стало нечто иное, возникшее на почве расхождения в характерах и воспитании...’; *Suğyş xäräkätläre haqyndaqy xäbärlärdän añlaşyluwyna binaän, fransuz cäjäüle ğaskärenen östenlege fransuzlarğa suğyş safynyñ küb jirlärendä doşmanny borçuğa salyrlıq muafäqyjät birgän* («К.», 1914, № 577, «Гомуми Яурупа сугышы», заметка) ‘Судя по новостям о боевых действиях, превосходство французской пехоты позволило французам добиться успеха на многих точках линии войны, что заставило врага переживать’.

Как было отмечено выше, в текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма имени действия может сочетаться и с модальными словами. Так, имя действия на *-u* в сочетании с модальными словами *kiräk, lazem* ‘необходимо, нужно’ выражает необходимость совершения действия и употребляется в функции инфинитива: *Şunuñ öçen niçek dä bulsa bu tärtiplärne üzgärtergä tyryşu kiräk* («Б.т.», 1906, № 36, «Шулай кирәкме?», статья) ‘Поэтому, во что бы то ни стало, нужно постараться изменить эти устои’; *...xökümätneñ eşendän çyğaçaq näticälärne waqytynda tuqtata alyrlyq buluwı lazem* («К.», 1913, № 78, «Дәүләт думасы», отчет) ‘Нужно чтобы он мог во время остановить результаты, полученные в результате действий правительства...’.

В сочетании с модальным словом *tijeş* ‘должен’ имя действия на *-u* употребляется в значении необходимости с оттенком долженствования: *Fäqat ul dın wä mäzhäbneñ üze nizam bujynça cäzany mücäb bula torğan dın wä mäzhäb bulmawy tijeş* («В.», 1909, № 433, «Диндә иренчелек», отчет) ‘Однако эта религия и мазхаб не должны быть религией и мазхабом, которые по порядку сами определяют наказание’.

Также в текстах обнаруживается сочетание имени действия на *-u* с модальным словом *mömkın* ‘можно’. Такая конструкция указывает на возможность или невозможность, допустимость или недопустимость совершения того или иного действия: *Anglija tülänüwe mömkın bulğan iqtisadi qyjmätlärne genä xarab itä, Germanija isä, tülänüläre hiç ber mömkın bulmağan insan canlaryñ hälak itäder* («К.», 1917, № 1086, «Германия баш вәзиренең нотыгы», отчет) ‘Англия уничтожает только восполнимые экономические ценности, а Германия губит никоим образом невозмещаемые человеческие души’.

В редких случаях в имя действия на *-u* в текстах газет принимает аффикс сказуемости *-dyr/-der* и выступает в предикативном зна-

чении: *Şul säbäble Törkijäneñ planı İtalijäne ozaq suğuşdyryb iqtisadi bölgencegä jaqynlaşdyrudyr* («В.», 1912, № 932, «Русиянец солых тәклифе», статья) ‘По этой причине план Турции заключается в том, чтобы заставив Италию воевать долго, приблизить ее к экономическому обнищанию’.

Отрицательная форма имени действия на *-u* так же, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 255], образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая присоединяется к основе глагола, а далее следует показатель *-u/-ü*: *Eş taba almau xäzerge tormyşda här ber gasudarst# vada bardyr* («Б.Т.», 1906, № 39, «Ачлык – эш таба алмаучылык», статья) ‘Невозможность найти работу в сегодняшней жизни, наверное, существует в любом государстве’; *Duxovnyj sobranijada imtixan ulyb imam vä möğalimlek şähadätnamäse almaq möğalimlekdän tuqtatylmau öçen xäzergä jarab torsa da, bu äsasly ber çara tügelder* («В.», 1909, № 433, «Мәктәбләр вә мөгаллимләремез», статья) ‘Несмотря на то, что сдача экзаменов в Духовном собрании и получение удостоверения преподавателя и имама на данный момент является способом обойти отстранение от преподаательства, это не фундаментальный способ’; *Xäzer inde bu kiläse sajlaularda mondyj eşlärneñ bulmawyna tyryşyrga tijeşder* («К.», 1913, № 108, «Сайлауларга даир», статья) ‘Теперь он должен постараться, чтобы на предстоящих выборах не допустить таких ситуаций’.

Рассматриваемая форма имени действия является характерной особенностью тюркских языков кыпчакской группы. На сегодняшний день кроме современного татарского литературного языка, данная форма функционирует в киргизском, башкирском, казахском, каракалпакском, узбекском, караимском и т.д. языках [Юсупов, 2004, с. 257]. При этом, в отличие от текстов исследуемых нами газет, где рассматриваемая форма является ядерным элементом системы неличных форм глагола, в текстах письменных памятников, оформленных на рубеже XIX – начала XX вв. на старотатарском литературном языке она имеет неоднородную степень распространения [Татар әдәби теле..., 2017, б. 791] и определяется в качестве элемента функционально-стилистической вариативности.

Форма на *-maq*

Как было отмечено выше, в рамках современного татарского литературного языка форма на *-maq* определяется как архаичная и не употребляется в функции имени действия. Между тем, в некоторых говорах татарского языка наблюдается функционирование рассматриваемой формы как в качестве инфинитива, так и имени действия [Юсупов, 2004, с. 267]. В целом, сегодня имя действия на *-maq* характерно для огузских языков, в частности для турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 466], тогда как для тюркских языков кыпчакской группы оно считается малоупотребительным.

В текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма имени действия получила менее широкое распространение, чем форма на *-u*. При этом, наиболее активна она себя проявляет в текстах газеты «Борхане таракки», которая из всех исследуемых нами газет начала издаваться раньше. В текстах газет «Вақыт» и «Кояш» форма на *-maq* употребляется менее активно и, как правило, в основном падеже или в составе конструкций, состоящих из имени действия на *-maq* и послелогов. Такая тенденция объясняется тем, что в межреволюционный период 1905-1917 гг. рассматриваемая форма в рамках старотатарского литературного языка постепенно начинает вытесняться более поздней формой имени действия на *-u*.

Как показывает фактический материал, рассматриваемая форма в текстах газет, в отличие от имени действия на *-u*, где обнаруживаются примеры склонения по всем падежам, крайне редко принимает падежные аффиксы. Как правило, имя действия на *-maq* в текстах функционирует в основном падеже и обозначает название того или иного действия, процесса либо состояния: *Milät sävmäk, xoquq sävmäk, wazyjfa tanymaq, üz qyjmätene belmäk kebi syjfatlara malik ulmazmyjdyq?* («Б.т.», 1906, № 47, «Хэят сакламак», статья) 'Не стали ли бы мы обладателями таких свойств, как любовь к нации, любовь к праву, осознание обязанностей, признание своей необходимости'; *Kiräk üz qalonijäsendä kiräk ingliz wä fransuz qalonijäsendä bulsyn, tuafäqyjät qazanmaq nimes öçen xämer eçü kebi ber eşder* («К.», 1914, № 577, «Нимес рәкабәте», статья) 'Достижение успеха для немцев это такое же дело как выпить вина, хоть в своей колонии, хоть в английской или французской колониях'.

Также имя действия на *-maq* в основном падеже в текстах газет употребляется в составе изафетных конструкций и выступает в агрибутивном значении. В этом случае определяемое слово, как правило, принимает аффикс принадлежности третьего лица: *Möselman awyl-laryna kitabxanälär ačmaq fikerendä uldyğy bezlärne artyq ömed var idäder* («Б.т.», 1906, № 47, «Народный университет», статья) ‘Нас, тех кто придерживается идеи открытия в мусульманских деревнях библиотек, впредь заставляет жить надежда’; *Bez any häzräte Räsülneğ tacy ulmaq syffatyjlä... itixad itdek* («В.», 1909, № 433, «Сыйфаһәт вә чалма», обзор периодической печати) ‘Мы его объединили... принимаем во внимание, что она является короной Расул хазрата’.

Кроме того, рассматриваемая форма в основном падеже может быть осложнена аффиксом сказуемости *-dyr/-der* и функционирует в предикативном значении: *Ul julda can fida idär dәрäcäsendä улыb ğajrät itmäk dimäkder* («Б.т.», 1907, № 80, «Без ни хәлдә?», статья) ‘Это означает проявлять смелость будучи в состоянии умереть прямо в пути’.

В текстах газет «Кояш» имя действия на *-maq* в основном падеже при функционировании в предикативном значении часто употребляется без показателя сказуемости. Стоит отметить, что в настоящее время в татарском литературном языке использование категории сказуемости носит ограниченный характер [Татар грамматикасы, 2016, б. 57]. В частности, почти не используются аффиксы сказуемости третьего лица *-дыр/-дер*, *-тыр/-тер*. Следовательно, функционирование в текстах газеты «Кояш» имени действия на *-maq* в предикативном значении без показателей сказуемости, свидетельствует о процессах перестроения в письменном литературном языке в межреволюционный период 1905-1917 гг. и о постепенном переходе к новым языковым нормам: *Bu islaxatdan maqsud İrannıñ daxili ešlären tärtibkä qujmaq* («К.», 1910, № 656, «Иран эшләре», статья) ‘Задача данной реформы – упорядочение внутренней политики Ирана’.

В предикативном значении рассматриваемая форма также может употребляться в основном падеже в сочетании со вспомогательным глаголом *ide* ‘был’: *Pravitelstvanyñ bu eše jägñi vajenyj polevoj sudlar täškil itüwe revalutsijäne betereb, üzenä jarağan Dumany cyjmaq ide* («Б.т.», 1906, № 28, «Хажитархан сентябрь 24», статья) ‘Эти действия правительства, то есть образование военно-полевых судов, заключается в формировании нужной Думы, завершив революцию’.

Также в текстах газет зафиксировано функционирование имени действия на *-maq* в предикативном значении в основном падеже в сочетании со вспомогательным глаголом *imeş* 'был': *Bu kitabny taratudan maqsud da xalyqnyñ xosusa Italijäneñ äfkaryñ Germanijä tarafyna audarmaq imeş* («К.», 1914, № 485, «Ак китаб», корреспонденция) 'Задача распространения этой книги заключается в перетягивании симпатий населения, в особенности населения Италии, на сторону Германии'.

Кроме того, в текстах обнаруживается употребление имени действия на *-maq* с аффиксом винительного падежа. В данном случае рассматриваемая форма передает значение прямого объекта действия, выраженного личной формой глагола: *Möxtäräm möštäriläremezdän adreslaryny açuq häm dörest jazmaqlaryny rica idämez* («Б.т.», 1906, № 39, «Игълан», объявление) 'Просим клиентов писать свои адреса четко и правильно'; *Oşbu üteneçete gazetañyznyñ ber jerenä darc qylmaqnyñy insanijat namyna ütenämen* («В.», 1912, № 921, «Идарэгэ мәктүпләр», письмо) 'Во имя человечества прошу вас опубликовать мою данную просьбу в каком-нибудь месте вашей газеты'.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» регулярно обнаруживается употребление имени действия на *-maq* в сочетании с послелогом. Так, одним из наиболее распространенных сочетаний является употребление рассматриваемой формы в паре с послелогом *ilä* 'с', а также его фонетическими вариантами *ilän, belän, berlän, berlä, belä*. Такое сочетание, как правило, выражает объектные отношения: *Orenburg okrugyndağy mäğarif mämurlary xäzer möselman mäktäblärenä 31 nçe martda mäğarif ministry tarafyndan tasdyjy qylynyş jañja pravilalary kertmük ilän mäşğüllär* («Б.т.», 1906, № 42, «Газеталардан», заметка) 'Работники образования Оренбургского округа сейчас заняты внедрением в мусульманские школы новых правил, утвержденных 31 марта министром образования'; *Ägär dä üz kamitetymyz bulsa, ğajrät wä sädaqatemez zahir ulmaq ilä bärabär birgän sumatyznyñ niqadär ikäne dä mäğlüm bulyr ide* («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяж вә аларга ярдәм», статья) 'Если бы у нас был собственный комитет, вместе с тем, что наша сила и дружба была бы очевидной, была бы еще известна и сданная нами сумма'.

В некоторых текстах газеты «Вақыт», оформленных на огузированном варианте старотатарского литературного языка, где присутствуют грамматические и лексические элементы, характерные

для огузских языков, в частности для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода, обнаруживается сочетание имени действия на *-maq* и послелого *üzärä* ‘с тем’, ‘чтобы’, являющегося особенностью турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 318]. Такая конструкция выражает значение цели действия: *Mäcles palitsijäneñ röxsäte ilä Möxämädälräxim xaci Junysof öjendä ulyb äksäre göläma wä gölämägä mänsüb keşelärdän ulmaq üzärä jözdän artyq keşe xazir ulmyşlar ide* («В.», 1909, № 433, «Казанның рәсем хаттын төзәтү хакында мөзакәрә мәжлесә», отчет) ‘На собрании, проведенном с разрешения полиции в доме Мухаммадальрахима хаджи Юнусова с целью собрать в большинстве своем ученых и приближенных к ученым людей, присутствовало более ста человек’.

В текстах газет обнаруживаются примеры употребления имени действия на *-maq* с послелогом *xosusynda* ‘о’, ‘относительно’, ‘касательно’. Данный послелог в рамках современного татарского литературного языка определяется как устаревшее. Его ограниченное употребление наблюдается лишь в официально-деловом стиле, а в остальных функционально-стилистических полях, как правило, употребляется его более современные синонимы *турында* и *хакында*. В текстах газет такое сочетание имени действия на *-maq* с послелогом *xosusynda* обозначает предмет данной конкретной речи: *Ike ystipendijä ačmaq xosusynda Qazan učiteliskij yşkolasyның idaräse ilä xäbärläşmäkdäder* («В.», 1909, № 433, «Оренбург хәбәрләре», заметка) ‘Он связался с руководством Казанской учительской школы по поводу организации двух степендий’.

В целом, форма на *-maq*, характерная для турецкого литературного языка и являющаяся традиционным языковым элементом, функционирующим в старотатарском литературном языке рассматриваемого периода, обнаруживается во всех старотатарских письменных памятниках конца XIX – начал XX вв. [Татар әдәби теле..., 2017, б. 821] и определяется как элемент, подчеркивающий наличие в нем функционально-стилистической вариативности.

Фора на *-та*

В текстах исследуемых нами газет также наблюдается ограниченное распространение имени действия на *-та*, которое образуется путем присоединения к основе глагола аффикса *-та/-mä*. Данная форма активна лишь в текстах, оформленных на огузизированном

варианте старотатарского литературного языка начала XX века, где наблюдается повышенное употребление грамматических и лексических элементов, характерных для тюркских языков огузской группы, в частности для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода.

В целом, употребление имени действия на *-ta* зафиксировано не во всех письменных памятниках конца XIX – начала XX вв., оформленных на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 804]. Данная форма, как правило, характерная для огузизированного варианта старотатарского литературного языка рассматриваемого периода, определяется как показатель функционально-стилистической вариативности.

В современном татарском литературном языке функционирование имени действия на *-ta* не сохранилось, а в ее диалектах рассматриваемая форма употребляется в функции инфинитива. В частности, инфинитив на *-ta* активен в говорах среднего и мишарского диалектов, однако не входит в ядерную часть диасистемы татарского языка и не служит классификационным признаком татарских диалектов [Юсупов, 2004, с. 203, 207]. При этом, в турецком литературном языке форма на *-ta* в качестве имени действия является одной из наиболее активных форм, употребляясь как с аффиксами принадлежности, так и склоняясь по падежам [Кононов, 1956, с. 454].

В текстах газет рассматриваемая форма употребляется исключительно в функции имени действия. При этом, спектр ее употребления крайне ограничен. Как показывают фактические материалы, в текстах газет имя действия на *-ta*, как правило, употребляется с аффиксом принадлежности третьего лица единственного числа *-sy/-se*, при этом, функционируя только в основном падеже. В данном случае рассматриваемая форма функционально сближается с причастиями на *-duq* и *-açaq* и употребляется для выражения потенциального устремленного в будущее действия, связанного с определенным лексическим значением сказуемого: *Çuqarylan paranıñ lazem järlärä saryf idelmüse julyny düšenälem* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәжлесә», отчет) ‘Давайте подумаем пути расходования выделенных денег в нужных направлениях’.

Также в текстах обнаруживается сочетание имени действия на *-ta* с послелогоми, характерное для любого имени с аффиксом принадлежности. Такие конструкции, как правило, выражают различ-

ного рода развернутые обстоятельства. Так, в текстах газеты «Кояш» было зафиксировано употребление рассматриваемой формы в сочетании с послелогом *öçen* ‘для’. Такое сочетание выражает развернутое обстоятельство цели, а послелог в нем придает более конкретное значение: *Bu mäcles jalnyz mäktäb wä mädräsäläreney islaxy mäsiläse müzakäräse wä jäki program tärtib idelmäse öçen wäli cänabläreney röxsätilä japylmyş ber mäclesder* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарэ руханиясендэ моһим мошәвәрә мәжлесе», отчет) ‘Данное собрание – это собрание, проведенное с разрешения господина вали только для обсуждения вопросов реформирования школ и медресе либо упорядочения их программ’.

Отрицательная форма имени действия на *-ma* в текстах исследуемых нами газет имеет ограниченное распространение и образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая присоединяется к основе глагола: *...insan qalbene cäleb itmämäse qabil дәgel ide* («В.», 1910, № 595, «Бохара эхвалендән», очерк) ‘... было невозможно не проникнуть в сердца людей’;

Как видно из материалов, имена действия, выражая значение того или иного действия в семантическом плане, в отличие от некоторых именных частей речи, а также других неличных форм глагола, не имеют ярко выраженных привязанностей к конкретным жанрам и обнаруживаются в текстах газет, относящихся ко всем жанровым группам. Так, наиболее регулярное применение различных форм имени действия можно обнаружить в текстах заметок, отчетов и репортажей, относящихся к информационным жанрам. Также формы имени действия активны в текстах статей, обзоров периодической печати, относящихся к аналитическим жанрам и в текстах очерков, которые рассматриваются нами в рамках художественно-публицистических текстов.

Таким образом, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» зафиксировано функционирование ряда форм имени действия. Наиболее употребляемой формой является имя действия на *-и*, которая активна и в современном татарском литературном языке. При этом, чем позже в межреволюционный период 1905-1917 гг. был опубликован конкретный номер той или иной газеты, тем активнее в ее текстах употреблялась данная форма. Так, наиболее регулярное присутствие формы на *-и* обнаруживается в рамках текстов газеты «Кояш», тогда как в текстах газеты «Борхане таракки», издававшейся

чуть ранее, функционирование рассматриваемой формы разбавляется другими формами имени действия.

Важно подчеркнуть, что в этот временной отрезок более поздняя форма на *-и* постепенно вытесняет форму на *-таq*, которая определяется в рамках истории татарского литературного языка в качестве традиционной языковой формы и форму на *-та*, активную в функции имени действия в современном турецком литературном языке, а также в некоторых говорах татарского литературного языка. При этом, если форма на *-таq* определяется как архаичная общетюркская традиционная форма, являющаяся грамматическим синонимом имени действия на *-и*, то форма на *-та* встречается исключительно в текстах, оформленных на огузизованном варианте старотатарского литературного языка рассматриваемого периода, где помимо нее также наблюдается активное употребление лексических и иных грамматических элементов, характерных для огузских языков, в частности для османско-турецкого литературного языка начала XX века.

Еще одна форма, применение которой изредка наблюдается в рамках современного состояния татарского литературного языка, форма на *-уџ*, не активна в текстах исследуемых нами газет. Хотя, фактически, данная форма и имеет место в текстах газет, слова, оформленные посредством нее, определяются как имена существительные, образованные путем конверсии (*suğyŷ* 'война', *utyruŷ* 'заседание', *cyjylyŷ* 'собрание' и т.д.) и не рассматриваются нами в рамках имен действия.

***

1. Наибольшего отличия в употреблении грамматических показателей тексты газет демонстрируют при реализации в них глагольных форм. Так, неличные формы глагола, а именно, причастие, деепричастие, инфинитив и имя действия, функционируя в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», характеризуются рядом общих и отличительных свойств.

2. Для текстов всех трех газет характерно функционирование причастий прошедшего времени на *-ğan*, *-туџ*, *-an*, *-dyq*, *-maqda ulan* (*bulğan*), причастий настоящего времени на *-a torğan*, *-иçy*, *-yrlyq*, а также причастий будущего времени на *-açaq*, *-yr* и *-asy*. Как видно, среди перечисленных показателей наличествуют как кыпчакские, так и огузские языковые формы. В текстах каждой из газет эти показатели получили неодинаковое распространение.

Причастие прошедшего времени на *-ğan* в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» получило одинаково широкое распространение, а ее грамматические и семантические возможности в каждой из газет, как правило, не противопоставляются друг другу. Как показал фактический материал, употребляясь без определяемого слова, данная форма выражает значение констатации действия и имени действия. Графически такие значения сопровождаются употреблением различных падежных форм. Например, широкое распространение в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» получила форма причастия прошедшего времени на *-ğan* в направительном падеже (*bulğanğa* ‘по причине того, что имеется’, *alğanğa* ‘по причине того, что взял’ и т.д.). В отличие от указанных газет, для текстов газеты «Борхане таракки» такое употребление причастия на *-ğan* не является характерным. Для передачи соответствующего значения в них употребляется форма на *-ğan*, осложненная субстантивным аффиксом *-lyq* и аффиксом исходного падежа (*uqyğanlyqdan* ‘по причине того, что прочитал’, *belgänlekdän* ‘по причине того, что знал’ и т.д.)

В текстах газеты «Борхане таракки» зафиксировано активное употребление причастия прошедшего времени на *-муş*, входящего в число первичных признаков, составляющих характеристику огузских языков. Однако в текстах газеты «Вақыт» функционирование данной формы крайне нерегулярное, а в газете «Кояш» она получила еще меньшую активность. При этом, тексты всех трех газет, где зафиксировано функционирование указанной формы, характеризуются наличием грамматических и лексических элементов, характерных для огузских языков, в частности османско-турецкого языка рассматриваемого периода.

Лишь в текстах газеты «Борхане таракки» зафиксировано регулярное функционирование огузского причастия прошедшего времени на *-an*. В текстах газеты «Вақыт» рассматриваемая форма встречается реже, а для текстов газеты «Кояш» она определяется в качестве вспомогательного грамматического элемента. Отличительной чертой употребления данной формы является ее активное использование с глаголом *ul, bul* ‘будь’. При этом, также, как и в случае с употреблением формы на *-муş*, преобладающее большинство текстов, где употребляется причастие на *-an* характеризуются наличием и других грамматических (*xäjätene* ‘жизнь’, *mädänijäsene* ‘культуру’, *düşenülem* ‘давайте подумаем’ и т.д.) и лексических (*ävlad* ‘ребенок’, *istifadä* ‘пользова-

ние', *istämäk* 'хотеть', *para* 'деньги', *lazem* 'нужно' и т.д.) элементов, характерных для огузских языков, в частности, османско-турецкого литературного языка начала XX века.

Еще одним ядерным элементом грамматической системы текстов газеты «Борхане таракки» является причастие прошедшего времени на *-dyq*. В текстах газеты «Вақыт» данная форма имеет ограниченное распространение и наиболее активно обнаруживается в ее более ранних номерах. Для газеты «Кояш» форма причастия прошедшего времени на *-dyq* не является системообразующим и обнаруживается лишь в текстах, язык которых оформлен на огузифицированном варианте старотатарского литературного языка начала XX века. В текстах всех газет рассматриваемая форма, подобно современному турецкому литературному языку, характеризуется употреблением только с аффиксами принадлежности.

В текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» зафиксировано ограниченное употребление формы на *-maqda ulan (bulğan)*, которое своим присутствием подчеркивает имевшееся вплоть до начала XX века влияние османско-турецкого литературного языка на старотатарский письменный литературный язык. Рассматриваемая форма и на сегодняшний день продолжает активно функционировать в турецком языке и определяется в качестве причастия, передающего вневременное длительное действие. В исследуемых текстах указанная форма, как правило, употребляется для передачи длительного, либо постоянного признака предмета или лица, не привязанного к конкретному временному отрезку и является грамматическим синонимом формы на *-an*

Наиболее активной формой причастия настоящего времени, функционирующей в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» является аналитическая форма на *-a torğan*. Главным образом данный факт объясняется тем, что в отличие от формы на *-иҗу*, которая также обнаруживается в языке татарской периодической печати начала XX века, форма на *-a torğan* является определением к словам, обозначающим как одушевленные, так и неодушевленные предметы. Кроме того, по мнению диалектологов, аналитическая форма причастия настоящего времени на *-a torğan* вместе с мишарским диалектом, наиболее активна в среднем диалекте, в территорию распространения которого, помимо прочих территорий, относят Казань, Астраханскую и Оренбургскую области, где и издавались исследуемые нами газеты.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» зафиксировано употребление традиционного для тюркских языков причастия настоящего времени на *-иçу*. Однако данная форма уступает в активности аналитической форме на *-a torğan* и наиболее регулярно употребляется лишь в текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт». В текстах газеты «Кояш» функционирование рассматриваемой формы является менее активной. Вместо нее, как правило, используется аналитическая форма причастия настоящего времени на *-a torğan*. В текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт», в отличие от текстов газеты «Кояш», форма на *-иçу* может употребляться в постпозиции в сочетании с деепричастием на *-yb*, которое в атрибутивной функции выражает некоторые дополнительные оттенки характера протекания действия (*alyb baruçy* ‘ведущий’, *köteb toruçy* ‘ожидающий’ и т.д.).

Тексты газеты «Кояш» выделяются наиболее активным употреблением причастия настоящего времени на *-yrlyq*, которое образуется от причастия на *-yr* при помощи аффикса *-lyq/-lek*. В текстах рассматриваемая форма, как правило, обозначает потенциальную способность лица или предмета.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» одинаково активно функционирует огузская форма причастия будущего времени на *-açaq*. При этом, в текстах всех газет зафиксировано ограниченное функционирование причастия будущего времени на *-yr*. Оно, как правило, употребляется при передаче передаточности обстоятельственных отношений и функционирует в паре с такими послелогами и служебными словами, как *öçen* ‘для’, *şikelle*, *kebek*, *kebi*, ‘как, как будто’, *aldan*, *aldyndan* ‘до, раньше’, *sonra* ‘после, позже’ и т.д.

Тексты газеты «Кояш» характеризуются наиболее активным употреблением формы на *-asy*. Функционирование рассматриваемой формы в текстах газеты «Борхане таракки» характеризуется как спорадическое, а для текстов газеты «Вақыт» форма на *-asy* не является характерной особенностью. В целом, по сравнению с формами причастий будущего времени на *-açaq* и *-yr*, в текстах газет форма на *-asy* характеризуется наименьшей степенью распространения.

3. Деепричастие в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» представлено целым рядом показателей, функционирующих как в современном татарском литературном языке (*-yb*, *-a*, *-ğaç*, *-ğançy*), так и характерных для огузских языков (*-araq*, *-madan*, *-masdan*).

Одними из наиболее активных деепричастных форм, характерных для текстов каждой из газет, являются формы на *-yb* и *-ğaç*. В грамматическом и семантическом плане их функционирование в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», как правило, не противопоставляется. Однако при выражении отрицательной формы деепричастия на *-yb* наблюдается определенная вариативность, которая, прежде всего, находит отражение в текстах газеты «Борхане таракки». Здесь зафиксировано употребление целого ряда показателей: на *-majyb* (*qyzğanmajyb* ‘не щадя’), *-muj* (*joqlamuj* ‘не спав’), *-mujča* (*sanamujča* ‘не считая’), *-majunča* (*soramajunča* ‘не спрашивая’). В текстах газеты «Вақыт» зафиксировано функционирование отрицательных форм на *-muj*, *-mujča* и *-majunča*, а в газете «Кояш» отрицательная форма деепричастия на *-yb* оформляется только при помощи аффикса на *-mujča*, характерная для современного татарского литературного языка.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» формы деепричастий на *-a* и *-ğančy* получили ограниченное распространение. Наиболее активное употребление формы на *-a* наблюдается в текстах газеты «Борхане таракки». Особенностью данной формы, отличающей ее от употребления в рамках современного татарского литературного языка, является использование в текстах газет только в редуцированном виде (*menä menä* ‘поднимаюсь’, *bara bara* ‘идя’). Форма на *-ğančy* характерна только для газет «Борхане таракки» и «Вақыт». При этом, если в текстах первой газеты рассматриваемая форма функционирует без использования каких-либо дополнительных грамматических элементов (*17 nçe oktäbr ütänče* ‘до того, как пройдет 17 октября’), то в текстах газеты «Вақыт» обнаруживаются примеры ее употребления с аффиксом направительного падежа и в сочетании с послелогом *qadär* ‘до’ (*isbat itelğančegä qadär* ‘до того, как будет доказано’).

Газеты «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» характеризуются, хотя и ограниченным, наличием в своих текстах огузской формы деепричастия на *-araq*, которое функционирует в сочетании с глаголом *ulmaq* ‘быть’ (*mäkamät ularaq* ‘в качестве места пребывания’, *soñğy däfğa ularaq* ‘в качестве крайнего раза’). Такая конструкция в текстах используется, как правило, для передачи действия, происходящего одновременно с действием, выраженным при помощи основного глагола.

Функционирование огузских показателей на *-madan* и *-masdan* характерно только для текстов газет «Борхане таракки» и «Кояш» и носит ограниченный характер.

4. В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» зафиксировано активное функционирование инфинитивной формы на *-yrğa*, характерной для современного татарского литературного языка. При этом, в грамматическом и семантическом плане ее функционирование в текстах газет не противопоставляется друг другу. Отличительной особенностью указанной формы является ее ограниченное употребление в независимой позиции, когда она выражает побуждение, повеление или оттенки необходимости и долженствования. На стилистическом уровне такое употребление инфинитива на *-yrğa* не является приоритетной задачей для текстов газет, а больше характерно для разговорной речи. Чаще форма на *-yrğa* употребляется в сочетании с глаголами (*qaldyryrğa tyryşadyr* 'старается оставить'), в сочетании с модальными словами *jaryj*, *mömkın* 'можно', *riza* 'согласен', *tijeş* 'должен', *kiräk* 'необходимо, нужно' и т.д.

В текстах газеты «Борхане таракки» зафиксировано функционирование традиционной для тюркских языков формы на *-maq* в инфинитивной роли, тогда как в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» она вытесняется более поздним показателем на *-yrğa*. Форма на *-maq*, как правило, употребляется в сочетании со вспомогательными глаголами *bul*, *ul* 'будь', *istä*, *telä* 'хоти', *cäsarät it* 'решишь', модальными словами *kiräk*, *lazem* 'необходимо, нужно' или послелоговами *öçen* 'для' и *üzere* 'для того, чтобы' и т.д.

В текстах газеты «Борхане таракки» инфинитив также выражается при помощи формы на *-mağa*, являющейся характерной особенностью огузских языков, в частности, турецкого литературного языка.

5. В текстах газет имя действия выражается при помощи ряда грамматических показателей. Основной формой имени действия является форма на *-u*. Грамматические и семантические принципы ее функционирования в текстах каждой из газет не противопоставляются друг другу.

В текстах газеты «Борхане таракки» для выражения значения имени действия также употребляется форма на *-maq*. В текстах газет «Вақыт» и «Кояш» форма на *-maq* употребляется менее активно и, как правило, в основном падеже или в составе конструкций, состоящих из имени действия на *-maq* и послелогов. Такая тенденция объясняется

тем, что в межреволюционный период 1905-1917 гг. рассматриваемая форма в рамках старотатарского литературного языка постепенно начинает вытесняться более поздней формой имени действия на *-и*.

Форма имени действия на *-та* активна лишь в текстах, оформленных на огузированном варианте старотатарского литературного языка начала XX века, где наблюдается повышенное употребление грамматических и лексических элементов, характерных для тюркских языков огузской группы, в частности для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода. Как показывают фактические материалы, в текстах газет имя действия на *-та*, как правило, употребляется с аффиксом принадлежности третьего лица единственного числа *-sy/-se*, при этом, функционируя только в основном падеже (*saryf idelmäse* 'расходование'). В данном случае рассматриваемая форма функционально сближается с причастиями на *-duq* и *-açaq* и употребляется для выражения потенциального устремленного в будущее действия.

Таким образом, сравнительный анализ грамматической системы неличных форм глагола, функционирующих в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» показал неоднородность его структурных элементов. Так, помимо ядерных элементов, функционирующих в текстах каждой из газет и сближающих их грамматическую систему с грамматической системой современного татарского литературного языка, в текстах газеты «Борхане таракки» наблюдается наиболее активное функционирование огузского морфологического пласта, который выступает в качестве одного из классификационных признаков этих текстов. Как показали материалы, общее количество таких элементов в текстах газеты «Борхане таракки» больше, чем в текстах остальных газет. В отличие от текстов газеты «Вақыт» и «Кояш», где грамматические показатели, характерные для огузских языков воспринимаются в качестве архаизмов и к середине второго десятилетия XX века постепенно вытесняются из употребления более поздними грамматическими элементами, в текстах газет «Борхане таракки» огузские показатели характеризуются своим активным употреблением и многозначностью.

ГЛАВА III

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Как известно, личными формами глагола называют формы, которые изменяются по лицам, числам, времени и наклонению. Категория наклонения в рамках грамматической системы языка отвечает за выражение устанавливаемого говорящим лицом отношения действия к реальной действительности и характеризуется наличием нескольких форм, реализующихся посредством применения специальных грамматических показателей. При этом, в текстах исследуемых нами газет категория наклонения определяется как центр модальности и, в зависимости от поставленных говорящим в тексте лицом задач, обозначает действие, как реальный факт, соотносенный с конкретным временным отрезком (изъявительное наклонение), выражает обращенное к адресату волеизъявление говорящего лица (повелительное наклонение), выражает изъявление желания говорящего лица (желательное наклонение), обозначает действие, являющееся условием для совершения иного действия (условное наклонение), выражает обязательность или категорическую необходимость при оценке соотношения реальной действительности и описываемого действия (долженствовательное наклонение) и обозначает предположительно-возможное действие (сослагательное наклонение). Кроме того, в текстах газет зафиксировано функционирование модальных конструкций, служащих для выражения значения возможности либо невозможности совершения того или иного действия посредством употребления различных грамматических показателей. Однако наиболее отчетливо, имеющиеся в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» морфологические отличия, обнаруживающиеся в функционировании

личных глагольных форм можно зафиксировать при рассмотрении грамматических форм изъявительного наклонения.

3.1. Изъявительное наклонение

Категориальным значением изъявительного наклонения является обозначение действия, как реального факта, соотнесенного с конкретным временным отрезком в прошлом, настоящем или будущем. В отличие от других категорий, изъявительное наклонение в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», также, как и в современном татарском литературном языке, в его диалектах и в тюркских языках в целом [Юсупов, 2004, с. 292], не характеризуется наличием каких-либо специальных грамматических показателей наклонения. Однако отличительная особенность изъявительного наклонения, которая заключается в выражении ее категориальной семантики посредством определенных временных аффиксов вправе рассматриваться именно как показатель наклонения.

Как известно, основное значение изъявительного наклонения заключается в выражении действия, не осложненного какими-либо модальными или аспектуальными оттенками. Но, стоит отметить, что в текстах исследуемых нами газет, как и в современном татарском литературном языке и тюркских языках в целом, значение временных форм изъявительного наклонения, как правило, осложняется теми или иными модальными оттенками. Также формы изъявительного наклонения могут сочетаться с послелогом и модальными словами, что также придает данным сочетаниям различные оттенки. Кроме того, на семантическом уровне на конкретную форму изъявительного наклонения может воздействовать и контекст. Поэтому такое положение следует признать лишь условным.

Изъявительное наклонение в текстах исследуемых нами газет характеризуется многообразием функционирующих форм. Так, нами зафиксированы формы, характерные для современного татарского литературного языка, а также формы, характерные для огузских языков, в частности, функционирующие в современном турецком литературном языке, что свидетельствует о влиянии на грамматическое строение текстов татарских газет начала XX века османско-турецкого языка рассматриваемого периода. Кроме того, часть временных форм, активных в исследуемых нами текстах, определяются в рамках

истории татарского литературного языка в качестве общетюркских традиционных языковых элементов. Такая разнородность функционирующих временных форм, а также особенности их спряжения и функционально-семантические различия, имеющие место в текстах газет, подчеркивают наличие функционально-стилистической вариативности в татарском литературном языке рассматриваемого периода. Эта вариативность, в свою очередь, объясняется сложностью процессов формирования татарского литературного языка и многовековыми контактами с другими тюркскими языками.

Следует отметить, что не все временные формы, а также не все грамматические показатели лица и числа одинаково активны во всех жанрах, отраженных в текстах исследуемых нами газет. В этой связи особое значение при научном исследовании функционирования форм изъявительного наклонения в текстах татарских газет начала XX века является их жанровая дифференциация.

Прошедшее время

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» грамматическая категория времени, так же, как и категория наклонения и лица, определяется в качестве наиболее важного признака глагола. Прошедшее время в текстах газет на семантическом уровне выражает действие, происходившее до момента речи и представлено целым рядом форм, характеризующихся наличием соответствующих семантических особенностей.

В структурном плане формы прошедшего времени, функционирующие в текстах исследуемых нами газет следует разделять на синтетические и аналитические. К синтетическим формам относятся показатели прошедшего времени *-dy*, *-ğan* и *-myş*, тогда как в качестве аналитических форм, с разной степенью распространения, функционируют формы на *-ğan ide*, *-myş ide*, *-a ide*, *-jur ide*, *-maqda ide*, *-a torğan ide* и *-açaq ide*.

Несмотря на то, что все перечисленные формы функционируют в рамках прошедшего времени и употребляются в текстах для передачи значения действия, имевшего место до момента речи, все они характеризуются наличием определенных индивидуальных особенностей, индивидуальным уровнем распространенности.

Синтетические формы

Форма на *-dy*

Форма прошедшего категорического времени на *-dy*, определяясь в качестве одного из наиболее ранних общетюркских грамматических показателей, считается характерной особенностью всех без исключения древних, средневековых и современных тюркских языков и, согласно наиболее распространенному мнению, своими корнями восходит к имени действия на *-yt/-t* или *-dy* [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 379, 383].

Сегодня рассматриваемая форма, употребляющаяся для выражения прошедшего результативного времени, активна в современном татарском литературном языке, а также в ее диалектах [Юсупов, 2004, с. 377]. При этом, форма на *-dy* активно обнаруживается на всех этапах формирования и развития старотатарского литературного языка. Ее функционирование зафиксировано как в текстах древнетюркских письменных памятников, созданных в период Волжской Булгарии, так и в текстах литературных произведений, оформленных в конце XIX – начале XX вв. на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 88, 493].

Учитывая одну из основных функций газетного текста, заключающейся в своевременном информировании адресата о каком-либо явлении или событии имевшего место в прошлом, выражение действия в плане прошедшего времени является одним из наиболее широко распространенных условий при передаче информации читателю. В частности, наиболее активно употребляемой при этом временной формой прошедшего времени становится форма на *-dy*. С одной стороны, ее активное функционирование в текстах обусловлено тем, что автор текста является непосредственным свидетелем описываемых событий, имевших место в прошлом, а его слова не подвергаются сомнению. С другой стороны, посредством употребления формы на *-dy* автор стремится достичь в тексте быстрой смены действий или последовательного динамического развертывания. В целом, функционирование рассматриваемой формы не характеризуется наличием жесткой жанровой дифференциации. Однако форма на *-dy* является ключевой в рамках текстов заметок, относящихся к информационным жанрам. Здесь наряду с показателем прошедшего результа-

тивного времени на *-ğan*, в преобладающем большинстве случаев, используется упрощенная временная структура, которая реализуется посредством формы прошедшего категорического времени на *-dy*.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» рассматриваемая форма образуется по общей для тюркских языков схеме, где к основе глагола присоединяется аффикс *-dy/-de*, а спряжение происходит посредством личных аффиксов II группы:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-m</i>	<i>-q/-k</i>
2 л.	<i>-ñ</i>	<i>-ñyz/-ñez</i>
3 л.	—	<i>-lar/-läär</i>

Так, **первое лицо единственного числа** в текстах исследуемых нами газет, вне зависимости от временных рамок, выражает действие, отнесенное к говорящему лицу. Для реализации данной формы употребляется аффикс *-m*, который применяется как в татарском [Татар грамматикасы, 2016, б. 119], так и в турецком [Кононов, 1956, с. 230] литературных языках: *Menä min sezgä nadanlyqym ilä bu fikeremne jazdym* («Б.т.», 1907, № 75, «Иске фикер», статья) ‘Вот я по своей глупости написал вам это мнение’; *Äni mine übäder ide... min şunuñ öçen jyğladym* («В.», 1915, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Мама меня целовала... я поэтому заплакала’; *Qyjmadym... qaçyb kilgäç üzeñä birermen digäç qart xatynuna yşandym şul* («К.», 1913, № 53, «Кыз сатуга гаид», художественное повествование) ‘Не решился... поверил жене старика, потому что она сказала что отдаст мне, раз я пришел украдкой’;

Для реализации формы **первого лица множественного числа**, выражающей, как правило, действие, отнесенное ко множеству лиц, одним из которых, непременно, является говорящий, в текстах исследуемых нами газет употребляется аффикс лица *-q/-k*: *Bez şunda ber jortnyñ qarşynda tuqtadyq* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр», статья) ‘Там мы остановились напротив одного дома’; *Mağazanyñ xucasy üze dä uramda tora ikän, sälam birde, min täbrik itdem, ... küzgä qarab köleşdek... Menä postaxanä uramyndan boryldyq...* («В.», 1909, № 550, «Иран мәктүбләре. XI. Милләт мәжлесенең ачылуы», очерк) ‘Как оказалось, хозяин магазина и сам стоит на улице, поприветствовал, я поздравил..., посмеялись смотря в глаза... вот мы повернули на

улицу, где находится почта...»; *Bez jaŋa räiskä täräqyjpärvär Jefremof digän deputatny sajladıyq* («К.», 1913, № 259, «Петербург мәктүбләре. Матбугат хақында закон ләихасы», очерк) 'На место нового председателя мы избрали прогрессивного депутата по фамилии Ефремов'.

Следует отметить, что в современном татарском [Татар грамматикасы, 2016, б. 119] и турецком [Кононов, 1956, с. 230] литературном языках первое лицо множественного числа прошедшего времени на *-du* реализуется лишь посредством фонетического варианта *-k*.

Глаголы с показателем прошедшего времени на *-du*, осложненные аффиксами второго лица обеих чисел, традиционно для газетных текстов являются наименее распространенными формами. Так, **второе лицо единственного числа**, парадигматическим значением которого является отнесенность действия к адресату, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», как правило, употребляется для реализации обращений автора и имеет ограниченное распространение. Как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 119], данная форма оформляется посредством показателя лица *-ŋ*: *Beläder idem dä... sin Näğimälärne üpdeŋ, mine kürmiençä kitdeŋ* («В.», 1915, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) 'Я знала... ты поцеловала Нагиму, а меня прошла незаметив'; *Uh! Äcäl, sin tujmadyŋ! Äle berebezneŋ qaber östendäge çäçäklär şinjärgä ölgermäde, ä sin ikençebezne – Isxaqny da aldyŋ* («К.», 1913, № 108, «Дөньядан туйган дустыма», статья) 'Ух! Смерть, ты не насытилась! Еще не успели завянуть цветы на могиле одного из нас, а ты забрала и второго – Исхака'.

Второе лицо множественного числа, вне зависимости от временных рамок, выражает действие, исполнителем которого является множество лиц, одним из которых выступает адресат, а также лицо, не участвующее в речи. Реализация данной формы осуществляется посредством аффикса *-ŋyz/-ŋez*, определяющегося в рамках старотатарского литературного языка рассматриваемого периода в качестве элемента традиционной языковой нормы: *Moŋa qadär växşi xäldä jäšämеш Ästerxan möselmanlary ni xälgä kildenez...* («Б.т.», 1906, № 36, «Дәрел Әдәбдә сөйләнгән нотык», отчет) 'В какое состояние пришли мусульмане Астрахани, которые жили прежде дикой жизнью...'; *Axyrynda niçek itifaqğa kildenez, möselman fraqsijäseneŋ kiräklegen ni berlä isbat itdenez?* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмөв берлә

ультырышу», интервью) ‘В результате как вы пришли к согласию, как доказали необходимость мусульманской фракции?’.

Следует отметить, что на сегодняшний день реализация спряжения формы прошедшего времени на *-du* во втором лице множественного числа при помощи аффикса *-nyz/-nez* в чуть ином фонетическом варианте (*-ныс*) зафиксирована в барабинском и томском диалектах, а также в тарском говоре тоболо-иртышского диалекта татарского языка [Юсупов, 2004, с. 378].

Третье лицо единственного числа вне зависимости от временных рамок, может выражать несколько значений. Так, в зависимости от конкретного контекста, рассматриваемая форма выражает отнесенность действия к лицу или другим живым существам, предметам, явлениям и т.д., не участвующим в речи. Кроме того, рассматриваемая форма может выражать отнесенность действия к множеству лиц или предметов, не участвующих в речи. При этом, употребление единственного числа подчеркивает нерасчлененность того или иного конкретного действия. Для реализации данной формы в текстах газет, как и в преобладающем большинстве тюркских языков [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 376], употребление какого-либо специального аффикса не зафиксировано: ...*naloglarny kübräk salyb xalyqny tağynda fäqiräkkä taba jebürde* («Б.т.», 1906, № 31, «Русия хэбэрлэре», заметка) ‘...увеличив налоги, сделал жизнь народа еще более бедной’; *Alarnyñ eñläre beteb näübät miña jetkänçe berär säğat ütde* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүплэре», очерк) ‘Пока они закончили дела и очередь дошла до меня, прошло около часа’; *Solyx jasalu mönäsäbäte belän Romanijä karole häm başqa Balqan mämläkätläre başlyqlary arasynda täbrik telegramlary alyşular buldy* («К.», 1913, № 186, «Казан 2 август», статья) ‘В связи с подписанием договора, король Румынии и главы других Балканских государств совершили обмен поздравительными телеграммами’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет выражает соотнесенность действия со множеством лиц, не участвующих в речи либо с неличным субъектом. Как и в современном татарском [Татар грамматикасы, 2016, б. 119] и турецком [Кононов, 1956, с. 230] литературном языках, рассматриваемая форма оформляется при помощи аффикса множественного числа *-lar/-lär*, где он указывает не на лицо, а на согласование в числе: *16 ncy sintäbrdä tön ilä ber afitsernyñ kamandasy berlä ber qadär qazaqlar ber jortny çolğab aldylar*

(«Б.т.», 1906, № 28, «Русия хэбэрлэре», заметка) ‘Ночью 16 сентября команда под руководством одного офицера и еще несколько казаков окружили один из домов’; *Bu forsatny ğazimät beleb Avstrijalylar Lovčen тawына qatğyј höcüm qyldylar* («В.», 1916, № 1955, «Каратагъ бетү», статья) ‘Воспользовавшись случаем, австралийцы совершили жесткую атаку на гору Ловчен’; *Mädräsädä uqyј torğan šäkerdlär dä üz isemlärendän adres ilä bergä kitab hädijä itdelär* («К.», 1913, № 73, «Самара», корреспонденция) ‘Шакирды, обучающиеся в медресе, также подарили от себя адрес и книгу’.

Отрицательный аспект формы прошедшего времени на *-dy* в текстах газет образуется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma/-mä*: *Ämma pravitelstva bu meskenlärneј хällärenä märxämät itmüde* («Б.т.», 1906, № 31, «Ай башлары хакында», статья) ‘Однако правительство не сжалилось над ситуацией этих бедняг’; *Alar berberse belän šadlанышyb dönјadan çyğyb utyralar ide – minem jaqynlaşqаныmny išetmädelär* («В.», 1913, № 1240, фельетон) ‘Они сидели вместе радуясь и отрешенно – не слышали моего приближения’; *Bloçy-lar bezdän ber fiker dä soramadylar* («К.», 1916, № 921, «Петербург мәктүплэре. Фракциядэге киңэшлэр», очерк) ‘Представители блока не спросили у нас ни одного мнения’.

На семантическом уровне основным значением прошедшего времени на *-dy* изъявительного наклонения является передача совершившегося в прошлом однократного действия, достоверность которого не подвергается сомнению [Татар грамматикасы, 2016, б. 119]. При этом, по мнению некоторых специалистов, обозначаемое посредством данной формы действие, может являться как однократным, так и многократным, а также достигшим своего предела или не достигшим его [Серебренников, 1963, с. 14].

Наиболее часто в текстах газет прошедшее время на *-dy* функционирует в рамках своего парадигматического значения. Так оно активно при выражении конкретного действия либо состояния, очевидцем которого стал говорящий, или при выражении действия, совершенного незадолго до момента речи, а также действия или состояния, известного от третьих лиц, но объективность которых не подвергается сомнению: *Xäl wä zamanlar üzgärde här millät täräqyj julyna ajaq basdy..* («Б.т.», 1907, № 80, «Русия хэбэрлэре», заметка) ‘Ситуация и времена поменялись, каждый народ встал на путь прогресса...’; *Mözakärämez bu ike мәsälädän soј “yšezdlar jasau” tuğrysyna*

küçde («В.», 1910, № 637, «Петербургтан кайтучы илә месэхэбә», корреспонденция) ‘После этих двух вопросов, наше обсуждение перешло на «проведение съездов»’; *70 tijen bulyb torğan saryq tirese mulalar baxetenä genä töсле Ğajd aldyndan ğyna sumnyj juĝary jaĝyna kütäreldе* («К.», 1914, № 549, «Этраф хэбэрлэре», заметка) ‘Овечья шкура, стоящая 70 копеек, как будто бы на счастье мулл, прямо перед праздником Разговения поднялась выше рубля’.

Следует отметить, что в отличие от формы на *-ğan*, в семантическом плане раскрывающей результативность действия, форма на *-dy* в текстах газет позволяет передавать быструю смену действий, либо их последовательное динамическое развертывание. При этом, глаголы в форме на *-dy*, которые выражают в тексте смену действий, могут соединяться при помощи союзной частицы *da, дә*: *Ber zaman ällä qajdan ber cuan keşe kileb çyqdy da miña mäsceddän çyĝarĝa quşdy* («Б.т.», 1906, № 45, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Внезапно откуда-то появился упитанный человек и сказал мне выйти из мечети’.

Одним из наиболее активных в текстах исследуемых нами газет контекстуальных значений формы на *-dy* является обозначение тех или иных достоверных действий, которые в прошлом отличались своим обычным, регулярным, многократным либо длительным характером. При этом, характерной особенностью таких предложений является функционирование в них таких определенной группы лексических средств, подчеркивающих различные характеристики протекания действия в рамках указанного времени: *Bik küb zaman Ästerxanda ulan ähle islam jalĝan išanlarnyñ jäşel, wä sary çapanlaryny jabynyb küb zaman joqladylar* («Б.т.», 1906, № 47, «Земство газетасы вә меселманнар», обзор периодической печати) ‘Мусульмане, очень длительное время жившие в Астрахани, укрывшись зелеными и желтыми чапанами лжеишанов, очень долго проспали’; *Duma härwaqyt bu mäĝarif eşlärendä xalyqnyñ ixtijacyна järdäm itärgä tyryşdy* («В.», 1913, № 1216, «Государственный дума», отчет) ‘Дума всегда старалась помогать народным потребностям в этих вопросах образования’; *...jal itü mäşäläsen Dumanyñ qaramaqyna jañadan kertü хаqyнда, berničä qat täkliflär дә bulyndy* («К.», 1914, № 306, «Сәүдә хезмәткәрләренең жылышы», статья) ‘...несколько раз поступали и предложения о внесении вопроса о выходных на рассмотрение Думы снова’.

В вышеприведенных примерах для подчеркивания длительности действия употребляются такие лексические элементы, как *bik küb zaman* 'очень длительное время', *küb zaman* 'длительное время', для подчеркивания регулярности действия используется слово *härwaqıt* 'всегда', а для усиления значения многократности действия в прошлом употребляются выражения *janadan* 'снова', *berniçä qat* 'несколько раз'.

Форма прошедшего времени на *-dy* в текстах газет может указывать на результативность действия, которое, как правило, подкрепляется посредством употребления в предложении вспомогательных глаголов: *Şundan soñ bez gorodovojlarğa telägän keşelärne atarğa tajnyj sirkular barmikänni diheb ğacübseneb kütdek* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр», письмо) 'После этого мы удивились, подумав, неужели существует «тайный циркуляр», разрешающий городовым стрелять в нужных людей'; *Ğabdexämidneñ täxetkä çyğuwı ilä... Ğosmanly mäm-läkätene parça parça ideb bülärgä, jäki iqtisadi cähätdän imärgä baş-ladylyar* («В.», 1909, № 460, «Төркия вакыйгатенә бер нәзер», статья) 'С восхождением на трон Абдулхамита... Османское государство начали делить на кусочки или высасывать в экономическом плане'; *"Waqıt" gazetasyның 1129 нчы номерындағы Äxmädzäki Wälidineñ mäqaläsen uqyğaç, min, kübdän wafat bulğan şul "Kärlä"ne sağynyb qujdyım...* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфәң нишләтте!!», фельетон) 'После прочтения в 1129 номере газеты «Вакыт» статьи Ахмет-Заки Валиди, я, вдруг соскучился по этому покойному Кэрлэ...'

В текстах нередко обнаруживается конструкция, состоящая из сочетания глагола в форме прошедшего времени на *-dy* и союзного слова *işä* 'а, же'. Такая конструкция, как правило, употребляется в сложносочиненных предложениях в функции сказуемого придаточного предложения и выражает время либо условие совершение действия, а также причинно-следственные отношения: *Niçek Ğajd köne buldy işä minem bala çäğym xosusän bala çäğymdağy ber bilgele waqyjğa isemä töşä* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) 'Если настает Гаёт, я тут же вспоминаю свое детство, в частности, какое-нибудь знаменательное событие из детства'.

Следует отметить, что присутствие данной конструкции зафиксировано во многих текстах тюркских письменных памятников, а в рамках татарского языка на сегодняшний день такое сочетание обнаруживается в говорах среднего диалекта, в частности, оно свойственно

для говоров, распространенных на территории Приуралья, Среднего Урала, Южного Урала и Зауралья [Юсупов, 2004, с. 386].

В текстах исследуемых нами газет также обнаруживается употребление формы на *-dy* в значении косвенных наклонений. Так, в сочетании с частицей *-tu*, *-te* в рамках сложноподчиненного предложения форма на *-dy* передает причинно-следственные отношения: *Möselmanlar ber ujandylarmy, jarym julda qalmaslar* («В.», 1912, № 942, «Болгария мөселманлары вә сәяси уяну», статья) ‘Если мусульмане проснулись, они не останавливаются на пол пути’.

В целом, семантическое функционирование формы прошедшего времени на *-dy* в текстах исследуемых нами газет обнаруживает сходство с другими тюркскими языками, в частности с турецким, казахским, киргизским и т.д. литературным языками [Кононов, 1956, с. 230; Öner, 1998, s. 143]. Регулярное употребление рассматриваемой формы зафиксировано в текстах всех исследуемых нами газет. Поэтому она определяется в качестве ядерного элемента грамматической системы текстов татарской периодической печати начала XX века.

Форма на *-ğan*

Данная форма образуется от причастия на *-ğan* и определяется в качестве характерной особенности всех групп современных тюркских языков за исключением огузской, где соответствующие функции выполняет форма на *-туş*. В частности, кроме татарского литературного языка, рассматриваемая форма функционирует в казахском и киргизском языках [Öner, 1998, s. 148]. Следует отметить, что две данные формы, как правило, воспринимаются в тюркологии как ареально распределенные, что не совсем корректно, так как, например, в караханидско-уйгурском языке наблюдалось их сосуществование [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 420]. Между тем, несмотря на то, что форма на *-ğan* не активна в огузских языках в качестве показателя времени, ее косвенное присутствие все же обнаруживается. Так, в них зафиксировано функционирование рефлекса вневременного причастия на *-ğan* – формы причастия на *-an*, связки *iken* ‘будучи’, ‘тогда, как’, а также ряда субстантивов [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 421].

На сегодняшний день форма на *-ğan* активна в грамматической системе татарского литературного языка, а также во всех ее диалектах. При этом, определенное снижение активности зафиксировано в некоторых мишарских диалектах, где рассматриваемая форма кон-

курует с показателем прошедшего времени на *-ын* [Юсупов, 2004, с. 387].

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» форма прошедшего времени на *-ğan* активно употребляется для обозначения прошедшего результативного времени и является ядерным элементом грамматической системы исследуемых текстов. Следует отметить, что наиболее широкое распространение рассматриваемая форма получила в текстах газеты «Кояш», тогда как в текстах газеты «Борхане таракки» ее функционирование в некоторой степени ограничено в связи с активным параллельным употреблением показателя прошедшего времени на *-туџ*, определяющегося в качестве характерной особенности огузских языков.

Отличительной особенностью функционирования формы прошедшего времени на *-ğan* является ее активное употребление с личными аффиксами третьего лица обеих чисел, что продиктовано присущими данной форме семантическими свойствами. При этом, в связи с тем, что в текстах не было зафиксировано функционирование глаголов с показателем *-ğan*, осложненных аффиксами первого и второго лица множественного числа, полную парадигму спряжения рассматриваемой формы по лицам нам установить не удалось:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-тын/-мен</i>	<i>н/о</i>
2 л.	<i>-сын/-сең</i>	<i>н/о</i>
3 л.	—	<i>-лар/-ләр</i>

Функционирование прошедшего времени на *-ğan* в **первом лице единственного числа** в текстах газет имеет ограниченное распространение и образуется, подобно современному татарскому литературному языку [Татар грамматикасы, 2016, б. 121], при помощи показателя лица I группы *-тын/-мен*: *Min jide sikez jäšlärdä bulğan-тын – änkäjem üldē* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Я был в возрасте семи-восьми лет – умерла моя мама’.

Второе лицо единственного числа в текстах газет также обнаруживается редко и осуществляется посредством аффикса *-сын/-сең*: *Başqa keşe añlamasa da, sin añlağansын Kärлә, Zäki abyjыңның gimnazija tuğrysında ni äjtergä köçängänen* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфән

нишлэтте!!», фельетон) ‘Если даже остальные не поняли, ты, Кэрлэ, понял, что пытался сказать дядя Заки о гимназии’.

Третье лицо единственного числа в текстах исследуемых нами газет характеризуется активным употреблением, однако какого-либо визуального грамматического показателя не имеет: ...*G. дума isemenä ber cyjlyşyb priğovorlar jasarğa irek birelmäsen dib daxilijä ministry barça ğubernatorlarğa häm zemskij naçalniklarğa färman taratqan* («Б.т.», 1907, № 80, «Русия хэбэрлэре», заметка) ‘Министр внутренних дел направил указ всем губернаторам и земским начальникам, с целью не допустить ситуации, когда сельские жители собравшись направляют в адрес Г. думы приговоры’; *Äle aldymyzdağy gazetalarnyñ berse üz möxäbireneñ “at öjrätüče” ilä bulğan mösaxäbäsen jazğan* («В.», 1909, № 513, «Мөсахэбэлэр», интервью) ‘Одна из газет, находящихся перед нами, опубликовала беседу своего корреспондента с учителем лошадей’; ...*Maliya nazaraty tarafyndan waqytly ber nizamnamä tözeleb, sadrağzämneñ tasdyjyyna tabşyrylğan* («К.», 1914, № 303, «Төркия хэбэрлэре», заметка) ‘...Министерством финансов был подготовлен временный регламент, и был передан на подтверждение садразаму’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет оформляется посредством аффикса множественности *-lar/-lär*, где он указывает не на лицо, а на согласование в числе: *Krestianlar imenijädä ni qadär igen bar, barsyn da üzlärenä taşyb, bar xajwanlarny qualab alyb kitkänlär* («Б.т.», 1906, № 47, «Русия хэбэрлэре», заметка) ‘Крестьяне перетаскали весь урожай, имеющийся в имении и отогнали весь скот’; *Bunlar berläşeb тырыşyb Ğ. sovetqa üz keşelären jäñni 9 palakny jebärü alğanlar* («В.», 1909, № 470, «Үгэйлэр», статья) ‘Они объединившись, стараясь, смогли отправить в Г. совет своих людей, то есть 9 поляков’; *Alar ütkän köz igenneñ bik arzan buluwyna qaramyjča satyb betergänlär* («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяж вэ аларга ярдәм», статья) ‘Они, несмотря на то, что прошлой осенью хлеба были очень дешевые, распродали’.

Отрицательный аспект прошедшего времени на *-ğan* образуется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma/-mä*. В зависимости от имеющихся в основе глагола широких и узких гласных один из двух вариантов отрицательной частицы прибавляется к основе глагола перед показателем *-ğan*: *Čönki ul Дума böten xalyqdan tigezlek berlän cyjylmağan* («Б.т.», 1906, № 36, «Хажитархан октябрь 20», статья) ‘Потому что эта Дума не была собрана из всех народов порова

ну'; *Sineñ külmägen jañu tügel! Čäceñ dä taralmağan* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) 'Твое платье не новое! И волосы не расчесаны'; *Läkin moñar qarşy Gretsiyä hökümate qanağät itärlek sawab birmägän* («К.», 1915, № 818, «Грециянең мәүкыйгы», статья) 'Но на это Греция не дала какого-либо удовлетворительного ответа'.

Прошедшее время на *-ğan* в текстах газет, как и в других тюркских языках, в том числе в татарском языке и его диалектах, характеризуется своей многозначностью. При этом, ее семантический потенциал еще более расширяется за счет способности выражать некоторые значения, которые в других тюркских языках передаются посредством употребления формы прошедшего субъективного времени на *-ын*.

Основываясь на парадигматическое значение формы на *-ğan*, которое выражает прошедшее действие, результат которого обнаруживается в определенный момент настоящего времени, можно утверждать, что рассматриваемая форма располагается на границе прошедшего и настоящего времен. Так, в текстах газет она наиболее часто употребляется при выражении прошедшего результативного действия, которое не характеризуется наличием семантического оттенка неочевидности: *Čönki naçar eştän hiç tuqtausyz canly maşına şikelle xezmät itüdän bezneñ jözläremez sarğajğan cilkäläremez çyqğan...* («Б.т.», 1906, № 28, «Кием тегүче, бүрекче һәм читекче иптәшләребезгә ачык хат», письмо) 'Потому что из-за тяжелой работы, от безостановочного труда, словно живая машина, у нас пожелтели лица, вывихнуты плечи...'; *Bu säbäble anda törle inqyjlav wä täcdidlär mäjdangä kilgän wä nihajät хөрријәте fikriјä хәзерге ғарәб мәдәнијәтенең möхкәм бер nigeze ulyb kitkän* («В.», 1909, № 535, «“Нотык” тирәсендә», статья) 'По этой причине там возникали перевороты и обновления и, наконец-то, мысль независимости стала крепким основанием современной арабской цивилизации'; *Oşbu eş säјäsi бер zämindä bulыb, 1912 nče jylда бер firqaçylyq tarafyndan mäzkürlär östenä, 1915 nče jylgy itdereb ғәјеб әsnad itelgän* («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяж вә аларга ярдәм», статья) 'Это дело, имея под собой политическую почву, кроме обвинений от 1912 года в создании политической ячейки, включало в себя и предъявление обвинения от 1915 года'.

Как отмечалось выше, одной из основных функций газетного текста является своевременное информирование адресата о имев-

ших место либо предстоящих событиях или явлениях. При этом, при передаче информации, чаще всего, в рамках текстов заметок, автор текста нередко ссылается на источник информации. В этом случае констатация действия, совершившегося в прошлом, на основании каких-либо источников, также может быть выражена посредством формы на *-ğan*: *Sentäbr 7 ndä törmäneŋ tabıby qarab, monıy übkäse bozylyb čixotkağa äjlänä başlağan dide* («Б.т.», 1906, № 30, «Киев – Уманский төрмәгә ябылган», заметка) ‘7 сентября после того, как его осмотрел тюремный доктор, сказал, что у него изменения в легких и начинается чахотка’; *Alyñgan xəbärlärgä kürä, bolğar ğaskäre Čatalca istixkamlarynyñ ike fortyn höcüm ilä alğanlar* («В.», 1913, № 1156, «Сугыш мәйданында», заметка) ‘Судя по полученным новостям, в результате наступления болгарская армия заняла два форта крепости Чаталджа’; *Bu xəbärlärdän añlaşyluwyna kürä, inglizlär tarafyndan suğyşqa krejserlarny mödaxälä itderergä dä tyruşu bulğan* («К.», 1915, № 613, «Суэш каналы өчен сугыш», статья) ‘Как становится ясно из этих новостей, со стороны англичан было желание привлечь на войну и крейсера’.

Также форма на *-ğan* в текстах газет употребляется при выражении результата совершившегося в недалеком прошлом действия, очевидцем которого автор не был: *Ystavropol gubernatory krestianlarğa awyl arasynda wäğaz qylyb jörücelärne totyb bireñez dieb ämer itkän* («Б.т.», 1906, № 31, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Губернатор Ставрополи приказал крестьянам поймать читающих проповедь в деревнях’; *Orski öjäsentä zur awyllarnyñ bersendä ber ağaj üzeneñ jetkän qyzyn ikençe ber keşeneñ uğlyna kijäügä birmäkçe bulыb wäğdäläşkän* («В.», 1915, № 1830, «Каһарман уыз», статья) ‘В одной из крупных деревень Орского уезда один человек, желая выдать замуж свою зрелую дочь за сына другого человека, договорился о помолвке’; *Suğyş mäjdanyndan qajıtan wäkillär ysjezdynda, Kuçkof... xərbijä wäzirlegen alyb baru čitenlegen söjlügän* («К.», 1917, № 1114, «Дахили хәбәрләре», заметка) ‘На съезде делегатов, вернувшихся с войны, Кучков... рассказал о трудностях ведения военного командования’.

Кроме того, в текстах регулярно обнаруживается употребление формы на *-ğan* в целях передачи какого-либо прошедшего действия, не связанного с моментом речи, определяющегося в качестве постоянного свойства либо привычки субъекта: *...cağraffa, wä başqa fänläre uqyb başqa berär keşe bulыр idek mömkinme? Älbät mömkin дәgel. Čönki*

hiç berse bezem tatar şäkerdlärendä ğämle suratdä belennägän häm ügrätelmägän («Б.т.», 1907, № 116, «Шәкерт галәме», статья) ‘... могли бы мы стать другими людьми, изучая географию и другие предметы? Конечно же нет. Потому что ни один из них, к сожалению, не был известен нашим татарским шакирдам и не изучался ими’; *Moңa qadär waqyflardan fajdalanylğan ikän, ul da zäğyjf ber jul belän ğomumi “zaveščanija” qağyjdälärenä tuğry kitereb kenä eš qylynğan* («В.», 1915, № 1804, «Вақыф һәм васыят намәләребез», статья) ‘Если даже до этого были использованы вақыфы, то делалось это примитивным путем, соблюдая правила общего завещания’; *Čönki alardağy bağzy mäzhäb ruxanilary, masala qatolik ruxanilary täräqyjgä maniğ bulğanlar* («К.», 1917, № 1102, «Казан мәселман комитеты тарафыннан ачылган хатыйплар курсы», статья) ‘Потому что их духовенство, относящееся к некоторым религиозным течениям, например католическое духовенство, препятствовало прогрессу’.

Редко, ввиду ограниченного распространения формы на *-ğan* в первом лице, в текстах исследуемых нами газет обнаруживается ее употребление для выражения прошедшего действия, которое было совершено при косвенном участии говорящего: *Min jide sikez jäšlärdä bulğanмын – änkäjem ülde* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Я был в возрасте семи-восьми лет – умерла моя мама’.

Рассматриваемая форма может выражать действие, которое в недалеком прошлом совершено говорящим, но ввиду неосознанности совершаемого действия, обнаружено им лишь в настоящее время: *Läkin jänä artyq ojalыр uңğajsyzlanыр dib totynyrğa bazmadым... fäqat nider söjländem – xäteremdä qalmağan* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘Но снова, подумав, что ему будет не удобно, не решился дотронуться... только говорил что-то – не осталось в памяти’.

В текстах газет «Вақыт» и «Кояш» нами было зафиксировано употребление формы прошедшего времени на *-ğan* в сочетании с вспомогательным глаголом *bul* ‘будь’ в формах *bulğan* и *bula*. В данном случае функционирующие в приведенном сочетании вспомогательные глаголы способствуют усилению значения неочевидности и заглазости, содержащегося в семантике основного глагола в форме на *-ğan*: ...*keşe östendän toruny jarata torğan Daudğa härwaqyt qarşy kilgän bulğan* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның

үтерелүе хакында (Мэхкәмә залындан)», репортаж) ‘...он постоянно противоречил любящему лишь стоять над людьми Дауду’; *Bu tirädäge tatar awyllary, suğa baj bula, kübräge ujsu jerlärgä utyrğan bula.* («К.», 1913, № 148, «Минзэлә өязендән», корреспонденция) ‘Расположенные здесь татарские деревни отличаются достатком воды, большинство расположены в низинах’.

Также в текстах газет форма прошедшего времени на *-ğan* активно функционирует в сочетании с модальными словами и частицами. Употребление такого рода сочетаний также приводит к усилению значения неочевидности, осложненного оттенком предположения по причине того, что говорящий услышал о нем со слов третьих лиц: *Tämam üseb citeb dusty berlän doşmany nindäj keşelär bulğanyn bik jaxşy aylağan imeş* («Б.т.», 1907, № 75, «Сөтналар хакында берничә сүз», статья) ‘Говорят, окончательно повзрослев, он очень хорошо понял, кто ему друг, а кто – враг’; *Bu kitab bik tiz arada ğawäm wä xäwas arasynda taralyb här kem fajdalanğan, här tarafdан töşekürlär bājan itelgän ikän* («В.», 1914, № 1568, «Төркестанда Гөлстан тәржемәсе», рецензия) ‘Оказывается, эта книга очень быстро разошлась среди простого народа и аристократии и ей пользовались все, со всех сторон звучала благодарность’; *Bu adām üze xökümät xedmätendä bulyb bazarin dāräcäsendä bulğan imeş* («К.», 1913, № 54, «Романов нәселе кайдан чыккан?», статья) ‘Говорят, этот человек находился на государственной службе и являлся боярином’.

Модальное значение неуверенности или сомнения говорящего в совершении того или иного действия, совершенного в прошлом, в текстах газет также может передаваться посредством аффикса *-dyr/-der*: *Şul waqyt xäteremä kilä dä üz üzemä söjlim “bu mesken ber ike jyl elek ber şad açyq köläz jözle prastoj awyl jegete bulğandyr...”* («Б.т.», 1906, № 42, «Шулай кирәкме?», статья) ‘Вспоминаю то время и говорю самому себе «Наверное, этот бедняга несколько лет назад был веселым, с сияющим лицом, простым деревенским парнем...»’; *Ul waqytda äle hawada oçunyn xäjätgä kerüwen çynlab ujlauçy da juq, ujlauçy bulsa da, niçä ğasyrlardan soñ mömkin bulaçağyn ğyna ujlağandyr* («К.», 1914, № 388, «Һавада очу эше», статья) ‘В то время еще нет и по-настоящему думающих о том, что полеты в воздухе проникнут в жизнь, если даже они были, наверное думали что это будет возможно лишь спустя много столетий’.

Следует отметить, что употребление формы прошедшего времени на *-ğan* не зафиксировано в текстах древнетюркских письменных памятников периода Волжской Булгарии. Проникновение данной формы, определяющейся в качестве элемента разговорной речи, в грамматическую систему древнетюркского литературного языка, по всей видимости, относится к периоду Золотой Орды. Именно к этому периоду относятся первые тексты литературных произведений, в которых наблюдается функционирование рассматриваемой формы [Татар әдәби теле..., 2017, б. 88, 163]. Между тем, в текстах, относящихся к периоду Казанского ханства форма прошедшего времени на *-ğan* все еще характеризуется ограниченным употреблением, что обусловлено активностью в данной функции традиционного общетюркского показателя *-туӝ* [Татар әдәби теле..., 2017, б. 229].

Регулярное функционирование формы на *-ğan* в текстах старотатарских письменных памятников зафиксировано начиная с XVII века. Вплоть до конца второго десятилетия XX века в текстах наблюдается параллельное употребление двух показателей прошедшего результативного времени – формы на *-туӝ* являющейся элементом общетюркской традиционной языковой нормы и формы на *-ğan* [Татар әдәби теле..., 2017, б. 269, 493], вошедшей в литературный язык из разговорной речи и в дальнейшем, вытеснивший из употребления в рамках литературного языка показатель *-туӝ*.

В целом, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» форма прошедшего времени на *-ğan* характеризуется активным функционированием и определяется в качестве ядерного элемента грамматической системы текстов татарской периодической печати начала XX века. Наиболее широкое распространение рассматриваемая форма получила в текстах газеты «Кояш». В текстах газеты «Борхане таракки», которая издавалась на более раннем этапе, употребление формы на *-ğan* имеет ограниченное распространение. Данный факт объясняется более активным функционированием в ее текстах показателя прошедшего времени на *-туӝ*, определяющегося в качестве характерной особенности огузских языков.

Форма на *-туӝ*

Еще одной формой прошедшего времени, функционирование которой зафиксировано в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», является показатель прошедшего результативного времени

на *-туџ*, являющийся характерной особенностью тюркских языков огузской группы. Сегодня, имея полную парадигму спряжения по лицам, она функционирует в турецком, гагаузском, азербайджанском языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 415].

Форма на *-туџ* не характерна ни для современного татарского литературного языка, ни для его диалектов. Однако ее функционирование зафиксировано в текстах древнетюркских и старотатарских письменных памятниках, созданных начиная с периода Волжской Булгарии и до конца второго десятилетия XX века, когда в рамках письменного литературного языка рассматриваемая форма окончательно вытесняется из употребления своим грамматическим синонимом – народно-разговорным вариантом прошедшего результативного времени на *-ġan* [Татар әдәби теле..., 2017, б. 91, 160, 229, 267, 493].

Стоит отметить, что в поэтических текстах, созданных на старотатарском литературном языке, форма на *-туџ* не характеризуется дифференцированностью на семантическом уровне в плане передачи значений результативности и неочевидности, а также нередко функционирует в значении прошедшего результативного времени [Негматуллов, 1983, с. 137]. Данный факт может свидетельствовать о том, что употребление формы на *-туџ* в текстах литературных произведений носило, в большей степени, стилистический характер, а сама форма являлась определенным поэтико-выразительным средством.

Модель распространения формы на *-туџ* в текстах газет отчетливо иллюстрирует начавшиеся в рамках старотатарского письменного литературного языка начала XX века процессы перехода от употребления традиционных общетюркских языковых форм к применению народно-разговорных и постепенного формирования национального татарского литературного языка. Так, наиболее распространенное употребление рассматриваемой формы зафиксировано в текстах газеты «Борхане таракки», где нагрузка по передаче значений прошедшего результативного времени разделены между формами на *-туџ* и *-ġan*. При этом, газета «Борхане таракки», в хронологическом плане, по сравнению с газетами «Вақыт» и «Кояш», издававшаяся в более ранний период, и так характеризуется более активным употреблением в ее текстах грамматических и лексических элементов, присущих огузским языкам, в частности, османско-турецкому литературному языку рассматриваемого периода.

В текстах газеты «Кояш», период издания которой приходится на второе десятилетие XX века, рассматриваемая форма характеризуется ограниченным распространением и не является ядерным элементом их грамматической системы. Здесь, для передачи оттенка результативности вместо формы на *-туѝ* наиболее активно употребляется кыпчакский показатель прошедшего времени на *-ġan*, а для передачи оттенка заглазости используется конструкция, состоящая из основного глагола в форме на *-ġan* в сочетании с вспомогательным глаголом *bul* 'будь' в формах *bulġan* и *bula*, а также конструкция, состоящая из основного глагола в форме на *-ġan* в паре с частицей *imeš* и модальным словом *ikän*.

Так же, как и в случае с формой на *-ġan*, форма прошедшего результативного времени на *-туѝ* в текстах газет характеризуется наиболее активным употреблением с аффиксами третьего лица обеих чисел.

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-ym/-em</i>	<i>н/о</i>
2 л.	<i>н/о</i>	<i>-syz/-sez</i>
3 л.	<i>_, -dyr/-der</i>	<i>-lar/-lär; -lardyr/-lärder</i>

При оформлении **третьего лица единственного числа**, подобно преобладающему большинству тюркских языков, рассматриваемая форма не имеет какого-либо грамматического показателя: *Yštabyň kürsätkän bu säbäbläre asnavnoj zakonnyň 44 wä 45 nče ystatialarynda iġlan qylynmyš...* («Б.т.», 1906, № 47, «Соң сүз», статья) 'Эти причины, указанные штабом, объявлены в 44 и 45-й статьях Основного закона...'; *Qafqazda at zavody xucalaryndan Allajarbäk Zäwalqadyrof... ber at täqdim imeš* («В.», 1912, № 1078, «Дахили хэбэрлэр», заметка) 'На Кавказе Аллаярбек Завалкадыров, являющийся хозяином конного завода... предложил лошадь'; *Anglijäneň "Qarun" jylġasyna kergän köjmäse Iran hökümäteneň nyq protesty soňnynda Iran sularyndan çyğyb kitmeš* («К.», 1914, № 549, «Төркия сугышы», статья) 'Английское судно, зашедшее в реку Карун, после сильного протеста Иранского правительства, вышло из территориальных вод Ирана'.

Между тем, в текстах газет также регулярно обнаруживается форма на *-туѝ* в третьем лице единственного числа, осложненная аффиксом *-dyr/-der*: *Bajlarnyň mondyj urynlarda küb aldağanlyqlary*

tarixda göstärelemeşder («Б.Т.», 1906, № 31, «Хажитархан хэбэрлэре», заметка) ‘В истории отмечено, что богатые на таких местах много врут’; *Totylğaç ğäjeben iqrar qylyb ibdäşlären dä kürsätlemeşder* («В.», 1908, № 333, «Дахили хэбэрлэр», заметка) ‘После задержания, признав вину, указал и на подельников’; *Nimes fajdasyna keşe qotyrtqan öčen “Baltijski port” pastere “Xurşilman” suğyş betkänçe Tomğa sörelmeşder* («К.», 1915, № 664, «Пастырь нэгый ителгэн», заметка) ‘Пастырь «Балтийского порта» Хуршилман сослан на Томь до окончания войны за пропаганду в пользу немцев’.

Стоит понимать, что в огузских языках при передаче оттенков действия, осуществленных в прошлом, посредством форм *-muş* и *-muşdur* существует семантическая дифференциация, где первый аффикс употребляется для передачи значения заглазости, а сочетание аффиксов *-muşdur* подчеркивает результативный характер действия. Однако в текстах исследуемых нами газет такого семантического разделения не наблюдается и оба варианта могут выражать как заглазность, так и результативность действия.

Третье лицо множественного числа оформляется, так же как и рассмотренные выше формы прошедшего времени, посредством аффикса числа *-lar/-lär*, который в данном случае указывает не на лицо, а на согласование в числе. Такой вариант оформления, как правило, характерен для текстов газет «Борхане таракки» и «Вакыт»: *Bu eş xosusynda möselmanlar cämğyjät jasab küb möşäwärlärdän soñ... qarar qujmyşlar* («Б.Т.», 1906, № 57, «Хажитархан декабрь 31», статья) ‘В данном вопросе мусульмане, основав общество, после долгих обсуждений приняли решение...’; *Çucyq, Täğlim älqyjraät här ikese Qazanda “Mäğarif” kitabxanäse tarafyndan näşer itelmeşlär* («В.», 1909, № 428, «Шахид Гавани эсэрлэре», рецензия) ‘И учебник для детей и издание, обучающее чтению Корана, опубликованы библиотекой «Магариф»’; *Zemstva, wä başqa firmalardan 42 pluğ, 29 vejalka, 3 molotilka almyşlar* («К.», 1913, № 26, «Өяздә һөнәр вә кәсеп», корреспонденция) ‘Взяли у земств и других фирм 42 плуга, 29 веялок, 3 молотилки’.

Кроме того, как и в случае спряжения рассматриваемой формы с аффиксами третьего лица единственного числа, в текстах газет встречается вариант оформления третьего лица множественного числа показателя прошедшего результативного времени на *-muş* посредством сочетания аффикса числа *-lar/-lär* и аффикса сказуемо-

сти *-dyr/-der*: *Xälbuki šul Badraq awylynuñ başqa bağzy ber çuaşlary üzläre möselmanlyqğa çyqmyşlardyr* («Б.т.», 1906, № 28, «Газеталардан. Чуашка кыз бирү», заметка) ‘Между тем, некоторые другие суваши из деревни Бадрак сами приняли мусульманство’; *Läkin kiräk äwäl wä kiräk jaurupalylar ber närsäne lajqy däräcäsändä ähämiyätkä almamyşlardyr* («В.», 1909, № 460, «Төркия вакыйгатенә бер нәзер», статья) ‘Однако европейцы по началу надлежащим образом не учли одну вещь’; *Nimes ticarät agentlary Afriqanyñ här tarafyna taralyb ingliz wä fransuz fabriqalary agentlarynuñ artlaryna töşmeşlärdür* («К.», 1914, № 577, «Нимес рәкабәте», статья) ‘Немецкие торговые агенты, распределившись по всей Африке, стали преследовать агентов английских и французских фабрик’.

Как было указано выше, функционирование рассматриваемой формы прошедшего времени с аффиксами первого и второго лица в текстах газет носит ограниченный характер, что объясняется их распространенными в рамках газетных текстов семантическими оттенками. Так, в текстах обнаруживается форма прошедшего результативного времени на *-туş*, осложненная аффиксом **первого лица единственного числа** *-ум/-ем*, который употребляется в соответствующей функции в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 232]: *Zyjañät mäclesendä güjü “Zyjañät xäzerläüçelärgä, zyjañät xäzerlädekläre öçen torıyb täğzyjm idik” dimeşem* («К.», 1917, № 1136, письмо) ‘На званом ужине я почти сказал «Давайте стоя поблагодарим тех, кто подготовил этот званый ужин, за то, что они подготовили его»’.

Также в текстах газет зафиксировано употребление формы на *-туş* с аффиксом **второго лица множественного числа** *-syz/-sez*, которое употребляется в современном татарском литературном языке в функции аффикса соответствующего лица с синонимичным показателем прошедшего результативного времени на *-ğan* [Татар грамматикасы, 2016, б. 121]: *Xatyjb äfände maqsudyny söjläb beterğäç wäkillärä äjtde sez wäkillär niçä meñ xalyqnuñ xedmätene östejezä almyşsyz* («Б.т.», 1907, № 79, «Вәкилләр озату», письмо) ‘Господин хатыйб, после того, как закончил свою речь, обратился к делегатам: «Вы, делегаты, взяли на себя работу сколько тысяч человек»’.

Отрицательная форма прошедшего времени на *-туş* образуется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma/-mä*. В зависимости от имеющихся в основе глагола широких и узких гласных один

из двух вариантов отрицательной частицы прибавляется к основе глагола перед показателем времени: *Kitabčydan ürädnik ağaj “prava” taläb itmämeš* («Б.т.», 1907, № 89, «Урэдник баш кисте», статья) ‘Дядя урядник не попросил «права» у продавца книг’; *Palitsijä qyzny qysyb qarasa da, qyz üz süzendä nyq tormyş wäkilen tašlab kitmämeš, min möslimämen dimešder* («В.», 1910, № 563, заметка) ‘Не смотря на то, что полиция пыталась прижать девушку, она твердо стояла на своих словах, не бросила представителя, говорила «Я – мусульманка»’; *Räximcan Zakirof Sember gubernasy Buwa öjaze Suqsu qarjasyny. Xastalyqdan möxaräbäjä varmamyš* («К.», 1914, № 512, «Яралы мөселманнар», заметка) ‘Рахимжан Закиров из деревни Суксу Буинского уезда Симбирской губернии. По причине болезни не пошел на войну’.

В отличие от поэтических произведений, созданных на старотатарском литературном языке, функционирование формы на *-myš* в текстах газет характеризуется наличием сформированной семантической структуры. Однако, в противовес семантической структуры синонимичной на грамматическом уровне формы на *-ğan*, показатель прошедшего результативного времени на *-myš* не отличается ярко выраженной полисемантической. В текстах она, как правило, употребляется при выражении того или иного прошедшего действия, характеризующегося наличием семантического оттенка результативности: ...*keše qotyrtuy bujynča manarxičeski partijägä jazylğan da šunja ükeneb häm qurqyb üz üzene qatıl itmešder* («Б.т.», 1907, № 75, «Хажитархан хэбэре», заметка) ‘...по подстрекательству людей, записался в монархическую партию, сожалея об этом и испугавшись, наложил на себя руки’; *Qazan kupesy Ğabdulla Ütämešefneñ ğaqylğa kimčelege šunja kürä ul birgän veksellärneñ iğtibarğa alynmyjaçağy aqrıznoj sud tarafyndan iğlan qylynmyšdyr* («В.», 1910, № 700, «Дахили хэбэрлэр», заметка) ‘У казанского купца Габдуллы Утямышева имеется нарушение умственного развития, поэтому окружным судом было объявлено, что выданные им вексели не будут иметь силы’; *Šul uq ysjezd belä ber waqytda vystafqa da jasalmyšdyr* («К.», 1914, № 427, «Янгынга каршы тору өчен зур жыен», заметка) ‘В одно время с данным съездом была организована и выставка’.

Кроме того, характерной особенностью функционирования рассматриваемой формы именно в текстах периодической печати, является выражение посредством нее действия, имевшего место в прошлом, свидетелем которого говорящее лицо не являлось и

узнало о факте совершения действия со слов третьих лиц: *Şurai ömet gazetasynyň ifadäsenä kürä ixtidalçy bolğarlar qoral, bomba, dinamit ilä eň beterä belmäjäçäklärene anlab... Ameriqağa küçmägü başlamyşlardyr* («Б.т.», 1907, № 79, «Сэяси хэллэр», статья) ‘Судя по разъяснению газеты «Шурай умит», болгарские революционеры, осознав, что не смогут закончить свое дело при помощи оружия, бомбы и динамита, ... начали перебираться в Америку’; *Alyňgan xəbärlärgä kürä soňgy suğyşlarda bulğan törek ğaskärläre bik küb täläf bulğanlar. Mäsäla: 27 wä 29 nçy divizijädäge hämä polqlarnyň jarty ğaskäre safdan çyqmyşdyr* («В.», 1915, № 1634, «Рус – төрек арасында», заметка) ‘Судя по полученным известиям, погибло очень много турецких солдат, участвовавших в последних боях. Например: вышли из строя половина солдат всех полков 27 и 29 дивизий’; *Işeteliwenä kürä, bu eň berničä köngä kiçekderelmeşder* («К.», 1915, № 799, «Дахили хэбэрлэр», заметка) ‘Судя по имеющейся информации, данное мероприятие перенесено на несколько дней’.

Еще одним значением, обнаруживающимся крайне редко ввиду ограниченного функционирования в текстах газет формы на *-myş*, осложненной аффиксами первого лица, является выражение действия, совершенного в недалеком прошлом самим говорящим: *Zyjařät mäclesendä güjä “Zyjařät xəzerläüçelärgä, zyjařät xəzerlädekläre öçen toryb täğzyjm idik” dimešem* («К.», 1917, № 1136, письмо) ‘На званом ужине я почти сказал «Давайте стоя поблагодарим тех, кто подготовил этот званый ужин, за то, что они подготовили его»’.

При этом, форма на *-myş* выступает в качестве грамматического синонима формы на *-dy*. Стоит отметить, что такое замещение форм не определяется в качестве их полноценного соответствия, так как для формы на *-myş* более важным является не само действие, а его результат, который характеризует состояние субъекта действия в настоящее время. Между тем, такое замещение при помощи формы прошедшего результативного времени значения, характерного для формы на *-dy* обнаруживается и в диалектах татарского языка, в частности в говорах среднего диалекта [Юсупов, 2004, с. 399]. Однако в качестве морфологической формы здесь выступает грамматический синоним формы на *-myş* – показатель прошедшего результативного времени на *-ğan*. В поэтических текстах, созданных на старотатарском литературном языке, в случаях, когда форма на *-myş* принимает аффиксы первого и второго лица единственного числа, также обнаружива-

ется ее соответствие прошедшему категорическому времени на *-dy* [Негматуллов, 1983, с. 137].

В целом, как показывают материалы, хотя форма на *-туш* и является ядерной грамматической формой в рамках морфологической системы текстов татароязычной периодической печати начала XX века, в диахроническом плане прослеживается ее постепенное вытеснение народно-разговорной формой прошедшего результативного времени на *-ğan*. Между тем, сам факт параллельного функционирования в рамках старотатарского литературного языка начала XX века двух синонимичных на грамматическом уровне временных форм, объясняется как приверженностью к употреблению в языке традиционных общетюркских языковых элементов, так и определенным влиянием со стороны огузских языков и подчеркивает наличие в литературном языке рассматриваемого периода функционально-стилистической дифференциации.

Аналитические формы

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» параллельно употреблению синтетических форм прошедшего времени изъявительного наклонения также зафиксировано функционирование и аналитических форм. Следует отметить, что их уровень распространения ниже, чем форм синтетического характера. Кроме того, не все аналитические формы характеризуются одинаковым равномерным распределением в текстах всех исследуемых нами газет. При этом, свойством, объединяющим все аналитические формы, является их наиболее активное функционирование в третьем лице обоих чисел. Наиболее ограниченными по распространению формами аналитического характера являются формы прошедшего времени изъявительного наклонения, осложненные аффиксами второго лица.

Форма на *-ğan ide*

Одной из наиболее употребительных аналитических форм прошедшего времени в рамках текстов исследуемых нами газет является форма преждепрошедшего времени на *-ğan ide*. Она образуется от причастия на *-ğan* путем присоединения к нему вспомогательного глагола *ide* 'был', к которому, в свою очередь, присоединяются аффиксы лица. Следует отметить, что рассматриваемая форма активна и

в современном татарском литературном языке, а также широко распространена во всех ее говорах [Юсупов, 2004, с. 435].

Аналитическая форма прошедшего времени на *-ğan ide* определяется в качестве одной из наиболее поздних форм, вошедших в употребление в рамках старотатарского литературного языка. Так, ее функционирование в письменных текстах зафиксировано лишь начиная с XIX века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 530]. В этот период рассматриваемая форма начинает конкурировать с более ранней аналитической формой на *-муш ide*.

В рамках текстов татароязычной периодической печати начала XX века, в частности в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», форма на *-ğan ide* имеет широкое распространение и, в целом, является ядерным элементом их грамматической системы. При этом, если в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» рассматриваемая форма определяется в качестве главенствующей, то в текстах газеты «Борхане таракки» наблюдается определенная конкуренция между двумя синонимичными на грамматическом уровне временными показателями – более поздней формой на *-ğan ide* и более ранней формой на *-муш ide*, образованной от причастия на *-муш*, являющегося характерной особенностью огузских языков.

Спряжение формы на *-ğan ide* по лицам в текстах газет реализуется при помощи следующих личных аффиксов:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-m</i>	<i>-k</i>
2 л.	<i>-ŋ</i>	<i>n/o</i>
3 л.	–	<i>-lar ide/-lär ide, idelär</i>

Первое лицо единственного числа в текстах газет образуется при помощи аффикса *-m*, который присоединяется строго к вспомогательному глаголу *ide*: *Ütkän sänä matbuğatymyza xedmät itmäk nijätilä üz gazetalarymyznıñ här qajysyndan satdyrğan idem* («Б.т.», 1907, № 74, письмо) ‘В прошлом году, из-за желания услужить нашей периодической печати, я поручил продавать каждую из наших газет’; *Suğyş mäjdanyna Ğatalcağa kitärgä röxsät sorab Xärbijä ministrlıǵyna möräcğät itkänlegemne jazğan idem* («В.», 1912, № 1077, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘Ранее я писал, что обращался в Министерство обороны с просьбой разрешить мне выезд на территорию военных

действий в Чаталджу'; ...*суьжылған ике жöz сум ақçаны туй жасалған ханым-нуу Уфа сәмтәҗәте хәҗрийәсенә бағыслаб һәдијә қылғанын ишетәб ханымға рәхмәт уқуған идем* («К.», 1913, № 148, «Уфада бер туй мөнәсәбәте белән иганә», статья) '...услышав, что женщина, устроившая свадьбу, подарила собранные двести рублей денег в адрес уфимского благотворительного общества, я был очень ей благодарен'.

Для реализации **первого лица множественного числа** употребляется аффикс *-k*, который также присоединяется к вспомогательному аффиксу: *Bez ğaskäremezgä šähärne wä xalyqнуу тынычлығын сақларға қушқан идек* («В.», 1908, № 333, «Иран хәбәрләре», заметка) 'Мы приказали армии охранять город и спокойствие граждан'; *Gazetamyзнуу kiçäge nomerynda Törkiјä šäјeh әlislamynuу Харciјä nәzaräte arqyly хökümәтеmezgä möräcәgәt itüen... jazған идек* («К.», 1914, № 427, «Зәбех мәсәләсе», статья) 'Во вчерашнем номере нашей газеты мы писали об обращении шейх-уль-ислама Турции к нашему правительству через Министерство иностранных дел'.

Форма прошедшего времени на *-ған иде* во **втором лице единственного числа** имеет крайне ограниченный характер распространения и реализуется посредством присоединения к вспомогательному глаголу *иде* аффикса *-иј*: *Sin märxüm дә bit bezneј awyl malajлары ешенеј kiräkençä juғary дәräcädä tormawу хақында күб fikir jörteb, könlärdән ber könne böten malajларға boz östendä timer ajaј şumasqa kiңäš birgән iden* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфәң нишләтте!!», фельетон) 'Ты, покойный, тоже ведь, размышляя о том, что наше положение деревенских ребят не на желаемом высоком уровне, в один из дней посоветовал всем ребятам не кататься на коньках на льду'.

Как мы отмечали выше, в текстах газет наиболее регулярно обнаруживается употребление формы на *-ған иде* с аффиксами третьего лица **единственного числа** на *-ған иде*, употребление какого-либо специального грамматического показателя не наблюдается: *Un, unbiš jyl әwәl хökümәt tarafыndan bik qaty ğәјrät itkängä bu suғышлар bötenläј basdryлған иде* («Б.т.», 1906, № 56, «Йодрык сугышы яисә вәхшилек», статья) 'Десять, пятнадцать лет тому назад, по причине стараний со стороны государства, такие бои были полностью прекращены'; *Bylтыr böten Duma Mәğrarif nәzaräteneј хәрәкәtlärenә bәјән nәfrät itkән иде* («В.», 1909, № 460, «Г. думаның 20 апрель жыены», отчет) 'В прошлом году вся Дума отрицательно оценила действия Министерства

образования»; *Xäzergä qadär bulğan waqytlyça nizamlarny betereb, daimi nizam jasau öçen, xökümät bu jyl cäj G. dumağa proeqt kertkän ide* («К.», 1913, № 259, «Петербург мәктүбләре. Матбугат хакында закон ләихасы», очерк) 'Для того, чтобы заменить временные законы, работающие на данный момент и создать постоянные законы, летом этого года правительство внесло в Государственную думу проект'.

Третье лицо множественного числа в текстах реализуется при помощи аффикса числа *-lar/-lär*, который присоединяется к основному глаголу: *Oktäbrdä qarmavoj almağan keşelär ystarşınağa qarmavoj sorarğa barğanlar ide* («Б.т.», 1906, № 45, «Авылда бюрократлар нишли?», статья) 'Люди, не получавшие в октябре кормовые, ходили к старшине для того, чтобы просить кормовые'; *Başda... Syrtlanofny xatalyq belän atyldy, digünlär ide* («В.», 1913, № 1216, «Депутат Сыртлановның үтерелүе хакында (Мәхкәмә залыннан)», репортаж) 'По началу... говорили, что Сыртланов застрелился по неосторожности'; *Şuşy berlekne ğamälgä qujarlyq çaralary xökümätlärenä ğaraz qyluny... kiñäş mäclesenä qaldyrğanlar ide* («К.», 1916, № 981, «Парижда булган икътисади киңәш мәҗлесенә карарлары», отчет) 'Представление правительству мер, способных осуществить создание этого сообщества, они оставили на совещательное собрание...'

Между тем, в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» редко обнаруживается показатель прошедшего времени на *-ğan ide* в форме третьего лица множественного числа, где аффикс *-lar/-lär* присоединяется не к основному глаголу, а к вспомогательному глаголу *ide*: *Dumada möselmança zäbexne maniğ itü mäsiläse kütärelgänlekne xäbär alğaç... "Şäriğatkä muafaq zäbex maniğ itelmäsen öçen tädbirlär qylsanız ide" dib ütengän idelär* («К.», 1914, № 1539, «Зәбех мәсьәләсе вә хөкүмәт вәкиле», статья) 'После того, как стало известно, что в Думе поднят вопрос о закалывании животного по мусульманским традициям,... умоляли «Предпримите, пожалуйста, действия, чтобы избежать запрета на закалывание, относящееся к шариаату»'; *Äfjün jandyrylaçaq jergä çit mämläkät keşeläre dä çaqyrylğan idelär* («К.», 1914, № 321, «Харижи хәбәрләр», заметка) 'На место, где будет сожжен опиум, были приглашены и представители иностранных государств'.

На семантическом уровне в текстах газет форма на *-ğan ide* употребляется для выражения предшествующего действия, а также действия, имевшего место в определенный момент в прошлом. Так,

наиболее широко в текстах распространено выражение действия, имевшего место в определенный момент в прошлом, но не имеющего тесной связи с моментом речи. При этом, непосредственная отнесенность выражаемого действия к определенному отрезку времени в прошлом может быть подчеркнута соответствующими лексическими средствами или развернутым контекстом, а хронологическая давность выражаемых действий никак не ограничена семантическими рамками рассматриваемой формы: *Bundan 6 – 7 aj äwäl Törki-jäneñ här jerendä ğyjsjan čyqqan ide* («Б.т.», 1906, № 44, «Чит мәмлэкәт хәбәрләре», заметка) ‘6 – 7 месяцев тому назад по всей территории Турции прошли восстания’; *Cämğyjäte xäjrijä äğzalary dürt ir balalar wä ber qyzlar mäktäbe öčen jylğa 1500 sum järdäm sorab šähär idaräsenä möräcäğat itkänlär ide* («В.», 1910, № 563, «Тирэ-як хәбәрләре», заметка) ‘Члены благотворительного общества обратились в городское управление с просьбой выделить 1500 рублей в год для четырех мужских и одной женской школ’; *Bolarğa qarşy äjtäse süzlären ul üze aldan uq äjтеb qujğan ide* («К.», 1914, № 377, «Елында», статья) ‘Слова, которые он хотел сказать им в ответ, он сказал сам заранее’.

Также форма на *-ğan ide* в текстах газет употребляется для выражения того или иного очевидного действия, совершенного в прошлом раньше другого действия. В рассмотренных нами текстах глагол, обозначающий последующее действие, как правило, располагается после формы на *-ğan ide*. При этом он выражает безрезультативное либо прерванное действие: *Ilminskij biradäremezdän alğan mäktübemdä dä xalyqny şuşyndajraq wägäzlär berlän tärbijä itmäk, bezneñ öčen fäjdalyraq ikänene aylağan idem. Läkin... gazetaçylar, xalyqny tämam qotyrtıyb jetkezdelär* («Б.т.», 1907, № 89, «Мөфти Мөхәммәдьяр Солтановныц Әстерхан губернасы муллаларына махсус циркуляр», письмо) ‘Из письма, полученного от нашего брата Ильминского, я также понял, что для нас полезнее, воспитывать население при помощи таких проповедей. Однако... журналисты окончательно раззадорили народ’; *Gazetalaryny bağzylary 2 nçe razräd apalçenlaryny 1908 wä 1909 nçy jyllaryny 22 nçe janwardä cyjylaçaqlaryn jazğanlar ide. Bağzylary 25 janwardä bulaçaq dib äjtkänlär ide. Äwälgelärenеñ хәбәре буşқа çyqdy, kiçä mobilizatsija iğlany bulmady* («В.», 1909, № 1967, «Оренбург хәбәрләре», заметка) ‘Некоторые газеты писали, что ополченцы 2 разряда будут собираться в 1908 году и 22 января 1909 года. Некоторые говорили, что 25 января. Слова первых были пустыми,

вчера мобилизация объявлена не была'; *Bu könlärdä xalyq qaty suqağa çyqğan ide, jer bik cüeş bulğanğa xäzergä tuqtalyb tora* («К.», 1913, № 148, «Минзэлэ өязендән», корреспонденция) 'В эти дни народ вышел на паровую пахоту, из-за сырости земли дело пока встало'.

Кроме того, рассматриваемая форма употребляется при отнесении значения результативности действия к плану прошедшего времени. В данном значении обнаруживается некоторое сходство между рассматриваемой формой и формой прошедшего результативного времени на *-ğan*. Однако отличием является тот факт, что употребляясь в этом значении, форма на *-ğan ide* характеризуется контактностью с определенным моментом в прошлом, а не с моментом речи, как это свойственно форме на *-ğan*: *Ike jyldan birlе tatarlar berlän ärmänlär arasynda räximsez kiseşüney kem quly berlä mäjdangä çyqqanyn... ačyb salğan ide* («Б.т.», 1906, № 38, «Хажитархан октябрь 27»), статья) 'Он выложил имя того... из-за кого вот уже на протяжении двух лет длилась резня между татарами и армянами'; *...möğalimlärdän täraqyj bulmağanğa kürä möfti xäzrät tarafyndan bağzy möğalimälärgä şundajyn şähädätinä birelgäne işetelgün ide* («В.», 1912, № 1078, «Оренбург ноябрь 29»), статья) '...прошла информация, что по причине того, что от преподавателей-мужчин не было прогресса, господином муфтием такое удостоверение было выдано некоторым преподавателям-женщинам'; *Bäjräm tatily хаqyнда şähär Dumasy tarafyndan eşläneb ğämälgä qujylğan mäcbüri qarарның дәxilijä nazyjre ämere bujynča tatil itelgäne... qysqaça jazylğan ide* («К.», 1914, № 512, «Казан хәбәрләре»), заметка) 'Вкратце уже было написано, что праздничные каникулы, были проведены на основании обязательного приказа, разработанного Городской думой по поручению министра внутренних дел'.

Форма прошедшего времени на *-ğan ide* представлена в текстах всех исследуемых нами газет. Она употребляется, как правило, при повествовании о каком либо событии или явлении в текстах художественных произведений, относящихся к художественно-публицистическим жанрам, а также в текстах статей, открытых писем, относящихся к аналитическим жанрам. При отнесении значения результативности действия к плану прошедшего времени рассматриваемая форма, как правило, активна в текстах заметок, относящихся к информационным жанрам. Наиболее активное функционирование формы на *-ğan ide* зафиксировано в текстах газеты «Кояш», которая в хронологическом плане среди всех исследуемых нами газет является наи-

более поздней. В текстах газеты «Борхане таракки» рассматриваемая форма характеризуется ограниченным распространением, что объясняется большей активностью грамматического синонима данной формы – показателя прошедшего времени на *-muş ide*, характерного для огузских языков.

Форма на *-muş ide*

Еще одной аналитической формой, функционирование которой зафиксировано в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» является форма преждепрошедшего времени на *-muş ide*. Данная форма, определяющаяся в качестве грамматического синонима формы на *-ğan ide*, образуется от причастия на *-muş* путем присоединения к нему вспомогательного глагола *ide* ‘был’, к которому, в свою очередь, присоединяются аффиксы лица. Форма на *-muş ide* считается элементом, характерным для огузских языков [Негматуллоев, 1983, с. 140; Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 189], а ее функционирование в грамматической системе современного татарского литературного языка, а также его диалектов не зафиксировано.

По своему происхождению форма на *-muş ide* является одной из наиболее древних форм. Так, она встречается в текстах тюркских рунических памятников [Кононов, 1980, с. 191], а также в древнеуйгурском языке [Насилов, 1963, с. 73]. В арабографических текстах, относящихся к древнетюркским и старотатарским письменным памятникам, рассматриваемая форма в фонетических вариантах *-muş ide* и *-muş irde* с разной степенью распространения функционирует начиная с периода Волжской Булгарии и до начала XIX века, когда в грамматическую систему письменного литературного языка начинает входить синонимичная на грамматическом уровне народно-разговорная форма на *-ğan ide*, которая к концу второго десятилетия XX века окончательно вытесняет рассматриваемую форму из употребления в рамках старотатарского письменного литературного языка [Татар әдәби теле..., 2017, б. 92, 229, 272, 530].

В текстах исследуемых нами газет форма на *-muş ide* характеризуется неоднородностью своего распространения. Наиболее активна она в текстах газеты «Борхане таракки», которой, в целом, свойственно активное употребление грамматических и лексических элементов, являющихся особенностью огузских языков. В текстах газеты «Вақыт» рассматриваемая форма прошедшего времени имеет ограни-

ченное распространение и обнаруживается, как правило, в текстах, опубликованных до второго десятилетия XX века. Данный факт объясняется постепенным активным распространением в составе татарского письменного литературного языка, в частности, в языке татароязычной периодической печати начала XX века, грамматического синонима рассматриваемой формы – показателя прошедшего времени на *-ğan ide*. В текстах газеты «Кояш», которая в хронологическом плане начинает издаваться позже предыдущих двух органов периодической печати, форма на *-muş ide* практически в полной мере вытеснена формой на *-ğan ide*. Она не является ядерным элементом грамматической системы текстов газеты «Кояш» и текстов газеты «Вақыт», изданных в течении второго десятилетия XX века и, употребляясь, как правило в текстах, оформленных на огузо-турецком варианте старотатарского письменного литературного языка рассматриваемого периода, функционирует в качестве вспомогательной единицы, образующей функционально-стилистическую вариативность.

Особенностью употребления формы на *-muş ide* в текстах является ее преобладающее функционирование в третьем лице обеих чисел. В нижеследующей таблице приведены личные аффиксы, функционирующие в системе спряжения рассматриваемой формы:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>н/о</i>	<i>-к</i>
2 л.	<i>н/о</i>	<i>н/о</i>
3 л.	—	<i>-lar ide/-lär ide</i>

При реализации формы **третьего лица единственного числа** применение какого-либо специального грамматического показателя не наблюдается: *Iranıñ ämer malijäsene islax öçen Ameriqadan maxsus mämur kitereläçäge äwäldä jazylmuş ide* («Б.т.», 1911, № 145, «Иран хэвадисе», заметка) ‘Ранее было написано, что для реформы министерства финансов Ирана из Америки придут специалисты’; *Möxämäd mirza böjek mäşülijätle xedmätene äda qylyrğa üzendä iqtidarlyqny kürmägäç mondan berničä jyllar mäqdüm istiğfa itmeş ide* («В.», 1909, № 507, «Кайгылы хэбэрләр», заметка) ‘После того, как Мухаммад мирза перестал в себе чувствовать силы для несения своей крайне ответственной службы, несколько лет назад он подал в отставку’; *Şähäremezne zıjarät ilä täşrif itkän Mäxmüd Äşgät äfände xäzrätläre,*

Qazan möselmanlary zıjaräteneñ ğıbar genä tözek ikänen kürgäç, mäzkür islam zıjaräteneñ xäıran xäldä torıwın tasyf belän söjlämeş ide («К.», 1914, № 303, «Төркия хэбэрлэре», заметка) ‘Господин Махмуд Асгат эфенди, возвеличивший наш город своим визитом, после того, как увидел в каком хорошем состоянии пребывает кладбище Казанских мусульман, в деталях рассказал о подобающем состоянии вышеупомянутого кладбища’.

При этом, в текстах газеты «Борхане таракки» нередко обнаруживается функционирование формы на *-muş ide* в третьем лице единственного числа, в варианте *-muşdy*, образованного, как и в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 241], в результате стяжения аффикса *-muş* и вспомогательного глагола *ide*: *1905 nçe jyl jaz başında Peterburgda ber mäcles ulmuşdy, bu mäclesdä Ilminskij julyndan jörüçelärneñ kübese bunda xazır idelär* («Б.т.», 1906, № 44, «Гадэлэтме? Я зольмылыкмы?», статья) ‘В начале весны 1905 года в Петербурге состоялось собрание, большинство из тех, кто являлся последователем Ильминского были готовы к этому собранию’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет образуется при помощи аффикса числа *-lar/-lär*, который присоединяется к основному глаголу: *Bağzy awyllardan äğär bezneñ mäktäbläremezğä aqça virelmäsä zemskij yzborny bezdän alynmasa ide dijeb ğariza da virmeşlär ide* («Б.т.», 1906, № 57, «Хажитархан декабрь 31», статья) ‘Они даже подали заявление с просьбой не облагать нас земским сбором, в случае, если с некоторых деревень не будут выделены деньги для наших школ’; *...alarnıñ artlarynda unlarynda säfarät häjäteneñ äğzalary räseme wä kübese jäwerläre ilä tözelmeşlär ide* («В.», 1909, № 550, «Иран мәктүплэре», очерк) ‘...справа позади них висела картина дипломатического корпуса и многие из них выстроились вместе со своими помощниками’; *...bez üzemezneñ watanpärwärlek buryçlarymızny kirägençä ütärgä xäzermez, mäzmunynda ber iğlan jasamyşlar ide* («К.», 1914, № 465, «Германский парикмахер», статья) ‘Они сделали заявление с содержанием «Мы готовы в необходимой мере выполнить свои патриотические обязательства...»’.

Также нами было зафиксировано употребление рассматриваемой формы в **первом лице множественного числа**, которая реализована посредством присоединения к вспомогательному глаголу *ide* аффикса лица *-k*: *...gazeta vasıtasyła iğlan itmeş istiğfanamäsene kire alıny teläb pratestavajıt itmeş idek* («Б.т.», 1906, № 54, письмо) ‘Мы протестовали,

желая, чтобы он забрал обратно свое заявление об отставке, которую он объявил в газете'; ...*közgä şäkerd qabul itü şartlaryny häzerdän iğlan iteb qujarğa tijeş dimeş idek* («В.», 1909, № 495, «Мәдрәсә Хәсәниянең программы», статья) '...мы говорили, что вынуждены объявить осеннюю приемную программу для шакирдов уже сейчас'.

Как мы отмечали выше, показатель прошедшего времени на *-muş ide*, являющийся характерной особенностью огузских языков, определяется в качестве грамматического синонима формы на *-ğan ide*. Следовательно, на семантическом уровне в текстах исследуемых нами газет рассматриваемая форма употребляется для выражения тех же значений, что и форма на *-ğan ide*, различие существует лишь в степени распространения того или иного значения. Так, форма на *-muş ide* наиболее активна при выражении действия, имевшего место в определенный момент в прошлом и несоотнесенного с моментом речи. При этом, как и в случае с формой на *-ğan ide*, здесь могут иметь активное употребление соответствующие лексические средства, подчеркивающие соотнесенность выражаемого действия с определенным моментом в прошлом: *Ul laixaga binaän ibtidai täğlim xäbäre ulaçağy gazetalarda uqylyb här kemgä mäğlüm ulmuş ide* («Б.т.», 1906, № 45, заметка) 'Новость о начальном образовании, связанная с этим законом, была опубликована в газетах и была известна всем'; *Märxüm... 1867 nçe jylda Julyq qarjasynä imam ulmuş ide* («В.», 1909, № 438, «Юлык хәзрәт», заметка) '... в 1867 году покойный стал имамом в селе Юлык'; *Bu mäktäb Fatixa xanym Aitova tarafyndan täsis itelmeş ide* («К.», 1913, № 75, письмо) 'Эта школа была основана Фатихой ханум Аитовой'.

Также рассматриваемая форма в текстах употребляется при отношении значения результативности действия к плану прошедшего времени. В данном значении также наблюдается определенное сходство между рассматриваемой формой и формой прошедшего результативного времени на *-ğan*. Однако форма на *-muş ide* характеризуется контактностью не с моментом речи, как это свойственно форме на *-ğan*, а с определенным моментом в прошлом: *Cämğyjät, xörijät, haq (prava), Duma wä matbuğat bunlarnyñ hämäsendän dä sineñ xäbäreñney juqlyğy bundan äwäl söjlänelmeş ide* («Б.т.», 1907, № 75, «Татар углына хитаб», статья) 'Общество, независимость, право, Дума и периодическая печать – ранее уже было сказано, что ты не знаешь ни об одном из этих вещей'; *Ber fransuz "Lamanş" buğazy arqyly*

oçyb Fransijäneñ “Qale” šähärendän Ingeltäräneñ “Duvr” šähärenä bardyğy gazetamyznyñ ütkän nomerynda jazylmyş ide («В.», 1909, № 495, «Навада очу», заметка) ‘В прошлом номере нашей газеты уже писалось о том, что один француз добрался из французского города Кале до английского города Дувр, пролетев через пролив Ла-манш’; *Möselman ešlärenä dair tärtib väja islah ideläçäk nizamlary mözakärä wä äkmäl xosusynda Peterburgda Daxilijä nazaratynda ber mäcles möšäwärä açylaçağy... dünke gazetamyzda xäbär virelmeş ide* («К.», 1913, № 247, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Во вчерашней газете была дана информация о том, что в целях обсуждения и проработки относящихся к вопросам мусульман законов, которые будут упорядочены и реформированы, в Петербурге, в Министерстве внутренних дел, будет открыто совещательное собрание...’.

Реже форма на *-myş ide* в текстах газет употребляется для выражения того или иного очевидного действия, совершенного в прошлом раньше другого действия. При этом он выражает безрезультативное либо прерванное действие: *Ufa gubernasy möselmanlaryna Ufa šähärendä ber “Möselman ysjezdy” jasarğa röxsüt itelmeş ide. Xäzerendä buny ğubernator maniğ qylmyşdyr* («Б.т.», 1906, № 56, «Русия хэбэрлэре», заметка) ‘Мусульманам Уфимской губернии было разрешено провести в городе Уфе съезд мусульман. В настоящее время губернатор запретил его проведение’.

Таким образом, тексты органов татароязычной арабграфической периодической печати, издававшихся в межреволюционный период 1905–1917 гг. наглядно иллюстрируют перемены, имевшие место в старотатарском письменном литературном языке в связи с постепенным переходом к употреблению грамматических элементов, характерных для татарского народно-разговорного языка и процессы формирования нового татарского письменного литературного языка. Как показывают материалы, огузская форма на *-myş ide* более характерна для газеты «Борхане таракки», издававшейся в 1906–1911 гг. XX века. Тогда как в текстах газет «Вақыт», которая, в большей степени издавалась во втором десятилетии XX века, а также текстах газеты «Кояш», начало издания которой датировано 1912 годом, рассматриваемая форма вытеснена народно-разговорным грамматическим синонимом – формой на *-ğan ide*. В целом, форма *-myş ide* употребительна при повествовании о каком либо событии или явлении в текстах литературных произведений, относящихся к художествен-

но-публицистическим жанрам, а также в текстах статей, открытых писем, относящихся к аналитическим жанрам. При отнесении значения результативности действия к плану прошедшего времени рассматриваемая форма, как правило, употребляется в текстах заметок, относящихся к информационным жанрам.

Форма на *-a ide*

Форма прошедшего незаконченного времени на *-a ide*, наряду с показателем времени на *-ğan ide*, в текстах всех исследуемых нами газет является одной из наиболее распространенных аналитических форм прошедшего времени изъявительного наклонения, употребляющихся при повествовании о каком-либо событии или явлении. Как и все аналитические формы прошедшего времени, функционирующие в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», она образуется от деепричастной основы на *-a*, *-ä*, *-j* путем сочетания с вспомогательным глаголом *ide* 'был'.

Сегодня рассматриваемая форма также характеризуется активным употреблением и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 122]. Одной из наиболее употребительных форм прошедшего времени она является и в диалектах татарского языка, хотя в некоторых говорах ее употребление ограничивается исключительно третьим лицом множественного числа. При этом, в составе огузских языков функционирование формы на *-a ide* не зафиксировано. Исключением являются лишь дербентские говоры азербайджанского языка, которые территориально контактируют с кумыкскими диалектами [Юсупов, 2004, с. 416]. В целом, форма прошедшего времени на *-a ide* является поздним грамматическим образованием. Так, в текстах стротатарских письменных памятников ее функционирование зафиксировано лишь начиная с конца XIX века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 530].

В текстах исследуемых нами газет форма на *-a ide*, как правило, в первом и третьем лицах единственного числа, может включать в свой состав аффикс *-dyr/-der*, который присоединяется строго к основному глаголу и функционировать в диалектной форме *-adyr ide*, нехарактерной для современного татарского литературного языка. Причем употребление этого варианта прошедшего незаконченного времени не несет в себе какого-либо семантического перестроения. Сегодня функционирование данной формы зафиксировано во всех

говорах среднего диалекта татарского языка, однако наиболее активна она в парангынском и заказанском говорах, а в говорах каринских и глазовских татар характеризуется ограниченным распространением [Юсупов, 2004, с. 424]. В современном татарском литературном языке форма на *-adyr ide* употребляется, как правило, в качестве диалектной формы и чаще всего обнаруживается в текстах художественных произведений [Тат. грам., 1997, с. 113].

Как было сказано выше, одной из отличительных свойств аналитических форм прошедшего времени, функционирующих в текстах исследуемых нами газет, в частности формы на *-a ide*, является наиболее активное употребление в третьем лице. При этом, в отличие от некоторых других аналитических форм, в текстах наблюдается более активное употребление формы на *-a ide* и в других лицах:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-m</i>	<i>-k</i>
2 л.	<i>-ŋ</i>	<i>н/о</i>
3 л.	—	<i>-lar ide/-lär ide, idelär</i>

Рассматриваемая форма регулярно употребляется в **первом лице единственного числа**, оформление которого осуществляется посредством аффикса *-m*, присоединяемого к вспомогательному глаголу *ide*: *...dürt ajaqly canwarlardan ajrınam fäqat keşe kijeme kijeneb jörüdän genä ğyjbarät idekene aŋlab haman iske tormyşqa doşmanlana ğyna bara idem* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘...понимая, что мое отличие от четвероногих животных лишь в одевании человеческой одежды, я только злился на свою прошлую жизнь’; *...buña oxşaşlyraq başqa mäcleslär beräm beräm isemä kileb töşkängä, anlarny bu mäcles belän çağyşdyryrğa totyna idem* («В.», 1910, № 563, «Юк-бар», очерк) ‘...по причине того, что мне на ум один за другим приходили другие такого рода мероприятия, я начинал сравнивать их с этим мероприятием’; *Andan elek min üzem dä bağzy nizamlar jazğalab mataşa idem* («К.», 1914, № 377, «Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр», статья) ‘До того и я пытался писать некоторые правила’.

Функционирование варианта *-adyr ide* в первом лице единственного числа в текстах газет обнаруживается реже: *Min söjä idem. Ä ul? Any häm şulaj ujlydyr idem* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы»,

художественное повествование) ‘Я любил. А она? Я думал, что и она так же’.

Первое лицо множественного числа обнаруживается реже и образуется при помощи аффикса *-k*, который также присоединяется строго к вспомогательному аффиксу: *...ibdäšem berlän “tatarskij most berlän zemlanoj most arasyndan” uzyb bara idek* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр», письмо) ‘...мы с другом проходили между Татарским мостом и Земляным мостом’.

Форма прошедшего времени на *-a ide* во **втором лице единственного числа** в текстах газет имеет ограниченное распространение и реализуется посредством присоединения к вспомогательному глаголу *ide* аффикса *-η*: *Sin märxüm bujун jetmälek keşelärneη awузyna suğarğa ürelü ideη*... («К.», 1913, № 50, «Зэки хэлфэн нишлэтте!!», фельетон) ‘Ты, покойный, тянулся дать по морде людям, до которых не доставал...’.

Наиболее употребительная форма прошедшего времени на *-a ide* в **третьем лице единственного числа** не имеет какого-либо специального грамматического показателя: *Uramlarda bulğanlarnун tellärenä ğubernator jortы qarşysyna сужылған манархистлар хақында söjlänü ide* («Б.т.», 1906, № 36, «Хажитархан хэбэрлэре», заметка) ‘У находящихся на улицах на языке вертелось о монархистах, собравшихся у дома губернатора’; *Ĝ. dumada wä Savetda üzlärenä хökümät tajаныб еш күерлек... firqalär төзелü kübdän mätlüb тотыла ide* («В.», 1915, № 1856, «Г. дума вэ Совет эғзаларының иттифагы», статья) ‘Давно требовалось создание партий, на которые при работе в Г. думе и Совете могло бы опираться правительство...’; *Bu köräşçelärneη хатыnlaryндағы бәхетне ујлаб көnläşü ide* («К.», 1914, № 385, «Гармунчы бизгэге», художественное повествование) ‘Она думала о счастье жен этих борцов и завидовала им’.

В третьем лице единственного числа рассматриваемая форма прошедшего времени одинаково активно употребляется как без аффикса сказуемости *-dyr/-der*, так и в сочетании с ним: *Bu јапа qorban, qazaqlar häm velisapedlar berlän çolğab алған arestanskij kareтada Peterburg uramy bujунча oçadyr ide* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Он летел в арестантской карете по улице Петербурга в окружении новых жертв, казаков и велосипедов’; *Tijeşle waqytlarda çäј, niğmätlär hämdä aş xäzer buladyr ide* («В.», 1913, № 1524, «Арнатылык вакыйгалары», корреспонденция) ‘В соответствующее время

были готовы чай, сладости и суп'; *Könlär cyly, ajaz, qojaş jalytryj, ätrafda tyn (säkänat) xökem söräder ide* («К.», 1913, № 78, «Төрле жир-ләрдәге мөселманнар тормышыннан ләүхәләр», очерк) 'Дни теплые, ясные, солнце блестит, вокруг тишь, царствует спокойствие';

Третье лицо множественного числа в текстах газет образуется, как правило, посредством присоединения к основному глаголу аффикса числа *-lar/-lär*, который в данном случае указывает не на лицо, а на соотношение в числе: *Awyllarda mädräsä şäkerdläremez qyşnyñ suyq qarly wä buranly könlärendä taşda täharät ala wähäm ğosel qojynalar ide* («Б.т.», 1906, № 37, «Хафиз әл-сихәт хакында берәз сүз», статья) 'В наших деревнях учащиеся медресе в холодные снежные и вьюжные зимние дни совершали омовение на камнях'; *Üzläre öçen bik möhim bulğan bu jer büleşü mäsiläsen xäl itärgä Qarğaly xalqy üzläre dä ictihad qylalar ide* («В.», 1912, № 970, «Губернатор жәнәбләре вә Каргалы мөселманлары», отчет) 'Для решения этого важного для себя вопроса разделения земель, население Каргали и само прикладывало много усилий'; *Bu soñğy ğasyrlarda oluğ xökümätlär... xristianlar öçen törle islahatlar icra itderü syltawy belän köndän kön Törkijäneñ üz daxilendäge istiklalyna zarb jasab kilälär ide* («К.», 1913, № 259, «Казан 7 ноябрь», статья) 'В последние столетия крупные государства,... под предлогом осуществления разных изменений для христиан, день за днем производили удары по внутренней независимости Турции'.

Между тем, тексты газет «Борхане таракки» и «Вақыт», в отличие от текстов газеты «Кояш», характеризуются функционированием в них варианта оформления третьего лица множественного числа, при котором показатель *-lar/-lär* присоединяется к вспомогательному глаголу *ide*: *Xäzergäçä xökümät wäkilläre «möselmanlar iñ sädaqatle ber millät» dijärgä jarata idelär bit* («Б.т.», 1911, № 139, «Г. Думаның 26 февраль жылышында Садри әфәнде Максудов нотыгы», отчет) 'Ведь до настоящего времени представители власти любили повторять, что «мусульмане – самая дружелюбная нация»; *Iske zamanda balalaryny “uqymasañ kötüçe bulysyñ” dib qurqyta idelär* («В.», 1914, № 1537, заметка) 'Раньше детей пугали «если не будешь учиться, станешь пастухом»'.

По значениям прошедшего времени на *-a ide* тексты исследуемых нами газет не противопоставляются друг другу. В преобладающем большинстве текстов основным значением данной формы является выражение незавершенности, длительности либо незаконченности

действия, совершенного в прошлом. В частности, наиболее регулярно рассматриваемая форма употребляется для выражения незаконченного, регулярно повторяющегося и не связанного с определенным временным отрезком прошлого действия. В данном значении форма на *-a ide* на семантическом уровне соотносится с формой настоящего времени на *-a*, выражая, подобно ей, постоянные, обычные действия, но перенесенные в план прошлого: *Äwälge zamanlarda isä äğzalary kim wä zäğyjf balalar; nadanlyq qorbany ulyb tüläf ulalar ide* («Б.т.», 1906, № 49, «Алманиядэ зэгийфлэр йорты», статья) ‘Раньше дети с физическими недостатками, пропадали, становясь жертвой необразованности’; *Ufada zemlamerlar jeteşderä torğan mäktäbkä bu jyl kerergä teläb 400 dän artyq keşe ğariza birgän. Uzğan jyllarda 70 – 80 genä ğariza bula ide* («В.», 1909, № 507, «Дахили хэбэрлэр», заметка) ‘В этом году более 400 человек подали заявления, с целью поступить в уифмскую школу, готовящую землемеров. В прошлые годы было только 70 – 80 заявлений’; *Ul üzenej şul isem wä iğtibarğa jararlyq wä şuny üzenä alyrlyq eş kürgänen här kemdän artyq alyjdyr ide* («К.», 1914, № 377, «Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр», статья) ‘Он лучше кого-либо другого понимал, что совершает поступки, соответствующие этому званию и вниманию, и позволяющие брать это на себя’.

Также форма на *-a ide* употребляется для выражения действия либо состояния, как постоянного свойства лица или предмета в прошлом. В данном случае, рассматриваемая форма также несет в себе смысловую нагрузку, присущую для ее основы – формы настоящего времени на *-a*, которая заключается в выражении тех или иных действий, являющихся постоянным признаком лица либо предмета: *Ul çaqda bu iskelär xökümät köçe ilä fajdalana alaçaqlaryny belmi idelär, üzläre genä cädidçelärgä bäjlänä idelär* («Б.т.», 1911, № 139, «Г. Думаның 26 февраль жылышында Садри эфэнде Максудов нотыгы», отчет) ‘В то время эти кадимисты еще не знали что смогут пользоваться поддержкой государства, только сами придирались к джадидистам’; *Järminkä räxäten bozulary az bulğan kebi, bundyj keşelär öjlärenä qajtyb ğailä räxäten dä pyr tuzdryyb taşlyjlar ide* («В.», 1915, № 1793, «Аек ярминкә», корреспонденция) ‘Как будто того, что они испортили радость от ярмарки, мало, такие люди, придя домой, в пух и прах разносили и семейную радость’; *Bolar tatarlar хагында zyjaly xikäjälärne genä belülär ide* («К.», 1917, № 1114, «Татарлар Мәскәүдә», обзор периодической печати) ‘Они про татар знали только хорошие истории’.

Кроме того, рассматриваемая форма в текстах газет может выражать то или иное единичное незаконченное и очевидное действие, которое относится к определенному временному отрезку в прошлом и является фоном для совершения другого действия. При этом, в частных случаях, данное значение может быть конкретизировано посредством включения в текст обстоятельственных слов, таких, как *šuşy könlärdä* 'в эти дни', *aldan uq* 'заранее', *tege waqyt* 'в то время', *şul waqyt* 'в это время', *kiçä* 'вчера', *äle* 'сейчас' и т.д.: *Çönki anuñ şulaj buluyn xalyq aldan uq köteb tora ide* («Б.т.», 1906, № 37, «Хажитархан октябрь 24», статья) 'Потому что это его действие народ уже ждал заранее'; *Järminkä jaxşy bulyr dib kötelü ide* («В.», 1914, № 1568, «Мәкәржә ярминкәсе», заметка) 'Ожидалось, что ярмарка пройдет на хорошем уровне'; *Таğын шуşy köndä Sirac malajy sineñ gazetaña jebärmäkçe bulyb jöri ide* («К.», 1913, № 37, «Халык укый», статья) 'В эти дне еще и сын Сиразы хотел подписаться на твою газету'.

Употребляясь в значении сослагательного наклонения, расположенного во второй части сложноподчиненного предложения с придаточным условным, форма на *-a ide* в текстах газет выражает значение двух взаимообусловленных действий: *Bundyj firqalär tözelsä, ... nizam tözü mäclesläreneñ eşläre, xäjaty ciñelläşer dib zan itelü ide* («В.», 1915, № 1856, «Г. дума вә Совет әгъзаларының иттифагы», статья) 'Ожидалось, что если такие фракции будут созданы, ... работа, жизнь законодательных собраний станет легче'.

Редко, ввиду ограниченного распространения в текстах газет диалогических конструкций, форма на *-a ide* способно выражать действие, протекающее одновременно с моментом речи: – ...*Çajd kön jyğlarğa jaramağanlyqny belmiseñ axry! – Belüder idem dä... sin Näğimälärne üpdeñ, mine kürmijençä kitdeñ... äni mine übäder ide... min şunuñ öçen jyğladym* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) '– Ты, кажется, не знаешь, что в Гае нельзя плакать! – Знаю, но... ты поцеловала Нагиму, а меня прошла не заметив... мама меня целовала... я поэтому плакала'.

В целом, как видно из нашего анализа, форма прошедшего времени на *-a ide* в рамках исследуемых нами газетных текстов является одной из наиболее употребительных аналитических форм прошедшего времени, а следовательно, определяется в качестве ядерного элемента их грамматической системы. Как и преобладающее большинство аналитических форм прошедшего времени, рассматри-

ваемая форма несет в себе стилистическую составляющую, заключающуюся в придании большей наглядности, выразительности и экспрессивности описываемых событий. В текстах газет, форма на *-a ide* наиболее регулярно употребляется в текстах, относящихся к художественно-публицистическим жанрам, а также в текстах открытых писем и статей, относящихся к аналитическим жанрам. При выражении постоянного, обычного действия, перенесенного в план прошлого рассматриваемая форма встречается в текстах заметок, относящихся к информационным жанрам.

Форма на *-maqda ide*

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» зафиксировано употребление аналитической формы на *-maqda ide* для передачи определенного семантического оттенка прошедшего времени. Данная форма образуется от основы настоящего-длительного времени на *-maqda* в сочетании со вспомогательным глаголом *ide* 'был', к которому присоединяются аффиксы лица. Употребление формы на *-maqda ide* не характерно для современного татарского литературного языка, а также его диалектов. При этом она определяется в качестве отличительной особенности огузских языков, в частности, форма на *-maqda ide*, хотя и редко, встречается в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 239], а также в азербайджанском, узбекском и ряде других тюркских языков, относящихся к огузской группе [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 175].

Функционирование рассматриваемой формы в рамках письменного старотатарского литературного языка возникает сравнительно поздно. Так, ее употребление зафиксировано в текстах старотатарских письменных памятников, созданных начиная с конца XIX века [Татар эдэби теле..., 2017, б. 539], а само присутствие в грамматической системе текстов обусловлено влиянием османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода [Негматуллоев, 1983, с. 139]. Однако, стоит отметить, что ее окончательного утверждения, как и формы настоящего времени на *-maqda*, в языке не происходит. К концу второго десятилетия XX века она вытесняется из употребления в рамках старотатарского письменного литературного языка.

В текстах газет форма на *-maqda ide* также не характеризуется широким распространением. Это объясняется как ее более узкой семантической структурой по сравнению с другими аналитическими

формами прошедшего времени, так и общей тенденцией в развитии старотатарского литературного языка начала XX века, когда происходит переход от употребления традиционных общетюркских и огузских языковых форм в сторону применения народно-разговорных грамматических элементов. При этом, наиболее активно форма на *-maqda ide* обнаруживается в текстах газеты «Борхане таракки», и, как правило, в форме третьего лица обеих чисел. В текстах газет «Кояш» рассматриваемая форма характеризуется крайне ограниченным распространением. Для реализации ее спряжения по лицам в текстах газет употребляются следующие показатели лица:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>н/о</i>	<i>-k</i>
2 л.	<i>н/о</i>	<i>н/о</i>
3 л.	–	<i>-lar/-lär</i>

При образовании **третьего лица единственного числа** употребление какого-либо специального грамматического показателя не требуется: ...*ğadälät üzrä jañğy nizamlar tärtib idär dib härkem ömedläneb tormaqda ide* («Б.т.», 1906, № 56, «Гадэлэтме? Я золымлыкмы?», статья) ‘...все надеялись, что они создадут новые законы, нацеленные на справедливость’; *Bu mämurlarğa zur hoquqlar, teläsä nişlärgä ixtijarlar birelgän wä gubernatorlardan başlab anyñ qulyndağy palitsija, bu mämurlarğa daima järdüm birmäkdä ide* («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеев нотыгы», отчет) ‘Этим служащим даны большие права, разрешение на совершение всего, что угодно и начиная с губернатора, до полиции, находящейся в его руках, регулярно помогали этим служащим’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет оформляется при помощи аффикса множественного числа *-lar/-lär*, который в данном случае указывает не на лицо, а на согласование в числе. Следует отметить, что аффикс *-lar/-lär* во всех зафиксированных случаях присоединяется строго к вспомогательному глаголу: *Kijem tüşäk uryn palas kebi şajläre dä şu xajwan jonyndan xajwan tiresendän japmaqda idelär* («Б.т.», 1911, № 145, «Казакълар хәлендән», статья) ‘Такие предметы, как одежда, перина, лежак, палас, они также делали из меха и шкуры этого животного’; *Säjärgahnnyñ här mäüqyjğendä jähüdi, şığıj, sönilärneñ xuş sävemle säsläre ilä säjercelärne päk mäsrur itmäkdä idelär*

(«В.», 1910, № 595, «Бохара эхвалендэн», очерк) ‘На каждом уголке места для наблюдения радовали наблюдающих с помощью красивых привлекательных голосов евреев, шиитов, суннитов’; ...*awyl fäqyjr bulğandan mäktäbne näübätläb balalar salam jağyb jylytmaqda idelär* («К.», 1915, № 613, «Этраф хэбэрлэре», корреспонденция) ‘... по причине того, что деревня была бедной, дети по очереди отапливали школу, сжигая сено’.

Как говорилось выше, в преобладающем большинстве случаев, форма на *-maqda ide* употребляется в третьем лице обоих чисел. Между тем, нами было зафиксировано употребление рассматриваемой формы в **первом лице множественного числа**. В данном случае спряжение осуществляется посредством аффикса лица *-k*, который присоединяется исключительно к вспомогательному глаголу: *Bez Rusija möselmanlary moğa kadär hiç ber närsä sizmiçä joqlamaqta idek...* («Б.т.», 1906, № 28, «Яңа мөхәрирдән», статья) ‘Мы, мусульмане России, до этого времени спали, ничего не замечая...’.

На семантическом уровне форма на *-maqda ide* в текстах исследуемых нами газет не характеризуется своей полисемантической. Как правило, данная форма употребляется для выражения того или иного длительного действия, не приобретающего постоянный, регулярный характер, и перенесенного в плоскость прошедшего времени: ...*bunyñla qyrğyzzlar islam dinendä дәgel bälki şamani diheb дәğwa wä isbat idelmäkdä ide* («Б.т.», 1906, № 56, «Гадәләтме? Я золымлыкмы?»), статья) ‘...таким образом предьявлялось и доказывалось, что киргизы являются приверженцами не мусульманской религии, а были шаманами’; *Peterburğdağy törek säfire Tarخان paşa wä sekretarläre jerle möselmanlarla küreşeb... möselman aqşamyny täşrif idäçäkläre üjtelmäkdä ide* («В.», 1909, № 438, «Петербургта Ләйләи Шәркыя вә мөсафир төрек пашалары», статья) ‘Во время встречи турецкого посла в Петербурге Тархана паши и его секретарей с местными мусульманами,... было объявлено о том, что они почтят своим присутствием мусульманский вечер’; ...*küçeb jöri torğan ğaskär bulğanlyqlary öçen, rus knäzlärenеñ üz ara betmäş-tökänmäş doşmanlyq wä suğyşlaryndan istifadü itmäkdä idelär* («К.», 1917, № 1114, «Татарлар Мәскәүдә», обзор периодической печати) ‘...из-за того, что они являлись передвижной армией, они пользовались бесконечной междоусобной враждой и войнами русских князей’.

Как видно, по сравнению с другими аналитическими формами прошедшего времени, форма на *-maqda ide* в текстах газет имеет ограниченное распространение и употребляется в текстах газет, вне зависимости от того, к какому жанру они относятся, как правило, при повествовании о каком-либо длительном действии в прошлом.

Форма на *-a torġan ide*

Аналитическая форма прошедшего многократного времени на *-a torġan ide* образуется от причастия настоящего времени на *-a, -ä, -j torġan* и вспомогательного глагола *ide* 'был'. Данная форма употребляется как в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 127], так и в различных фонетических вариантах обнаруживается во всех его диалектах [Юсупов, 2004, с. 428]. За пределами грамматической системы татарского литературного языка и его диалектов форма на *-a torġan ide*, как правило, обнаруживается в кыпчакских языках. При этом, во многих из них рассматриваемая форма функционирует в стяженном виде [Юсупов, 2004, с. 433].

В целом, в рамках развития старотатарского литературного языка рассматриваемая форма определяется в качестве одного из наиболее поздних грамматических элементов. В текстах старотатарских письменных памятников ее употребление зафиксировано начиная с XVIII века и, как правило, в текстах, оформленных в официально-деловом стиле. С конца XIX века форма на *-a torġan ide* начинает употребляться и в текстах художественных произведений [Татар әдәби теле..., 2017, б. 272, 537].

Из всех исследуемых нами органов периодической печати, рассматриваемая форма обнаруживается лишь в текстах газет «Вақыт» и «Кояш». При этом, она характеризуется ограниченным распространением и является лишь вспомогательным грамматическим элементом. В нижеследующей таблице представлены личные аффиксы, функционирующие в системе спряжения аналитической формы прошедшего времени на *-a torġan ide*:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	н/о	-к
2 л.	н/о	н/о
3 л.	–	н/о

Третье лицо единственного числа в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» реализуется без употребления какого либо специального грамматического показателя: ...*uqiçy wä uqutyçylarny dârdlândereb quzuqdyryb tora torğan ide* («В.», 1915, № 1830, «Габделмәннәп әфәнденең вафаты»), заметка) ‘...он придавал силы и заинтересовывал учеников и учителей’.

Также нами было зафиксировано употребление рассматриваемой формы прошедшего времени **в первом лице множественного числа**. При этом, спряжение осуществляется посредством аффикса лица *-k*, который присоединяется к вспомогательному глаголу: *Çäj östälänä bäjrämläk küreneşe bireb tora torğan älbäne bez biş-alty märtäbä qabqaç da tujyb, çäj janıyndan quzğala idek dä ujnarğa totyna torğan idek* («К.», 1914, № 321, «Хәкимә әби», художественное повествование) ‘После того, как мы пять-шесть раз пробовали альбу, придающей чайному столу праздничный характер, насытившись, вставали из-за стола и начинали играть’.

Как видно из приведенных примеров, форма на *-a torğan ide* в текстах газет употребляется, как правило, для выражения обычных, повторяющихся незаконченных действий в прошлом, что в первую очередь обусловлено наличием в составе конструкции формы на *-a ide*, которой присуще значение незаконченности и очевидности, а также вспомогательного глагола *torğan* со значением типичности или регулярности.

Следует отметить, что ограниченное распространение рассматриваемой формы, прежде всего, объясняется ее синонимичностью по отношению к одной из наиболее активных аналитических форм прошедшего времени в рамках татароязычных газетных текстов начала XX века – форме на *-a ide*. Так, совпадение на семантическом уровне наблюдается при передаче формой на *-a torğan ide* значения многократного действия, которое для формы на *-a ide* в текстах газет является одним из контекстуальных значений.

При этом, если обратить внимание на второй приведенный нами пример, то в нем обнаруживается параллельное употребление форм на *-a ide* и *-a torğan ide* (...*çäj janıyndan quzğala idek dä ujnarğa totyna torğan idek* ‘...вставали из-за стола и начинали играть’). Такое параллельное употребление двух форм в одном значении подчеркивает их семантическую взаимозаменяемость при передаче данного конкретного значения, а также служит стилистическим средством, позволяю-

щим избежать повторного употребления одной и той же грамматической формы в рамках одного предложения.

Таким образом, поздняя аналитическая форма прошедшего времени на *-a torġan ide* не является ядерным элементом текстов исследуемых нами газет. Она, будучи грамматическим синонимом более распространенной формы прошедшего времени на *-a ide*, в ограниченном количестве обнаруживается только в текстах газет «Вақыт» и «Кояш».

Форма на *-jur ide*

Рассматриваемая форма образуется путем сочетания формы настоящего времени на *-jur*, являющейся характерной особенностью огузских языков, и вспомогательного глагола *ide* 'был'. Употребление аналитической формы прошедшего времени на *-jur ide* характерно только для ряда текстов газеты «Борхане таракки», оформленных на огузо-турецком варианте старотатарского литературного языка. При этом, форма на *-jur ide* имеет крайне ограниченное распространение и не является ядерной формой их грамматической системы. Ее крайне низкая активность в текстах газет «Борхане таракки» и отсутствие в текстах газет «Вақыт» и «Кояш», главным образом, объясняется синонимичностью формы на *-jur ide* по отношению к аналитической форме прошедшего времени на *-a ide*, которая активно употребляется в текстах всех исследуемых нами газет.

На сегодняшний день форма на *-jur ide* не характерна для современного татарского литературного языка, а также ее диалектов. Для передачи соответствующих семантических значений, характерных для рассматриваемой формы используется форма на *-a ide* [Татар грамматикасы, 2016, б. 122], которая в начале XX века и вытеснила из употребления в рамках старотатарского литературного языка огузскую форму на *-jur ide*. Между тем, сегодня рассматриваемая форма активно функционирует лишь в турецком литературном языке [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 181].

В текстах старотатарских письменных памятников функционирование формы на *-jur ide* зафиксировано лишь начиная со второй половины XIX века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 535], когда она начинает употребляться в качестве элемента функционально-стилистической вариативности при передаче некоторых значений, характерных для формы прошедшего времени на *-yr ide*.

Как отмечалось выше, в текстах газеты «Борхане таракки» форма на *-jur ide* обнаруживается крайне редко и функционирует только в третьем лице:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>н/о</i>	<i>н/о</i>
2 л.	<i>н/о</i>	<i>н/о</i>
3 л.	–	<i>-lar ide, -lardy</i>

Для реализации **третьего лица единственного числа**, в текстах не употребляется какого-либо специального грамматического показателя. При этом, в зафиксированном нами примере рассматриваемая форма употреблена в усеченной форме, характерной для турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 237], состоящей из показателя времени на *-jur* и аффикса сказуемости прошедшего времени *-dy*, образованного от глагола *ide* ‘был’ в результате его усечения: *Bu soñ sänälärä qadär islam miläte, äksäri rus gazetalarında, bağzy jengel fikerlelärenə, wä ğarzkarlarnıy, töhmät wä iqtiralaryna duçar uly-jurdy* («Б.т.», 1907, № 89, «Жэнаб Амосовка рэддия», статья) ‘До последних времен в многочисленных русских газетах мусульманский народ подвергался клевете и противостоянию со стороны некоторых легкомысленных и разжигающих вражду людей’.

Третье лицо множественного числа оформляется посредством аффикса *-lar/-lär*, который присоединяется к основному глаголу: *...din islamija jöklätmädege böhtan wä iftiralary qaldyrmıjurlar ide* («Б.т.», 1907, № 89, «Жэнаб Амосовка рэддия», статья) ‘...искореняли клевету и инсинуацию, которую не пропускала мусульманская религия’.

Третье лицо множественного числа в текстах газеты «Борхане таракки» также может быть оформлено посредством сочетания аффиксов *-lardy*, которое присоединяется к основному глаголу после показателя настоящего времени на *-jur*, где *-lar* является показателем числа, а *-dy* – аффикс сказуемости прошедшего времени, образованный от глагола *ide* ‘был’ в результате его усечения: *...vatandaşlarymyz ruslar da beze namus wä xisijät kebi mäzijät insanijädan mäxrüm Afriqa jamjamlary kebi täläqyj idijurlardy* («Б.т.», 1907, № 89, «Жэнаб Амосовка рэддия», статья) ‘...наши соотечественники, русские, тоже встречали нас, как африканские людоеды, лишённые таких человеческих качеств, как честь и чувство’.

Как видно из приведенных примеров, форма на *-jur ide*, как правило, обнаруживается в текстах, созданных на огузо-турецком варианте старотатарского письменного литературного языка, где присутствует определенная доля лексических и грамматических элементов, характерных для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода.

При этом, как показывают приведенные примеры, не смотря на то, что форма на *-jur ide* является грамматическим синонимом формы на *-a ide*, ввиду своего ограниченного распространения, она не характеризуется полисемантической и выражает незаконченное, регулярно повторяющееся действие, либо употребляется при передаче того или иного действия либо состояния, как постоянного свойства предмета или лица в прошлом.

Таким образом, наименее активно употребляемой в текстах татарской периодической печати начала XX века аналитической формой прошедшего времени является показатель на *-jur ide*, характерный для турецкого литературного языка, который позиционируется в качестве грамматического синонима формы на *-a ide* и является элементом, подчеркивающим наличие функционально-стилистической вариативности в старотатарском литературном языке рассматриваемого периода.

Форма на *-açaq ide*

Еще одной аналитической формой прошедшего времени, получившей распространение в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», является показатель на *-açaq ide*. Данная форма образуется посредством сочетания причастия будущего времени на *-açaq* и вспомогательного глагола *ide* 'был'.

Стоит отметить, что форма на *-açaq ide* употребительна в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 132]. Кроме того, она в ограниченном количестве обнаруживается и в некоторых говорах среднего диалекта татарского языка, в частности ее функционирование зафиксировано в заказанской, нагорной группах говоров, а также в говоре крещеных татар Нижнего Прикамья [Юсупов, 2004, с. 452]. За пределами грамматической системы современного татарского литературного языка и его диалектов форма на *-açaq ide* обнаруживается в азербайджанском, крымско-татарском, гагаузском и кумыкском языках [Юсупов, 2004, с. 452], а в турецком

литературном языке рассматриваемая форма употребляется в усеченной форме *-acaktı* [Кононов, 1956, с. 241].

В целом, судя по отсутствию формы на *-açaq ide* в текстах древнетюркских письменных памятников и учитывая, что первые факты ее функционирования были зафиксированы в конце XIX века в текстах, оформленных на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 552], можно утверждать что рассматриваемая форма является одной из наиболее поздних аналитических показателей темпоральности.

В текстах форма на *-açaq ide* активно употребляется лишь в третьем лице обеих чисел:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>н/о</i>	<i>-k</i>
2 л.	<i>н/о</i>	<i>н/о</i>
3 л.	–	<i>-lar ide/-lär ide, idelär</i>

Для оформления **третьего лица единственного числа** употребление какого-либо специального грамматического показателя не наблюдается: *Rusijä möselmanlarynyň idarä şärğyjäläre qyrğyz-qazaq arasyndağy şikelle ber xälgä töşerelüçäk ide* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Духовное управление российских мусульман должно была принять такое же положение, как и у киргизов и казахов’; *Kičä kiç... kinematograf tijatrynyň zalynda Peterburg sajlauçylarynyň säjäsi syjynlary bulaçaq ide* («В.», 1909, № 535, «Юк-бар», очерк) ‘Вчера вечером... в зале кинематографического театра должно было состояться политическое собрание Петербургских избирателей’; *Bu jyl Xälimä abystajnyň zur uğly Sabir saldatqa qaralaçaq ide* («К.», 1914, № 321, «Хәлимә абыстай», художественное повествование) ‘В этом году старший сын Халимы абыстая, Сабир, должен был пройти осмотр для призыва в армию’.

Для реализации **третьего лица множественного числа** наблюдается употребление показателя числа *-lar/-lär*, который, как правило, присоединяется к основному глаголу: *...Istanbul Jaurupa дәүләт-ләрендән qajsysunyň maly ulsa ulaçaq ide, fäqat töreklär andan ükçä kütäräçäklär ide* («Б.т.», 1907, № 79, «Сәяси хәлләр», статья) ‘...Стамбул в любом случае должен был перейти в состав одного из

европейских государств, но турки должны были оттуда уходить»; *Älbätä, rus sajlauçylar bundan istifadä iteb, mäzkür çastlardağy möselmanlardan Şähär dumasyna hiç ber keşe ütkärmäjäçäklär ide* («К.», 1915, № 613, «1909 дан 1913 нче елга кадәр Шәһәр думасы ниләр эшләде?», отчет) ‘Конечно, русские избиратели, пользуясь этим, не должны были пропускать в Городскую думу ни одного мусульманина из вышеупомянутых частей’.

Между тем, в текстах газеты «Вақыт» при оформлении третьего лица множественного числа аффикс *-lar/-lär* может присоединяться не к основному глаголу, а к вспомогательному глаголу *ide*: *Bu pravilalar, möselmanlar arasynda uqu ešen ber tärtibkä salyr öçen äslax ulaçaq idelär* («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеевның нотыгы», отчет) ‘Эти правила должны были лучше подойти для упорядочения процесса преподавания среди мусульман’.

Кроме того, нами зафиксировано употребление формы на *-açaq ide* в первом лице множественного числа, которое реализуется посредством употребления аффикса лица *-k*, который присоединяется строго к вспомогательному глаголу: *Niçön bu kebi fajdaly gýjlem-lärne ügrätüdän mäxrüm wä ni waqyta qadär mäxrüm qalaçaq idek?!...*” («В.», 1909, № 488, «Мөселман мәктәбендә музыка дәресләре», обзор периодической печати) ‘Почему мы должны были быть лишены и до каких пор мы должны были быть лишены изучения такого рода полезных дисциплин?!...’.

В текстах газет рассматриваемая форма употребляется для выражения того или иного будущего категорического действия, перенесенного в план прошлого: *...xäzerge awyr xälläremezdän qotylmaq, fäqat oşbu Ğ. дума vasitasy ilä ulaçaq ide* («Б.т.», 1907, № 75, «Хажитархан февраль 21», статья) ‘...избавление от нынешней тяжелой ситуации должно было наступить только при участии этой Г. думы’; *Ispanija “saf xristijan” mämläkäte bulaçaq ide* («В.», 1910, № 645, «Испания вә руханилар», статья) ‘Испания должна была стать «чисто христианским» государством’; *Küb digändä, šähär dumasyn da alty-jede möselman glasnyj bulaçaq ide* («К.», 1915, № 613, «1909 дан 1913 нче елга кадәр Шәһәр думасы ниләр эшләде?», отчет) ‘Максимум в Городской думе шесть-семь мусульман должны были стать гласными’.

Как видно из примеров, действие, выраженное посредством формы на *-açaq ide*, имеет отношение к определенному моменту в прошлом, но никак не к моменту повествования.

Учитывая, что в текстах газет не зафиксировано функционирование формы на *-ur ide* в функции аналитической формы прошедшего времени, все задачи, связанные с выражением будущего категорического действия, перенесенного в план прошлого выполняются посредством употребления ее грамматического синонима – формы на *-açaq ide*. Следовательно, данная форма для текстов исследуемых нами газет является системообразующей, однако, несмотря на это, ее функционирование в преобладающем большинстве случаев зафиксировано в третьем лице обеих чисел.

Настоящее время

Семантическим ядром форм настоящего времени в текстах газет является обозначение действия, контактирующего с моментом речи. Однако, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 118], формы настоящего времени в текстах газет, в зависимости от конкретного контекста, могут выражать действия, отнесенные к определенному периоду в прошлом или будущем.

Настоящее время изъявительного наклонения в текстах исследуемых нами газет, помимо формы на *-a*, характерной для современного состояния татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 116], представлено синтетическими формами на *-jur* и на *-maqda(dy)*, активных в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 223, 229]. При этом, указанные формы в текстах каждой из исследуемых нами газет имеют разную степень распространения, а их функционирование или отсутствие с одной стороны обусловлено жанровыми условиями конкретных текстов, а с другой – является дифференциальным признаком функционально-стилистической вариативности языка газетных текстов.

Форма на *-a*

Форма настоящего времени изъявительного наклонения на *-a* этимологически восходит к пратюркскому состоянию [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 410] и в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», также, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 116], образуется от деепричастной основы на *-a*, *-ä*, *-j*, которая осложняется аффиксами лица. При этом, в случаях, когда настоящее время на *-a* образуется от глаголов, оканчивающихся на гласный, возникает дифтонг *-aj/-äj*, который подвер-

гается сужению и переходит в *-yj/-i* (*qara* ‘смотри’ – *qaryjm, qaryjmun* ‘смотрю’, *ešlä* ‘работай’ – *ešlisez, ešlisejez* ‘работаете’).

Большинство современных тюркских языков также характеризуется употреблением рассматриваемой формы для выражения настоящего времени. Так, форма на *-a* при выражении настоящего-неотносительного времени активна в северо-восточных языках, за исключением тофаларского и сарыг-югурского языков, а также в юго-восточных языках, за исключением саларского языка и во всех кыпчакских языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 409]. При этом, она не характерна для современных огузских языков, что определяется в качестве их классификационной особенности, но обнаруживается в турецких и азербайджанских письменных памятниках, относящихся к эпохе средневековья [Грунина, 1966, с. 78-91].

Помимо современного татарского литературного языка, форма на *-a* обнаруживается и во всех ее диалектах. Так, в мишарском и в преобладающем большинстве говоров среднего диалекта рассматриваемая форма определяется в качестве единственной формы настоящего времени [Юсупов, 2004, с. 294].

Форма на *-a* одинаково активно функционирует в текстах всех исследуемых нами газет и определяется в качестве ядерного грамматического элемента языка татарской периодической печати начала XX века. При этом, употребление рассматриваемой формы, в частности в случаях осложнения аффиксами лица, имеет неодинаковое распространение и приводит к ее неравномерному употреблению в рамках текстов, относящихся к определенным жанрам. Этому способствует и тот факт, что одним из характерных условий употребления настоящего времени является наличие в тексте диалогической структуры.

Как видно из приведенной ниже таблицы, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» для оформления категории лица наблюдается параллельное употребление как элементов, относящихся к традиционной языковой норме, так и грамматических показателей, характерных для разговорной речи татарского языка начала XX века:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-myn/-men, -m</i>	<i>-myz/-mez, -byz/-bez</i>
2 л.	<i>-syn/-señ</i>	<i>-syz/-sez, -synyz/-señez</i>
3 л.	<i>_, -dyr/-der</i>	<i>-lar/-lär</i>

Для реализации **первого лица единственного числа** настоящего времени на *-a* в текстах исследуемых нами газет, как правило, употребляется полный вариант грамматического показателя *-myn/-men*, который определяется в качестве элемента традиционной языковой нормы: *Bu sülädegemä misal ularaq şuny göstärä belämen ki* («Б.т.», 1906, № 36, «Дәрел Әдәптә сөйләнгән нотык», отчет) ‘В качестве примера к вышесказанному могу указать следующее’; *“Jaxşy, min kürgäzgan mäsläxätkä binaän eş qylyrğa razyj bulsanıyz min kitü fikeremdän qajtamyn” digän* («В.», 1912, № 921, «“Айлә” вилаяте вакыйгалары», статья) ‘Он сказал: «Хорошо, если вы будете согласны что-либо предпринять ради пользы, которую я обозначил, я отказываюсь от идеи уехать»’; *“Min sezneñ aldyñyzda ğajablemen häm watanym öçen şundyj keşene qotqara aluwym belän üzemne baxetle sanıymın” digän* («К.», 1914, № 377, «Харижи хәбәрләр», статья) ‘Он сказал: «Я виноват перед вами и считаю себя счастливым из-за того, что смог спасти для своей родины такого человека»’.

На сегодняшний день для современного состояния татарского литературного языка такое оформление показателя первого лица единственного числа формы настоящего времени на *-a* не характерно [Татар грамматикасы, 2016, б. 116]. Полный вариант аффикса встречается, как правило, только в поэтических текстах.

Параллельно с полным вариантом аффикса первого лица единственного числа в текстах газет активно функционирует и его усеченная форма *-m*, характерная для современного состояния татарского литературного языка: *Oşbu mäktübemne gazetañıza дәrc itmäkejeze ütenäm* («Б.т.», 1907, № 74, письмо) ‘Прошу опубликовать это письмо в вашей газете’; *Menä min häzer sineñ änkäñ bulam* («В.», 1915, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Вот теперь я буду твоей мамой’; *Üz başumızğa ğyna eş kürüneñ hiçber kirägen tabmyjm, häta zararlı ber eş dib ujlıym* («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяж вә аларга ярдәм», статья) ‘Я абсолютно не нахожу необходимости в одиночной работе, более того, я считаю эту работу губительной’.

Оба этих варианта одинаково активно функционируют во всех исследуемых нами текстах. Подобная ситуация также наблюдается и в текстах произведений татарской литературы конца XIX – начала XX вв., где параллельно функционируют полная и усеченная формы показателей первого лица единственного числа [Татар әдәби теле..., 2017, б. 489]. Следует отметить, что на сегодняшний день, в отли-

чие от татарского литературного языка, в его диалектах, также, как и в исследуемых нами текстах, активны как усеченный, так и полный вариант рассматриваемого грамматического показателя [Юсупов, 2004, с. 294].

Для образования формы **первого лица множественного числа** в текстах исследуемых нами газет употребляется аффикс лица *-myz/-mez*. Данный аффикс определяется как элемент общетюркской традиционной языковой нормы и также активно употребляется в текстах литературных произведений, созданных в конце XIX – начале XX вв. на старотатарском литературном языке [Бәширова, 2008, б. 174]. Распространение данной формы имеет одинаковый уровень в текстах всех исследуемых нами газет: *Niöçen uqu waqytларында iske mädräsä poçtaqlaryнда keşe aldarğa ügräteb jatamyz?* («Б.т.», 1906, № 31, «Ислах хакында», статья) ‘Почему это мы во время занятий в углах старых медресе обучаем жульничеству?’; *Böten Törkestan ölkäsenä bary 253 meñ sum birelügä dä Dumanуñ diqatene caleb iteb kitüne wazyjfatyз dib belämez* («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеевның нотыгы»), отчет) ‘Мы считаем своей обязанностью обратить внимание Думы и на то, что на всю Туркестанскую область выделено всего лишь 253 тысячи рублей’; *Şunuñ öçen bez xamanda bu мәsälädä möselmanlarnуñ tağyn da cidiräk ictihadlar күrsätülärenä yşanamyз* («К.», 1914, № 331, «Гасыфлы хэл», статья) ‘Поэтому мы до сих пор верим, что мусульмане в этом вопросе проявят еще большее усердие’.

При этом, в текстах газеты «Кояш» для оформления первого лица множественного числа настоящего времени на *-a* наряду с традиционным для рассматриваемого периода аффиксом лица *-myz/-mez* зафиксировано употребление его варианта *-byz/-bez*, характерного для разговорной речи: *Dörest, qarolнуñ bu süzlärenä muafäqat itüçelär bulыр; läkin bez bağзы uryнларына iğtiraz itäbez* («К.», 1915, № 858, «Юнан короле Константин», обзор периодической печати) ‘Понятно, будут те, которые согласятся с этими словами короля, но мы не согласны с некоторыми пунктами’.

В отличие от газеты «Кояш», в текстах газеты «Вақыт» разговорный вариант аффикса первого лица множественного числа *-byz/-bez*, как правило, не обнаруживается. Исключением является стихотворение Г. Тукая, опубликованное в одном из номеров газеты: *Sin synasуñ, min ülämen – ajrylabyз axrыsy!...* («В.», 1910, № 700,

«Өзелгән өмет», художественное повествование) ‘Ты ломаешься, а я гибну – похоже мы расстаемся’.

Несмотря на то, что на начальном этапе своего творчества, в том числе и под влиянием турецкой литературы [Мубаракшина, 2017, с. 35], произведения Г. Тукая характеризовались наличием немалого количества огузо-турецких элементов [Валитова, 1966, с. 19], часть которых определялась как элементы традиционной языковой нормы, а часть была характерна для османско-турецкого языка рассматриваемого периода, он является одним из тех, кто был сторонником создания нового татарского литературного языка, основанного на разговорной речи.

Разговорный вариант *-byz/-bez*, который в рамках современного татарского литературного языка функционирует в качестве языковой нормы [Татар грамматикасы, 2016, б. 116], в газете «Кояш» наиболее регулярно обнаруживается в текстах с диалогической структурой или непосредственно в интервью, относящегося к информационным жанрам, где изначально созданы все условия для функционирования языковых элементов, характерных для разговорной речи. Учитывая, что текст интервью основывается на устной диалогической речи, созданной между интервьюером и интервьюируемым лицом, то его характерными особенностями становятся общий высокий эмоционально-экспрессивный уровень текста, вопросно-ответные конструкции, лексические, грамматические и синтаксические особенности, характерные для разговорной речи и т.д. Следовательно, наряду с языком части литературных произведений [Бәширова, 2008, б. 174], созданных на старотатарском литературном языке рассматриваемого периода, язык татарской периодической печати в межреволюционный период 1905-1917 гг., становится той платформой, на основе которой происходит универсализация языка и постепенное вытеснение традиционных языковых элементов с последующим переходом к более поздним языковым нормам, близким для широких масс населения.

Второе лицо единственного числа в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» имеет ограниченное распространение. Как и в современном татарском литературном языке, данная форма оформляется посредством показателей лица *-syn/-sen*: *Bez – ni qağidä bujynča atasyn? didek* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр», письмо) ‘Мы сказали, по какому закону ты будешь стрелять?’, *Menä nindi jaxşy qyz buldyn, Ğajd kön jyğlarğa jaramağanlyqny belmisen axry!*

(«В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Вот какой хорошей девочкой стала, ты похоже не знаешь, что в Гае нельзя плакать!’; *Sin ni ujlyjsyn, Kärlä?* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәл-фәң нишләтте!», фельетон) ‘А ты что думаешь, Кэрлэ?’.

В текстах газеты «Вақыт» было зафиксировано оформление второго лица единственного числа посредством аффикса *-syn/-sen*, который в данной функции является характерной особенностью турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 226]: *Sin дә үзеңне кеҗе арасына **sanyjsyn!** Ojatsyz! Közgegä ber дә **qaramyjsyn** axry?* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘И ты себя считаешь человеком? Бессовестный! Ты наверное вообще не смотришь в зеркало?’.

Сегодня подобное оформление второго лица единственного числа настоящего времени на *-a* обнаруживается и в диалектах татарского языка, где определяется в качестве архаичной формы. Так, аффикс *-syn/-sen* в рассматриваемой функции зафиксирован в цокающих говорах мишарского диалекта, а также в говорах крещеных татар Закавказья и Нижнего Прикамья среднего диалекта [Юсупов, 2004, с. 298].

Оформление **второго лица множественного числа** настоящего времени на *-a* в текстах газет, как правило, реализуется при помощи аффикса лица *-syz/-sez*, в настоящее время функционирующего в рамках современного татарского литературного языка: ...*şul eş artyn-dan хезмәтләреңезне ташлаб бөтен иxlасыңыз илә сез **jörisez*** («Б.т.», 1906, № 33, «Тайный циркуляр», письмо) ‘...этим делом, забрасывая свои дела, от чистого сердца занимаетесь вы’; *Sez bit baryber şul uğrylardan **sanalasyz*** («В.», 1913, № 1216, «Газета каракларына», письмо) ‘Вы ведь все равно считаетесь ворами’; ...*kiläçäkdä här мәsälädä бер iti-faqda bulыb möğamälä itüwejezгä niček iteb **yşanasyz?*** («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмөв берлә ултырышу», интервью) ‘Как вы верите в свою дальнейшую единоголасную деятельность в каждом вопросе?’.

В текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» параллельно аффиксу лица *-syz/-sez* обнаруживается активное употребление и его варианта *-synyz/-sejez*, специфичного для огузских языков [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 394], а также в ином фонетическом варианте функционирующего в современном башкирском литературном языке [Грамм. совр. башк..., 1981, с. 279]: ...*sez Rusijädä **torasyңызmy?** Sez rus ministrymy jäki fransuznyqymy?* («Б.т.», 1906, № 30, художествен-

ное повествование) ‘...вы живете в России? Вы русский министр или французский?’; *Cämäğat kemlärne qandidatlyqğa kürsütäsejez?* («В.», 1909, № 426, «Сайладылар!» фельетон) ‘Товарищи, кого укажете в качестве кандидата?’.

Для современного татарского литературного языка употребление такого варианта аффикса второго лица множественного числа не характерно, однако его функционирование в чуть ином фонетическом варианте зафиксировано в некоторых его диалектах, в частности в барабинском диалекте, а также в тарском говоре тоболо-иртышского диалекта [Юсупов, 2004, с. 300; Атлас тат. нар. гов., 2015, с. 316].

Третье лицо единственного числа настоящего времени на *-a* в текстах исследуемых нами газет, также, как и в преобладающем большинстве тюркских языков, в частности в современном татарском литературном языке, не имеет специальных показателей: *Pravitelstvanuñ palitsijany totuwy küpmegä töšä?* («Б.т.», 1906, № 28, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Во сколько обходится государству содержание полиции?’; *Menä tonu uq “Qoloqol” gazetasy niçek ideb jaza* («В.», 1909, № 486, «Пермь мөселманлары», обзор периодической печати) ‘Вот как пишет об этом же газета «Колокол»’; *Menä bu mäsilälär bezne abdyrata* («К.», 1915, № 656, «Мөселман матбугатына икенче һөжүм», статья) ‘Вот эти вопросы тревожат нас’.

В текстах газет при оформлении формы третьего лица единственного числа, в отличие от современного состояния татарского литературного языка, наблюдается регулярное употребление аффикса *-dyr/-der*, который этимологически восходит к вспомогательному глаголу *torur* ‘стоять’, ‘быть’. В текстах газет основным значением, которое передается посредством данного аффикса, является констатация безотносительных к моменту речи обычных действий: *Bu keşelär arasynnda adäm üterü bik jaxşy wä maqtauly eş sanaladyr* («Б.т.», 1906, № 42, «Шулай кирәкме?»), статья) ‘Среди этих людей убийство считается очень хорошим и почетным поступком’; *Bu eşne üzeney Fransijägä kitüwenä qadär tämam itärgä bulğanlyğyn xäbär biräder* («В.», 1912, № 1015, «Бәхетсез мәмләкәтнең бәхетсез солтаны», статья) ‘Он сообщает о своей намеренности закончить это дело до своего отъезда во Францию’; *...firqalärneñ başbaşdaqlyq çyqaryrlyq xäräkätlärenä jul qaldyrmasqa telider* («К.», 1917, № 1130, «Оешкан демократиябез», статья) ‘...желает пресечь пути для действий партий, способных создать произвол’.

Параллельное употребление двух вариантов оформления третьего лица единственного числа характерно и для литературных произведений, оформленных в конце XIX – начале XX вв. на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 575]. Между тем, как было отмечено выше, употребление аффикса *-dyr/-der* не характерно для современного татарского литературного языка. При этом, рассматриваемый показатель определяется в качестве специфической особенности мишарского диалекта, противопоставляющего его другим диалектам и литературному языку [Юсупов, 2004, с. 301].

Третье лицо множественного числа в текстах газет, как и в современном татарском литературном языке, оформляется при помощи аффикса множественного числа *-lar/-lär*. При этом, в данном случае он указывает не на лицо, а на согласование в числе [Исслед. по срав. грам., 1956, с. 265]: *Josyf Akçurin cänäbläreney Semberdä aristawajit itelgänlegen Reç gazetasyna telegram berlän xübär itälär* («Б.т.», 1906, № 51, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘О факте ареста в Симбирске товарища Йусуфа Акчурина сообщают в газету «Речь» телеграммой’; *Böten xalyq ajaqğa basyb doğa qylalar häm quçquryb täqbir äjtülär* («В.», 1917, № 2263, «Өч съездның берләшкән мәжлесе хакында тәфсилат», отчет) ‘Все, встав на ноги, молятся и возвеличивают Бога’; *Bu aqçadan kübräk fajdalanuçylar baqaleja, jäselcä, tämäke belän satu itüçe greklardyr häm qahwä xanälär totuçylar da küb fajda itälär* («К.», 1915, № 799, «Искәндәриядән», обзор периодической печати) ‘Те, кто больше пользуются этими деньгами – греки, торгующие бакалеей, овощами, табаком, также пользу получают хозяева кофеен’.

Отрицательная форма настоящего времени на *-a* в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая, подвергаясь сужению, переходит в *-myj/-mi*: *Hökemät bunlarny tizräk tikšertsen çönki bez östemezgä jöklängän niğmätlärne köl itärgä telämimez* («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Пусть государство разберется с этим побыстрее, потому что мы не хотим потерять доставшееся нам благополучие’; *Anyñ räsmi cähätdän Törkiyägä mərbüt sanaluwy inglizlär öçen hiçber zarar tüdermi* («В.», 1915, № 1737, «Мисырда үзгәрешләр булырмы?», статья) ‘Тот факт, что официально он привязан к Турции не приносит никакого вреда англичанам’; *Läkin mäcles anyñ notyğyndan ešneñ asyl säbäben aңlamyj* («К.», 1918,

№ 1242, «Самара фронты», репортаж) ‘Однако собрание не понимает основной смысл его выступления’.

В текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» обнаруживается менее распространенная отрицательная форма настоящего времени на *-a*, оформленная посредством фонетического варианта отрицательной частицы с широким гласным *-maj/-mäj*: *Xalyqnyj... jözlärene üze-mezgä dündermäk maqsady berlä süz söjlämäjmez* («Б.Т.», 1906, № 37, «Мөгаллимлектә мәсләгемез яхүд мөгаллимләргә нәмунә», статья) ‘Мы не говорим с целью повернуть к нам лицо народа...’; *Rusijä, ğaskär häm aqça cähätendän quwätle bulğan Fransijä cömhürijätenej östke qujäfätenä qaramaj* («В.», 1909, № 480, «Хөкүмәтләр күрешүе», статья) ‘Россия не смотрит на внешнее состояние Французской Республики, которая сильна с точки зрения армии и денег’.

Значения настоящего времени на *-a* в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» обнаруживают определенное сходство со значениями данной формы в современном состоянии татарского литературного языка. Так, основным грамматическим значением рассматриваемой формы в текстах исследуемых нами газет является выражение имеющегося действия в рамках настоящего: *Bu taraflarda Dumağa sajlau digän närsäne išetkänemez juq sajlau ešläre bälki üteb dä kitkänder belmimez* («Б.Т.», 1906, № 56, письмо) ‘В этих краях мы не слышали о выборах в Думу, может быть выборы уже прошли, не знаем’.

Характерным условием употребления настоящего времени на *-a* для выражения действия, протекающего одновременно с моментом речи, является диалогическая или прямая речь: – *Mondan soj minem janymda jörmäweyne telim.. dide dä kämal ğazamät belän utyrğan jerendän tordy* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘– Я желаю, чтобы впредь ты не находился рядом со мной, – сказала она и с совершенным величием встала со своего места’; *Ul äjtä: “Min kamisijädä äğza buldyğym öçen bunarğa bik ähämiät biräm”* («К.», 1913, № 259, «Петербург мәктүпләре», очерк) ‘Он говорит: «По причине того, что я являюсь членом комиссии, уделяю большое внимание этому»’.

Рассматриваемая форма в текстах газет может функционировать и вне диалогической речи. Часто данная форма употребляется в текстах при повествовании о тех или иных событиях, либо описании какого-либо пейзажа, что придает авторскому повествованию актуальный

характер. При этом, нередко значение актуального времени в тексте подчеркивается посредством конкретизирующих, обстоятельственных слов *xäzer*, *xäzerendä*, *şimdi*, *şimdidä*, *şu an* ‘сейчас’ и т.д.: *Bu partijäneñ zurraq keşeläre bu eşneñ xata bulğanlyqyny söjläsälär dä xäzerendä arestawajt itelgänlär törlese törle törmälärdä **jatalar*** («Б.т.», 1906, № 31, «Вэгазь әйтүчеләр», заметка) ‘Более авторитетные представители этой партии, несмотря на то, что подчеркивают ошибочность данного решения, на данный момент арестованы и все пребывают в разных тюрьмах’; *Menä şularny küzdä totyb gaskäremez bu rajonlarda doşmanğa bik nuq **qarşy toralar** wä hiç ber adymny suğyşsyz **birmilär*** («В.», 1915, № 1842, «Сугышның барышы», статья) ‘Учитывая это, в данном районе наша армия жестко противостоит врагу и ни на шаг не отступают без сражения’; *Ystavkanuñ böten bilägän cire kartada öç qyjtgäğa **ujryla*** («К.», 1913, № 161, «Петербург мәктүпләре», очерк) ‘Вся территория выставки на карте разделяется на три части’.

Семантический потенциал настоящего времени на *-a*, активно функционирующего в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», кроме фокусирования на обозначении действия, происходящего в момент речи, в рамках того или иного контекста может приобретать и значения иного характера. Так, в текстах обнаруживается употребление рассматриваемой формы в контекстуальных значениях.

Контекстуальное значение настоящего времени на *-a* заключается в выражении настоящего расширенного времени. Так, рассматриваемая форма в текстах газет, передавая значение расширенного времени, может обозначать то или иное обычное, регулярно повторяющееся действие: *Alar şunda **eçälär**, **iserülär**, andan soñ irtägäsen irtük şul **eşkü kereşälär*** («Б.т.», 1906, № 34, «Шулай кирәкме?», статья) ‘Они там пьют, пьянеют, после этого на следующий день рано утром берутся за эту работу’.

Посредством рассматриваемой формы также происходит выражение бесспорных фактов, не нуждающихся в дополнительном доказательстве. Выражаемые в данном случае действия, как правило, приобретают вневременной оттенок и употребляются в текстах правил, поговорок, афоризмов и т.д.: *Zakaz jazğanda ütenämez sumyna 25 tijen zadatka birüñezne. Zadatkasyz zakaz **birelmi*** («В.», 1913, № 1178, объявление) ‘При подаче заказа просим оставлять задаток в 25 копеек на рубль. Без задатка заказы не принимаются’.

В текстах газет рассматриваемая форма настоящего времени регулярно употребляется для передачи действия, выражающего постоянный признак того или иного лица либо предмета: *älbätä, mösiäqyjl bjurokratija idaräse dä nizamsyz tora almyj* («К.», 1916, № 970, «Дәүләт думасы», статья) 'Конечно, самостоятельная бюрократия не может существовать без правил'.

Настоящее время на *-a* в текстах также может выражать ставшее нормой общепринятое действие: *Azyq närsälären diñgez arqyly ala torğan atağa utyrğan ber дәүләт суғышқа qatyşsa, doşman bu дәүләткә azyq kiliüwen tuqtatuny üzeneñ wazyjfasy sanyj* («К.», 1917, № 1086, «Германия баш везиренең нотыгы», отчет) 'Если какое-либо государство, расположенное на острове и получающее продукты питания по морю, вовлекается в войну, враг считает своей обязанностью остановить доставку продуктов этому государству'.

Кроме того, одним из контекстуальных значений настоящего времени является выражение переносных значений. Так, настоящее время на *-a* в текстах исследуемых нами газет выражает то или иное действие, следующее, непосредственно, за моментом речи. При этом, такие предложения, как правило, характеризуются наличием глаголов движения: *Bäs nişläjälem, bu biçara qardäşläremeze küz aldymyzda ačdan ütereb cänab Haq xäzrätä nä jöz ilä varamyz* («Б.т.», 1906, № 56, «Хәлемезә тасыф», статья) 'Итак, что нам делать, как мы предстанем перед Всевышним, позволив перед своими глазами умереть с голоду нашим братьям?'.

Характерной особенностью предложения, где настоящее время на *-a* выражает какое-либо действие, следующее, непосредственно, за моментом речи, является наличие в нем условного оборота, во второй части которого и зафиксировано функционирование формы на *-a*: *Inde başqa milätlärgä qarağanda bezneñ xacätläremez küb bulsa bezlärgä alardan artyq тырышмақ, çalyшмақ lazem buladyr* («Б.т.», 1906, № 28, «Яна мөхәррирдән», статья) 'Если уж по сравнению с другими народами наши потребности будут выше, то нам нужно будет стараться, работать больше них'.

Форма настоящего времени на *-a* в текстах газет также может употребляться в сочетании с модальными словами и частицами. Такие сочетания в текстах газет употребляются, как правило, для выражения значения предположения, сомнения и т.д., основанного на личных наблюдениях повествующего лица: *Menä nindi jaxşy qyz buldyñ,*

Ğajd kön jyg'larğa jaramağanlyqny belmisej axry! («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Вот какой хорошей девочкой стала, ты похоже не знаешь, что в Гае́т нельзя плакать!’.

При этом, сочетание формы настоящего времени на *-a* и модальных слов может выражать значения предположения и сомнения, которые передаются повествующим лицом со слов третьих лиц: *Laxvitskij öjäsentä tülänmägän zemskij aqčalar 36000 rublägä jeteşü ikän* («Б.т.», 1906, № 30, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Говорят, в Лохвицком уезде неоплаченные земские деньги достигают 36 000 рублей’.

Редко в текстах исследуемых нами газет форма настоящего времени на *-a* в рамках конкретного контекста может употребляться для обозначения действия, имевшего место в прошлом. Так, в приведенном ниже примере на прошедшее время указывает глагол в первом предложении, а также слово *märxüm* ‘покойный’: *Läkin Tuqaj märxüm bu dönjadan üz quly belän üzen qotqaruğa xäläf ide. Ul, şulaj uq kitabında “Qatyl näfäskä” särläüixäle mäqaläsensä menä ni äjtü:...* («К.», 1914, № 377, «Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр», статья) ‘Однако покойный Тукай стремился сам себя спасти от этого мира. Также, вот что он говорит в своей книге в статье с заголовком «Присоединяйся к дыханию»:...’.

В целом, если обратить внимание на употребление настоящего времени на *-a* в текстах старотатарских письменных памятниках, то его функционирование, с разной степенью распространения и параллельно с другими формами, употребляемыми для выражения действия, совершаемого в рамках настоящего, зафиксировано начиная с XIII века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 96, 172, 231, 272, 560]. В качестве показателя функционально-стилистической вариативности такое параллельное с другими формами употребление настоящего времени на *-a* продолжается вплоть до 20-х годов XX века. Как показывают тексты исследуемых нами газет, начиная с межреволюционного периода 1905–1917 гг., настоящее время на *-a* в текстах татароязычных письменных памятников постепенно вытесняет другие формы, и к современному периоду существования татарского литературного языка становится единственной формой [Татар грамматикасы, 2016, б. 116], функционирующей для выражения действия в настоящем.

Как видно из приведенного фактического материала, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» наиболее распространена форма настоящего времени на *-a*, осложненная аффиксами

третьего лица единственного и множественного числа. Эти формы активны при передаче какого-либо действия во всех жанровых группах. В частности, как показали приведенные нами примеры, авторы текстов активно используют рассматриваемые формы для передачи постоянного безотносительного к моменту речи действия, для выражения динамического характера описываемых событий, либо для актуализации настоящего времени с целью погрузить читателя в эпицентр событий в таких жанрах, как статья, корреспонденция, рецензия, репортаж, отчет, относящихся к информационным и аналитическим жанрам.

Форма настоящего времени на *-a*, осложненная грамматическим показателем первого лица единственного числа активно обнаруживается в текстах, где наблюдается повествование от первого лица. Как правило, это тексты писем, отчетов, интервью, очерков, фельетонов и тексты, относящиеся к жанру художественное повествование. В целом, рассматриваемая форма настоящего времени на *-a* активна в тех текстах, которые характеризуются наличием диалогической структуры и наблюдается повествование от первого лица.

Рассматриваемая форма, осложненная аффиксом второго лица единственного числа, также активно обнаруживается в текстах, с диалогической структурой. Как правило, это тексты, относящиеся к жанру интервью, а также тексты, составляющие художественно-публицистическую группу жанров.

Форма на *-jur*

Еще одной формой, функционирующей в текстах исследуемых нами газет для выражения действия, происходящего в рамках настоящего времени, является показатель *-jur*. Данная форма, на сегодняшний день активна в качестве показателя настоящего времени в тюркских языках, относящихся к огузской группе. Так, она функционирует в азербайджанском, туркменском, турецком и отчасти в гагаузском языках [Грунина, 1991, с. 156].

Функционирование показателя настоящего времени *-jur* в старотатарском литературном языке на разных этапах его развития имело разную степень распространения. Параллельно с другими показателями настоящего времени рассматриваемая форма сравнительно регулярно обнаруживается в письменных памятниках, относящихся к периоду Волжской Булгарии и Золотой Орды [Татар эдэби теле...,

2017, б. 98, 172]. Далее, в текстах письменных памятников, относящихся к периоду Казанского ханства и созданных в XVII–XVIII вв. присутствие рассматриваемой формы заметно ослабевает [Татар эдэби теле..., 2017, б. 231, 272; Негматуллоу, 1983, с. 139], что, в первую очередь, объясняется отсутствием прямых контактов с носителями огузских языков. Со второй половины XIX века в литературном языке снова активизируются огузо-турецкие языковые элементы. В частности, в текстах литературных произведений, оформленных на старотатарском литературном языке, начинает активно функционировать показатель настоящего времени на *-jur*. Несмотря на то, что данная форма определяется в качестве общетюркского традиционного языкового элемента, непосредственно на данном этапе развития татарского литературного языка, в вопросе проникновения в язык рассматриваемой формы, четко прослеживается роль османско-турецкого языка, который, к моменту формирования татарского национального языка, становится единственно возможным путем [Хаков, 1972, б. 101] для проникновения огузо-турецких языковых элементов в старотатарский литературный язык.

Доля огузо-турецких элементов, вошедших через османско-турецкое посредство, в старотатарском литературном языке заметно увеличивается в конце XIX века, в особенности на начальном этапе Первой русской революции, чему в какой-то степени способствует деятельность определенных политических сил. Однако уже в течении второго десятилетия XX века их доля уменьшается и начинается постепенный переход к использованию в языке народных разговорных языковых форм. Эту тенденцию, в частности, на примере употребления формы настоящего времени на *-jur*, удачно иллюстрируют тексты исследуемых нами газет.

Рассматриваемая форма является одной из характерных особенностей газеты «Борхане таракки», хронологические рамки издания которой, по сравнению с газетами «Вақыт» и «Кояш», относятся к чуть раннему периоду. Немаловажную роль в формировании грамматического состава языка газеты «Борхане таракки» также сыграло и географическое расположение города Астрахань, где она издавалась. Здесь связи с туркестанскими мусульманами, а также, через крымско-татарское посредство, с представителями Турции были налажены лучше, чем в какой-либо другой точке России. В результате можно констатировать, что форма на *-jur*, наряду с показателем настоящего

времени на *-a*, для газеты «Борхане таракки» определяется в качестве ядерного грамматического элемента, формирующего систему личных форм глагола.

Кроме того, что форма настоящего времени на *-jur* довольно широко представлена в текстах газеты «Борхане таракки», в них также регулярно обнаруживается осложнение рассматриваемой формы аффиксами лица. Исключением является лишь показатель второго лица единственного числа, который, в принципе, вне зависимости от того, с каким временным показателем сочетается, встречается в текстах газет редко. Это объясняется особенностью рассматриваемого показателя лица, согласно которой он, ввиду своего использования, как правило, в диалогических конструкциях и в составе прямой речи, не является характерным для газетного текста в целом. При этом, учитывая функционирование формы настоящего времени на *-jur* в огузских языках, часть аффиксов лица, сочетающихся с рассматриваемой формой и обнаруживающихся в текстах, также являются фонетическими вариантами показателей лица, характерных для огузских языков, в частности для турецкого литературного языка:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	-um	-uz
2 л.	n/o	-syz, suňuz
3 л.	—	-lar

Первое лицо единственного числа настоящего времени на *-jur*, в отличие от подобной конструкции в рамках настоящего времени на *-a*, в текстах газеты «Борхане таракки» образуется при помощи аффикса лица *-um*, характерного для огузских языков, в частности для современного турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 224]: *Juldaşymdan soradym mulla äfände buraja ni öčen kilmeş dijä ul da häjer äfändem belmijurym... dijä cawab virde* («Б.т.», 1907, № 75, «Тасыфлы вакыйга», письмо) ‘Я спросил у моего спутника, с какой целью сюда пришел господин мулла, а он ответил, нет, господин, я не знаю...’.

Первое лицо множественного числа в текстах газеты «Борхане таракки» образуется посредством аффикса лица *-uz*, также употребляющегося в соответствующей функции в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 224]: *İğlan idijuryz wä möxtäräm möštäriläremezgä täqdim qylamyz...* («Б.т.», 1911, № 139, «Кондитерская

П.К. Симоненко», объявление) ‘Объявляем и предлагаем нашим уважаемым клиентам...’.

Форма **второго лица множественного числа** настоящего времени на *-jur* в текстах газеты представляет собой смешанную форму, где показателем времени выступает огузская форма, а показателем лица является предикативный местоименный формант *-suz*, характерный для узбекского, уйгурского, казахского, каракалпакского, татарского и т.д. языков, а не его квазистоименный огузский вариант *-synuz/-senez*, функционирующий в турецком, азербайджанском, гагаузском, туркменском и т.д. языках [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 394]: *Ant itkän ulsanıyuz xanis ulyb jäminеjezdän çyğunyuz lazemder, juq isä nigä bu qadär inkar idijursyz?* («Б.т.», 1906, № 54, «Муллаларга бөйлә эш лаекмы?»), письмо) ‘Если вы клялись, вы должны отречься, как нарушитель клятвы, если же нет, почему отрицаете до такой степени?’.

В **третьем лице единственного числа** настоящего времени на *-jur* в текстах газеты «Борхане таракки», как и в других парадигмах времен, зафиксировано функционирование нулевой формы аффикса, как значащего отсутствия показателя: *Ätraftan siparyş häm qabul ulynyjur* («Б.т.», 1906, № 54, «Тэфэййез китапханәсе», объявление) ‘Занказы и передачи принимаются со стороны’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет, как и в преобладающем большинстве тюркских языков, характеризуется употреблением показателя числа *-lar* для передачи значения лица: *...niçä törle külmäge žikety, wä diplomaty bula toryb da tunlar tektermäjä xäzerlängän xanymlar, törle moda kijemlär artyndan gizän bajlar, wä ğajrelär, belijur-larmy?! Juq. Meñ märtäbä juq* («Б.т.», 1906, № 56, «Хәлемезә тасыф», статья) ‘...женщины, которые готовятся шить шубы, несмотря на то, что у них есть много разных платьев, жакетов и дипломатов, богачи, следующие за разными модными одеждами и другие такого рода люди, они знают это?! Нет. Тысячи раз нет’.

Отрицательная форма настоящего времени на *-jur* в текстах газеты «Борхане таракки», как и всех других времен, образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая, подвергаясь сужению, в зависимости от основы конкретного слова, переходит в *-myj/-mi*: *Juqsa bez ällä nindäj fikerlär artyndan ijäreb millätemezej kiräklärene baqtaj jörsäk bezgä majmun dimäkdän başqa isem dä qalmyjur* («Б.т.», 1907, № 75, «Иске фикер», статья) ‘В противном случае, если мы, идя на поводу у каких-то мнений, не будем заниматься делами нашего

народа, то для нас не останется другого имени, кроме как называть нас обезьянами’.

Для грамматической системы текстов газет «Вақыт» и «Кояш», хронологические рамки издания которых затрагивают в большей степени второе десятилетие XX века, форма настоящего времени на *-jur* определяется лишь как вспомогательная. При этом, на примере текстов данных газет мы наблюдаем начавшийся в письменном литературном языке рассматриваемого периода процесс перехода к использованию разговорных норм в качестве литературных.

Естественно, такого рода процессы не протекают одновременно, в связи с чем в текстах газеты «Кояш», оформленных на огузотурецком варианте старотатарского литературного языка, в качестве исключения все еще обнаруживается минимальное количество примеров употребления показателя настоящего времени на *-jur*. Так, в одном из текстов, опубликованных в газете, обнаруживается функционирование формы на *-jur*, осложненной аффиксом **первого лица множественного числа** и аффикса отрицания *-ma/-mä: Jähüdi, qaraim ğaskärlärenen cenazalary täğzyjm ilä däfen ulynur; böten säbäbene ničin sormajuryz?* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәжлесә», отчет) ‘Тела еврейских и караимских солдат хоронятся с почтением, почему мы не спрашиваем всех причин?’.

Также в рассматриваемом тексте форма на *-jur*, употребляясь в **третьем лице единственного числа**, функционирует при выражении отнесенности действия к неделимому множеству лиц, не участвующих в речи: *Waqytymuz – täräqyj zamany uldyğy öçen milät buny bez-dän istäjur* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәжлесә», отчет) ‘Из-за того, что наше время – это эпоха прогресса, наша нация ждет от нас этого’.

Данный текст относится к информационному жанру отчет, где, основываясь на принципы формирования такого рода текстов, приводятся дословные отрывки из речи лиц, выступающих на описываемом мероприятии. Именно этим фактом и объясняется функционирование в тексте, не характерного для грамматической системы газеты, показателя настоящего времени на *-jur*. При этом, как можно наблюдать, в отличие от примеров, обнаруживающихся в газете «Борхане таракки», где показатель настоящего времени присоединяется к глагольной основе только через гласные *y/i* (*qalma – qalmyjur, bel – belijurlarmy*), то в тексте, опубликованном в газете «Кояш» для

присоединения показателя времени к основе глагола используется пара гласных *a/ä* (*sorma – sormajuryz, istä – istäjur*).

Показатель настоящего времени на *-jur* не является ядерным элементом и для морфологической системы текстов газеты «Вақыт», что также иллюстрирует начавшийся в рамках старотатарского письменного литературного языка рассматриваемого периода постепенный отход от употребления огузо-турецких грамматических элементов и переход к использованию разговорных языковых форм. Так, в текстах газеты «Вақыт» зафиксировано крайне пассивное функционирование показателя *-jur*. В качестве примера можно привести употребление рассматриваемой формы в **первом лице единственного числа**: *Däresläremä... ilkbaharda başlana beläčäkne tasvir idijurym* («В.», 1912, № 942, «Төркия хэбэрләре», очерк) ‘Я представляю, что смогу приступить к занятиям весной...’.

Также в текстах газеты «Вақыт» было зафиксировано употребление рассматриваемой формы настоящего времени в **первом лице множественного числа**: *Ber дәгел här berejez jöz xajwan üzejez öčen tärbijä ideñ ber kälimä süjljuryzmy?* («В.», 1910, № 595, «Бохара эхвалендән», очерк) ‘Пусть ни один, а каждый из вас для себя заводит сто животных, мы разве что-нибудь говорим?’.

Кроме того, нами было зафиксировано выражение **второго лица множественного числа** в текстах газеты «Вақыт» посредством показателя *-сулуз*, характерного для огузских языков [Негматуллоев, 1983, с. 83] и функционирующего в некоторых кыпчакских языках Средней Азии, таких как казахский, каракалпакский, а также в чуть ином фонетическом варианте в башкирском языке [Гаджиева, 1975, с. 183] и в диалектах татарского литературного языка [Атлас тат. нар. гов., 2015, с. 316]: *Paša üzenä täqdim itelgän xanımlardan başda: “Törekčä tükälem idijurmısuñuz?” dib sorryj* («В.», 1909, № 438, «Петербургта Ләйләи Шәркыя вә мосафир төрек пашалары», статья) ‘Сначала паша спрашивает у предложенных ему женщин: «Вы говорите по-турецки?»’.

Как мы подчеркивали ранее, редактором газеты «Вақыт» был Фатих Карими, следовательно, тексты газеты, в том числе и на грамматическом уровне, находились под его вниманием. Между тем, будучи писателем, Фатих Карими является автором таких произведений, как «Аурупа сәяхәтнамәсе» («Путешествие по Европе», 1902) и «Кырыма сәяхәт» («Путешествие в Крым», 1904), написанных им

на начальном этапе своего творчества. На грамматическом уровне язык этих произведений характеризуется активным употреблением показателя настоящего времени на *-jur* [Мирхаев, 2003, с. 56], чему, в определенной степени, поспособствовали и годы, проведенные Фатихом Карими в образовательных учреждениях Турции. Однако в дальнейшем, рассматриваемая форма не становится отличительной чертой текстов газеты «Вақыт», в частности, и текстов серии путевых очерков «Истанбул мәктүпләре» («Стамбульские письма»), опубликованных в 1912 – 1913 гг. в газете «Вақыт», а далее в формате книги.

По своему семантическому потенциалу форма настоящего времени на *-jur* близка к форме на *-a* и выражает похожие смысловые значения, однако в текстах газет получила менее активное распространение. Ввиду крайне ограниченного распространения рассматриваемой формы в текстах газет «Вақыт» и «Кояш», семантическое функционирование формы на *-jur* мы рассмотрим на основе текстов, относящихся к газете «Борхане таракки».

Основным значением рассматриваемой формы является выражение действия, протекающего одновременно с моментом речи. В этом значении форма настоящего времени на *-jur* в текстах газеты «Борхане таракки» выступает в качестве грамматического синонима показателя *-a*, который является основным показателем настоящего времени в современном татарском литературном языке. Следует подчеркнуть, что при этом, одним из характерных условий употребления формы на *-jur* является диалогическая конструкция либо прямая речь: *Finlandijada iqamät idän möselman cämägäte tübändäge mäktübneñ gazetalarda därc wä iğlanınu rica idijurlar* («Б.т.», 1911, № 145, «Дикъкать вә сакынмак кирәк», письмо) «Проживающее в Финляндии мусульманское общество просит публикацию и анонсирование в газетах нижеследующего письма».

Наиболее распространенным контекстуальным значением рассматриваемой формы, обнаруживающейся в исследуемых нами текстах, является выражение регулярного действия, не относящегося к моменту речи. В данном значении форма на *-jur* употребляется, как правило, при выражении действия, осуществляемого в рамках отсутствующей конкретной ситуации: *Berdän bez ğotum möselmanlarnıñ cämğyjäte, ikençedän juaşlyğy beze mämurijätneñ tyrnağyndan xälas itmijur...* («Б.т.», 1907, № 79, «Конфисковать ителү», статья) «Во-

первых, мы общемусульманское общество, во-вторых, его доброта не освобождает нас от должностных когтей’.

В текстах газеты «Борхане таракки» показатель настоящего времени на *-jur* может употребляться при выражении какого-либо непрерывного продолжительного действия, начавшегося в определенную временную точку до момента речи и продолжающегося в рамках настоящего времени: *Bu qarar böten matbuğat wasitasıylä iğlan idelgän ide. Hänüz qolaqğa alynmıjur* («Б.т.», 1906, № 45, заметка) ‘Данное решение было объявлено посредством всей периодической печати. Но к нему все еще не прислушиваются’.

Показатель *-jur* в текстах газеты функционирует и при выражении значения того или иного действия, следующего, непосредственно, за моментом речи. Характерной особенностью выражения такого значения является употребление рассматриваемой формы с глаголами движения: *“Ходaj birde peçän çартаğa, täñre birde belem таратмаğa, sobхан birde qarbyz satмаğa” dib çyğyb kidıjurlar* («Б.т.», 1906, № 39, письмо) ‘Говорят «Бог дал сено, чтобы косить, Тенгри дал знания, чтобы распространять, Всевышний дал арбуз, чтобы продавать», затем выходят и исчезают’.

Таким образом, форма на *-jur*, характерная для огузских языков, в частности современного турецкого литературного языка, является показателем огузизованного варианта старотатарского литературного языка рассматриваемого периода и определяется в качестве грамматического элемента, подчеркивающего наличие в ней функционально-стилистической вариативности. В текстах исследуемых нами газет она употребляется параллельно с формой на *-a*, являясь ее грамматическим синонимом. Показатель *-jur* определяется в качестве ядерного элемента системы личных форм глагола языка текстов газеты «Борхане таракки». В текстах газет «Вақыт» и «Кояш» она употребляется лишь в качестве исключения.

Форма на *-maqda*

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» для выражения определенного семантического оттенка настоящего времени регулярно употребляется показатель *-maqda*. Как можно наблюдать, по своей структуре он является сочетанием имени действия на *-maq* в местно-временном падеже и показателя лица. Форма на *-maqda* определяется в качестве характерной особенности именно газетных

текстов [Кононов, 1956, с. 230]. В первую очередь это объясняется спецификой газетного текста, где в определенных контекстуальных условиях, для выражения какого-либо действия в рамках настоящего времени, в плане своей семантики рассматриваемая форма является наиболее подходящей.

Рассматриваемая форма определяется в качестве грамматического элемента, являющегося характерной особенностью огузских языков, в частности она активна в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 229]. Кроме того, ее функционирование зафиксировано в туркменском, крымско-татарском, уйгурском языках, а также в некоторых диалектах каракалпакского языка [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 167]. Для современного татарского литературного языка, форма на *-maqda* не характерна, однако в некоторых говорах среднего диалекта обнаруживается форма на *-уда* [Юсупов, 2004, с. 326], которая по своему семантическому характеру соответствует значению, передаваемому показателем *-maqda*. При этом, форма на *-maqda* обнаруживается в текстах старотатарских письменных памятниках, созданных в XIX – начале XX вв. в результате османского влияния [Негматулло, 1983, с. 139]. В особенности это касается раннего периода творчества Г. Тукая [Бәширова, 2008, б. 168]. Однако ее окончательного утверждения в языке не происходит.

Показатель настоящего времени на *-maqda* в текстах исследуемых нами газет имеет менее активное распространение по сравнению с формой на *-a*, что связано с ее более узкой семантической структурой, и определяется в качестве показателя влияния на язык османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода. Наиболее активна она в текстах газеты «Борхане таракки».

Рассмотрим показатели лица, функционирующие с формой настоящего времени на *-maqda* в рамках исследуемых нами газет в нижеследующей таблице:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-myn/-men</i>	<i>-myz/-mez</i>
2 л.	<i>н/о</i>	<i>н/о</i>
3 л.	<i>-dyr/-der, _</i>	<i>-lardyr/-lärder, -dyrlar/-derlär, -lar/-lär</i>

Характерной особенностью ее функционирования в текстах является употребление, как правило, в **третьем лице единственного числа**: *...xalyqny qotyrtu sajšäsendä sin qyzylbaş, min möselman, ul mişär, tege noğaj digän... ajšylyşu sala torğan süzlär söjlänmäkdäder* («Б.т.», 1906, № 39, «Белмэк лазым», статья) ‘...с целью раздражить народ, звучат такие, вносящие разлад, слова, как ты – кызылбаши, я – мусульманин, он – мишарин, тот – ногаец...’; *Atsročka belän faj-dalanu ilä soñğy waqyjğada ğaskärlekkä alyñğan matbağa xadimläre-mezne janıdan üz xedmätlärenä qajtaru haqında ictihad itelmäkdäder* («В.», 1917, № 2247, «Оренбург хэбэрлэре», заметка) ‘Работников типографии, призванных в армию в связи с использованием отсрочки, стараются снова вернуть к своим обязанностям’; *...Iran xökümäte-neñ Äzerbäycanny üzenä bäğlarğa ğajät ähämiğät birgänen kürsütmäk-däder* («К.», 1915, № 656, «Иран эшлэре», статья) ‘Это указывает на уделение большого внимания Иранским правительством вопросу присоединения Азербайджана...’.

При этом, после глагольных основ с широким гласным прибавляется аффикс *-maqda*, после основ с узким гласным – вариант *-mäkdä*. В отличие от других временных форм изъявительного наклонения, форма на *-maqda*, изначально будучи именной формой, в третьем лице, в преобладающем большинстве случаев, осложняется показателем сказуемости *-dyr/-der*. Однако редко обнаруживаются примеры, где рассматриваемая форма функционирует без данного аффикса: *Jänä dä möselman qardäşläremez, başqa milätlärgä ğyjbrät küzläre ilä qarab šähäremezdä, mäktäb wä mädräsälär bina qylmağa čalyşmaqda* («Б.т.», 1906, № 39, «Белмэк лазым», статья) ‘Братья мусульмане, глядя на другие народы с точки зрения образования, стараются строить школы и медресе’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет имеет менее распространенное употребление и оформляется при помощи аффикса множественного числа *-lar/-lär*, который в данном случае указывает не на лицо, а на согласование в числе. При этом, порядок присоединения аффикса *-dyr/-der* и показателя числа в примерах может отличаться: *Cönki här syjnyf xalyq üz xällären üzläre tikşermäkdä wä üzläre öçen üzläre čalyşmaqdayrlar* («Б.т.», 1906, № 56, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хэзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘Потому что каждый класс населения сам проверяет свои дела и сами для себя работают’; *Bälkem alar sezneñ “Altyn” belän “Neft” biletlaryñyz*

barlyğyn belmükdälärder («В.», 1913, № 1240, фельетон) ‘Возможно они знают о наличии у вас билетов «Алтын» и «Нефть»»; ...*här jyl meñlärçä adämlär Ufa, Orenburg, Ćiläbe tarafyna käseb öçen baryb, jaxşy ġyna aqça alyb qajmaqdalardyr* («К.», 1913, № 26, «Өяздә һөнәр вә кәсеп», корреспонденция) ‘... ежегодно тысячи людей отправляясь на заработки по направлению в Уфу, Оренбург, Челябинск, привозят хорошие деньги’.

Реже в текстах газет обнаруживается оформление третьего лица множественного числа настоящего времени на *-maqda* без аффикса *-dyr/-der*: ...*kiräk zemskij sud bulsyn, kiräk nindäjen sudğa bulsyn bireb az ġyna ber cäza birüçedän dä äñfäg almaqdalar* («В.», 1912, № 932, «Башкортлар вә маскарад», статья) ‘Они получают пользу даже от того, кто предписывает минимальное наказание, подавая будь то... в земский суд, в любой нужный суд’.

Как мы отмечали выше, в преобладающем большинстве случаев, как и в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 230], форма на *-maqda* употребляется в третьем лице. Однако в текстах обнаруживаются редкие примеры функционирования рассматриваемой формы в других лицах. Так, нами было зафиксировано употребление формы на *-maqda* в **первом лице единственного числа**. В данном случае спряжение осуществляется посредством полного варианта аффикса лица *-myn/-men*: *Qyzlar gimnazijäseneñ açyluwı mönäsäbäte belän... xosusıj zatlar tarafyndın bu köngä qadär täbrik telegram wä xatlar alyb tormaqdamın* («К.», 1917, № 1073, письмо) ‘В связи с открытием женской гимназии... я до сегодняшнего дня продолжаю получать поздравительные телеграммы и письма от частных лиц’.

Для передачи значения действия, отнесенного ко множеству лиц, одним из которых является говорящий, и, тем самым, реализации формы **первого лица множественного числа**, в текстах исследуемых нами газет употребляется аффикс лица *-mız/-mez*, который определяется в качестве элемента общетюркской традиционной языковой нормы и характерен для всех текстов литературных произведений, созданных в конце XIX – начале XX вв. на старотатарском литературном языке [Бәширова, 2008, б. 174]: *Ämma jaznuñ nindäj esse könlärenädä 12 – 14 är säğat eñläb tabqan aqçalarımızny juq urynlarğa saryf iteb fajdasın kürmämäkdämez* («Б.Т.», 1906, № 57, «Ачлык вә ногай кардәшләремез», статья) ‘Но мы не видим пользы от денег,

заработанных нами работая по 12 – 14 часов в такие жаркие летние дни, тратя их куда попало’.

Как видно, в приведенном примере форма на *-maqda* функционирует в отрицательной форме (*kürmämäkdämez* ‘не видим’), которая реализована посредством употребления отрицательной частицы *-ma/-mä*.

На семантическом уровне форма на *-maqda* в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» не характеризуется широким спектром значений. Она обозначает длительное действие в рамках настоящего, которое не приобретает постоянный, регулярный характер, либо оттенок обыденности: *Gimnazija wä universitetlar jabylgan buş xäldä jatmaqdadyr* («Б.т.», 1906, № 56, «Уткэн гомерем вэ караңгылык. Хэзерге хэлем вэ шатлык», очерк) ‘Гимназии и университеты находятся в закрытом, пустом состоянии’; *Permdän xäbär bireldegenä kürä, mondağy möselmanlar arasyn da ruxly ber fäğäljät kürelmäkdäder* («В.», 1909, № 486, «Пермь мөселманнары», обзор периодической печати) ‘Как сообщается из Перми, среди местных мусульман наблюдается какая-то духовитая исполнительность’; *Möhacirlärne urnaşdyru öçen “Kyrkkilise”dä täşkil itkän cämğyjät, kamil ğajrät ilä eş kürmäkdäder* («К.», 1914, № 388, «Македония мөһажирләре», заметка) ‘Общество, созданное в Кырккилисе для размещения переселенцев, работает с предельным усердием’.

Как видно, с одной стороны, форма на *-maqda* является незаменимым показателем настоящего времени при выражении длительного действия, не приобретающего потоянный характер и определяется в качестве особенности газетного текста. Однако в то же время внимания заслуживает и факт ее проникновения в текст татароязычной периодической печати начала XX века, и старотатарского письменного литературного языка в целом, через османско-турецкое посредство, которое говорит о наличии определенного внешнего влияния на язык. При этом, наиболее активно функционируя в текстах периодической печати, показатель настоящего времени на *-maqda* подчеркивает наличие в старотатарском литературном языке рассматриваемого периода функционально-стилистической вариативности.

Как видно из материалов, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» зафиксировано функционирование трех показателей настоящего времени изъяснительного наклонения. Наи-

более активной является форма на *-a*, характерная для современного татарского литературного языка. Параллельно с данной формой в текстах обнаруживается функционирование формы на *-jur*, являющейся особенностью огузских языков, в частности османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода, посредством которого она и попадает на рубеже XIX-XX вв. в грамматическую систему старотатарского литературного языка и в частности в язык татароязычной периодической печати. Данная форма наиболее активна в текстах газеты «Борхане таракки». Это обусловлено большим влиянием османско-турецкой культуры и языка через крымско-татарское посредство на редакторов и язык газеты. В текстах газеты «Вақыт», редактором которой был Фатих Карими, форма на *-jur* имеет крайне ограниченное распространение. Хотя он проходил обучение в образовательных учреждениях Турции, свободно владел турецким языком и на начальном этапе своей творческой деятельности активно использовал в текстах грамматические и лексические элементы, присущие османско-турецкому языку рассматриваемого периода. Кроме того, в текстах исследуемых нами газет зафиксировано употребление формы настоящего времени на *-maqda*, также характерной для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода. Данная форма является наиболее подходящим показателем настоящего времени для применения в газетном тексте с целью передачи длительного действия в рамках настоящего, которое не приобретает постоянный, регулярный характер, либо оттенок обыденности. Функционирование нескольких форм настоящего времени подчеркивает имевшееся влияние османско-турецкого языка, а также является дифференциальным признаком функционально-стилистической вариативности языка газетных текстов.

В целом, в текстах газет, не зависимо от формы, наблюдается более активное функционирование настоящего времени, осложненного аффиксами третьего лица. Такие формы употребляются авторами для выражения какого-либо действия во всех жанровых группах. В частности, как показал наш анализ, авторы текстов активно используют рассматриваемые формы для передачи постоянного безотносительного к моменту речи действия, для выражения динамического характера описываемых событий, либо для актуализации настоящего времени с целью погрузить читателя в эпицентр событий

в таких жанрах, как статья, корреспонденция, рецензия, репортаж, отчет, относящихся к информационным и аналитическим жанрам.

Формы настоящего времени, осложненные грамматическим показателем первого лица единственного числа, активно обнаруживаются в текстах, где наблюдается повествование от первого лица. Как правило, это тексты писем, отчетов, интервью, очерков, фельетонов и тексты, относящиеся к жанру художественное повествование. В целом, основным условием функционирования рассматриваемой формы является наличие диалогической структуры либо прямой речи. Формы настоящего времени, осложненные аффиксом второго лица единственного числа, также активно обнаруживаются в текстах, с диалогической структурой. Как правило, это тексты, относящиеся к жанру интервью, а также тексты, составляющие художественно-публицистическую группу жанров.

Будущее время

Будущее время, подобно прошедшему и в противовес настоящему времени, на семантическом уровне характеризуется наличием временной продолжительности, временной перспективы. При этом, в зависимости от наличия такой временной перспективы, будущее время в текстах исследуемых нами газет выражает либо весь временной объем действия в целом, либо концентрируется на какой-либо конкретной временной точке в будущем. Следовательно, в первом случае в текстах используется форма на *-ур*, а во втором случае функционирует показатель *-абад*.

В текстах газет будущее время, в зависимости от контекстуального фона, как и другие временные формы, может характеризоваться семантической непостоянностью и функционировать в значении других времен. При этом, одним из наиболее ярких особенностей употребления форм будущего времени в текстах исследуемых нами газет, по которым они противопоставляются современному состоянию татарского литературного языка, является их спряжение по лицам и образование отрицательных форм.

Форма на *-ур*

Одной из наиболее широко распространенных и отличающихся своей полисемантической временных форм, функционирующих в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» является пока-

затель будущего времени на *-ур*. Основой для нее служит причастие на *-г*. Показатель *-ур* представляет собой универсальную грамматическую форму, характерную для всех тюркских языков. При этом, если в преобладающем большинстве тюркских языков [Юсупов, 2004, с. 362], в том числе и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 129], рассматриваемая форма употребляется для передачи значения будущего времени, то, к примеру, в турецком литературном языке она является одной из форм настоящего времени [Кононов, 1956, с. 225].

Как мы подчеркивали выше, в текстах исследуемых нами газет форма на *-ур* характеризуется активным употреблением, однако наиболее широко она представлена в текстах газеты «Борхане таракки». Это объясняется тем, что ее семантическое поле в рамках данной газеты имеет более широкие границы. Так, в отличие от текстов газеты «Вақыт» и «Кояш», здесь форма на *-ур* более активна при передаче значения обычного, постоянного действия, либо регулярного, закономерного характера лица. Кроме того, в текстах газеты «Борхане таракки» она также употребляется при выражении действия, совпадающего с моментом речи.

Распространение форм будущего времени на *-ур*, осложненных аффиксами лица, в текстах газет имеет неоднородный характер. Наиболее активны глаголы, характеризующиеся наличием аффиксов первого лица множественного числа, а также третьего лица обеих чисел. Функционирование формы на *-ур*, спряженной с аффиксом второго лица единственного числа нами не зафиксировано, что объясняется ее нехарактерностью для газетных текстов:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-мун/-мен, -ум/-ем</i>	<i>-мыз/-мез, -быз/-без, -ыз/-ез</i>
2 л.	<i>н/о</i>	<i>-сыз/-sez, -сыңыз/-señez</i>
3 л.	–	<i>-лар/-lär</i>

Первое лицо единственного числа будущего времени на *-ур* в текстах исследуемых нами газет образуется, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 129], посредством присоединения к основе глагола аффикса *-мун/-мен*: *Min üzem 3 nçe klasqa urnaşyrmyn ...häм аңар хезмät itärmen* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Сам я устроюсь в 3 классе ...и

буду ему помогать»; *Jyğlasan çyğaryb qar eçenä taşlarmyn!* («В.», 1915, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) 'Если будешь плакать, выброшу в снег'; *Bu qararlarnyñ täfsilatyn kiläse nomerda jazarmyn* («К.», 1914, № 303, «Халык мәгарифе эше берлә учительләр съезды», отчет) 'Разъяснение этих решений я опишу в следующем номере'.

В редких случаях в текстах газеты «Борхане таракки» и «Вақыт» для выражения первого лица единственного числа наблюдается употребление усеченного варианта личного аффикса *-um/-em*, который характерен для огузских языков, в частности для турецкого литературного языка [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 394]: *...häm ajruça teşekür idärem* («Б.т.», 1906, № 54, «Шураи Ислам эгъзаларына бер ничә сүз», статья) '...и в особенности благодарю'; *Min iiz tarafymdan sezgä jer mäsiläsändän xäbärdar ber keşe jebärem* («В.», 1912, № 970, «Губернатор жәнәпләре вә Каргалы меселманлары», отчет) 'Я, со своей стороны, направлю вам человека, проинформированного в земельных вопросах'.

Первое лицо множественного числа в текстах газет является одной из наиболее широко распространенных форм. Как правило, она образуется при помощи аффикса *-myz/-mez*, который определяется в качестве элемента традиционной языковой нормы: *Ägär ul program bujynça ğatäl qyly mömkin ulmasa anda qararmyz* («Б.т.», 1907, № 75, «Иске фикер», статья) 'Если не получится действовать по данной программе, тогда посмотрим'; *Ul haqda söjläşergä ölgerermez äle* («В.», 1913, № 1240, фельетон) 'Еще успеем поговорить об этом'; *...ajaqlı mallalarymyzny fäqat aqçağa ğyna almaşdyrğan bulymyz* («К.», 1913, № 259, «Күмелгән акча», статья) '...окажется, что мы обменяли наших копытных животных только на деньги'.

Вариант аффикса лица *-myz/-mez* функционирует в текстах письменных памятников, созданных на старотатарском литературном языке вплоть до 20-х годов XX века, когда вытесняется из употребления разговорным вариантом *-byz/-bez*. Между тем, употребление варианта *-byz/-bez* активно обнаруживается в текстах газеты «Кояш» и свидетельствует о начавшемся в литературном языке переходе от употребления традиционных языковых форм к использованию языковых норм, устоявшихся в татарской разговорной речи: *Söjläşkänebez juq, bälki xat berlän mörəcəğat itürbez* («К.», 1913, № 26, «Дума члены

Әхтәмов берлә ултырышу», интервью) ‘Не разговаривали, возможно обратимся через письмо’.

В текстах газеты «Борхане таракки», хотя и редко, обнаруживается оформление первого лица множественного числа при помощи усеченного варианта аффикса лица *-yz/-ez*, характерного для огузских языков, в частности для турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 226], что может расцениваться как влияние на старотатарский литературный язык и язык татарской периодической печати рассматриваемого периода в частности, османско-турецкого литературного языка начала XX века: ...*malymyzy mödafäğa itmäk öçen nä möğämälädä bulynyryz* («Б.т.», 1907, № 759 «Шураи Госмания», статья) ‘В каких отношениях мы будем для того, чтобы сохранить свое имущество...’.

Подобная ситуация наблюдается и при передаче **второго лица множественного числа** будущего времени на *-ur*. В текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» наиболее активно функционирует аффикс лица *-syñyz/-señez*, определяющийся в качестве показателя лица, характерного для огузских языков [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 394]: *Ütenämen – miña iltifat itmäskä, läkin bar iltifatynyzy Kelller äfändejä saryf idärseñez* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Умоляю – не обращайтесь на меня внимания, но все ваше внимание направьте на товарища Келлера!’; *Aurupa ilçexanälärenä baryb syğynğan iskelärne Aurupa ilçeläre: “Ğadi sudlarda xökem idärseñez. Ütermässeñez wä sud waqytynda Aurupa ilçelärendän wäkillär kerteseseñez” dib şartlar kujyb ğyna xökemgä birdergän ide* («В.», 1909, № 507, «Иран», заметка) ‘Европейские послы выдали для суда старослужащих, получивших укрытие в европейских посольствах, только с условием: «Судите в простых судах. Не убивайте и пустите на суд представителей европейских посольств»’.

Хотя такой вариант аффикса второго лица множественного числа на сегодняшний день и не характерен для татарского литературного языка, его функционирование зафиксировано в некоторых диалектах, в частности, в грамматической системе барабинского диалекта сибирских татар [Юсупов, 2004, с. 353; Атлас тат. нар. гов., 2015, с. 316]. За пределами татарского языка аффикс *-syñyz/-señez*, с определенными фонетическими изменениями, обнаруживается в башкирском [Грамм. совр. башк..., 1981, с. 281] и крымско-татарском языках [Юсупов, 2004, с. 354].

В текстах газеты «Кояш» для выражения действия, которое будет исполнено множеством лиц, одним из которых выступает адресат, употребляется аффикс *-syz/-sez*, на сегодняшний день функционирующий в грамматической системе татарского литературного языка, что также подчеркивает стремление редакции газеты к использованию в своем языке разговорных элементов, более близких для широких народных масс: *Menä şuşyndyj mämurlarny kürgäç inde sez palaklarnyñ ruslarğa doşman buluçyqlaryna ber dä gacäblänä almassyz* («К.», 1916, № 928, «Дәүләт думасы», статья) ‘Если вы увидите вот таких служащих, то вы уже не сможете удивиться тому, что поляки враждуют с русскими’.

Третье лицо единственного числа будущего времени на *-ur* в текстах газет, подобно языковой традиции, имеющейся в преобладающем большинстве тюркских языков, характеризуется отсутствием специального грамматического показателя: *Bu qadär kotçyqğyç dähşätle waqyjğalaryny küz aldyna kiterib qıjsaq beñ märtäbä jazu meñ märtäbä išetü dä az bulyr* («Б.т.», 1907, № 75, статья) ‘Если мы представим перед глазами эти грозные душераздирающие события, то написать тысячу раз и услышать тысячу раз будет мало’; *Üz tupraqyndan ütkäreb jebäregä... razyj bulmasa any cäberläb tabtab ütärgä tijeş bulyr* («В.», 1915, № 1768, «Инкыйлаф дәүләтләре вә Юнанистан», статья) ‘Если они не будут согласны... провести через свои земли, он будет вынужден пройти унизив и растоптав’; *Bu suğyşnyñ täkrar bulğanyn qajçan da bulsa dönja tağyn kürerme?* («К.», 1915, № 858, «Шәрәкъ сугыш мәйданында», заметка) ‘Мир когда-либо еще увидит повторение этой войны?’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет, как и в современном татарском литературном языке, выражается при помощи аффикса множественного числа *-lar/-läär*: *Şul waqytda bezneñ mulalar da bu eşlärgä iştirak itürlärme* («Б.т.», 1907, № 89, «Безнең муллалар чиновниклармы? Яхуд дини рәисләрме?»), статья) ‘После этого будут ли и наши муллы участвовать в этих делах?’; *Anda baryb iñ äwäl rus-törek kamitety äğzalary belän küreşeb möşäwärit itürlär* («В.», 1914, № 1514, «Төркиядә кымызчылык», статья) ‘Поехав туда, в первую очередь встретятся и посоветуются с членами русско-турецкого общества’; *Anasyndan ğyna möselman bājrämlären soraşyb belä ala torğan, ruslaşqan möselman balalaryn kürgändä, üzlärenеñ niqadär zur xata eş eşlägänleklären belerlär* («К.», 1914, № 331, «Тасыфлы хәл»,

статья) ‘Они узнают насколько ошибочное дело совершили лишь тогда, когда увидят обрусевших мусульманских детей, которые могут узнать о мусульманских праздниках лишь спросив у своей мамы’.

Отрицательная форма будущего времени на *-ur* в текстах газет в преобладающем большинстве случаев функционирует в третьем лице и образуется при помощи специального аффикса отрицания *-mas/-mäs*, который на сегодняшний день употребляется в татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 129]: *Arada ixtilaf çuğar cämğyjät milätkä xezmät göstärä almas* («Б.т.», 1906, № 33, «Дәрел Әдәбдә сөйләнгән нотык», отчет) ‘Появятся разногласия, общество не сможет служить народу’; *Itifaqçysu bulğan Qaratağda, Junanistanda any qotqara almaslar* («В.», 1914, № 1538, «Сугыш башланды!», статья) ‘В Черногории, которая является ее союзником, в Греции его спасти не смогут’; *...mony dinemezney ğali hakimläre xäzergä qadär beterä almağan ikän, xökümätney färmanlary ğyna beterä almas* («К.», 1914, № 388, «Муллалыкның эчке ягы», статья) ‘...раз уж до сих пор великие руководители нашей религии не смогли покончить с этим, только лишь государственные указы не в силах это решить’.

Между тем, в текстах зафиксировано активное, параллельное к вышеуказанному варианту аффикса, функционирование показателя отрицательного аспекта *-maz/-müz*, который на сегодняшний день сохранился в огузских языках, в частности в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 227]: *...hiç kemsäjä tärilkä totmaq istämüz* («Б.т.», 1907, № 81, «Газеталар», обзор периодической печати) ‘... никому не захочет подержать тарелку’; *Äğär bu projeqt xökümät tarafyndan qabul itelsä, möselmanlarğa: “Mäktäbläremez Sobraniya qulynda qalsyn” dijärgä urun qalmaz* («В.», 1908, № 333, «Думада мәктәб мәсәләсе», заметка) ‘Если этот проект будет принят правительством, мусульманам не останется места говорить «Пусть наши школы останутся в руках Собрания»’; *Kalomna wä Černavitsylaruny doşman qulynda ikänlegen kürsätergä tijeş bulmaz* («К.», 1915, № 679, «Карпатта кораллашкан эхвал», статья) ‘Он не будет должен показывать, что Коломна и Черновицы находятся в руках врага’.

Редко в текстах газет обнаруживается функционирование в отрицательном аспекте первого лица единственного числа будущего времени на *-ur*. В этом случае, подобно современному татарскому и турецкому литературным языкам [Юсупов, 2004, с. 354; Кононов, 1956, с. 227], отрицательная форма передается посредством аффикса

глагольного отрицания *-ma/-mä*: *Min 3 nče klasnuj jatyb joqlyj torğan jerendä utyrmam* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Я не буду сидеть на том месте 3 класса, где обычно спят’; *Mine bälki cäzalab ülaterlär, läkin min, ülgän waqytda, sezne ixtiram itmäm* («В.», 1914, № 377, «Харижи хэбэрлэр», статья) ‘Меня, возможно, казнят, но я, когда буду умерать, не буду вас уважать’.

На семантическом уровне форма будущего времени на *-ur* в текстах исследуемых нами газет характеризуется своей полисемантической. При этом, как и в случае с другими временными формами, функционирующими в текстах, ее конкретное значение определяется лексическим потенциалом основы и развернутым контекстом.

Так, основным значением будущего времени на *-ur* в текстах исследуемых нами газет является выражение действия, которое произойдет за моментом речи. При этом, данная форма, в отличие от формы будущего времени на *-açaq*, имея более широкие семантические границы, характеризуется неоформленностью модальной определенности: *Šäkerdlärdän cyjylmyş wä elekdän waqyf idelän aqçalar ber säüdägärdä ulyb, šunuñ röxsätendän möğalimlärğä wazyjfa vireler* («Б.т.», 1906, № 57, «Троицк», обзор периодической печати) ‘Деньги, собранные с шакирдов и сданные ранее, хранятся у одного торговца, с разрешения которого преподавателям будут разделены обязанности’; *Bu šöğbälärdän cyjylğan zapas sumalar šul cämğyjätlärğä tabşyrylyrlar* («В.», 1913, № 1369, «Харижи хэбэрлэр», заметка) ‘Запасные суммы, собранные с этих отделений, будут переданы таким обществам’; *Binaän ğaläjhi, bu milätemezneñ üz aralarynda intixab itelmägän mönxassary tarafyndan täğajen wä tasyjyq iteler* («К.», 1914, № 388, «Македония моһажирләре», заметка) ‘Таким образом, это будет определено и подтверждено лицом, неизбранным нашим народом из своего состава’.

В зависимости от контекстуального фона, рассматриваемая форма в текстах употребляется для выражения ожидаемого в будущем действия, осложненного модальными оттенками предположительности или неопределенности. При этом, усилению таких оттенков способствует употребление в предложении модальных слов: *Ixtimal suğyş zurğa kitär wä ğomer bujyna tartylыр* («Б.т.», 1906, № 42, «Гарзы хэл вэ жавап», статья) ‘Вероятно, что война наберет обороты и растянется на всю жизнь’; *Ömed itämen ki qader bulğıcy cänab Alla ğaskäremä ğalijälär birer* («В.», 1914, № 1539, «Австрия – Сербия сугышы»),

письмо) ‘Я верю, вершащий судьбы Всевышний воздаст моей армии величия’; *Bälki ul waqyt Törkijädä... ešlänäčäk prapagandalarny тыңларлығ биш-ун qolaq bulsa bulyr* («К.», 1918, № 1242, «Хэзерге Яурупа мәдәниятенәң китеше», статья) ‘Возможно, в этом случае в Турции... найдется 5-10 ушей, слушающих проводимую пропаганду’.

Одно из синтагматических значений будущего времени на *-yr* пересекается в текстах газет со значением формы на *-açaq* и выражает то или иное определенное действие запланированное к совершению, достоверность которого не подвергается сомнению: *Xäzerendä çalyşmaqda uldyğymyz tärtib wä islahatlarnyñ fajdalaryny üzemez küib kürä almasaq da, artymyzdan qalyn urman şikelle üseb kilmäkdä bulğan jäš biradärläremez wä jäš ibdäşläremez küerlür* («Б.Т.», 1906, № 56, «Үткән гомерем вә қараңғылық. Хэзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘Хотя мы и не можем в полной мере заметить положительные стороны правил и улучшений, по которым работаем, их увидят наши молодые братья и товарищи, растущие за нами словно густой лес’; *Zaqaz kilgänçe bunda kürsätelgän bağzy nomerlar satylyb betsä, bar qadärsе genä jebäreler* («В.», 1913, № 1156, комментарий) ‘Если до оформления заказа некоторые указанные здесь номера будут проданы, будут отправлены только те, что будут в наличии’; *Möselmanlar şul kamitetlarda ixlas belän xedmät itsenlär, ... şunda häm sädaqät kürener häm ğomumi ešlärgä öjränü tabylyr!* («К.», 1914, № 485, «Бергәме, айрымы?», статья) ‘Пусть мусульмане искренне служат в этих комитетах,... тогда будет видна и дружба и будет найдено обучение общим делам’.

Показатель *-yr* в рамках определенных контекстуальных условий может выражать постоянное, обычное действие с оттенком длительности или многократности, а также передавать свойство, характер лица или его склонность к совершению того или иного действия. В этом случае конкретный контекст подразумевает совершение действия не в определенный момент в будущем, а выходит за границы момента речи и подчеркивает его закономерный характер. В данном значении форма на *-yr* выступает в качестве грамматического синонима формы на *-a*, одним из синтагматических значений которого является констатация безотносительных к моменту речи обычных действий: *Basyлуға муафақ булмаған jazularny kire jebärelmüz. Marqasыз хатлар qabul itelmüz* («Б.Т.», 1906, № 39, объявление) ‘Тексты, не подлежащие публикации, обратно не отсылаются. Письма без марок не принимаются; *Möselmanlar ber ujandylarmy, jarym julda qalmaslar*

(«В.», 1912, № 942, «Болгария мөселманлары вә сәяси уяну», статья) ‘Если мусульмане проснулись, они не останавливаются на пол пути’; *Järdäm kötkändä keşe ber Xodanyñ üzendän wä Xodanyñ qışqanynça käseb wä ictihad itüdän genä kötü alyr* («К.», 1915, № 699, «Ужымлар вә сабан ашлыклары», статья) ‘Если и ждать помощи, человек может надеяться только на самого Всевышнего и, как велит Всевышний, на труд и усердие’.

Чаще всего для выражения подобного значения показатель *-ur* употребляется в текстах газеты «Борхане таракки». Как показывает наш анализ, в текстах газет «Вакыт» и «Кояш», в хронологическом плане издававшихся позже чем газета «Борхане таракки», форма на *-ur* в рассматриваемом значении вытесняется показателем настоящего времени на *-a*, что в целом приводит к снижению уровня распространенности формы на *-ur* текстах данных газет.

Отличительной чертой текстов газеты «Борхане таракки» также является употребление показателя *-ur* в рамках оборотов, выражающих благодарность, извинение, пожелание, просьбу и т.д. для передачи вневременного значения, подобно турецкому литературному языку [Кононов, 1956, с. 229]. В данном значении на семантическом уровне также наблюдается пересечение с формой настоящего времени на *-a*: *Min zan idürem ki, ministr xäzrätläre, niçek säjäsi yşanyčsyz häm zararly keşelärne jebärgän kebi, Durnovany da Fransijä mämläkätendän jebärmäk kiräk* («Б.т.», 1906, № 56, художественное повествование) ‘Я предполагаю, господин министр, как высылаются политически ненадежные и опасные люди, Дурнову также нужно выслать из Франции’; *...şu mäktübeme möxtäräm “Borhan täräqyj”nuñ ber küşäsenä därc qylmaqnyzu xäqanjät namyna rica wä nijaz idürem* («Б.т.», 1907, № 74, письмо) ‘Во имя справедливости прошу и умоляю вас опубликовать это письмо в каком-нибудь уголке уважаемой газеты «Борхане таракки»’.

Как видно из примеров, в схожей ситуации в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» зафиксировано функционирование формы на *-a*, что также приводит к сужению семантического поля формы на *-ur* в рамках текстов данных газет и отражается на общем уровне ее распространения в целом.

Форма на *-ur*, являющаяся традиционным общетюркским языковым элементом, в рамках формирования и становления татарского литературного языка определяется в качестве одной из

наиболее ранних грамматических показателей. Ее функционирование зафиксировано еще в письменных памятниках XIII века, в частности, в произведении «Кыйсса-и Йосыф» Кул Гали [Татар эдэби теле..., 2017, б. 94], относящегося к древнетюркским письменным памятникам периода Волжской Булгарии, но ее активность наблюдается и в литературных произведениях, созданных на старотатарском литературном языке в конце XIX – начала XX вв. [Татар эдэби теле..., 2017, б. 559] и в грамматической системе современного татарского литературного языка.

Форма на *-аҗақ*

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» получила широкое распространение и форма будущего времени на *-аҗақ*, которая образуется от причастия на *-аҗақ/-äčäk* (после согласных) и *-јаҗақ/-jäčäk* (после гласных). Рассматриваемая форма определяется в качестве характерной особенности огузских языков. В частности, ее употребление зафиксировано в турецком, азербайджанском, туркменском, гагаузском языках, однако она функционирует, хотя и не активно, и в других современных кыпчакских языках, например, в ногайском, кумыкском, каракалпакском [Юсупов, 2004, с. 371].

Сегодня форма на *-аҗақ* функционирует в качестве показателя будущего категорического времени и в грамматической системе современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 131], а также в заказанской, нагорной группах говоров, а также в параньгинском и мензелинском говорах среднего диалекта татарского языка [Юсупов, 2004, с. 367].

Рассматриваемая форма вошла в грамматическую систему старотатарского литературного языка в начале XIX вв. через османско-турецкое посредство [Негматуллов, 1983, 161]. При этом, учитывая, что функционирование рассматриваемой формы не зафиксировано в древнетюркских памятниках, по сравнению с формой на *-ур* она является более поздним показателем. В определенной степени форма на *-аҗақ* активизируется лишь в начале XX века [Негматуллов, 1983, 161].

Похожая ситуация наблюдается и в текстах исследуемых нами газет. Как мы подчеркивали выше, форма на *-ур* получила более широкое распространение в текстах газеты «Борхане таракки». Этот же факт является и прямой причиной меньшей активности в текстах

газеты «Борхане таракки» формы на *-açaq*, которая, в свою очередь, имеет более активное употребление в поздних, с хронологической точки зрения, текстах газет «Вақыт» и «Кояш».

В целом, по уровню распространенности в текстах газет, рассматриваемая форма уступает форме на *-ur*, что объясняется как постепенным вхождением в употребление формы на *-açaq*, так и полисемантической, а значит и универсальностью формы на *-ur*. В связи с этим, наблюдается неоднородная распространенность формы на *-açaq*, спряженной по лицам. Так, наиболее активно рассматриваемая форма обнаруживается в сочетании с аффиксами первого лица множественного числа, а также в третьем лице обеих чисел, тогда как ее употребление во втором лице имеет крайне ограниченное распространение. Спряжение рассматриваемой формы по лицам реализуется при помощи следующих аффиксов:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-myn/-men, -um/-em</i>	<i>-myz/-mez, -yz/-ez</i>
2 л.	<i>н/о</i>	<i>-synyz/-sejez</i>
3 л.	<i>_, -dyr/-der</i>	<i>-lar/-lär, -lardyr/-lärder</i>

Первое лицо единственного числа в текстах газет, как правило, образуется при помощи личного аффикса *-myn/-men*, характерного и для современного состояния татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 131]: ...*quldan kilgän kadär anlarğa xäbär itärgä tyryšaçaqmyn* («Б.т.», 1907, № 81, «Чит мәмлэкәт хәбәрләре», заметка) ‘...я буду стараться оповещать их, насколько смогу’; *Bän möselman mäktäbläre wä ruslaşdyru haqyndağy hökümatneñ hämä tädbirlären sanamyjaçaqmyn faqat bağzy berlären genä kürsätäçäkmen* («В.», 1908, № 333, «Гайсә мирза Еникеевның нотыгы», отчет) ‘Я не буду перечислять все мероприятия правительства, направленные на мусульманские школы и русификаторскую политику, а укажу только некоторые из них’; *Ğajde fityr xörmäte öçen, alarnyñ 21 nçe avgust çähärşänbä könne Ğajde fityrnyñ äüwälge köne dideklärendäge xatalaryñ bajan idäçäkmen* («К.», 1913, № 186, «Казан календарьләренә гайд», статья) ‘В честь Праздника разговения, я разъясню их ошибку, в которой они сказали, что 21 августа, среда, является первым днем Праздника разговения’.

Между тем, в текстах газеты «Борхане таракки» и «Вақыт» обнаруживается употребление усеченного аффикса лица *-ым/-ем*, функционирующего в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 234]: *Bänem haqymda küstärdekeñez insanijät wä ibraz itdekeñez moradyna läkin hiç ütenmijäčkem* («Б.т.», 1906, № 54, «Шураи Ислам эгъзала-рына берничэ сүз», статья) ‘Человечность и отношение, которое вы проявили по отношению ко мне, дали результат, но я не буду умо-лять; *Bundan soñ mäsced saluğa iğanä sorauçylarğa räd cawaby birergä mäcbür bulaçağым* («В.», 1910, № 563, «Идарэгэ мәктүп», письмо) ‘Впредь я буду вынужден отрицательно отвечать тем, кто будет про-сить пожертвования на постройку мечети’.

Первое лицо множественно числа образуется при помощи аффикса *-мыз/-мез*, являющейся традиционной тюркской языковой формой: *...Itifaq Möslimin cämğyjäteney qanun namäse nizamlaştırylyb andan ber çara tabylmasa şul xäldä qalaçaqмыз* («Б.т.», 1907, № 81, «Безнең школа», статья) ‘...если не отсистематизируется свод зако-нов общества «Иттифак Муслимин» и от него не будет толку, то мы будем пребывать в подобном состоянии»; *...bez üzemez bu мәsälädä bötenläj ber taraf şahid bulыb qalaçaqмыз* («В.», 1914, № 1537, заметка) ‘...сами мы в данной ситуации вообще останемся сторонними наблю-дателями»; *Şulaj iteb bu zur bäjräm xörmätenä bez ul möxärirläremezne üz aramyзда күрә alaçaqмыз* («К.», 1913, № 54, «Романовлар сөяләсе-нең юбиләсе белән Казан шәһәрәндә булачак тантаналарның програм-масы», статья) ‘Таким образом, в честь этого большого праздника, мы сможем увидеть рядом с собой этих редакторов’.

В редких случаях в текстах, оформленных на огузо-турецком варианте старотатарского письменного литературного языка начала XX века, первое лицо множественного числа формы будущего вре-мени на *-аçaq* реализуется посредством усеченного аффикса *-ыз/-ез*, характерного для турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 234]: *Bez bunlarynyñ här qaysyndан аjрым аjрым baxs idüäкеz* («В.», 1909, № 460, «Төркия вакугатына бер нәзер», статья) ‘Мы будем говорить о каждом из них по отдельности’.

Второе лицо множественного числа обнаруживается в текстах газет крайне редко и образуется посредством аффикса *-сыңыз/-сеңез*, характерного для огузских языков [Негматуллово, 1983, с. 83] и функ-ционирующего в некоторых кыпчакских языках Средней Азии, таких как казахский, каракалпакский, а также в чуть ином фонетическом

варианте в диалектах татарского литературного языка, а также в башкирском языке [Гаджиева, 1975, с. 183; Атлас тат. нар. гов., 2015, с. 316]: *Sez minem xälifälärem bulaçaqsyñyz* («В.», 1912, № 1078, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘Вы будете моими преемниками’; *Ägär doşmanğa arqayñzny dotdyrsañyz dönjanuñ zällätene möselmanlyq wä törkilek östenä kiterüçäkseñez* («В.», 1913, № 1131, «Истанбул мәктүпләре», очерк) ‘Если вы дадите нащупать врагу вашу спину, то ошибка мирового уровня достигнет вас в вопросе мусульманства и тюркизма’.

Третье лицо единственного числа в текстах образуется, как правило, при помощи аффикса сказуемости *-dyr/-der*, который этимологически восходит к вспомогательному глаголу *torur* ‘стоять’, ‘быть’: *Inde ikençe jaqdan törle zolymlyqlar astynda izelgän... wä cäberlängän millät köräşüçükder* («Б.т.», 1907, № 75, «Хажитархан февраль 21», статья) ‘Ну а с другой стороны, народ, подвергнувшийся гнету... и издевательствам, будет бороться’; *...Rusijäneñ Törkijäne kimsetä torğan şartlar ilä solyx wasitaçylyğy itä başlawy tabiğyñ töreklärne bik açulandyraçaqdyr* («В.», 1912, № 932, «Русиянең солых тәклифе», статья) ‘Тот факт, что Россия начала посреднические действия в вопросе договора на условиях, принижающих Турцию, естественно, очень разозлит турков’; *Mondyñ eşlärdä ajrym jörü fajdasyz ğyna tügel, bälki zararly bulaçaqdyr* («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяж вә аларга ярдәм», статья) ‘Действие в одиночку в таких делах не просто бесполезно, это будет вредно’.

Кроме того, в текстах обнаруживается употребление формы на *-açaq* в третьем лице единственного числа, также, как и в преобладающем большинстве тюркских языков, в частности в современном татарском литературном языке, без каких-либо специальных грамматических показателей: *Çönki sullar ğyna xäzerge pravitelstvany häm any tözegän tärtiblären tämam süteb, böten xalyqğa fajdaly bulğan ğadel tärtiblär jasyj alaçaq* («Б.т.», 1907, № 75, статья) ‘Потому что только левые, разобрав нынешнее правительство и устои, создавшие его, смогут создать полезные для всего народа справедливые правила’; *Bu kamisijä eşläb betkäč läixäse Milät mäclese tasdyjğyna tabşyrylaçaq* («В.», 1909, № 513, «Әсаси законлар», заметка) ‘После того, как эта комиссия закончит работу, проект будет передан в Национальное собрание на утверждение’; *Bezneñ xisabqa qarağanda, mondyñ zararlar tülängän waqytda 4 belä 8 miliard arasynda aqça tülärgä tuğry*

kiläčäk («К.», 1915, № 699, «Германиянең сиях шартлары», статья) ‘По нашим подсчетам, если эти риски будут оплачены, придется заплатить от 4 до 8 миллиардов’.

Похожая ситуация наблюдается в текстах газет и при оформлении **третьего лица множественного числа**. Как правило, в данном случае форма будущего времени на *-açaq* осложняется аффиксом числа *-lar/-lär*, к которому, в свою очередь, присоединяется аффикс сказуемости *-dyr/-der*: *Ällä ni qädär üzlärenеj doşmanlarynuj köcä-jüwenä säbäb bulaçaqlardyr* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Они станут причиной усиления многих своих врагов’; *Kiräk daxildäge milätlär wä kiräk äcnäbi xökümätlär üzlärenеj şul iske ğadätlärendän tiz genä waz kičü almajaçaqlardyr* («В.», 1909, № 470, «Яна Төркия вә солтанның тәхет хатбәсе», статья) ‘Ни народы, проживающие внутри страны, ни иностранные государства не смогут быстро отказаться от этих своих старых привычек’; *...bu suğyşlary Jaurupa tarixyna nindidä bulsa, qanly ber jaña säxifä açaçaqlardyr* («К.», 1915, № 699, «Катгый сугышлар башланды», статья) ‘...эти войны откроют в истории Европы какую-то новую кровавую страницу’.

Параллельно такому варианту в текстах газет также зафиксировано оформление третьего лица множественного числа без употребления аффикса сказуемости: *Savetda bärabär eş küräçäklär häm cämğyjätneñ däwam itkän mödätendä bunlar savetda qalaçaqlar* («Б.т.», 1906, № 45, «Хажитарханда “Шураи Ислам” жәмгыятенең мәжлесе», отчет) ‘Будут рука об руку работать в Совете, и в случае продолжения работы общества, они останутся в составе совета’; *...jubile täbrige öçen Peterburgğa barğan möselman deputatlar wä ğajrelär xäzer bulaçaqlar* («В.», 1913, № 1131, «Дахили хәбәрләр», заметка) ‘...поехавшие в Петербург для поздравления с юбилеем мусульманские депутаты и другие будут готовы’; *...mili мәsälälärdäge taläblären möselmanlar uçreditelnuj sabranijada iğlam itäçäklär* («К.», 1917, № 1165, «Демократлар киңәш мәжлесе», отчет) ‘...мусульмане объявят свои требования по национальным вопросам на учредительном собрании’.

Отрицательная форма будущего времени на *-açaq* в текстах газет оформляется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma/-mä*: *Küz aldymyzda torğan waqytda hiç kire qajtmajaçaqmyz hiç ber doşmandan quryqtmajaçaqmyz* («Б.т.», 1906, № 39, «Беренче адым», статья) ‘Пока будет перед глазами, мы не будем двигаться назад, не будем

бояться ни одного врага»; *Min isä mäsläk wä fikerdä anlarğa xäläf bulduqymdan, anlar arasynda baryber xedmät tigerä almajaçaqmyн* («В.», 1909, № 426, «Сайладылар», фельетон) ‘Что касается меня, по причине того, что я их преемник в делах и идеях, все равно не смогу работать среди них’; *Čönki kiläčäkdä bezney dingez säüdämez Danijä jäki Švetsijä ixtijarynda bulmajaçaq...* («К.», 1917, № 1170, «Хэвөфле вакыт», статья) ‘Потому что в будущем наша морская торговля не будет в полномочии Дании или Швеции...’.

Реже в текстах обнаруживается оформление отрицательного аспекта будущего времени на *-açaq* аналитическим способом посредством применения постпозитивной отрицательной частицы *tügel* ‘не’. В данном случае личные аффиксы присоединяются не к глаголу, а непосредственно к частице: *Šunyň öčen Ingeltärä hökümate Germanijäneñ... kerüen hiç kütärä alaçaq tügel...* («В.», 1914, № 1544, «Тимер кыршау эчендә», статья) ‘Поэтому правительство Англии не сможет пережить вторжение Германии...’; *Ešlär bu räwešdä barganda rizalyq biräčäk dä tügelmen* («К.», 1917, № 1170, письмо) ‘Если дела пойдут также, я и не дам разрешения’.

В отличие от формы на *-yr*, будущее время на *-açaq* в текстах газет не характеризуется своей полисемантической. Его основным и наиболее широко распространенным значением является выражение ожидаемого действия, характеризующегося на семантическом уровне наличием оттенка категоричности утверждения: *17 nče oktäbr Sojuz partijasynyň Peterburqda sjezdлары bulaçaq* («Б.т.», 1907, № 89, «Русия хэбәрләре», заметка) ‘17 октября в Петербурге состоится съезд партии «Союз»’; *Maj başynda sejma jaňa sajlau bulaçaqdyr* («В.», 1909, № 433, «Финляндия “Сейм”ы», статья) ‘В начале мая состоятся новые выборы в сейм’; *Leksijälär jasajaçaq wä jasataçaq, čit šähärlärgä kešelär jebäreb möselman ğaskärilären berläšderäčäk...* wä başqa šunyň kebi ešlär ešläjäčäkder («К.», 1917, № 1100, «Казан мөселман хәрби комитеты», статья) ‘Будет читать лекции и организовывать прочтение лекций, будет объединять мусульман-военных, отправляя в другие города людей,... и будет делать другие такого рода дела’.

Кроме того, в текстах обнаруживается конструкция, состоящая из глагола в форме на *-açaq* в сочетании с перфектом вспомогательного глагола *bul* ‘будь’, выражающая значение долженствования или вынужденного действия в будущем: *Ägär bu jyl kijäügä çyğaçaq bulsa, morca arqyly közgegä qarağaç, közgedä üzlärenеñ bulaçaq kijäüläre-*

neñ suräten kürälär («К.», 1913, № 78, «Яз башы», статья) ‘Если в этом году должны будут выйти замуж, посмотрев через дымоход на зеркало, увидят в зеркале очертания своей будущей половинки’.

В текстах также зафиксировано употребление будущего времени на *-açaq* в паре со вспомогательным глаголом *imeş* ‘будто бы’. Такое сочетание употребляется для выражения действия запланированного в будущем, но осложненного оттенком предположения по причине того, что говорящий услышал о нем со слов третьих лиц: “*Polza*” *şirkätenä şunlarny da basdyryrğa ministr Ystalypindan maxsus röxsät bireläçäk imeş* («В.», 1909, № 428, «Толстой эсәрләре», статья) ‘Говорят фирме “Полюза” будет выдано специальное разрешение от министра Столыпина и для их публикации’.

Как и в текстах литературных произведений, созданных в конце XIX – начале XX вв. на старотатарском литературном языке [Татар әдәби теле..., 2017, б. 611], форма будущего времени на *-açaq* в текстах газет по сравнению с формой на *-ur* имеет меньшую степень распространения. Наиболее ярко наличие данного факта проявляется в текстах газеты «Борхане таракки». Прежде всего это объясняется постепенным вхождением в употребление формы на *-açaq*, а также более широкой семантикой формы на *-ur*. В целом, функционирование в текстах газет формы на *-açaq* подчеркивает наличие имевшего места в рассматриваемый период влияния османско-турецкого литературного языка на старотатарский литературный язык, в частности на язык татароязычной периодической печати, а также является свидетельством наличия функционально-стилистической вариативности в старотатарском литературном языке начала XX века.

Таким образом, нами зафиксировано функционирование в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» двух форм будущего времени изъявительного наклонения. Форма на *-ur*, определяющаяся в качестве элемента традиционной общетюркской языковой нормы в старотатарском письменном литературном языке до начала XX века функционирует на протяжении многих столетий, в связи с чем в текстах газет характеризуется своей полисемантической и наиболее широким распространением. Показатель *-açaq*, в первую очередь являющийся характерной особенностью огузских языков, проникает в старотатарский литературный язык через османско-турецкое посредство в первой половине XIX века, однако укореняется в языке постепенно и определенное стабильное употребление приоб-

ретаает лишь в начале XX века в связи с новой волной османско-турецкого влияния. Стоит отметить, что тексты газеты «Борхане таракки» характеризуются наиболее широким распространением формы будущего времени на *-ур*, что в свою очередь приводит к пассивности в ее текстах показателя *-аџаq*. В текстах газет «Вақыт» и «Кояш», которые в хронологическом плане по сравнению с газетой «Борхане таракки» издавались чуть позже и отличались определенным стремлением к употреблению более поздних языковых элементов, напротив, форма на *-аџаq* обнаруживается активнее показателя будущего времени на *-ур*. Данный факт объясняется установлением определенных границ в вопросе семантического употребления рассматриваемых форм.

Функционирование в текстах рассматриваемых временных форм, а также употребление форм будущего времени в целом, не характеризуется наличием жанровой дифференциации. Вне зависимости от жанра, формы будущего времени на *-ур* и *-аџаq* в текстах газет употребляются, как правило, для выражения, соответственно, нейтрально модального действия, следующего за моментом речи и действия, следующего за моментом речи и осложненного значением категоричности. С долей условности можно утверждать, что в определенной степени более активным употреблением рассматриваемых форм будущего времени характеризуется жанр заметка, относящийся к информационным жанрам, где они активны при передаче новостной информации, ожидаемой в будущем.

3.2. Повелительное наклонение

Одной из грамматически оформившихся категорий, функционирование которых зафиксировано в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» является повелительное наклонение. Данная категория характеризуется наличием специальных грамматических показателей, посредством которых осуществляется передача значения побудительности. В отличие от форм изъявительного наклонения, рассмотренных нами выше, грамматические показатели повелительного наклонения не указывают на соотношение во времени. При этом, то или иное действие, выраженное посредством формы повелительного наклонения неизменно обращено в план будущего.

В текстах исследуемых нами газет зафиксировано функционирование ограниченного количества грамматических средств, употреб-

ляющихся для выражения категориального значения повелительного наклонения, которое заключается в выражении побуждения, исходящего от говорящего и направленного к конкретному лицу либо группе лиц. Так, повелительное наклонение в текстах газет совпадает с основой глагола, то есть с глаголом во втором лице единственного числа. Следовательно, основа того или иного глагола, вне зависимости от положительности или отрицательности его аспекта, воспроизводясь с побудительной интонацией, может выражать какой-либо из императивных оттенков. При этом, аффиксы лица повелительного наклонения в текстах газет одновременно указывают на грамматические значения наклонения, лица и числа.

Повелительное наклонение в текстах газет, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 141], а также его диалектах [Юсупов, 2004, с. 460], представлено вторым и третьим лицами единственного и множественного чисел:

	Единственное число	Множественное число
2 л.	–	- <i>nyz/-ñez, -yñyz/-eñez, -ğyz/-gez, -yğyz/-egez</i>
3 л.	- <i>syn/-sen</i>	- <i>synlar/-senlär</i>

Ввиду того, что формы второго лица обеих чисел непосредственным образом выражают значение побуждения, они являются центральными в системе форм повелительного наклонения. **Второе лицо единственного числа**, также как и в современном татарском [Татар грамматикасы, 2016, б. 142] и турецком литературном [Кононов, 1956, с. 219] языках, выражается при помощи нулевого аффикса: *Ul iskelär beze küb aldadylar, adämne aldağan şajtandan artyq... kit Älmäcit Ğafuri* («Б.т.», 1906, № 31, «Фидай махбус агзындан», художественное повествование) ‘Эти кадимисты нас уже много раз обманывали, поболее того шайтана, что обманывает человека... уходи, Альмазит Гафури!’; *Jyğlama, sin minem üz qyzym, min sine söjäm bäğrem...* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Не плачь, ты моя родная дочка, я тебя люблю, дорогая...’; *Menä išet, Kärlä, möğalimälär dä juq, pragramma tözerlek keşe dä juq!* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфәң нишләтте!», фельетон) ‘Вот смотри, Кэрлэ, нет и учительниц, нет и людей, способных составить программу!’.

Как видно из примера, приведенного из текста газеты «Вакыт», отрицательная форма повелительного наклонения образуется при помощи аффикса глагольного отрицания (*jyğlata* ‘не плачь’).

Второе лицо множественного числа, как правило, оформляется посредством присоединения к основе глагола традиционного письменного показателя *-ñyz/-ñez, -yñyz/-eñez*. Первый вариант аффикса прибавляется к основам, заканчивающимся на гласный звук, а второй – к основам, заканчивающимся на согласный: *Üzeñezneñ waq töjäk doşmanlyqlaryñyz öçen ällä ni qadär keşelärne qanly jäşlär jylatmanyz!* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Не заставляйте плакать кровавыми слезами толпы людей из-за своей пустяковой вражды!’; *Flot kiräk. Bez üz diñezläremezne saqsyz qaldyryrğa häjerçe tügel bit äle. Aqça bireñez!* («В.», 1908, № 333, «Дума жылышлары», отчет) ‘Нужен флот. Мы пока еще не нищие, чтобы оставлять свои моря без охраны. Дайте денег!’; *Tubyl möselmanlary bezgä padşany qajтарыңыз!* («К.», 1917, № 1174, «Дахили хэбэрләр», заметка) ‘Мусульмане Тобольска, верните нам царя!’.

Функционирование показателя *-ñyz/-ñez* зафиксировано в текстах старотатарских письменных памятников начиная с периода Казанского ханства и вплоть до начала XX века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 235, 275, 639]. На сегодняшний день аффикс *-ñyz/-ñez* при оформлении второго лица множественного числа повелительного наклонения в современном татарском и турецком литературном языках не употребляется, однако в чуть ином фонетическом варианте (*-ңыз/-ңес*) употребителен в барабинском диалекте, в тевризском, частично в тарском говорах тоболо-иртышского диалекта татарского языка, а за пределами системы татарских диалектов зафиксирован в группе кыпчакских языков: ногайском, крымско-татарском, кумыкском, караимском [Юсупов, 2004, с. 463-464].

Передача второго лица множественного числа повелительного наклонения в текстах газет осуществляется и посредством показателей *-ğyz/-gez, -yğyz/-egez* которые на сегодняшний день характерны для современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 142], а в конце XIX – начале XX вв. воспринимались в качестве народно-разговорной формы. Данный вариант обозначения второго лица множественного числа наиболее распространен в текстах газеты «Кояш» и свидетельствует о начавшемся в старотатарском письменном литературном языке начала XX века процессе пере-

хода от употребления традиционных языковых форм к применению народно-разговорных грамматических элементов: *Aşağыз, balalarym, aşağыз. Ečejez awyrtqanğa şifa bulyr!* («К.», 1914, № 321, «Хэкимэ эби», художественное повествование) ‘Ешьте, дети мои, ешьте. Это поможет от боли в животе!’.

В ограниченном количестве показатель *-ğыз/-gez* обнаруживается и в текстах газеты «Борхане таракки»: *Böten Rosijanyñ pravalary öčen tartıyşqan möqadäs könlärdä kiräksez qanlaryñız berlän bujamağыз!* («Б.т.», 1906, № 30, «Кавказ вакыйгалары хакында», статья) ‘Не пачкайте своей необоснованной кровью в священные дни, когда вся Россия борется за свои права!’.

Формы третьего лица обеих чисел в текстах газет употребляются для выражения побуждения, обращенного к третьему лицу или группе лиц, посредством адресата, который, по задумке говорящего, должен передать его по назначению. Так, **третье лицо единственного числа** в текстах газет образуется при помощи аффикса *-syn/-sen*, характерного для современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 142] и в определенных фонетических вариантах функционирующем в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 219]: *Änä. Keller äfände minem kyjäfätämä kersen häm vagonnyñ berençe klasyna utırsyn...* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Вон. Пусть товарищ Келлер войдет в мое положение и сядет в первый класс вагона!’; *Xacilar ütä torğan här jerdä bu cämğyjätneñ söğbäläre açylsyn* («В.», 1909, № 513, «Иран эхвале», заметка) ‘Пусть во всех местах, где проходят пути полонников, будут открыты отделения этого общества!’; *Malija wäzire tarafyndän täqdim itelgän jaña telegraf xatlary xosusynda jaña nizamlar näşer itelsen* («К.», 1915, № 656, «Иран эшлэре», статья) ‘Пусть будут изданы новые законы касательно новых телеграфных писем, предложенных министром финансов’.

Следует отметить, что в конце XIX – начале XX вв. показатель *-syn/-sen* активно функционировал и в текстах литературных произведений, созданных на старотатарском литературном языке [Бэширова, 2008, б. 258].

Третье лицо множественного числа оформляется посредством присоединения показателя *-synlar/-senlär*: *Xalqmyz milätemez qardäşläremez räxät ulsynlar* («Б.т.», 1907, № 79, «Канфискавайт ителү», статья) ‘Пусть наш народ, нация и родные будут спокойны!’; *Ukazsyz keşelär jäki şahadätnameşe bulmağan möğalimlär bala uqytmasynlar*

(«В.», 1909, № 433, «Мэктэблэр вэ мөгаллимлэремез», статья) ‘Пусть люди без указа и преподаватели без удостоверения не обучают детей’; *Möselmanlar şul kamitetlarda ixtlas belän xedmüt itsenlär...* («К.», 1914, № 485, «Бергэме, айрымы?», статья) ‘Пусть мусульмане искренне служат в этих комитетах...’.

Как показывают материалы, в зависимости от контекста, общее императивное значение повелительного наклонения может приобретать различные оттенки, от усиленной категоричности до смягченных вариантов побуждения. В иных случаях формы рассматриваемого наклонения могут выражать и иные модальные значения, расположенные на границе императивного значения и других наклонений. Под влиянием развертываемой в тексте речевой ситуации, интонации ее воспроизведения, а также семантики глагола значение той или иной формы повелительного наклонения в текстах газет может приобретать такие оттенки, как побуждение, требование, приказание, наставление, призыв, мольба, просьба, рекомендация, пожелание и т.д.

Так, наиболее часто в текстах газет посредством формы повелительного наклонения передается значение *категорического побуждения*, которое в зависимости от контекста имеет несколько оттенков. Чаще всего формы повелительного наклонения употребляются для выражения требования, направленного на выполнение адресатом либо группой лиц того или иного действия. При этом, адресатом может быть как лицо, к которому обращается повествующий, так и третье лицо: *Bu ike wäzир qäbergä kergänçe mämläkätne idarü qylsynlar!* («В.», 1910, № 563, «Иран эшлэре», заметка) ‘Пусть два этих визиря до конца своих дней будут править государством’.

Значение побуждения, передаваемое посредством форм повелительного наклонения также может иметь характер приказа: *Suldan qaty tawuşlar, pratestlar işetelä; Kit! dib qyçqyralar* («К.», 1913, № 53, «Дәүләт думасы», отчет) ‘Справа слышны громкие голоса, протесы; кричат «Уйди!»’.

В тех случаях, когда повелительное наклонение оформлено в отрицательном аспекте, побуждение приобретает характер запрещения: *Fäqat hiçber ğajebemezne belmäs boryn bezgä watanğa häm hökümetkä xilaşlyq kebi zur ber ğajeb japmaңыз* («Б.т.», 1911, № 139, «Хажитархан хэбэрлэре», заметка) ‘Но, не доказав вины, не обвиняйте

нас, родину и правительство в таком серьезном преступлении, как сопротивление’.

Кроме того, форма повелительного наклонения в текстах газет может выражать команду, обращенную к адресатам либо группе адресатов: *Qarawylçy äjtte bu erdän kitenez ägärdä biş minutta kitmäsäñez atarmyn dib bez atyñyz didek* («Б.т.», 1909, № 28, «Тайный циркуляр», письмо) ‘Охранник нам сказал, уходите с этого места, если не уйдете в течение пяти минут, буду стрелять, на что мы сказали – стреляйте!’.

В текстах газет форма повелительного наклонения часто употребляется и для выражения *нейтральных значений*. Так, в последнем примере, взятом из газеты «Борхане таракки», глагол в повелительном наклонении, который употребляется в ответной конструкции косвенной речи (*atyñyz* ‘стреляйте’), передает характер разрешения или позволения совершить действие.

Побуждение, адресованное третьему лицу и передающее значение разрешения совершить то или иное действие, может приобретать оттенок допущения, безразличия: *Ägär iğanäläremne azsynyb qajtara başlasalar, üzemne ačulansalar bu miña sabaq bulsyn* («В.», 1910, № 563, «Зэйнелгабдин Тагиевның еллык иганәсе», письмо) ‘Если мои пожертвования сочтут маленькими, будут ругать меня, пусть это послужит для меня уроком’.

Побуждение в текстах газет также может иметь оттенок совета: *Böten xalyq pravaly bulyb härkem xökümät qarşysynda tigez bulsyn* («Б.т.», 1906, № 34, «Хажитархан октябрь 15», статья) ‘Пусть все имеют права и пусть каждый будет равен перед государством’.

При этом, совет, выраженный в мягкой форме, приобретает оттенок пожелания: *Elek dä Jaña jyl başlanğanda, “Jaña jyl xäjerle bulsyn! Jaña bähet nasyjb bulsyn!” dib qotlaşa torğanlar ide* («К.», 1913, № 78, «Яз башы», статья) ‘Раньше тоже, когда начинался Новый год, все поздравляли друг-друга со словами «Счастливого Нового года! Нового счастья!»’.

Одной из семантических разновидностей значения пожелания является пожелание зла или выражение проклятия: *Rum xalqy üzläre ačulanyb patriqdan röxsätsez čirkäü häm mäktäblären ačarğa mäcbür bulsynlar. Şul arqada üz ara ixtilaf qylyşsynlar* («В.», 1914, № 1539, «Төркия хәбәрләре», заметка) ‘Пусть греки сами, ругаясь, будут вынуждены без разрешения патрика открывать свои церкви и школы. Пусть на этой почве перессорятся между собой’.

Также побудительность в текстах газет может принимать характер приглашения к совершению того или иного действия либо призыва: *Berlinda kamisionerlyq itüçe Ğäbdelxämид äfände Kazakofnyñ bu kebi mögamäläse ni dārācā insaf wā vöcdan dairäsändä ikänlekne wā böjlä mögamälä itüçegä ni isem birergä kiräklekne uquçylar üzläre möxakämü itsenlär* («В.», 1914, № 1524, «Әмсалсыз бер мөгамәлә», письмо) ‘Пусть читатели сами принимают решение по поводу того, на сколько справедливым и позволительным с точки зрения совести является такое действие Габделхамита эфенди Казакова, работающего комиссионером в Берлине и как следует называть человека, занимающимся такой деятельностью’; *Jäšäsen xörjät!* («К.», 1913, № 26, «Төркиянең яңа кабинеты», заметка) ‘Да здравствует независимость’.

Форма повелительного наклонения в текстах газет часто употребляется и при выражении смягченных вариантов побуждения. Так, посредством повелительного наклонения передается просьба о совершении действия: *Äfändelär, monda söjlängän süzlär хақында izaхat birergä miña mösağadü iteñez* («К.», 1913, № 78, «Дәүләт думасы», отчет) ‘Господа, разрешите мне дать разъяснение по поводу прозвучавших здесь слов’.

При этом, в рамках соответствующего контекста и под влиянием интонации передаваемое значение просьбы осложняется оттенком мольбы о совершении того или иного действия, либо о его несовершении: *Cämäğat zinhar piser çyqsyn dib äjtä kürmäñez ...min padsud kitämen bit* («Б.т.», 1907, № 81, письмо) ‘Народ, пожалуйста, не просите, чтобы выпустили писаря ...иначе я пойду под суд’; *Qara äle qara, syjfatyna qara zinhar!* («В.», 1910, № 645, «Ике яхшы», художественное повествование) ‘Смотри-ка, смотри, посмотри, пожалуйста на его вид!’.

В текстах газет форма повелительного наклонения может быть использована и в переносном значении, а именно, для выражения уступительной модальности. Так, в сложноподчиненных предложениях с условно-следственными отношениями форма повелительного наклонения в третьем лице единственного числа употребляется для выражения условия, преодолевая которое или вопреки которому осуществляется то или иное действие, выраженное глаголом главного предложения: *Härnä ulsa ulsyn Ğyjlem millätomezgä saçmāk kiräk* («Б.т.», 1907, № 116, «Безгә ни кирәк?», художественное повество-

вание) ‘Что бы не случилось – нам нужно Посеять образованность в народ’.

Кроме того, глагол в повелительном наклонении способен передавать значение сослагательного наклонения. Такое значение в текстах передается, как правило, посредством аналитической формы *-sın ide*, которая, в зависимости от контекста, может нести в себе оттенок желательности: *Mötäffiq bulmasalar da doşmanlyq xälendä bulmasyñlar ide* («В.», 1910, № 645, «Гаспринский илэ мәсахэбэ», обзор периодической печати) ‘Пусть они не будут союзниками, но хотелось бы, чтобы они не были в состоянии вражды’; *Alla birsen dä şulaj bulsyn ide* («К.», 1914, № 331, «Тасыфлы хэл», статья) ‘Пусть даст Аллах и будет так’.

Таким образом, по употреблению форм повелительного наклонения тексты газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» не противопоставляются друг другу. Так же как и в современном татарском литературном языке, повелительное наклонение представлено в текстах газет формами второго и третьего лица обеих чисел. При этом, глагол в повелительном наклонении употребляется в предложениях, в которых речь идет о побуждении своего собеседника в виде приказа, совета, просьбы или пожелания. Такие предложения, как правило, характеризуются наличием особенностей, характерных для разговорной речи. В частности, в них зафиксировано функционирование диалогических конструкций, а именно вопросно-ответных структур, обращений, а также прямой речи и т.д. Одним из признаков, наличия в предложении глагола в повелительном наклонении является побудительный характер предложения, что приводит к ее оформлению в виде побудительного предложения и использования соответствующей интонации при воспроизведении. В результате, жанрами, в которых повелительное наклонение является наиболее активным, следует признать жанры художественное повествование и фельетон, относящиеся к художественно-публицистическим жанрам, жанр статья и открытое письмо, относящиеся к аналитическим жанрам, а также тексты отчетов и заметок, относящихся к группе информационных жанров.

3.3. Желательное наклонение

Как известно, функционирование в том или ином тексте глагола в желательном наклонении, обусловлено необходимостью передачи значения желания повествующего лица. Выражаемое желание при этом, как правило, направлено на осуществление какого-либо действия либо состояния. Следует отметить, что в зависимости от контекстуального фона семантические границы, охватываемые желательным наклонением, могут иметь разные оттенки, в частности, оттенки мечтания, намерения, желания, колебания и т.д. Кроме того, в текстах газет наблюдается тесная связь между желательным и повелительным наклонениями. Также, как повелительное наклонение может передавать оттенок желания, так и желательное наклонения при соответствующих условиях контекста способно выражать оттенки повеления, побуждения, призыва и т.д.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» желательное наклонение, по сравнению с повелительным наклонением имеет более ограниченное распространение, что связано с грамматической спецификой газетных текстов, где глаголы в первом лице не характеризуются активным употреблением. Для реализации желательного наклонения в текстах газет используется ряд грамматических показателей, характерных как для современного татарского литературного языка, так и его диалектов, а также являющихся характерной особенностью огузских языков, в частности турецкого литературного языка.

Наиболее употребительной является синтетическая форма на *-aj*, *-uj*, которая функционирует в текстах исключительно в первом лице обеих чисел, принимая различные фонетические варианты. Данная форма является видоизмененным вариантом причастия на *-gai* [Баскаков, 1956, с. 301] и, также, как и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 150], имеет основу на *-a*, *-ä*, *-uj*, *-i*. При этом, основы на *-uj* и *-i* омонимичны с формой настоящего времени на *-a* в первом лице единственного числа.

В нижеприведенной таблице указаны грамматические показатели лица, функционирование которых зафиксировано в текстах газет при передаче желательного наклонения:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-m</i> , <i>-ym/-em</i>	<i>-q/-k</i> , <i>-yq/-ek</i> , <i>-lym/-lem</i>

Первое лицо единственного числа желательного наклонения в текстах всех исследуемых нами газет, реализуется посредством аффикса *-m*, который, как правило, присоединяется к форме желательного наклонения в варианте с узкими гласными *-uj*, *-i*, употребительной и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 150]: *Pravitelstva qartajsa da üzeney törle räxät tormuşyndan ajrylasy kilmäjenčä az bulsa da toryb qalyjm diheb xalyqqa üzgärülär wägdä iteb veksел birde* («Б.т.», 1906, № 33, «Хажитархан октябрь 11», статья) ‘Несмотря на то, что правительство уже постарело, оно, не желая лишаться сытой жизни, с целью хоть немного продлить ее, раздало вексель, обещая народу перемены’; ... *gazetalar vasitasyjlä izax idelüne rica itdeklärendän tübändäge bäjanymu täqdim idim* («В.», 1914, № 1568, «Мәдрәсә Галия диния идарәсеннән», письмо) ‘...по причине того, что с разрешения газет просилось разъяснить (ситуацию), предложу-ка я следующее объяснение’; *Sezgä Bulair janynda ğosmanlylar ilä bolğarlar arasындағы суғыşny da xikäjät itim*:... («К.», 1913, № 53, «Булаир мөхарәбәсенә тәфсиләтә», корреспонденция) ‘Расскажу-ка я вам и о столкновении между османами и болгарами около Булаира:...’.

При этом, в текстах газеты «Борхане таракки», при реализации первого лица единственного числа посредством показателя лица *-m*, наблюдается активное функционирование формы желательного наклонения в варианте с широкими гласными *-aj*, *-äj*, которая в настоящее время характерна для мензелинского, касимовского, каринского, ичкинского, глазовского, уфимского, златоустовского говоров, говора оренбургских татар и некоторых говоров сибирских татар [Юсупов, 2004, с. 476], а также употребительна в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 246]: *Äğär bänem qalbemdä sezney bereñezä, doşmanlyqdan ber nöktä var isä bän imansыз ulajym* («Б.т.», 1906, № 49, «Әстерханда жәмгыять», статья) ‘Если в моем сердце по отношению к одному из вас есть хоть одно замечание во вражде, я буду бессовестным’.

Как видно из фактического материала, в семантическом плане формы желательного наклонения в первом лице единственного числа не характеризуются своей полисемантической. Глагол в желательном наклонении в текстах газет, как правило, выражает желание или побуждение говорящего лица (*sezgä xikäjät itim* ‘расскажу-ка я вам’), либо его намерение или решимость совершить то или

иное действие в обозримом будущем (*az bulsa da toryb qalyjm diheb* ‘с целью хоть немного продлить жизнь’).

В редких случаях рассмотренные формы желательного наклонения могут употребляться и в несобственном значении. Так, посредством формы желательного наклонения может быть выражено значение изъявительного наклонения: *Fevralneŋ 13 nče jaumendä bän Kiläče qarjasyna agrabalaryma zjarät vardyqymda nä kürim Kiläčeneŋ juğarğy awylynda uramdan juldaşym ilä uzdyqda mula Möxtär äfändene kürdem* («Б.т.», 1907, № 75, «Тасыфлы вакыйга», статья) ‘В 13 день февраля, когда я навещал родных в селе Килинчи, что я вижу: когда мы с моим спутником шли по улице верхней части Килинчей, я увидел муллу Мухтара эфенди’.

Первое лицо множественного числа в текстах газет оформляется при помощи показателя лица *-q/-k*, который присоединяется, как правило, к форме желательного наклонения в варианте с узкими гласными *-uj*, *-i*, характерной для современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 150]: *Bu xosusda ber bere mez ilä täğazi äfkarda bulynyjq* («Б.т.», 1906, № 49, «Безнең хәлләр ни улачак?», статья) ‘В таком случае давайте будем поддерживать друг с другом духовную связь’; *Qarab qaryjq: möselmanlarnuŋ bu xäräkätläre äsasly ideme?* («В.», 1908, № 333, «Мәгарифкә ачка күбрәк кирәк», отчет) ‘Давайте посмотрим: было ли обоснованным это мусульманское движение?’; *Menä bez ešne šundan bašlyjq. Xalyqğa şularny aŋlatyjq, berberebezne qystaşyb, jäšüsmärlärebezne şularğa ozatqalyjq* («К.», 1913, № 49, «Һөнәрханәләр», статья) ‘Давайте-ка мы начнем работу с этого. Давайте объясним это народу, давайте, уговаривая друг-друга, отправим туда своих подростков’.

При этом, тексты газеты «Борхане тараки» характеризуются наличием в своем составе формы желательного наклонения в варианте с широкими гласными *-aj*, *-äj*, после которой следует личный аффикс *-q/-k*: *Jazajyq qardäslär fikärläremezne taratajyq insanijatymyzny arajyq itifaq wä möxit küseb itäjek!* («Б.т.», 1906, № 57, «Дугрымы?», письмо) ‘Давайте, друзья, будем писать, будем распространять свои мысли, будем искать свою человечность и создавать единомышленников и окружающую среду!’. Как видно из данного примера, глаголы в желательном наклонении выражают оттенок призыва, что подчеркивает наличие активного взаимодействия между желательным и повелительным наклонениями.

Следует отметить, что вышеприведенный фонетический вариант показателя желательного наклонения в первом лице множественного числа не характерен для современного татарского литературного языка, где активен вариант показателя с узкими гласными. Однако вариант с широкими гласными употребителен в грамматической системе диалектов татарского языка [Юсупов, 2004, с. 477].

Отличительной особенностью грамматической системы газеты «Борхане таракки» в плане реализации желательного наклонения в первом лице множественного числа является ее оформление посредством традиционного общетюркского грамматического показателя *-lym/-lem*: *Imdi bu jyl aldanmajalym berberemezä doşmanlyq ideb wä berberemezän ajrylyşyb ömmät möxämädijäneñ jözenä qara jaqmajalym* («Б.т.», 1906, № 51, «Мөселманларның иң кирәкле нәрсәләре», статья) 'Давайте же в этом году не будем обмануты, давайте не будем очернять последователей пророка Мухаммада, враждуя друг с другом и отделяясь друг от друга'.

В редких текстах, оформленных на огузо-турецком варианте старотатарского литературного языка, аффикс *-lym/-lem*, употребленный при реализации желательного наклонения обнаруживается и в текстах газеты «Кояш»: *Şuqarıylan paranyñ lazem järlärä saryf idelmäse julyny düşenülem* («К.», 1916, № 928, «Кырым идарә руханиясендә мөһим мөшәвәрә мәҗлесе», отчет) 'Давайте подумаем пути расходования выделенных денег в нужных направлениях'.

Как видно, отрицательная форма желательного наклонения образуется при помощи аффикса отрицания *-ma/-mä*, который присоединяется непосредственно к основе глагола (*qara jaqmajalym* 'давайте не будем очернять'). Следует подчеркнуть, что аффикс *-lym/-lem* употребителен в современном турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 246], но ее функционирование было зафиксировано и в составе османско-турецкого литературного языка [Языки мира:..., 1997, с. 121]. В текстах газеты «Борхане таракки», оформленных на огузо-турецком варианте старотатарского литературного языка, аффикс *-lym/-lem* получил в широкое распространение и, являясь прямым подтверждением наличия определенного влияния со стороны османско-турецкого литературного языка конца XIX – начала XX вв. на язык данной газеты, а следовательно и на формирование языка татарской периодической печати начала XX века и старотатарского письменного литературного языка рассматриваемого периода в

целом, подчеркивает наличие в нем элементов функционально-стилистической вариативности.

Как видно из материалов, семантика глаголов в желательном наклонении, осложненных показателями первого лица множественного числа, отличаются от семантики глаголов в первом лице единственного числа. Так, основным значением, которое передают рассмотренные формы желательного наклонения первого лица множественного числа, является выражение призыва совершить то или иное совместное действие (*qarab qaryjq* ‘давайте посмотрим’, *jazajyq qardäslär fikerläremezne taratajyq insanijatymyzny arajyq* ‘давайте, друзья, будем писать, будем распространять свои мысли, будем искать свою человечность’, *aldanmajalym* ‘давайте не будем обмануты’).

В редких случаях формы желательного наклонения первого лица обоих чисел могут выражать и значение неуверенности или сомнения. Такое значение, как правило, характерно для вопросительного аспекта форм желательного наклонения или их сочетания с вопросительными местоимениями либо модальными словами: *Beznej öčen xäzer möhime, zarlanular soñynda qujylğan “Inde nišlik?” sualeder* («В.», 1910, № 565, «Кыргыз мәктүпләре», статья) ‘Главное сейчас для нас вопрос «Что нам теперь делать?», поставленный после жалоб’.

Помимо употребления синтетических форм желательного наклонения в текстах газет также зафиксирована реализация рассматриваемого типа наклонения посредством грамматических форм аналитического характера. Однако по сравнению с синтетическими формами они не являются ядерными элементами при выражении значения желания, а выполняют лишь вспомогательную функцию.

Так, одной из наиболее распространенных аналитических форм желательного наклонения, функционирующих в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» является конструкция, состоящая из инфинитива на *-yrğa* и вспомогательного глагола *telä* ‘желать’. В текстах рассматриваемая форма употребляется при передаче значения желания, соотношенного с любым временным планом и лицом. При этом, показатели времени и лица присоединяются к вспомогательному глаголу: *Anyñ öčen bez möselmanlar üzemezneñ dinemezneñ milätemezneñ bājrämlärene bājräñm itärgä häm üz bājrämläremezne saqlarğa telimez* («В.», 1910, № 617, «Ял итү мәсьәләсендә Садри әфәнде Максудиның нотыгы», отчет) ‘Для этого мы, мусульмане, хотим отмечать праздники своей религии, нации и хотим сохранить

свои праздники»; *Alar kontr revolutzionerlar ilä bergä eşlilär, xalyq xakimijäten beteregü telilär fälän, dib sojli, eščelärnen jändämen soryj* («К.», 1918, № 1242, «Самара фронты», репортаж) ‘Он говорит, что они работают совместно с контрреволюционерами, хотят развалить народное правительство и просит помощи рабочих’.

В текстах газеты «Борхане таракки» параллельно с аналитической формой на *-yrğa telä* также зафиксировано активное функционирование синонимичной формы на *-maq telä*, в основе которой лежит традиционный для тюркских языков грамматический показатель – инфинитив на *-maq*. Данная форма, как и предыдущая, способна выражать желание, исходящее от любого лица и направленное в план любого времени: *Jaz başlarynda härkemneñ küñelendän qajğylarñy jeb-ärä torğan, jäšel jafraqar... wä jäšel čirämlär ilä qyjtgä kebi tüşälmeş čirämleklärne kürmäk telär* («Б.т.», 1906, № 54, «Инсаният ялкыны», статья) ‘В начале весны все хотят наблюдать покрытые зеленой листвой деревья... и покрытые зеленой травкой лужайки’.

В текстах газеты «Борхане таракки» также обнаруживается аналитическая форма желательного наклонения *-maq istä*, синонимичная вышеприведенным аналитическим формам и характерная для турецкого литературного языка: *...hiç kemsäjä tärilkä totmaq istämüz* («Б.т.», 1907, № 81, «Газеталар», обзор периодической печати) ‘...никому не захочет подержать тарелку’.

В текстах газеты «Кояш» для передачи значения желания употребляется аналитическая форма на *-asy kil*, образованная от причастия будущего времени на *-asy* и вспомогательно глагола *kil* ‘хотеть’: *Samaradan kilgän deputat Miñle ğaliev oktäbristlardan sajlanyb kilgängä kürä, möselman fraksijasyna quşylasy kilmäde* («К.», 1913, № 26, «Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу», интервью) ‘Депутат из Самары Миннеғалиев, по причине избрания от октябристов, не пожелал вступить в мусульманскую фракцию’.

Данная форма желательного наклонения, в начале XX века воспринимаемая в качестве народно-разговорной, и на сегодняшний день активно функционирует как в грамматической системе современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 151], так и во всех говорах среднего диалекта [Юсупов, 2004, с. 485].

Форма условного наклонения на *-sa ide*, употребляемая в текстах газет без глагола следствия, также выражает значение желания. При этом, аффикс лица может присоединяться как к основному глаголу,

осложненному аффиксом *-sa/-sä*, так и к вспомогательному глаголу *ide*: *Başqa milätlärneñ räxät räxät tämle tämle gazeta uqyğanlyqlaryny küreb ax bezneñ üz telemezdä gazetalar bulsa ide digän tawyšlar berlän qolaqlar tonyb bette* («Б.т.», 1906, № 29, «Хажитархан сентябрь 24», статья) ‘Наблюдая за тем, как другие народы с удовольствием читают очень интересные газеты, начало закладывать уши от таких слов, как, «эх, вот бы и нам иметь газету на родном языке»’; *Xristian bājrämläre urnyna bez üzemezneñ möselman bājrämlärene bājram itärgä ixtijarly bulsa idek* («В.», 1910, № 617, «Ял итү мәсьәләсендә Садри эфәнде Максудиның нотыгы», отчет) ‘Было бы нам дозволено вместо христианских праздников отмечать свои мусульманские праздники’; *Şäriğatkä muafaq zäbex maniğ itelmäsen öçen tädbirlär qylsanız ide* («К.», 1914, № 1539, «Зәбех мәсьәләсе вә хөкүмәт вәкиле», статья) ‘Предпримите, пожалуйста, действия, чтобы избежать запрета на закалывание, относящееся к шариату’.

На сегодняшний день при передаче значения желания форма на *-sa ide* активна в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 153], а также употребительна в рамках грамматической системы диалектов татарского языка [Юсупов, 2004, с. 523]. При этом, употребление рассматриваемой формы в значениях желательного наклонения свойственно и другим современным тюркским языкам, а более ранние примеры ее функционирования зафиксированы в тексте произведения «Китаби-деде-Коркуд», уйгурском варианте «Мухубатнаме», и в памятниках туркменского языка XVIII в. [Юсупов, 2004, с. 524].

В текстах исследуемых нами газет значение желания активно передается также посредством формы на *-maqçy bul*. Данная форма выражает желание совершить действие в плане как настоящего, так и прошедшего и будущего времен, а аффиксы лица присоединяются к вспомогательному глаголу *bul* ‘быть’: *Iske Duma wäkilene aristavajit itmäkçe bulğanlar* («Б.т.», 1906, № 28, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘Хотели арестовать члена предыдущей Думы’; *Mäxälä xalqy mulalarğa wazyjfa täğajen itüwe bärabärenä üz tarafyndan alarğa berničä törle şartlar da qujmaqçy bula* («В.», 1916, № 1955, «Орски мөселманларының мөһим каралары», статья) ‘Жители прихода, взамен наделения мулл должностями, со своей стороны хотят поставить и несколько условий’; *Äma Zäki abyjnyñ sindän uzdyrды, ul böten Qazan xalqynyñ awyзуна suqmaqçy bulды* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфәң

нишлэтте!!», фельетон) ‘Но дядя Заки переплюнул тебя, он захотел дать по морде всему населению Казани’.

Функционирующие в текстах исследуемых нами газет формы желательного наклонения с разной степенью употребления обнаруживаются в текстах общетюркских и старотатарских письменных памятников начиная с периода Золотой Орды. Так, в письменных текстах, относящихся к периоду Золотой Орды и Казанского ханства, наряду с более ранними формами, зафиксировано употребление форм *-aj* и *-lym*, в письменных памятниках, относящихся к XVII – XVIII вв. также обнаруживается форма *-aj*. При этом, с точки зрения передачи в текстах значения желания посредством наибольшего количества разных грамматических форм выделяются тексты, оформленные в XI – начале XX вв. на старотатарском литературном языке, в частности следует выделить тексты поэтических произведений. При этом, рубеж XIX – XX вв., в отличие от более ранних периодов развития старотатарского письменного литературного языка, характеризуется применением в письменных текстах большого количества аналитических форм желательного наклонения [Татар әдәби теле..., 2017, б. 176, 233-234, 275, 641-642].

Таким образом, по сравнению с повелительным наклонением, желательное наклонение в текстах исследуемых нами газет получило меньшее распространение. Для реализации желательного наклонения, как правило, употребляется ряд синтетических и аналитических форм. Наиболее употребительной является синтетическая форма на *-aj*, *-uj*. При этом в газете «Борхане таракки» при реализации первого лица множественного числа зафиксировано функционирование традиционной общетюркской грамматической формы *-lym/-lem*, характерной для турецкого литературного языка.

3.4. Долженствовательное наклонение

Формы долженствовательного наклонения в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» употребляются с целью выражения обязательности или категорической необходимости при оценке соотношения реальной действительности и описываемого действия. При этом, то или иное описываемое действие, которому присущ характер долженствования, на семантическом уровне всегда направлен в план будущего времени.

На сегодняшний день в тюркологии долженствовательное наклонение определяется в качестве характерной особенности тюркских языков огузской группы [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 211]. В частности, в турецком литературном языке, долженствовательное наклонение характеризуется наличием форм настоящего-будущего и прошедшего времен и реализуется при помощи специального грамматического показателя на *-malı* [Кононов, 1956, с. 244]. В то же время в современном татарском литературном языке значение долженствования может быть выражено посредством синтетической формы на *-асы*, но чаще всего оно реализуется при помощи аналитических конструкций *-асы иде*, сочетания инфинитива на *-ырға* и модального слова *тиеш* ‘должен’, посредством описательной формы с глаголом *бул* ‘быть’ и т.д. [Татар грамматикасы, 2016, б. 168].

В текстах газет значение долженствования получило широкое распространение, а ее реализация осуществляется посредством целого ряда синтетических, аналитических и описательных грамматических форм.

Так, одной из наиболее распространенных форм, употребляющихся в текстах для реализации долженствовательного наклонения, является конструкция, состоящая из инфинитива на *-ырға* и модального слова *tijeş* ‘должен’: ...*Duma wäkilläre inj äwäl bu fidailarny qotylyu öçen amnistijany **trebovat itärgä tijeş** wä ğomumi krestianğa aqçasyz cir birelüne **trebovat itärgä tijeş** dib süzne tämam äjläde* («Б.т.», 1907, № 79, «Вәкилләр озату», письмо) ‘Он завершил свое выступление словами «...в первую очередь представители Думы должны требовать амнистию для спасения этих самоотверженных людей и должны требовать выделение бесплатных земель для крестьян»’; *Möfti möräcäğat itkän imatlarny barsyndan da cawablar motlaq waqytynda **baryb jetärgä tijeş*** («В.», 1913, № 1359, «Кинәш мәжлесә алдында», статья) ‘Ответы от всех имамов, к которым обратился муфтий, должны быть доведены строго без опозданий’; ...*Italiya Santiqaranta belän Valonany **alyrğa tijeş*** («К.», 1913, № 108, «Арнаутлык мәсьәләсенәң читенләшүе», обзор периодической печати) ‘Италия должна заполучить Сантитаранту и Валону’.

Часто в рассматриваемой конструкции модальное слово *tijeş* может функционировать в форме *tijeşle* ‘должен, обязан’ и выступать в предикативной функции: *Bolaj ulyr öçen härkem üzeneñ dusty berlän döşmanyny güzäl tanyb Dumağa da üzeneñ interesyna çyn küñel-*

dän köräšüče wäkil sajlarğa tiješle («Б.т.», 1906, № 37, «Хажитархан октябрь 24», статья) ‘Для того, чтобы так произошло, каждый должен хорошо знать своего товарища и врага и в Думу избрать такого представителя, который будет от всей души бороться за свои интересы’; *Din ešlärendä hičber törle qysu wä ämsaly šajlär bulmasqa tiješleder* («В.», 1909, № 486, «Хажии Мөхәммәдов нотыгы», отчет) ‘В религиозных делах не должно присутствовать никакое притеснение или прецедентные случаи’; *Sez bit Zäki abyjyñ belän ber törle tiplar, sez ber berejezne aňlaşyrğa tiješle...* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфәң нишләтте!!», фельетон) ‘Вы ведь с дядей Заки люди одного типа, вы должны понимать друг друга...’.

Как видно из примера, приведенного из текста газеты «Вақыт», отрицательная форма показателя долженствовательного наклонения на *-yrğa tiješ(le)* образуется при помощи конструкции *-masqa tiješ(le)*, которая состоит из аффикса *-masqa/-mäskä*, образованного от отрицательной формы причастия на *-yr* в сочетании с аффиксом направительного падежа и модального слова *tiješ(le)* (*bulmasqa tiješleder* ‘не должно присутствовать’).

В текстах газет «Вақыт» и «Кояш», в отличие от газеты «Борхане таракки», обнаруживается активное выражение значения долженствования посредством описательной формы, состоящей из конструкции *-yrğa tiješ ide*, куда входит сочетание инфинитива на *-yrğa* и модального слова *tiješ*, а также вспомогательный глагол *ide* ‘был’: *...šul säbäble itifaqçylar bu jerlärne ällä qajçan qulğa töšerergü tiješ ide* («В.», 1916, № 1955, «Карадагъ бетү», статья) ‘...по этой причине союзники уже давно должны были прибрать эти земли к рукам’; *Köndez ike säğatdä kanduktorlar häm vagon jörtüçelär alyšynyrğa tiješ ide* («К.», 1915, № 818, «Трамвайда забастовка», заметка) ‘Днем в два часа должны были смениться кондукторы и вагоновожатые’.

В текстах газеты «Борхане таракки» форма долженствовательного наклонения на *-yrğa tiješ ide* имеет крайне ограниченное распространение: *Xäyqjätädä pravitelstva ber partijägä dä quşyl-tıjça uñlarğa niček, sullarğa da şulaj uq bulyrğa tiješ ide* («Б.т.», 1906, № 44, «Хажитархан ноябрь 28», статья) ‘В действительности, правительство должно было, не объединяясь ни с одной партией, относиться одинаково и к левым и к правым’.

Кроме того, в текстах газеты «Вақыт» и «Кояш» зафиксировано функционирование описательной формы на *-yrğa tiješ bul*, состоящей

из сочетания инфинитива на *-yrğa* и модального слова *tijeş* а также вспомогательного глагола *bul* ‘будь’: *Üz tupraqyndan ütkäreb jebä-rergä... razyj bulmasa any cäberläb tabtab ütärgä tijeş bulyr* («В.», 1915, № 1768, «Инкыйлаф дәүләтләре вә Юнанистан», статья) ‘Если они не будут согласны... провести через свои земли, он будет вынужден пройти унизив и растоптав’; *Äti doğa qyla başlady, bez amin totarğa tijeş buldyq* («К.», 1914, № 321, «Хәкимә абыстай», художественное повествование) ‘Папа начал молиться, мы должны были сказать «Аминь»’.

В текстах газеты «Борхане таракки» вместо формы на *-yrğa tijeş bul*, как правило, функционирует ее грамматический синоним *-yrğa lazem bul*, в составе которой употребляется модальное слово *lazem* ‘необходимо, нужно’: *Kamisijä fikerençä Saratof häm Saritsin rajonlaryndan onny tizräk jebärüne sorarğa lazem buldy* («Б.т.», 1906, № 29, «Русия хәбәрләре», заметка) ‘По мнению комиссии, стало необходимо просить более оперативную отправку муки из Саратова и Царицыно’.

Как видно из приведенных примеров, формы *-yrğa tijeş ide* и *-yrğa tijeş bul/-yrğa lazem bul* характеризуются возможностью перенесения значения долженствования в различные временные планы, а также наличием полной парадигмы спряжения по лицам, где аффиксы лица присоединяются непосредственно к вспомогательному глаголу. Следует отметить, что на сегодняшний день формы на *-yrğa tijeş ide* и *-yrğa tijeş bul* являются наиболее употребительными в рамках современного татарского литературного языка [Татар грамматикасы, 2016, б. 169]. Факт их функционирования в текстах газет «Вақыт» и «Кояш», а также, соответственно, ограниченное распространение и отсутствие в текстах газеты «Борхане таракки» подчеркивает наличие в старотатарском письменном литературном языке начала XX века процесса, характеризующегося постепенным отказом от традиционных грамматических элементов и переходом к употреблению новых языковых форм, позднее ставших основой для формирования нового татарского письменного литературного языка.

Кроме того, значение долженствования в текстах всех исследуемых нами газет активно выражается при помощи конструкции, состоящей из инфинитива на *-yrğa* и модального слова *kiräk* ‘необходимо, нужно’: *Xujanätne häm kürdeñez nähar aldanmazğa kiräk* («Б.т.», 1906, № 49, «Киләчәк Дума вә мөселманлар», обзор периодической печати)

‘Необходимо каждый световой день не быть обманутым изменой’; *Ufağa baraçaq imamlarınuñ mađi cähätlären dä onytmasqa kiräk* («В.», 1913, № 1359, «Киңәш мәҗлесә алдында», статья) ‘Необходимо не забывать и финансовую составляющую имамов, уезжающих в Уфу’; *Şunlyqdan... ixtijaclaryna qarab iğanä bilgeläü äsasyñ alda totarğa kiräk* («К.», 1914, № 577, «Казан хәбәрләре», заметка) ‘Поэтому... нужно иметь ввиду способ определения пожертвования, основанный на существующей потребности’.

Как видно из примеров, в текстах газет наряду с формой отрицательного долженствования на *-masqa kiräk* также функционирует и вариант на *-mazğa kiräk (aldanmazğa kiräk* ‘необходимо не быть обманутым’), одним из компонентов которого является аффикс *-maz/-mäs*, на сегодняшний день сохранившийся в огузских языках, в частности в турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 227].

В отличие от текстов газет «Вақыт» и «Кояш», тексты, опубликованные в газете «Борхане таракки» характеризуются наличием целого ряда синонимичных друг другу аналитических форм долженствования. Так, в них зафиксировано функционирование формы на *-maq tijeş*, состоящая из сочетания инфинитива на *-maq* и модального слова *tijeş* ‘должен’: *Imam äfändelär, mäscedlärdä, xosusa comğa könlärendä cämägatkä añlatyb wäğaz wä näsixät itsä härber möselman jyğlaj jyğlaj järdäm idäcägendä şöbhä juqdyr fäqat añlatmaq tijeşder* («Б.т.», 1906, № 49, «Инсаниятдан бер хәбәр. Мөселманларга бер нәзер», статья) ‘Если бы товарищи имамы в мечетях, в частности по пятницам, объясняя населению, произносили бы проповеди и наставления, без сомнений, каждый мусульманин, плача, помогал бы, всего-то нужно объяснить’.

Широкое распространение в текстах газеты «Борхане таракки» получили синонимичные друг другу аналитические формы долженствования, созданные на основе модального слова *kiräk* ‘необходимо, нужно’. Так, часть таких конструкций состоит из сочетания инфинитива на *-maq* и модального слова *kiräk*: *Min zan idärem ki, ministr xäzrätläre, niçek säjäsi yşanyčsyz häm zararly keşelärne jebärgän kebi, Durnovany da Fransijä mämläkätendän jebürmäk kiräk* («Б.т.», 1906, № 56, художественное повествование) ‘Я предполагаю, господин министр, как высылаются политически ненадежные и опасные люди, Дурнову также нужно выслать из Франции’.

При образовании формы долженствительного наклонения, функционирующего в текстах газеты «Борхане таракки», модальное слово *kiräk* также может сочетаться с инфинитивом на *-mağa*: *Ämä ber märtäbä ešläb kürgändän soñ hiç qurqyrğa jaramyñ, ğajrätle jöräkle ulmağa kiräk* («Б.т.», 1906, № 49, «Килэчэк Дума вэ мөселманлар», обзор периодической печати) 'Однако после того, как уже попробовал один раз, ни за что нельзя бояться, нужно иметь храброе сердце'.

Кроме того, тексты газеты «Борхане таракки» характеризуются наличием в них аналитической формы на *-u kiräk*, также выражающей значение долженствования. Данная форма состоит из сочетания имени действия на *-u* и модального слова *kiräk*: *Jäñni härkem ana telendä uqyb belgänene hiçkemdän šiklänmäjenčä jazarğa häm ni teläsä šunu uquğa xörjät bulu kiräk* («Б.т.», 1906, № 32, «Правовое государство», статья) 'То есть должна быть свобода в вопросе чтения на родном языке, написания того, что человек узнал, не сомневаясь ни в ком, а также в чтении того, чего он хочет'.

Часть значений долженствования в текстах газеты «Борхане таракки» выражается посредством аналитических форм, созданных на основе модального слова *lazem* 'необходимо, нужно'. Так, в текстах обнаруживается форма на *-yrğa lazem*, состоящая из сочетания инфинитива на *-yrğa* и модального слова *lazem*: *Qorylğan tormyşlardan razyj bulmağan böten xalyqny üzeneñ äjlänäsenä sujyb berläšderergä lazem* («Б.т.», 1907, № 75, «Хажитархан февраль 21», статья) 'Необходимо собрать и объединить вокруг себя всех людей, недовольных выстроенной жизнью'.

В текстах данной газеты для выражения значения долженствования также употребляется форма *-maq lazem*, которая состоит из сочетания инфинитива на *-maq* и модального слова *lazem*: *Här kemgä mäğlüm ber keşe jäki ber milät ber eškä totynsa šul ešneñ fajdasyn kürmägä čalyšmaq lazemder* («Б.т.», 1906, № 29, «Бу нәрсә бу?», статья) 'Все знают, что если один человек или отдельный народ взялся за какую-либо работу, он должен стараться увидеть ее пользу'.

Форма долженствительного наклонения на *-maq lazem* в ограниченном количестве обнаруживается и в текстах газеты «Вақыт»: *Iske tarixumyzğa ğaid ularaq rusča jazylmyš ni qadär äsär var isa cömläsenä tärcemä wä näšer itmäk lazemder* («В.», 1908, № 333, «Болгар хәрабәләре һәм борынғы болгарлар», рецензия) 'Каждое произведе-

ние о нашей истории, написанные на русском языке, должно быть переведено и опубликовано’.

Кроме того, долженствовательное наклонение в текстах газеты «Борхане таракки» может выражаться посредством формы на *-u lazem*. Данная форма представляет собой сочетание имени действия на *-u* и модального слова *lazem*: *Xätä miña bitläremneñ bağzy urynlary qara köjgän bulu lazem* («Б.т.», 1906, № 30, художественное повествование) ‘Мне даже необходимо, чтобы на некоторых частях моего лица были синяки’.

Отличительной чертой текстов газет «Борхане таракки» и «Вақыт» в плане выражения значения долженствования является возможность ее передачи посредством формы на *-maly*, которая спрягается по лицам. Данная форма, характерная для современного турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 244], а также для азербайджанского, крымско-татарского, гагаузского и чувашского языков [Сравнит.-истор. грам., 1988, с. 357], обнаруживается, как правило, в текстах, созданных на огузо-турецком варианте старотатарского письменного литературного языка начала XX века и наиболее употребительна в текстах газеты «Борхане таракки»: *Iştä ğolämalyq wä milätkä xedmät bujlä ulmalydyr* («Б.т.», 1906, № 27, «Гыйбрэт хэзрэтләр», статья) ‘Таким образом, образованность и служение нации должно выглядеть так’; *Jaurupalylarnuñ zalimlarynu betermälejez...* («В.», 1912, № 1027, «Кытай эхвале», корреспонденция) ‘Мы должны остановить притеснения со стороны европейцев...’.

Как видно, в плане выражения значения долженствования тексты газеты «Борхане таракки» характеризуются употреблением большого количества синонимичных друг другу аналитических и синтетических форм, часть которых состоит из более поздних лексико-грамматических элементов, в том числе функционирующих и в рамках современного татарского литературного языка, а в основе другой части форм долженствования лежат более ранние общетюркские традиционные лексико-грамматические элементы, а также элементы, характерные для огузских языков, в частности турецкого литературного языка. Следовательно, такое разнообразие при выражении значения долженствования в текстах газеты «Борхане таракки» объясняется влиянием на формирование ее языка, а также старотатарского письменного литературного языка в целом, традиционных языковых форм и языковых элементов, вошедших в употребление через осман-

ско-турецкое посредство. А сам факт такого разнообразия подчеркивает наличие в старотатарском литературном языке начала XX века функционально-стилистической вариативности.

Наиболее распространенной формой долженствовательного наклонения, функционирующей в текстах всех исследуемых нами газет, является форма на *-yrğa tijeş*. Как отмечалось выше, в отличие от формы на *-yrğa kiräk*, также характеризующейся своей широкой распространенностью, она спрягается по лицам. В приведенной ниже таблице указаны личные аффиксы, функционирующие в текстах газет для спряжения формы на *-yrğa tijeş*:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>н/о</i>	<i>-myz/-mez</i>
2 л.	<i>н/о</i>	<i>-synyz/-señez</i>
3 л.	<i>_, -dyr/-der</i>	<i>-lardyr/-lärder, -dyrlar/-derlär</i>

Наиболее активной является форма на *-yrğa tijeş* в **третьем лице единственного числа**. В данном случае для выражения лица какого-либо специального грамматического показателя не применяется. При этом, рассматриваемая форма может функционировать в текстах как в форме, осложненной показателем сказуемости *-dyr/-der*, так и без него: *Hindstandağy böten xökümät idarälärendäge xedmätlärgä bezneñ kerergä haqumyz bulyrğa tijeşder* («Б.т.», 1906, № 56, «Чит мәмләкәт хәбәрләре», заметка) ‘Мы должны иметь право наниматься на все государственные административные должности в Индии’; *Bu tädbirne ber Qafqaz xalky ğyna tügel bälki böten Rusijä möselmanlary iğtibarğa alyrğa tijeş* («В.», 1915, № 1752, «Карс мөселманлары хәләнән», статья) ‘Это действие должны взять во внимание не только народы Кавказа, но и все мусульмане России’; *Bu eş tabiğyj, bezgä bik küb jeñellek, doşmanğa bilğakes uñğajsyzlyq jasarğa tijeşder* («К.», 1915, № 656, «Казан 17 март», статья) ‘Это, естественно, должно очень сильно нам помочь, а врагу, наоборот, создать трудности’; *Üzen şul eškä iqtidarly sanağan xanym wä tutaşlar xäzerdänük tübändäge keşelärdä jazyla başlarğa tijeş* («К.», 1917, № 1102, «Казан хәбәрләре», объявление) ‘Женщины и девушки, считающие себя способными трудиться на данной работе, начиная с данного момента должны начать записываться у нижеприведенных людей’.

Третье лицо множественного числа в текстах выражается посредством применения аффикса числа *-lar/-lär*. В данном случае, чаще всего, наблюдается осложнение показателем сказуемости *-dyr/-der*. При этом, порядок присоединения показателя числа и сказуемости может различаться. Так, зафиксированы примеры, где показатель *-dyr/-der* присоединяется непосредственно к модальному слову *tiješ*, после чего следует аффикс *-lar/-lär*. В иных случаях сначала может следовать аффикс числа, а затем аффикс сказуемости: *Xökümätneñ daxod wä rasxodlaryny tikšermäk öčen bezgä ixtıyar birergü tiješlärder* («Б.т.», 1906, № 56, «Чит мәмлэкәт хәбәрләре», заметка) 'Нам должны дать волю для проверки доходов и расходов государства'; *Möfti xäzrät tarafyndan Ufağa çaqyrylğan imamlar, bik zur maniğlary bulmağanda motlaq şunda baryrğa tijeşderlür* («В.», 1913, № 1359, «Киңәш мәжлесә алдында», статья) 'Имамы, которых муфтий хазрат пригласил в Уфу, при отсутствии очень серьезных преград, обязательно должны туда поехать'; *...bolar tarafyndan täqdim itelä torğan keşelär niçek kenä iteb bulsa da, ütkärelegü tijeşlärder* («К.», 1913, № 108, «Дума сайлауларына даир», статья) '...люди, предлагаемые ими, любыми путями должны быть пропущены'.

В других лицах рассматриваемая форма функционирует реже. Так, нами было зафиксировано функционирование формы на *-yrğa tiješ* в **первом лице множественного числа**. Данная форма оформляется при помощи показателя *-myz/-mez*, который присоединяется исключительно к модальному слову *tiješ*: *Xäzer prosent tüläwemez bik üsäçäkne küz aldynda totyb bez mämläkätneñ iqtisadi wä mali ešlären şunı tuafıq islah qylyrğa wä xäzerlärgü tijeşmez* («В.», 1916, № 1955, «Г. дума жыелышы», отчет) 'Сейчас, держа в уме большой рост оплачиваемых нами процентов, мы должны улучшать и подготовить экономические и финансовые дела нашей страны соответственно этому'; *Şunıñ öčen bezgä jä ul syjylyşqa bötenläj qatyşmaj toru, jäki zemstvanıñ mäğarif öčen täxsis itkän sumasın praportsijanalnyj büleşü kebek bu oluğ mäsiläne ğaryz itürgü tijeşmez* («К.», 1916, № 970, «Балкан сугышы мәйданында», корреспонденция) 'Поэтому, нам или вообще пока не принимать участия на этом собрании, либо мы должны просить решить этот важный вопрос путем пропорционального разделения суммы, выделенной земством на нужды образования'.

Второе лицо множественного числа в текстах газет образуется при помощи аффикса *-synıyz/-señez*, характерного для огузских язы-

ков [Негматуллов, 1983, с. 83] и функционирующего в некоторых кыпчакских языках Средней Азии, таких как казахский, каракалпакский, а также в чуть ином фонетическом варианте в диалектах татарского языка, а также в башкирском литературном языке [Гаджиева, 1975, с. 183]: *Inde xäzer Rusijäneñ xörijäten xärbî diktaturanıñ qara höcümendän saqlarğa... tijeşsez!* («В.», 1917, № 2276, «Баш министрның юл хадимнәренә хитабы», заметка) ‘Теперь вы должны защитить независимость России от темной атаки военной диктатуры...’.

Как видно из приведенных примеров, рассмотренные выше формы, функционирующие в текстах исследуемых нами газет, не характеризуются своей полисемантической и, как правило, употребляются для выражения значения обязательности или необходимости совершения того или иного действия, обусловленного объективными и субъективными факторами.

Таким образом, долженствовательное наклонение в текстах исследуемых нами газет выражается при помощи целого ряда форм, среди которых имеются показатели как синтетического, так аналитического и описательного характера. Тексты газеты «Борхане таракки», в вопросе реализации значения долженствования, в плане вариативности функционирующих в текстах грамматических показателей, противопоставляются текстам газет «Вақыт» и «Кояш», где наблюдается устоявшаяся ситуация, заключающаяся в выражении значения долженствования посредством определенного количества показателей. В целом, употребление форм долженствовательного наклонения не обусловлено какими-либо жанровыми рамками. Следовательно, данные формы обнаруживаются в текстах, независимо от того, к какому жанру относится текст, в котором было зафиксировано их функционирование.

3.5. Условное наклонение

Одним из грамматических категорий, активно функционирующих в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» является условное наклонение. Как известно, условное наклонение обозначает действие, служащее условием для совершения иного действия, выраженного другим глаголом [Татар грамматикасы, 2016, б. 153]. Для выражения такого рода условно-следственных отношений в текстах газет употребляется, как правило, общетюркская форма на *-sa/-sä*,

которая спрягается посредством личных аффиксов II группы. В этом плане наблюдается сходство между функционированием условного наклонения в текстах исследуемых нами газет и современном татарском литературном языке, а также его диалектов [Юсупов, 2004, с. 518] и турецком литературном языке [Кононов, 1956, с. 243].

Следует отметить, что в текстах письменных памятников, созданных на древнетюркском и старотатарском письменном литературном языках функционирование формы на *-sa* для передачи условно-следственных отношений зафиксировано начиная с периода Волжской Булгарии [Татар әдәби теле..., 2017, б. 103, 236, 278, 666].

Далее рассмотрим личные аффиксы, функционирующие в текстах исследуемых нами газет для реализации спряжения формы условного наклонения на *-sa/-sä*:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-m</i>	<i>-q/-k</i>
2 л.	<i>-ñ</i>	<i>-ñyz/-ñez</i>
3 л.	–	<i>-lar/-lär</i>

В текстах газет форма условного наклонения на *-sa*, традиционно для текстов такого типа, наиболее регулярно обнаруживается в сочетании с аффиксами третьего лица обеих чисел. Так, **третье лицо единственного числа** в текстах не характеризуется наличием какого-либо специального грамматического показателя: *Agär tijeşle wä kiräkle uryñlarğa **totylsa** sez sorağandan artyğraqyn da birergä dä razyjmyñ* («Б.т.», 1906, № 38, «Шулай кирәкме?», статья) ‘Если эти средства будут применяться по назначению, то я согласен дать и больше, чем вы просите’; *Awyl ni qadär fäqyjr **bulsa da** ber mäktäb asrarğa, ber möğalim totarğa xällärendän kilä* («В.», 1909, № 536, «Идарэдән», комментарий) ‘Какой бы не была бедной деревня, ей по силам иметь одну школу и одного учителя’; *Ägärdä Duma oluğ rus milätenä möstäxyjq bulyb, çirkäüñej oluğ äxämijäten **añlasa**, añarğa oluğ çirkäü jasau ešenä masraf täğajen itü lazem* («В.», 1913, № 52, отчет) ‘Если Дума нуждается в великом русском народе и осознает большую пользу от церкви, ей нужно утвердить расходы на строительство церкви’.

Для реализации формы **третьего лица множественного числа** условного наклонения на *-sa* в текстах газет употребляется аффикс

числа *-lar/-lär*, который присоединяется непосредственно после показателя рассматриваемого наклонения: *Soñra barça xalyq ürädnik torğan xanägä kerä başlasalar ürädnik bu xälne küreb, ... Bädräldin ağaj ny şaşqa ilä çabqalady...* («Б.т.», 1907, № 89, «Үрәдник баш кисте», статья) ‘Если потом весь народ начал заходить в помещение, где живет урядник, то урядник, увидев происходящее, ... изрубил Бадретдин агая саблей’; *Ähel bulğan keşelär bu kitablardağy qosurlarny matbuğat mäjdanyна qujsalar böjek xezmät kürsätkän bulyrlar ide* («В.», 1909, № 428, «Шаһид Гавани әсәрләре», рецензия) ‘Если бы люди публиковали недостатки, имеющиеся в этих книгах в периодической печати, от этого была бы большая польза’; *Qalğan öç firqä tarafdarlary bağzy ber мәsälälärdä ber süzgä kilä almasalar da, idarä ešlärendä märkәzijät usuly qullanğan suratdä genä Qytaj cөmhürijäte näcat tabaçaqdyr...* («К.», 1913, № 75, «Кытайда сайлаулар», статья) ‘Несмотря на то, что сторонники оставшихся трех партий в некоторых вопросах так и не смогли прийти к единому мнению, Китайская Республика сможет найти спасение только в случае использования централизованного способа в управленческих делах...’.

Кроме наиболее распространенных форм условного наклонения, функционирующих в третьем лице обеих чисел, в текстах газет также зафиксировано употребление формы на *-sa* и в других лицах. Так, **первое лицо единственного числа**, подобно современному татарскому [Татар грамматикасы, 2016, б. 153] и турецкому [Кононов, 1956, с. 243] литературному языку, образуется при помощи аффикса *-m*: *Şähärgä kilsäm başqa milätneñ balalary kitab kibetlärenä kereb kitablar alalar* («Б.т.», 1906, № 51, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) ‘Если я приезжал в город, то видел как дети других народов покупают книги в книжных магазинах’; *Küz tekäb baqsam agar дә tormyşumnyñ kügenä: / Jäš hilal uryunynda anda, tulğan aynyñ jaqtysy!* («В.», 1910, № 700, «Өзелгән өмет», художественное повествование) ‘Если я теперь на небо жизни горестной смотрю, / Больше месяца не вижу, светит полная луна’.

Первое лицо множественного числа в текстах образуется посредством личного аффикса *-q/-k*, который в современном татарском [Татар грамматикасы, 2016, б. 153] и турецком литературном [Кононов, 1956, с. 243] языках функционирует только в варианте *-k*: *Här qajsymyz keşe başyna könenä ike sumlyq ešläsäk барымызныñ kön buyyna ešlägäne un ike sumlyq buladyr* («Б.т.», 1906, № 44, «Социалистлар

ни тели», статья) ‘Если каждый из нас за день заработает два рубля на человека, то наш общий заработок составит двенадцать рублей’; *Urta Rusijä möselmanlaryna kilsäk, ... sajlaularda inarodeslarny başqalardan ajru ğajre rus milätlärne bik cajsyz xälgä töşerde* («К.», 1913, № 75, «Котлымөхәмәт мирза Тәфкилевнең Дәүләт думасында сөйләгән нотыгы», отчет) ‘Если мы коснемся мусульман центральной России, ... то отделение инородцев от остальных на выборах, поставило другие русские народы в очень неудобное положение’.

Второе лицо единственного числа, подобно современному татарскому литературному языку [Татар грамматикасы, 2016, б. 153], оформляется при помощи аффикса *-η*: *Läkin biradärem här waqytda bu fikereñdän waz kičsäñ bik güzäl bulyr ide* («Б.т.», 1907, № 75, «Татар углына хитаб», статья) ‘Но, брат мой, было бы хорошо, если бы ты всегда отказывался от этой мысли’; *Jyğlasañ çyğaryb qar eçenä taşlarmyn!* («В.», 1915, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) ‘Если будешь плакать, выброшу в снег’.

Второе лицо множественного числа осуществляется посредством личного аффикса *-ηыз/-ηез*, определяющегося в рамках старотатарского литературного языка рассматриваемого периода в качестве элемента традиционной языковой нормы: *Ägärdä biş minutda kitmäsäñez atarmyn dide* («Б.т.», 1906, № 28, «Тайный циркуляр», письмо) ‘Он сказал, что, если мы не уйдем в течение пяти минут, он будет стрелять’; *“Jaxşy, min kürgäzgän mäsläxätkä binaän eş qylyrğa razyj bulsañyz min kitü fikereñdän qajtamyn” digän* («В.», 1912, № 921, «“Айлә” вилаяте вакыйгалары», статья) ‘Он сказал: «Хорошо, если вы будете согласны что-либо предпринять ради пользы, которую я обозначил, я отказываюсь от идеи уехать’.

Отрицательная форма условного наклонения на *-sa* в текстах газет образуется при помощи аффикса отрицания *-ma/-mä*, который присоединяется к основе глагола перед показателем наклонения: *Menä şunda şäkerdlär belmäsä ojaltañ bulyr ideñez* («Б.т.», 1911, № 145, письмо) ‘Вот если бы тогда шакирды не знали, тогда бы вы заставили нас постесняться’; *Iske zamanda balalaryñ “uqymasañ kötüçe bulyr- syñ” dib qurqyta idelär* («В.», 1914, № 1537, заметка) ‘Раньше детей пугали словами «если не будешь учиться, станешь пастухом»’; *Şulaj uq, daxilijä nazyjrenä ägär telefonlarny jaxşy idarä itmäsülär, telefon xucalaryna yştraf salu, ... хақыны бирә торған 70 нче madä dä, küblek ilä töşereläder* («К.», 1913, № 247, «Дәүләт думасы», отчет) ‘Кроме

того, 70 статья, дающая право министру внутренних дел накладывать штраф на хозяев телефонов в случае, если они надлежащим образом не используют телефоны, снята большинством голосов’.

Как и в современном татарском литературном языке, а также других тюркских языках, на семантическом уровне условное наклонение в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» характеризуется своей многозначностью. Условное наклонение на *-sa* не несет в себе какого-либо определенного временного значения, однако действие, выражаемое посредством рассматриваемого наклонения, всегда отнесено в план будущего времени. Такая темпоральная характеристика условного наклонения связана, в первую очередь, с тем, что любое действие, осуществление которого ожидается в будущем, всегда характеризуется оттенком условности, тогда как любое условное действие мыслиться, как правило, в будущем [Юлдашев, 1958, с. 176].

Наиболее часто в текстах газет форма условного наклонения на *-sa*, употребляясь в сочетании с глаголом настоящего времени изъявительного наклонения, выражает условно-следственные отношения между действиями, состоящими во взаимообусловленной связи. При этом, условие в форме на *-sa* и глагол следствия, как правило, передают оттенок повторяемости или типичности действия: *Äğärdä gasudarstvennyj vlast xalyqnyj telägänenä qarşy haman üzenej zolymuny çäçäk atdyrsa, älbätä ul üzenej tajanyrlyq quwäte bulğanlyqdan alaj itüder* («Б.т.», 1906, № 37, «Хажитархан октябрь 24», статья) ‘Если государственная власть, вопреки желаниям народа, продолжает осуществлять свои гонения, конечно же, она поступает так, потому что имеет мощь на которую опирается’; *Äğär mömkin balsa imtixan jetkänçe jäğni aprel 25 lärenä qadär jetärlek iteb birmäkdülär* («В.», 1912, № 942, «Тапшырылган иганә хакында мәктүп», письмо) ‘Если это возможно, выдают так, чтобы хватило до начала экзаменов, то есть до 25 чисел апреля’; *Älxasyjl bez wä bezneñ mötäfiqlarymyz üzemezneñ suğyşyrğa tijeşlekemez haqynda nindi fikri äsaslar barlyğyn dägwa itsäk, näq şul uq äsaslarny Germanijä satsialistlary da... dägwa itülär* («К.», 1915, № 858, «Германия парламентында», статья) ‘Одним словом, если мы и наши союзники заявляем о наличии каких-либо принципах, по которым мы должны воевать, о тех же самых принципах заявляют и социалисты Германии...’.

При выражении условно-следственных отношений, имевших место в прошлом, глагол следствия может быть выражен формой

прошедшего времени на *-dy*. При этом, посредством своего контекстуального значения, прошедшее время может передавать, как и в предыдущем случае, оттенок повторяемости или типичности действий: *Kazanğa kilsäm bu fikeremdä miña fikerdaş ibdäslär bajtaq tabyldy* («Б.т.», 1906, № 51, «Уткән гомерем вә карангылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) 'Если я приезжал в Казань, то здесь находилось много единомышленников, готовых поддержать мою идею'; *Oktäbristlar, anlardan sulraqlar hämäse dä qabul itü jağynda bulğanlyq elekdän ük bilgele bulsa da, bu haqda jözläb keşe söjläde* («В.», 1909, № 550, «Дәүләт думасы», статья) 'Несмотря на то, что давно было известно, что октябристы и те, кто левее них, все были за то, чтобы принять, об этом сказало около ста человек'; *Peterburg cämğyjät xärijäsen istisna itsäk, Tuqaj wafaty belän, ber cämğyjät xärijä ber närsägä täsis itmäde* («К.», 1914, № 388, «Казан 15 апрель», статья) 'Если мы выводим за рамки петербургскую благотворительную организацию, то со смертью Тукая, ни одна благотворительная организация не стала основой ни для каких мероприятий'.

В сочетании с глаголами следствия в форме будущего времени изъявительного наклонения, рассматриваемая форма условного наклонения в текстах газет выражает условно-следственную связь между действиями как реальное предположение: *Milätne anlardan mäxrüm itsänez sezläre ni qadär bäddoğalar äjtäcäkklärder!* («Б.т.», 1906, № 30, «Ханымлара хитаб», статья) 'Если вы лишите народ их, сколько проклятий будет сказано в ваш адрес!'; *Ägärdä öcәнçe ysjezd şul kandidat-larny muafiq kürmäsä genä jañadan kandidatlar täğajen iteler* («В.», 1917, № 2276, «Пермь губернасы мөселманларының съезды», отчет) 'Если только третий съезд не сочтет этих кандидатов соответствующими, кандидаты будут определены заново'; *Şunlyqdan bu haqda Sabranija mili gazetalarğa telegramlar bireb... xäbär birsü... inša Allah, bäjramemezne böten Rusijä möselmanlary ber köndä itürlär* («К.», 1913, № 247, «Казан 21 октябрь», статья) 'Поэтому, если Собрание объявит об этом подав телеграммы в национальные газеты..., инша Аллах, все мусульмане России встретят праздник в один день'.

Как видно из приведенных примеров, форма условного наклонения на *-sa*, функционирующая в текстах газет, во временном отношении является универсальной. В зависимости от контекста и формы глагола следствия, она может выражать условие, относящееся к настоящему, будущему или прошедшему времени.

Также в текстах зафиксировано функционирование формы условного наклонения на *-sa* в сочетании с формой сослагательного наклонения на *-yr ide* при передаче глагола следствия. Такое сочетание употребляется для выражения гипотетического либо ирреального условного действия: *Ägärdä bez, xalyqnyñ quwäte östenä qoryl-majynča faqat Ystalypin kağydy östenä genä qorylğan Dumağa şundyj ömedlär bağlasaq, dönja mäsxäräse bulyr idek...* («Б.т.», 1907, № 81, «Думаны куалау хакында», статья) ‘Если бы мы, не основываясь на силу народа, надеялись лишь на Думу, основанную на бумаге Столыпина, были бы посмешищем...’; *Xökümät tarafyndan tasdyjq itel-gän programly darelmöğalimatymyz balsa, čitdä uqyğan qyzlar da şunyñ proğramy bujynča imtixan bireb möğalimälekkä şahadätnamä ala alyr-lar ide* («В.», 1912, № 1078, «Оренбург. Ноябрь 29», статья) ‘Если бы у нас была женская школа для подготовки учителей с программой, удостоверенной государством, девушки, обучающиеся на стороне тоже могли бы сдать экзамены по этой программе и получить удостоверение преподавательницы’; *...Lublinny doşman işgal itsä, bezneñ märküz ğaskäremezneñ ber qysmy, üz üzendän čigenergä mäc-bür bulyb, nimeslärgä Varşava julynyñ ber čiten açyq qaldyryr ide* («К.», 1915, № 731, «Мәркәздә сугышлар башлану алдыннан», статья) ‘...Если бы враг захватил Люблин, часть нашей центральной армии, будучи вынужденной отступать, оставила бы открытым для немцев одну сторону дороги на Варшаву’.

Форма условного наклонения на *-sa* в сочетании с частицами *da, дә* в текстах газет употребляется для выражения уступительного значения: *Bu sualgä cawab birü awyrraq balsa da bağzy adämlär xalyq nadan bulğanğa kürä dib cawab birergä batyrçylyq itälär* («Б.т.», 1906, № 32, «Газеталар ник туктыйлар», статья) ‘Несмотря на то, что на данный вопрос не так-то просто ответить, некоторые граждане, пользуясь необразованностью населения, отваживаются отвечать на них’; *“Xilal Äxmär”neñ iseme balsa da ciseme wä xäqyjyñ xedmäte juq ide* («В.», 1914, № 1538, «Төркиядә беренче адымнар», статья) ‘Несмотря на то, что было название «Красный полумесяц», его реального наличия и функционирования не наблюдалось’; *Başqa tarafdardan Ärdahanny almaq bötenläj mömkin tügel bulmasa da bik čitender* («К.», 1915, № 596, «Әрдаһан шәһәре», статья) ‘Несмотря на то, что взять Ардахан с других сторон не было совсем невозможным, это было очень затруднительно’.

В сочетании с модальным словом *kiräk* 'необходимо, нужно', форма на *-sa* выражает значение предположения и соответствует русскоязычному выражению 'вероятно, должно быть': *Kübräk mädräsä šakerdlärenej möğalim möğalämälärendän razıy bulmaulary da šul ike säbäbdän balsa kiräk* («Б.Т.», 1907, № 116, «Шәкерт галәме», статья) 'Должно быть, несогласие большего количества шакирдов с отношением учителей в медресе является одной из этих двух причин'; *Solyx tarafdarlarynyñ da kübese äsasa şuşy fikergä quşylsalar kiräk* («В.», 1915, № 1816, «Швеция ни фикердә?», заметка) 'Должно быть в основе своей большинство сторонников мирового соглашения присоединяться к этому мнению'; *Čönki nimesläř ber-ike kön ečendä genä bu tarafdän Dvinağa baryb jetä almasalar kiräkder* («К.», 1915, № 799, «Сугышның барышы», статья) 'Потому что немцы, вероятно, только в течении одного-двух дней не смогут добраться до Двины'.

Сегодня сочетание формы на *-sa* и модального слова *kiräk* обнаруживается в современном татарском литературном языке, а также в некоторых его диалектах. Так, наиболее употребительно оно в говорах среднего диалекта, а в мишарском диалекте и диалекте сибирских татар его употребление носит ограниченный характер [Юсупов, 2004, с. 524].

Реже в текстах газет форма на *-sa* употребляется в сочетании с вопросительными местоимениями и выражает значение сопоставления: *Inde ul bloqnyñ xäle häm aña bulğan mönasäbät elekdä niček balsa, äle xäzerdä dä šul köjenčä, ber dä üzgärgäne juq* («К.», 1916, № 921, «Петроград мәктүпләре», очерк) 'Что касается состояния этого блока и отношения к нему, то какое оно было раньше, таким и осталось, не поменялось'.

В текстах газеты «Кояш» для выражения условного значения в крайне ограниченном количестве было зафиксировано функционирование формы прошедшего времени на *-dy* в сочетании с союзом *isä* 'а, же': *Niček Ğajd köne buldy isä minem bala čağym xosusän bala čağymdağy ber bilgele waqyjğa isemä töşä* («В.», 1910, № 700, «Гөлчәһрә», художественное повествование) 'Если настает Гае, я тут же вспоминаю свое детство, в частности, какое-нибудь знаменательное событие из детства'.

Сегодня такое сочетание обнаруживается в говорах татарского языка, распространенных на территории Среднего Урала и Зауралья, а также в заказанской и нагорной группах говоров. За пределами

диасистемы татарского языка конструкция *-dy isä* в рассматриваемом значении функционирует в тофаларском и тувинском языках [Юсупов, 2004, с. 526].

Кроме наиболее употребительной формы условного наклонения на *-sa* в текстах газеты также зафиксировано ограниченное функционирование и аналитических конструкций, выражающих условное значение и характерных, прежде всего, для текстов, оформленных на огузированном варианте старотатарского письменного литературного языка начала XX века [Татар әдәби теле..., 2017, б. 684]. Так, в текстах газет «Вакыт» и «Кояш» нами было зафиксировано употребление конструкции *-açaq bulsa*, которое выражает условие, относящееся к плану будущего времени: *Ägär... ähle islamnyñ xälenä ber küz salynaçaq bulsa hiç şöbhäsez bunlarnyñ janı ber dönjağa, başqa ber usul mäğyjšätkä kerergä xäzerländekläre küreläçäkder* («В.», 1909, № 488, «Яна дөньяга керү», статья) ‘Если обратим взор на представителей мусульманства, мы, без сомнения, увидим их подготовку к переходу к новому миру, к жизни другого типа’; *Ägär bu jyl kijäügä çyğaçaq bulsa, morca arqyly közgegä qarağaç, közgedä üzlärenen bulaçaq kijäülärenen suräten kürälär* («К.», 1913, № 78, «Яз башы», статья) ‘Если в этом году должны будут выйти замуж, посмотрев через дымоход на зеркало, увидят в зеркале очертания своей будущей половинки’.

Таким образом, тексты газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» отражают общую тенденцию, наметившуюся в рамках старотатарского письменного литературного языка начала XX века. В этот период многочисленные аналитические формы, характерные для огузированного варианта старотатарского письменного литературного языка, функционирующие для выражения значения условности, постепенно уступают место форме на *-sa* и модальным конструкциям, созданным на основе данной формы и употребляющихся, как правило, в рамках народно-разговорного языка. Как видно из приведенных нами примеров, в результате такой тенденции форма на *-sa* на семантическом уровне, стремясь вобрать в себя часть значений, ранее передававшихся, в том числе и посредством аналитических конструкций, приобретает полисемантическую и приближается к значениям, характерным для рассматриваемой формы в рамках современного татарского литературного языка.

3.6. Сослагательное наклонение

В текстах газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» зафиксировано регулярное функционирование глаголов в сослагательном наклонении. Как известно, существует тесная связь между сослагательным наклонением и модальностью предположительности, в результате чего сослагательное наклонение характеризует действие как предположительное или возможное, а не как реально существующее.

В отличие от современного татарского литературного языка, где глагол в сослагательном наклонении, в результате развития языка, может употребляться и самостоятельно [Тат. грам., 1997, с. 158], в текстах исследуемых нами газет сослагательное наклонение употребляется, как правило, только в составе сложноподчиненного предложения. Это объясняется тем, что сослагательное наклонение выделилось из условно-следственных предложений гипотетического и ирреального типа, где функционировало в роли обусловленного действия.

Сегодня в современном татарском литературном языке сослагательное наклонение выражается при помощи ряда форм, в число которых входят формы на *-р иде*, *-ган булыр иде*, *-ачак иде* и *-а иде* [Татар грамматикасы, 2016, б. 153]. Однако в текстах газет для реализации сослагательного наклонения зафиксировано употребление лишь аналитической формы на *-ур иде*, состоящей из причастия на *-ур* и вспомогательного глагола *иде* 'был'. Помимо современного татарского литературного языка она активна и в говорах среднего, мишарского, тоболо-иртышского и барабинского диалектов [Юсупов, 2004, с. 528].

Общекатегориальным значением глаголов, функционирующих в текстах газет в форме сослагательного наклонения на *-ур иде* является выражение нелокализованного во временной плоскости действия, характеризующегося с точки зрения его большей или меньшей вероятности осуществления, а также, в зависимости от контекста, характеризующегося наличием модальных значений желания (от реального до несбыточного), предположения, побуждения и т.д. При этом, в зависимости от того, в каком лице употребляется глагол, значение, передаваемое им, может варьироваться.

Далее рассмотрим личные аффиксы, функционирующие в текстах газет для спряжения глаголов в сослагательном наклонении:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-m</i>	<i>-k</i>
2 л.	<i>-ŋ</i>	<i>-ŋez</i>
3 л.	—	<i>-lar ide/-lär ide</i>

В текстах наблюдается наиболее распространенное употребление формы сослагательного наклонения на *-yr ide* в третьем лице, где она, как правило, выражает предположение, относящееся к прошлому. При реализации **третьего лица единственного числа** употребление какого-либо специального грамматического показателя не наблюдается: *...jaxşy ğyna mädräsälär wä möğalimlär kiterteb islam balalaryny tärbijä qyldyrsanyz naxaq urynğa miläte öçen canyny qorban qylğan ber möselmanny jandyryr öçen Peterburğ advokatlaryny simertüdän küb xäjerle ulyr ide* («Б.т.», 1907, № 75, «Тасыфлы вакыйга», письмо) ‘...если вы организовав работу хороших медресе и учителей, будете воспитывать мусульманских детей, было бы куда лучше, чем кормить Петербургских адвокатов для несправедливого уничтожения мусульманина, отдавшего душу ради своего народа’; *Äfändelär qyj-raätxanämezgä mömkin qadär gazeta žurnal wä başqa šundyj risalälär iğanä qylsalar möğalla mämnünijät qabul qylynyr ide* («В.», 1917, № 2271, «Ярославльде мөселман хәрби комитеты», корреспонденция) ‘Если бы господа максимально поддерживали газетами, журналами и другими такими печатными изданиями, все это принималось бы с большим удовольствием’; *Äğär dä üz kamitetymyz bulsa, ğajrät wä sädaqatemez zahir ulmaq ilä bärabär birgän sumamyznyñ niqadär ikäne dä mäğlüm bulyr ide* («К.», 1914, № 485, «Авылларда зур ихтыяж вә аларга ярдәм», статья) ‘Если бы у нас был собственный комитет, вместе с тем, что наша сила и дружба была бы очевидной, была бы еще известна и сданная нами сумма’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет реализуется посредством аффикса числа *-lar/-lär*, который присоединяется строго к основному глаголу: *Äğärdä bez här ikesendän alynğan aqçadan oşbu 41 tijenne çikersäk, ul waqyt krestjanlar qaznağa ike rublä 24 tijen nalok tülägändä, dvaranlar bary 5 tijen genä nalok tülägän bulyrlar ide* («Б.т.», 1906, № 51, статья) ‘Если бы мы отняли с полученных от обоих денег по 41 копейки, то в этом случае, когда крестьяне бы заплатили в казну два рубля 24 копейки налога, дворяне бы заплатили всего лишь 5 копеек

налога'; *Ägärdä mindä alarnyň haqlary bulsa, alar mine şunduq sudqa birelär ide* («В.», 1914, № 1537, «Хосусый үтенеч», письмо) 'Если бы у меня были их права, они бы в тот же момент подали на меня в суд'; *Menä şunjar kürä dä, Italijägä täcavez jasamaqçy bulsalar, alar motlaqa San bujyndağy ğaskärlärendän ajryb qyna Italijä eçenä täcavezgä jetärlek ğaskär taba alğan bulyrlar ide* («К.», 1915, № 706, «Сан буенда каты сугышлар», статья) 'Вот поэтому если бы они хотели вторгнуться в Италию, они бы обязательно нашли войско для вторжения в Италию, использовав часть военнослужащих, расположенных на берегу Сана'.

Кроме того, в текстах газет зафиксировано ограниченное функционирование формы сослагательного наклонения на *-ur ide* и в других лицах. Так, на семантическом уровне первое лицо обеих чисел характеризуется наличием значения неосуществимого в момент речи желания. При этом, **первое лицо единственного числа** реализуется при помощи аффикса *-m*, который присоединяется к вспомогательному глаголу *ide*: *...nä tariqa ilä iltifatlaryny qazandyqunyzy bājan idärsäñez päk möstāfid binaän ğalājhi päk mämnun wä mänšöker ulyr idem* («Б.т.», 1906, № 32, «Шәкерт илә хәзрәт мөсахәбәсе», художественное повествование) '...если вы расскажете, каким образом завоевали их уважение, я получил бы огромную пользу и, таким образом, был бы очень доволен и благодарен'; *Ütkärmäkdä bulğanymyz suğyş zamany mönäsäbäte belän täcribäle äbi (akuşerka) tabuwy möşkel bulğanlyqdan, ... min üz tarafymdan möselman cämğyjät häjrijäsenä väladätخانә açyny waqyt uñajlanğanğa qadär kiçekdereb toruny mäslixät kürer idem* («К.», 1917, № 1100, «Мөселманнар арасында», отчет) 'Из-за того, что затруднительно найти опытную акушерку в связи с военным временем, которое мы проживаем, ... я, со своей стороны, восприняла бы уместным перенесение открытия мусульманской общественной организацией родильного дома до улучшения ситуации'.

Первое лицо множественного числа в текстах оформляется посредством аффикса *-k*, который также присоединяется строго к вспомогательному глаголу: *Ägärdä üzemezgä maxsus gazetamyz bulsa qulymyzdan kilgän qadär ixtijaclarymyzny şul gazetada jazyb kürsäter idek* («Б.т.», 1906, № 56, «Үткән гомерем вә караңгылык. Хәзерге хәлем вә шатлык», очерк) 'Если у нас будет своя специальная газета, мы бы могли, на сколько это возможно, писать в ней о своих потребностях'; *Mondan soñ elekke jalqaulyq wä elekke alamalyqlary bötenläj onyту wä artда qaldyru lazem bulyr; şunyñ öçen bez... awyl*

xucalyğy wä igen ešläre tiräsenä bağyşlaularyn mäslixät itür idek («К.», 1915, № 699, «Ужымлар вә сабан ашлыклары»), статья) ‘После этого будет необходимо полностью оставить позади и забыть старую лень и старые скверности, поэтому мы бы сочли уместным их занятие сельским хозяйством и земледелием...’.

Второе лицо сослагательного наклонения на *-yr ide* обеих чисел в текстах газет представлено в крайне ограниченном количестве и, как правило, выражает побуждение к действию. Так, **второе лицо единственного числа** в текстах газет образуется при помощи аффикса *-η*, который присоединяется к вспомогательному глаголу: *Xäzer sau sälamät bulsaη, sin dä Zäki abyjyη šikelle berär närsä jazyb tašlar ideη...* («К.», 1913, № 50, «Зәки хәлфәң нишләтте!!», фельетон) ‘Если бы ты сейчас был жив-здоров, ты бы тоже написал что-нибудь этакое, как дядя Заки...’.

Второе лицо множественного числа реализуется посредством присоединения к вспомогательному глаголу аффикса *-ηyz/-ηez*: *Menä šunda šäkerdlär belmäsä ojaltaη bulyr ideηez* («Б.т.», 1911, № 145, письмо) ‘Вот если бы тогда шакирды не знали, вы бы заставили нас постесняться’.

Как видно из материалов, в отличие от современного состояния татарского литературного языка, где сослагательное наклонение характеризуется наличием целого ряда грамматических показателей, в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» для ее реализации функционирует лишь показатель на *-yr ide*. Данная грамматическая форма в текстах употребляется исключительно в функции показателя сослагательного наклонения, тогда как в современном татарском литературном языке, наряду с формой на *-açaq ide*, она также может функционировать в качестве показателя аналитической формы прошедшего времени изъявительного наклонения.

3.7. Формы, выражающие значение возможности

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш», как и в современном татарском литературном языке, функционирует ряд глаголов, в сочетании со вспомогательными глаголами и модальными словами обладающие специфической возможностью передавать те или иные модальные значения.

Так, наиболее активно в текстах обнаруживаются модальные конструкции, служащие для выражения значения возможности либо невозможности совершения того или иного действия. Одной из наиболее активных форм является конструкция на *-a/-uj al*, состоящая из деепричастия на *-a/-uj* и вспомогательного глагола *al* ‘брать’, который в составе данной конструкции получает значение ‘мочь, смочь’: *Şulaj iteb sez Bubi mädräsäsendä dä jabyлмаqda bulğan başqalarda da watanğa xäläf dijerlek hiçbernärsä **taba almazsyňyz*** («Б.т.», 1911, № 139, «Газеталарымыздан», обзор периодической печати) ‘Таким образом, ни в медресе Буби, ни в каком другом закрытом медресе вы не найдете ничего, что могло бы стать полезным для родины’; *Soň sez üz mämläkäteñezdä mondyj ber dini islax wä inqyjlab jasaluwyny **ömed itä alasyzmy?*** («В.», 1913, № 1109, «Иstanbul мәктүпләре», очерк) ‘Так вы можете надеяться на то, что в вашей стране могут организовать такое реформирование и переворот?’; *...monyň öçen inde kadet ojatsyzlyğy ğyna **xedmät itä ala*** («К.», 1917, № 1174, «Мәскәү съездларында», отчет) ‘...с этой целью может служить только кадетская бессовестность’.

Как видно из примеров, для передачи действия, совершаемого в рамках того или иного временного плана, рассматриваемая форма в текстах может принимать соответствующие временные формы и спрягаться по лицам путем присоединения личных аффиксов к вспомогательному глаголу. При этом, отрицательная форма данной конструкции образуется посредством присоединения к вспомогательному глаголу аффикса отрицания *-ma/-mä* (*taba almazsyňyz* ‘не сможете найти’), а вопросительный аспект реализуется при помощи вопросительной частицы *-my/-me*, присоединяемой к вспомогательному глаголу после личных аффиксов (*ömed itä alasyzmy?* можете надеяться?’).

Для выражения значения возможности или невозможности совершения того или иного действия в текстах газет также употребляется конструкция на *-yb bul*. Она состоит из деепричастия на *-yb* и вспомогательного глагола *bul* ‘быть’, которая в рамках рассматриваемой конструкции также передает значение ‘мочь, смочь’. Как показывают материалы, форма на *-yb bul* в текстах употребляется безотносительно к лицу и может принимать грамматические показатели времени. При этом, ее отрицательная форма образуется также при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая при выражении значения невоз-

можности действия, развертываемого в плане настоящего времени на *-a* подвергается сужению и употребляется в варианте *-muj/-mi* (*alyb bulmuj* ‘не получается взять’), а вопросительный аспект оформляется посредством присоединения вопросительной частицы *-muj/-me*: *10 meñ rublä kileš berlä qyryq meñ rublä rasxodly ber ešne julğa salyb bulyrmu?* («Б.т.», 1906, № 30, «Газеталардан», обзор периодической печати) ‘Будет ли возможно поставить на рельсы дело, имеющее приход в 10 тысяч рублей и расход в сорок тысяча рублей?’; *Xalbuki Milät mäcleseneñ tasdiqyndan başqa buryçqa aqça alyb bulmuj* («В.», 1913, № 1359, «Австриядә миллиять низагъсы», статья) ‘Тогда как без разрешения Национального собрания невозможно взять деньги в долг’; *Häm bu suallärgä niçek kenä itdereb dä cawab bireb bulmuj* («К.», 1914, № 427, «Зэбех мәсәләсе», статья) ‘И что бы ни сделать, на эти вопросы невозможно ответить’.

Значение возможности также может передаваться посредством конструкции на *-yrğa mömkin*, в основе которой лежит инфинитив на *-yrğa* в сочетании с модальным словом *mömkin* ‘можно’. Такая конструкция используется для выражения неопределенно-личной возможности, относящейся к разным временным планам: *Bu sualgä šul uq qualanğan Duma berlän cawab birergä mömkin* («Б.т.», 1906, № 37, «Хажитархан октябрь 24», статья) ‘На этот вопрос можно ответить той же распушенной Думой’; *Menä šunda beleb söjläšermen. Anda sabaq birergä dä mömkin* («В.», 1909, № 513, «Мөсахәбәләр», интервью) ‘Вот тогда буду разговаривать зная. Там можно и разуму учить’.

При выражении значения невозможности рассматривая конструкция приобретает, форму на *-masqa mömkin*. При этом, в случаях, когда в текстах употребляется двойное отрицание при помощи осложнения рассматриваемой конструкции путем употребления отрицательной частицы *tügel* ‘не, ни’, полученная форма на *-masqa mömkin tügel* функционирует в значении ‘невозможно не’: *Anarxiya, tabiğuj, watan söjä torğan wä watandašларына хәjer teli torğan hiç ber dairäne tujdyrmasqa mömkin tügel* («К.», 1917, № 1174, «Мәскәү съездларында», отчет) ‘Анархия, естественно, не может не насытить ни одно общество, любящее свою родину и желающее добра соотечественникам’.

Значение возможности в текстах газет также может передаваться при помощи конструкции, состоящей из имени действия на *-u* и модальных слов *mömkin* ‘можно’ и *ixtimal* ‘вероятно’. При этом, имя

действия на *-u* может принимать аффиксы принадлежности: *Xäzere endä haman bu 35 milion arta baruwy da ixtimaldyr* («Б.т.», 1906, № 28, «Русия хэбэрлэре», заметка) ‘В настоящее время возможно и увеличение этих 35 миллионов’; *Mili wä dini teläkläremezdän bağzylaryn juğarydan röxsät soramajynča, jäki nizamlar üzgärtelüne kötmäjenčä xalyq qarary ilä... ğamälgä quju mömkin* («В.», 1917, № 2206, «Гамэлгэ куела торган берничэ эш», заметка) ‘Есть возможность воплотить некоторые из наших национальных и духовных желаний путем народного голосования, не спрашивая разрешения сверху или не дожидаясь поправок в законы’; *10 – 12 majlarda salqynaja töšär, 16 – 18 lärendä jaxşı ğyna suyqlar buluwy ixtimal* («К.», 1913, № 108, «Дахили хэбэрлэр», заметка) ‘10 – 12 мая чуть похолодает, в 16 – 18 числах возможны довольно-таки сильные морозы’.

Конструкция, состоящая из имени действия на *-u* и модальных слов *mömkin* и *ixtimal* в сочетании с глаголом *ide* ‘был’, может быть соотнесена с планом прошедшего времени. При этом, отрицательная форма конструкции на *-u mömkin* в текстах оформляется, как правило, посредством сочетания с отрицательной частицей *tügel* ‘не, ни’: *Şunuñ öçen ingliz säüdä köjmälärenä ğadi ticarät paraxodlary dib qarau mömkin tügel ide* («В.», 1915, № 1776, «Германия ихтилафы», отчет) ‘По этой причине невозможно было рассматривать английские торговые судна лишь в качестве торговых пароходов’.

Все рассмотренные выше конструкции, выражающие значение возможности или невозможности совершения того или иного действия, употребляющиеся в текстах всех исследуемых нами газет, с разной степенью распространения функционируют и в современном татарском литературном языке [Татар грамматикасы, 2016, б. 164-166]. При этом, тексты газеты «Борхане таракки», помимо употребления этих конструкций, в отличие от газет «Вақыт» и «Кояш», характеризуются наличием формы на *-a bel*, характерной для турецкого литературного языка [Кононов, 1956, с. 212]. Данная форма состоит из деепричастия на *-a* и вспомогательного глагола *bel* ‘знать’, которая в составе рассматриваемой конструкции приобретает значение ‘мочь’: *Bu sülädegemä misal ularaq şunu ğöstärä belämen ki* («Б.т.», 1906, № 36, «Дәрел Әдәптә сөйләнгән нотык», отчет) ‘В качестве примера к вышесказанному могу указать следующее’.

Как показывают материалы, модальные формы, выражающие значение возможности или невозможности совершения того или иного

действия, активно употребляются в текстах, относящихся к разным жанровым группам. При этом, часть модальных конструкций, зафиксированных в текстах, находятся в употреблении и в современном татарском литературном языке. В этом плане тексты газеты «Борхане таракки» противопоставляются текстам газет «Вақыт» и «Кояш», так как они характеризуются наличием формы возможности на *-a bel*, характерной для турецкого литературного языка. Данный факт говорит о наличии влияния со стороны турецкого литературного языка рассматриваемого периода на язык газеты «Борхане таракки» и старотатарского литературного языка начала XX века.

***

1. Функционирование личных глагольных форм в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» выражается в реализации изъявительного, повелительного, желательного, условного, долженствовательного, сослагательного наклонений. Также они принимают участие в формировании модальных конструкций, служащих для выражения значения возможности либо невозможности совершения действия.

2. Изъявительное наклонение в текстах газет характеризуется многообразностью функционирующих форм. Нами зафиксированы формы, характерные для современного татарского литературного языка, а также формы, характерные для огузских языков, что является свидетельством влияния на грамматическое строение текстов газет османско-турецкого языка рассматриваемого периода. Часть временных форм, активных в текстах, определяются в качестве общетюркских традиционных языковых элементов. Как известно, категориальным значением изъявительного наклонения является обозначение действия, как реального факта, соотношенного с конкретным временным отрезком в прошлом, настоящем или будущем.

В структурном плане формы прошедшего времени, функционирующие в текстах исследуемых нами газет следует разделять на синтетические и аналитические. К синтетическим формам относятся показатели прошедшего времени *-dy*, *-ğan* и *-myş*, тогда как в качестве аналитических форм, с разной степенью распространения, функционируют формы на *-ğan ide*, *-myş ide*, *-a ide*, *-jur ide*, *-maqda ide*, *-a torğan ide* и *-açaq ide*.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» зафиксировано одинаково активное функционирование одной из наиболее ранних общетюркских грамматических показателей – формы прошедшего времени на *-dy* и кыпчакского показателя прошедшего времени на *-ğan*. В целом, принципы функционирования каждой из указанных форм в текстах газет не противопоставляются друг другу. При этом, в текстах газет «Вақыт» и «Кояш», в отличие от текстов газеты «Борхане таракки», нами было зафиксировано употребление формы на *-ğan* в сочетании со вспомогательным глаголом *bul* ‘будь’ в формах *bulğan* и *bula* (*qarşy kilgän bulğan* ‘противоречил’, *utyrgan bula* ‘были расположены’). В данном случае функционирующие в приведенном сочетании вспомогательные глаголы способствуют усилению значения неочевидности и заглазости, содержащегося в семантике основного глагола в форме на *-ğan*.

Наиболее широкое распространение форма на *-ğan* получила в текстах газеты «Кояш», тогда как в газете «Борхане таракки» ее функционирование ограничено в связи с активным параллельным употреблением синонимичного ей огузского показателя прошедшего времени на *-muş*. При этом, модель распространения формы на *-muş* в текстах газет отчетливо иллюстрирует начавшиеся в рамках старотатарского письменного литературного языка начала XX века процессы перехода от употребления традиционных общетюркских языковых форм к применению народно-разговорных. Так, наиболее распространенное употребление рассматриваемой формы зафиксировано в текстах газеты «Борхане таракки», где нагрузка по передаче значений прошедшего результативного времени разделены между формами на *-muş* и *-ğan*. При этом, газета «Борхане таракки», в хронологическом плане, по сравнению с газетами «Вақыт» и «Кояш», издававшаяся в более ранний период, и так характеризуется более активным употреблением в ее текстах грамматических и лексических элементов, присущих огузским языкам, в частности, османско-турецкому литературному языку рассматриваемого периода. Общей характерной особенностью функционирования форм прошедшего времени на *-ğan* и *-muş* в текстах газет является их наиболее активное употребление с аффиксами третьего лица обеих чисел (*taratqan* ‘распространил’, *alyb kitkänlär* ‘унесли’, *iğlan qylynmuş* ‘объявлен’, *çyqmuşlardyr* ‘вышли’).

В текстах каждой из газет активно функционирует форма преждепрошедшего времени на *-ğan ide*. Если в текстах газет «Вақыт» и

«Кояш» рассматриваемая форма определяется в качестве основной, то в текстах газеты «Борхане таракки» наблюдается конкуренция между двумя синонимичными показателями – более поздней формой на *-ğan ide* и более ранней формой на *-muş ide*, образованной от причастия на *-muş*, являющегося характерной особенностью огузских языков. Форма на *-ğan ide* в текстах каждой из газет наиболее активна в третьем лице обеих чисел. Третье лицо множественного числа в текстах реализуется при помощи аффикса числа *-lar/-lär*, который присоединяется к основному глаголу (*barğanlar ide* ‘ходили’, *digänlär ide* ‘говорили’). В текстах газет «Вақыт» и «Кояш» зафиксированы примеры, где аффикс *-lar/-lär* присоединяется не к основному глаголу, а к вспомогательному глаголу *ide*: (*ütengän idelär* ‘умоляли’, *çaqyrylğan idelär* ‘были приглашены’).

В плане функционирования формы на *-muş ide* тексты газеты «Борхане таракки» противопоставляются текстам двух других органов периодической печати, так как наиболее активна она именно в текстах газеты «Борхане таракки», которой, в целом, свойственно активное употребление грамматических и лексических элементов, являющихся особенностью огузских языков. В текстах газеты «Вақыт» рассматриваемая форма прошедшего времени имеет ограниченное распространение и обнаруживается, как правило, в текстах, опубликованных до второго десятилетия XX века. В текстах газеты «Кояш», которая в хронологическом плане начинает издаваться позже предыдущих двух органов периодической печати, форма на *-muş ide* практически в полной мере вытеснена формой на *-ğan ide*. Форма на *-muş ide*, как и форма на *-ğan ide*, наиболее активна в третьем лице обеих чисел. При реализации формы третьего лица единственного числа применение какого-либо специального грамматического показателя не наблюдается (*jazyłmuş ide* ‘было написано’, *istiğfa itmeş ide* ‘покинул’). В текстах газеты «Борхане таракки» в данной позиции зафиксировано функционирование варианта *-muşdy*, образованного, подобно турецкому литературному языку, в результате стяжения аффикса *-muş* и вспомогательного глагола *ide* (*ulmuşdy* ‘был’).

Тексты газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» характеризуются активным функционированием формы прошедшего незаконченного времени на *-a ide*. Характерная особенность данной формы заключается в ее преобладающем употреблении в первом и третьем лицах единственного числа, а также в диалектной форме *-adyr ide* (*totyna*

idem ‘держался’, *oçadyr ide* ‘летал’). Третье лицо множественного числа образуется, как правило, посредством присоединения к основному глаголу аффикса числа *-lar/-lär* (*ğosel qojynalar ide* ‘совершали омовение’, *kilälär ide* ‘приходили’). В текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» зафиксировано функционирование варианта, при котором показатель *-lar/-lär* присоединяется к вспомогательному глаголу *ide* (*jarata idelär* ‘любили’, *qurqyta idelär* ‘пугали’).

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» зафиксировано спорадическое функционирование аналитической формы на *-maqda ide*, характерной для огузских языков. При этом, наиболее активна она в текстах газеты «Борхане таракки» в форме третьего лица обеих чисел. В текстах газет «Кояш» рассматриваемая форма характеризуется ограниченным распространением.

В текстах газет «Вақыт» и «Кояш» зафиксировано употребление формы прошедшего многократного времени на *-a torğan ide*, характерного для современного татарского литературного языка. При этом, к началу XX века она еще не получила широкого распространения в рамках старотатарского литературного языка и является лишь вспомогательным грамматическим элементом.

В текстах газеты «Борхане таракки», в отличие от текстов двух других органов периодической печати, зафиксировано употребление аналитической формы прошедшего времени на *-jur ide*. Тексты, где употребляется рассматриваемая форма, оформлены на огузо-турецком варианте старотатарского литературного языка начала XX века. Третье лицо множественного числа, как правило, оформляется посредством аффикса *-lar/-lär*, который присоединяется к основному глаголу (*qaldyrmyjurlar ide* ‘не оставляли’). Кроме того, указанная позиция, подобно турецкому литературному языку, может быть оформлена посредством сочетания аффиксов *-lardy*, где *-lar* является показателем числа, а *-dy* – аффикс сказуемости прошедшего времени, образованный от глагола *ide* ‘был’ в результате его усечения (*täläqyj idijurlardy* ‘встречали’).

В текстах каждой из газет зафиксировано функционирование одной из наиболее поздних аналитических показателей темпоральности в составе старотатарского литературного языка – формы на *-açaq ide*. Реализация третьего лица множественного числа осуществляется, как правило, при помощи аффикса *-lar/-lär*, который присоединяется к основному глаголу (*ütkärmäjäçäklär ide* ‘не должны были пропу-

скать'). В текстах газеты «Вақыт» в указанной позиции аффикс *-lar/-lär* может присоединяться к вспомогательному глаголу *ide (ulaçaq idelär* 'должны были стать')

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» одинаково активно функционирует форма настоящего времени на *-a*. При этом, принципы ее функционирования в текстах газет характеризуются параллельным употреблением как показателей лица, относящихся к традиционной языковой норме, так и характерных для разговорной речи татарского языка начала XX века. Первое лицо множественного числа в текстах реализуется посредством традиционного общетюркского аффикса *-myz/-mez (ügräteb jatamyz* 'учим', *belämez* 'знаем'). В текстах газеты «Кояш» в указанной позиции также актуален вариант *-byz/-bez*, характерный для разговорной речи (*iğtiraz itämez* 'протестуем').

Второе лицо единственного числа в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» оформляется посредством показателей лица *-syn/-señ (atasyn* 'стреляешь', *belmisen* 'не знаешь'). В текстах газеты «Вақыт» зафиксировано оформление указанной позиции, подобно турецкому литературному языку, посредством аффикса *-syn/-sen (sanyjsyn* 'считаешь', *qaramyjsyn* 'не смотришь').

Второе лицо множественного числа реализуется, как правило, при помощи аффикса *-syz/-sez (jörisez* 'ходите', *sanalasyz* 'считаетесь'). При этом, в текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» зафиксировано активное употребление и его варианта *-synyz/-señez*, специфичного для огузских языков (*torasynyz* 'живете', *kürsätäseñez* 'показываете').

Одной из характерных особенностей газеты «Борхане таракки», хронологические рамки издания которой, по сравнению с газетами «Вақыт» и «Кояш», относятся к чуть раннему периоду, является активное употребление огузской формы настоящего времени на *-jur*. Для грамматической системы текстов газет «Вақыт» и «Кояш», хронологические рамки издания которых затрагивают в большей степени второе десятилетие XX века, указанная форма определяется лишь как вспомогательная. Редкие тексты, в которых зафиксировано ее функционирование, оформлены на огузизованном варианте старотатарского литературного языка начала XX века и характеризуются наличием в своем составе и иных лексико-грамматических элементов, характерных для огузских языков.

В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» для выражения определенного семантического оттенка настоящего времени регулярно употребляется огузский показатель *-maqda*, который определяется в качестве характерной особенности именно газетных текстов и применяется при доведении необходимой информации до читателя в рамках информационных жанров. Ее характерной особенностью является активное употребление, в третьем лице единственного числа (*söjlänmäkdäder* 'говориться').

В каждой из газет зафиксировано употребление формы будущего времени на *-ur*. Однако наиболее активна она в текстах газеты «Борхане таракки». В отличие от текстов газет «Вақыт» и «Кояш», здесь форма на *-ur* употребительна и при передаче значения обычного, постоянного действия, либо регулярного, закономерного характера лица, а также при выражении действия, совпадающего с моментом речи. В газетах «Вақыт» и «Кояш» указанная форма в этих значениях вытесняется показателем настоящего времени на *-a*. Первое лицо единственного числа будущего времени на *-ur* в текстах газет образуется, подобно современному татарскому литературному языку, при помощи *-тун/-мен* (*urnaşyrtun* 'устроюсь', *hezmat itärtmen* 'буду служить'). В текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» в подобной ситуации зафиксировано употребление и усеченного варианта *-um/-em*, характерного для огузских языков (*teşekür idärem* 'благодарю').

Первое лицо множественного числа образуется при помощи традиционного аффикса *-myz/-mez* (*qararmyz* 'посмотрим', *ölgerermez* 'успеем'). В текстах газеты «Борхане таракки» в данной позиции зафиксировано также употребление огузского варианта *-yz/-ez* (*bulynyruz* 'будем находиться').

При реализации второго лица множественного числа в текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» наиболее активно функционирует огузский аффикс *-synyz/-señez* (*saryf idärseñez* 'потратите', *kerterseñez* 'занесете'). При это тексты газеты «Кояш» характеризуются употреблением и аффикса *-syz/-sez* (*gacäblänä almassyz* 'не сможете удивиться').

Огузская форма будущего времени на *-açaq* обнаруживается в текстах каждой из газет. Наиболее активна она в текстах газет «Вақыт» и «Кояш», тогда как часть ее функций в текстах газеты «Борхане таракки» реализуются посредством формы на *-ur*. Первое

лицо единственного числа в текстах, как правило, образуется при помощи показателя *-тун/-мен* (*тырушацагтун* ‘буду стараться’, *kürsätäčäkmen* ‘покажу’). В текстах газеты «Борхане таракки» и «Вақыт» зафиксировано употребление в данной позиции усеченного варианта *-ум/-ем*, функционирующего в турецком литературном языке (*üten-tijäčäkem* ‘не буду умолять’, *mäcbür bulaçağым* ‘буду вынужден’).

Первое лицо множественно числа образуется при помощи традиционного аффикса *-мыз/-мез* (*qalaçaгмыз* ‘останемся’, *kürä alaçaгмыз* ‘сможем увидеть’). В текстах, оформленных на огузо-турецком варианте старотатарского письменного литературного языка начала XX века, указанная позиция реализуется посредством усеченного аффикса *-ыз/-ез*, характерного для турецкого литературного языка (*baxs idäčäkez* ‘расскажем’).

3. В текстах каждой из газет повелительное наклонение представлено вторым и третьим лицами обеих чисел и не характеризуется какими-либо характерными особенностями в зависимости от того, в текстах какой газеты функционирует. Второе лицо множественного числа оформляется посредством присоединения к основе глагола традиционного письменного показателя *-һыз/-һез*, *-уһыз/-еһез* (*jylatmanыз* ‘не заставляет плакать’, *bireһез* ‘дайте’), а также характерного для современного татарского литературного языка варианта *-ğыз/-gez*, *-yğыз/-egez* (*aşağыз* ‘ешьте’, *bujamağыз* ‘не пачкайте’).

4. В текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» формы желательного наклонения имеют ограниченное распространение, что связано со спецификой грамматической системы газетных текстов, где глаголы в первом лице не характеризуются активным употреблением. Реализация семантики желания первого лица множественного числа реализуется посредством показателей *-q/-k*, *-yq/-ek* (*başlyjq* ‘давайте начнем’, *jazajyq* ‘давайте напишем’). В текстах газеты «Борхане таракки» в указанной позиции зафиксировано также параллельное функционирование традиционного общетюркского показателя *-лым/-лем* (*aldanmajалым* ‘давайте не будем обмануты’).

5. В текстах газет значение долженствования получило широкое распространение, а ее реализация осуществляется посредством целого ряда синтетических, аналитических и описательных грамматических форм, таких как сочетание инфинитива на *-yrğa* и модального слова *tijeş* ‘должен’, *tijeşle* ‘должен, обязан’, *lazem* ‘необходимо, нужно’, *kiräk* ‘необходимо, нужно’, сочетание инфинитива на *-maq*

и модального слова *tijeş* 'должен', сочетаний инфинитива на *-tağa* с модальным словом *kiräk*, формы имени действия на *-u* и модального слова *kiräk* и т.д. В текстах газет «Борхане таракки» и «Вақыт» значения долженствования могут передаваться и при помощи огузской формы на *-maly* (*ulmalydyr* 'должен быть', *betermälejez* 'должны завершить').

6. Указанные грамматические категории наиболее отчетливо иллюстрируют имеющиеся различия в грамматических системах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш». Как показывают материалы, грамматическая система личных глагольных форм в текстах исследуемых газет также характеризуется своей неоднородностью. Наиболее поздние грамматические показатели, функционирующие в современном татарском литературном языке, находят применение, как правило, в текстах газеты «Кояш». Данный факт объясняется рядом экстралингвистических факторов, среди которых можно назвать хронологические рамки издания газеты, географическое местоположение редакции, языковые предпочтения редакторов и авторов конкретных статей. В текстах газеты «Борхане таракки» зафиксировано наиболее активное функционирование огузского морфологического пласта, который выступает в качестве одного из классификационных признаков этих текстов. Как показали материалы, общее количество таких элементов в текстах газеты «Борхане таракки» больше, чем в текстах остальных газет. Причиной этому могла послужить концентрация на территории Астрахани начала XX века разных тюркских народов. Кроме того, основываясь на географическую составляющую, можно говорить и о влиянии на язык местного татароязычного населения, а следовательно, и на язык газеты «Борхане таракки», южного диалекта крымско-татарского языка в результате влияния просветительской деятельности И. Гаспринского, а также османско-турецкого языка через крымско-татарское посредство. Показатели личных глагольных форм, функционирующие в текстах газеты «Вақыт», характеризуются смешанностью. При этом, как показывают материалы, начиная со второго десятилетия прошлого столетия, в текстах газет «Вақыт» наблюдается постепенное вытеснение огузских языковых форм показателями, характерными для разговорной речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык газеты является сложным функционально-стилевым единством, которое возникает в результате речетворческого процесса человека, обладает логической целостностью и отражается в форме газетного текста. При этом, язык газеты постоянно находится под влиянием тех или иных социокультурных условий, реагируя на внешние и внутренние перемены в общественно-политической жизни. Как результат таких процессов, язык газеты характеризуется тематической универсальностью, а также грамматической и стилистической многофункциональностью, так как в нем активно находят отражение как элементы письменного, так и народно-разговорного языка.

Начало XX века, в плане развития старотатарского письменного литературного языка и его дальнейшего преобразования в татарский национальный литературный язык, определяется в качестве одной из ключевых временных точек. Главным образом, данный факт был обусловлен общественно-политическими и экономическими изменениями, имевшими место во внутренней политике российского государства, которые привели к росту национального самосознания у народов, проживающих на территории Российской империи, в том числе и у татар. Именно эпоха бурного развития и перемен привела к необходимости организации национальной периодической печати. Так, в 1905 году в Санкт-Петербурге начинает издаваться первая татароязычная газета «Нур» («Луч»). Далее издания татароязычных органов периодической печати организуются и в других городах России. Всего в межреволюционный период 1905 – 1917 гг., на территории России издаются свыше 120 наименований газет и журналов на татарском языке, часть которых за короткий период времени завоевывает большую популярность среди населения и вносит определенный

вклад в дальнейшее становление и развитие как татарской нации в целом, так и татарского национального литературного языка.

Общественно-политические перемены и рост национального самосознания имели определенное влияние и на формирование лингвистической структуры старотатарского письменного литературного языка и языка татарской периодической печати рассматриваемого периода в частности. В указанный период татарский национальный литературный язык формируется, наряду с текстами литературных произведений, в том числе и на страницах татарской периодической печати. Язык газеты послужил своего рода мостом между национальным и литературным языком и выполнял функцию усредненного языка нации, посредством и на основе которого у адресата формировались как восприятие политики, идеологии, искусства, литературы, и т.д., так и языковые нормы. В зависимости от предпочтения издателя и редакторов конкретного периодического издания, татарская периодическая печать стала средством продвижения в народные массы того или иного варианта старотатарского письменного литературного языка. Так, редакторы газеты «Тарджеман» в своих текстах используют упрощенный вариант османско-турецкого языка с преобладанием персидской и арабской лексики, а редакторы газеты «Нур» – смешанный татарско-турецкий вариант с огузскими языковыми формами. Тексты издававшейся в Казани газеты «Казан мөхбире» основаны на языке казанских татар и обогащены словами и формами татарского народно-разговорного языка. Тексты газеты «Вақыт» и журнала «Шура», издававшиеся в Оренбурге, характеризуются широким распространением форм османско-турецкого языка рассматриваемого периода, элементы народно-разговорного языка, близкие широким слоям татароязычного населения, в них обнаруживаются лишь в качестве исключения. Издатели газеты «Йолдыз», наоборот, в своих текстах отказываются от лексических и грамматических форм, характерных для османско-турецкого языка. При этом, несмотря на то, что в текстах газеты «Йолдыз» все также использовались арабо-персидские языковые формы, они употреблялись не на фоне огузских языковых элементов, как это было в текстах газеты «Вақыт», а функционировали параллельно с языковыми формами, характерными для традиционного старотатарского письменного литературного языка.

Тексты газет «Борхане таракки», «Вакыт» и «Кояш» оформлены на языке с преобладанием языковых особенностей, характерных для кыпчакских языков. Однако, в рамках тех или иных грамматических категорий, функционирующих в текстах газет, употребление кыпчакских морфологических форм в каждой из газет может иметь и менее распространенный характер. Наличием морфологической структуры, наиболее близкой к современному состоянию татарского литературного языка, характеризуются тексты газеты «Кояш». Как показывают исследованные материалы, язык текстов данной газеты основан на народно-разговорном варианте языка казанских татар. Прежде всего, данный факт обусловлен географическим принципом – газета издавалась в Казани – национальном и духовном центре татарского народа. Кроме того, газета «Кояш» занимает особое место в творчестве Ф. Амирхана, который ко второму десятилетию XX века стал приверженцем языкового татаризма. Его художественно-публицистические произведения активно публиковались в данной газете, а сам он являлся ответственным секретарем данного издания. Немаловажную роль в формировании грамматической системы газеты «Кояш» сыграли и ее хронологические рамки издания. Газета издавалась в 1912 – 1918 гг., в период, когда нормы татарского национального литературного языка уже начинают приобретать свои сформированные черты.

Несмотря на то, что тексты исследованных газет, в основе своей, созданы на базе грамматических показателей, характерных для кыпчакских языков, часть текстов оформлена на огузизованном варианте старотатарского письменного литературного языка начала XX века. Такие тексты характеризуются наличием в своем составе определенной доли языковых элементов, присущих огузским языкам. Прежде всего, данный факт объясняется чрезмерным функционированием в текстах газет традиционных общетюркских языковых форм и грамматических показателей, вошедших в употребление непосредственно через османско-турецкое посредство. Грамматические показатели огузского типа наиболее активны в текстах газеты «Борхане таракки». Такое языковое явление обусловлено уникальным географическим расположением Астраханской губернии, где издавалась данная газета. В Астрахани была налажена тесная связь с туркестанскими мусульманами и представителями Турции. Кроме того, просветительское движение мусульман Астраханской губернии была связана с издательской и педагогической деятельностью И. Гасприн-

ского. Наличие в текстах газеты «Борхане таракки» большого количества огузских элементов, по сравнению с двумя другими исследованными нами органами периодической печати, также связано с ее хронологическими рамками издания. Она издавалась в 1906 – 1911 гг., в период, когда нормы татарского национального литературного языка еще не были сформированы окончательно. Употреблением определенного количества огузских элементов характеризуются и тексты газеты «Вақыт». В частности, активное функционирование огузских элементов наблюдается в текстах, опубликованных в более ранних номерах. На начальном этапе данная газета издавалась только три раза в неделю. При этом, большая часть номера состояла из текстов, подготовленных самими редакторами, а полученные редакцией тексты успевали подвергаться корректировке.

В составе именных частей речи элементы, характерные для огузских языков, наиболее активно обнаруживаются в грамматической системе имен существительных, в частности, при передаче категории числа и принадлежности. При этом, кыпчакские показатели лица при передаче значения принадлежности активны только в текстах газеты «Кояш».

Категория падежа имен существительных, функционирующих в текстах исследованных нами газет, характеризуется своей смешанной огузо-кыпчакской структурой. Однако, падежная система имен существительных, употребление которых зафиксировано в текстах газеты «Борхане таракки», отличается от функционирования падежных систем имен существительных двух других органов периодической печати. Так, в текстах газеты «Борхане таракки», параллельно с кыпчакским вариантом аффикса притяжательного падежа *-нуш/-неш*, наиболее активно обнаруживается и огузский вариант *-уш/-еш*. Также здесь наряду с кыпчакским вариантом аффикса направительного падежа *-ğa/-gä, -qa/-kä* функционирует огузский вариант *-a/-ä, -ja/-jä*. Винительный падеж в текстах газеты «Борхане таракки» образуется как посредством аффиксов кыпчакского варианта *-ну/-не*, так и посредством огузского варианта *-у/-е, -ју/-је*.

Присутствие в текстах исследованных нами газет огузских грамматических элементов хорошо иллюстрирует функционирование неличных глагольных форм. Так, в текстах зафиксировано употребление причастий в формах на *-муш, -ан, -дық, -maqda ulan (bulğan), -açaq*, деепричастий на *-araq, -madan, -masdan*, инфинитива на *-maq, -mağa*,

а также форм имени действия на *-таq* и на *-та*. Часть этих показателей вошла в грамматическую систему текстов газет из османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода и сыграла важную роль в формировании огузо-турецкого варианта старотатарского письменного литературного языка, а часть является традиционными общетюркскими элементами. Как показали наши материалы, преобладающее большинство приведенных огузских грамматических форм являются системообразующими для грамматической системы текстов газеты «Борхане таракки», либо, характеризуясь в качестве вспомогательных элементов, обнаруживаются только в текстах данной газеты. При этом, системообразующими для грамматических систем всех трех исследованных нами газет являются лишь форма причастия будущего времени на *-аҫаq*, деепричастие на *-араq* и инфинитивная форма на *-та*. Остальные элементы, являющиеся показателями присутствия в текстах газет «Вақыт» и «Кояш» грамматических форм, характерных для огузских языков, являются лишь вспомогательными, либо не обнаруживаются в текстах данных газет вовсе, вытесняясь из употребления народно-разговорными формами. Особо выделяются в этом плане тексты газеты «Кояш», грамматическая система которых является наиболее близкой к современному состоянию татарского литературного языка.

Функционирование в текстах газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» в рамках личных глагольных форм грамматических элементов, характерных для огузских языков также характеризуется наличием похожей картины. В текстах газет зафиксировано употребление таких огузских форм, как показатель прошедшего результативного времени на *-туҫ*, аналитические формы прошедшего времени на *-туҫ ide*, *-таqda ide*, *-jur ide*, *-аҫаq ide*, показатели настоящего времени на *-jur* и на *-таqda*, форма будущего времени на *-аҫаq*. При этом, в плане распространения вышеприведенных глагольных форм, тексты газеты «Борхане таракки» противопоставляются текстам газет «Вақыт» и «Кояш». Преобладающее большинство данных огузских показателей являются системообразующими для грамматической системы газеты «Борхане таракки», тогда как в текстах газеты «Вақыт», а в особенности, в текстах газеты «Кояш» их функционирование заметно ослабевает и приобретает вспомогательный характер. Наиболее активными элементами, обнаруживающимися в текстах всех трех исследованных нами газет, является аналитическая форма прошедшего времени

на *-аҗаq ide* и форма будущего времени на *-аҗаq*. Несмотря на противопоставление текстов исследованных нами газет в плане активности в них огузских показателей, функционирующих в рамках личных глагольных форм, рассмотренные формы характеризуются и едиными грамматическими особенностями, безотносительно к тому, в тексте какого издания они обнаруживаются. Так, грамматические показатели личных форм глагола, характерные для огузских языков, характеризуются наличием неполной парадигмы спряжения по лицам. Кроме того, приведенные выше глагольные формы, при спряжении по лицам, могут принимать личные аффиксы, характерные как для кыпчакских языков, так и аффиксы, функционирующие в огузских языках.

Стоит отметить, что результаты исследования грамматической системы газет «Борхане таракки», «Вақыт» и «Кояш» позволили определить важное значение в формировании морфологического строения текстов каждой из газет таких экстралингвистических факторов, как хронологические рамки издания газеты, географическое местоположение редакции, языковые предпочтения редакторов и авторов конкретных статей.

Дальнейшие исследования по данной теме могут быть соотнесены с изучением морфологической системы татароязычной периодической печати послереволюционного и советского периода. В рамках такого научного изыскания существует возможность установить этапы развития грамматического построения текстов татарской периодической печати вплоть до начала 90-х годов прошлого столетия в диахроническом аспекте на фоне меняющейся общественно-политической ситуации в стране.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

1. «Борхане тәрэкькый» (литературная и политическая тюркская мусульманская газета, выходящая 2 раза в неделю, ред. – Мустафа Лутфи Имсагилов-Ширванский, Наджип Маулямбиримев (Наджип Гасри), Загидулла Шарифуллин, изд. – Мустафа Лутфи Имсагилов-Ширванский, Закир Ходжаев) – Астрахань, 1906 – 1911, №№ 27 – 58, 74 – 89, 116, 72 (1909 г.), 96 (1909 г.), 139 (1911 г.), 145 (1911 г.).
2. «Вақыт» (ежедневная политическая и литературная газета, ред. – Фатих Карими, изд. – Мухаммедшакир Рамиев, Мухаммедзакир Рамиев) – Оренбург, 1906 – 1908, №№ 333, 335, 426, 428, 433, 438, 460, 470, 480, 486, 488, 495, 507, 513, 536, 550, 561, 563, 565, 583, 595, 617, 637, 640, 645, 700, 904, 910, 911, 921, 932, 942, 956, 970, 987, 1015, 1027, 1045, 1077, 1078, 1090, 1109, 1131, 1148, 1156, 1165, 1178, 1189, 1216, 1240, 1261, 1302, 1332, 1359, 1369, 1445, 1514, 1524, 1537 – 1539, 1544, 1568, 1598, 1632, 1634, 1731, 1737, 1752, 1768, 1776, 1781, 1793, 1804, 1816, 1824, 1830, 1842, 1849, 1856, 1955, 1957, 1960, 1967, 1976, 1984, 1996, 2041, 2053, 2064, 2100, 2112, 2117, 2127, 2136, 2143, 2206, 2247, 2250, 2254, 2261, 2263, 2267, 2271, 2273, 2278, 2285, 2295.
3. «Кояш» (ежедневная прогрессивная татарская газета, не следующая программе ни одной партии, ред. и изд. – Закария Садретдинов) – Казань, 1912 – 1918, №№ 26, 49, 50, 52–54, 73, 75, 78, 108, 148, 161, 186, 247, 259, 303, 306, 321, 331, 345, 377, 385, 388, 427, 465, 485, 512, 549, 577, 596, 613, 656, 664, 679, 699, 706, 731, 742, 799, 818, 858, 883, 889, 921, 928, 934, 940, 970, 981, 998, 1000,

1022, 1045, 1060, 1064, 1073, 1082, 1086, 1100, 1102, 1114, 1122, 1130, 1136, 1155, 1165, 1166, 1170, 1174, 1206, 1208, 1222, 1242.

Научно-теоретическая литература на русском языке:

1. Абдуллин И.А. Описание первых произведений большевистской печати на татарском языке периода революции 1905 – 1907 годов / И.А. Абдуллин. – Казань: Таткнигоиздат, 1986. – 220 с.
2. Абилхасимов Б. Язык газеты «Дала уйляты» (1888 – 1902 гг.): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Б. Абилхасимов. – Алма-Ата, 1966. – 28 с.
3. Абилхасимов Б.А. Казахский литературный язык второй половины XIX века (На материале казахской печати): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Б.А. Абилхасимов. – Алма-Ата, 1983. – 47 с.
4. Агазаде Н.Г. Категория наклонения в современном азербайджанском литературном языке: автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Н.Г. Агазаде. – Баку, 1965. – 75 с.
5. Айымбетов М.К. Опыт лингво-статистического анализа лексики и морфологии каракалпакского публицистического текста / М.К. Айымбетов. – Нукус: Билим, 1991. – 128 с.
6. Алиев В.Г. Причастие в азербайджанском и узбекском языках: – Автореф. дис.... канд. филол.наук / В.Г. Алиев. – Ташкент, 1965. – 23 с.
7. Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905 – 1907 гг.) / Р.У. Амирханов. – М.: Наука, 1988. – 191 с.
8. Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса (в контексте «восток-запад») / Р.У. Амирханов. – Казань: Таткнигоиздат, 2002. – 239 с.
9. Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании / Н.Д. Андреев. – Л.: Наука, 1967. – 404 с.
10. Артыков Г. Лексический состав и морфологические особенности языка газеты «Туркменистан»: автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Г. Артыков. – Ашхабад, 1986. – 29 с.

11. Аскарлов М.А. Газета «Казан мөхбире» («Казанский вестник») и ее роль в развитии татарской публицистики начала XX века: дис. ...канд. филол. наук / М.А. Аскарлов. – Казань, 2004. – 166 с.
12. Атлас татарских народных говоров / отв. ред.: Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хайрутдинова. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – 632 с.
13. Ахабаев А. Статистический анализ лексико-морфологической структуры языка казахской публицистики (на материале газетных текстов за 1965 – 1966 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А. Ахабаев. – Алма-Ата, 1971. – 20 с.
14. Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы» / Я.С.Ахметгалеева. – М.: Наука, 1979. – 191 с.
15. Ахметьянов Р.Г. Татарский язык в Волжско-Камском языковом союзе: автореф. дис. ...докт. филол. наук / Р.Г. Ахметьянов. – Казань, 1993. – 36 с.
16. Баскаков Н.А. Развитие языка и письменности народов СССР (на материале тюркских языков) / Н.А. Баскаков // Вопросы языкознания. – 1952. – № 3. – С. 19 – 45.
17. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология / Н.А. Баскаков. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 2, ч. 1. – 451 с.
18. Баскаков Н.А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы / Н.А. Баскаков // Сравнительная грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Ч. II. – С. 266 – 285.
19. Балдуева Л.М. Особенности языка основных жанров современной бурятской газеты (на материале газеты «Буряад Үнэн»): дисс. ...канд. филол. наук / Л.М. Балдуева. – Улан-Удэ, 2000. – 144 с.
20. Бельчиков Ю.А. Анализ языка и стиля публицистических произведений / Ю.А. Бельчиков. – М.: МГУ, 1962. – 121 с.
21. Бельчиков Ю. А. Русский язык XX век / Ю.А. Бельчиков. М.: Изд-во МГУ. 2003. – 317 с.
22. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.

23. Благова Г.Ф. Формы желательного наклонения в тюркских языках и тенденция к сверхнормальному их усложнению / Г.Ф. Благова // Советская тюркология. – 1973. – № 1. – С. 10 – 26.
24. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили / Р.А. Будагов. – М.: Высшая школа, 1967. – 376 с.
25. Будагов Р.А. Литературный язык // Большая советская энциклопедия. Том 14. Куна – Ломами. 3-е изд. / Глав. ред. А. М. Прохоров [Электронный ресурс]. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 624 стр. // Режим доступа: <http://alcala.ru/bse/izbrannoe/slovar-L/L12389.shtml> (Дата обращения – 09.01.2019).
26. Былинский К.И. Язык газеты: Избр. Работы / К.И. Былинский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 304 с.
27. Валиева М.З., Мирхаев Р.Ф. К вопросу изучения языка старотатарских письменных текстов / М.З. Валиева, Р.Ф. Мирхаев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016 г. – №4 (73). – С. 125 – 128.
28. Валитова Ю.А. Иноязычные элементы в произведениях Г. Тукая (турецко-огузские элементы и арабские масдары): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ю.А. Валитова. – М., 1966. – 23 с.
29. Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1967. – 136 с.
30. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
31. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XII-XIX веков / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
32. Воронова А.В., Минакова Н.А. О некоторых лингвистических особенностях газетных медиатекстов [Электронный ресурс] / А.В. Воронова, Н.А. Минакова // Русистика. 2014. № 3. // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-lingvisticheskikh-osobennostyah-gazetnyh-mediatekstv> (дата обращения: 11.01.2021).
33. Выхрыстюк М.С., Федотова Д.Ю. Языковая специфика информационных рекламных объявлений газеты «Сибирский листок» // В мире научных открытий / М.С. Выхрыстюк, Д.Ю. Федотова. –

- Красноярск: ООО «Научно-инновационный центр», 2015. – № 9-1 (69) – С. 266 – 279.
34. Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал / Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1975. – 303 с.
  35. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
  36. Гарипова Г.Ф. Морфологические особенности поэмы Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.): дис. ...канд. филол. наук / Г.Ф. Гарипова. – Казань, 2003. – 244 с.
  37. Гарифуллин В.З. Композиционно-речевая и модально-темпоральная структура текста информационных жанров (на материале газеты «Социалистик Татарстан»): Дис. ... канд. филол. наук / В.З. Гарифуллин. – Казань, 1989. – 216 с.
  38. Гарифуллин В.З. Лингвостилистическая система татарского газетного текста: Дис. ...докт. филол. наук / В.З. Гарифуллин. – Казань, 1998. – 427 с.
  39. Гиганов И. Грамматика татарского языка / И. Гиганов. – Спб.: Академия наук, 1801. – 187 с.
  40. Горшков А.И. Теоретические основы русского литературного языка / А.И. Горшков. – М., 1983. – 160 с.
  41. Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с.
  42. Грунина Э.А. Форма времени на -а/-е по памятникам турецкого языка / Э.Н. Грунина // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1966. – С. 78 – 91.
  43. Грунина Э.А. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении): автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Э.А. Грунина. – М.: 1975. – 57 с.
  44. Грунина Э.А. О форме настоящего-будущего времени на -(о) в тюркских языках / Э.А. Грунина // Тюркологические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 94 – 111.
  45. 42. Грунина Э.А. Учебное пособие по османско-турецкому языку / Э.А. Грунина. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 175 с.
  46. Грунина Э.А. Историческая грамматика турецкого языка / Э.А. Грунина. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. – 223 с.

47. Гузев В.Г. Староосманский язык / В.Г. Гузев. – М.: Наука, 1979. – 95 с.
48. Зайни Р.Л., Гусейнова А.А. Влияние татарской периодической печати на развитие национального языка // Современное телевидение: между национальным и глобальным. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Р.В. Даутовой, Л.Р. Хузеевой / Р.Л. Зайни, А.А. Гусейнова. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. – С. 56 – 60.
49. Закиев М.З. Татары: проблемы истории и языка: (Сб. ст. по пробл. лингвоэтноистории, возрождения и развития татар. нации) / М.З. Закиев. – Казань : Ин-т яз., лит. и истории, 1995. – 464 с.
50. Иванов М. Татарская грамматика / М. Иванов. – Казань: тип. Казан. Ун-та, 1842. – 331 с.
51. Исаев С.В. Становление и развитие языка казахской периодической печати: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Исаев. – Алма-Ата, 1974. – 106 с.
52. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. / под общ. ред. чл.-кор. АН СССР Н.К. Дмитриева.– М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 336 с.
53. История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX в.) / сост. и отв. ред. Х.Р. Курбатов. – Казань: Фикер, 2003. – 472 с.
54. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология / Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах. – М., 1961. – 472 с.
55. Кадилова Э.Х. Функционирование глагола *og-* в татарском языке (синхронно-диахронический аспект) // Филология и культура / Э.Х. Кадилова. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. – № 4 (50). – С. 22 – 26.
56. Казембек А. Общая грамматика турецко-татарского языка / А. Казембек. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1846. – 457 с.
57. Катанов Н.Ф. Материалы к изучению казанско-татарского наречия / Н.Ф. Катанов. – Казань, 1898. – 298 с.
58. Кахужева (Тхабисимова) З.Г. Лингвостилистические особенности новостной заметки / З.Г. Кахужева (Тхабисимова) // Вестник

- Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. №1 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-osobennosti-novostnoy-zametki> (Дата обращения – 14.02.2019).
59. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка / Е.Г. Ковалевская. Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1992. – 303 с.
60. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка / А.Н. Кононов. – М. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 312 с.
61. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А.Н. Кононов. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
62. Кононов А.Н. Грамматика тюркских рунических памятников (VII – XX вв.) / А.Н. Кононов. – Л.: Наука, 1980. – 256 с.
63. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология / И.В. Кормушин. – М.: Наука, 2008. – 342 с.
64. Коробушкин И.В., Коробушкина Н.Н. Грамматические особенности языка газеты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык нефилологам, теория и практика / И.В. Коробушкин, Н.Н. Коробушкина. – М.: РУДН, 2002. – № 3. – С. 5 – 9.
65. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики Текст. / В.Г. Костомаров. – М.: МГУ, 1971. – 265 с.
66. Кузнецов П.И. Учебник турецкого языка. Начальный курс / П.И. Кузнецов. – М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000. – 400 с.
67. Ляпун С.В. Газетная публицистика в парадигме лингвистических исследований XXI века / С.В. Ляпун // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gazetnaya-publitsistika-v-paradigme-lingvisticheskikh-issledovaniy-xxi-veka> (дата обращения: 11.12.2020).
68. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка / Л.Т. Махмутова. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

69. Мещерский Н.А. История русского литературного языка / Н.А. Мещерский. – Л., 1981. – 280 с.
70. Миннуллин Б.К. Татарская газета «Борхане таракки». Лингвистические исследования / Б.К. Миннуллин. – Казань: ИЯЛИ, 2012. – 300 с.
71. Миннуллин Б.К. Жанрово-стилистическая дифференциация татарской газеты начала XX века / Б.К. Миннуллин. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – 220 с.
72. Мирхаев Р.Ф. Огузско-турецкие элементы в татарском литературном языке конца XIX – начала XX вв.: дисс. ...канд. филол. наук / Р.Ф. Мирхаев. – Казань, 2003. – 175 с.
73. Мирхаев Р.Ф. Огузо-турецкий компонент татарского литературного языка (конец XIX – начало XX веков) / Р.Ф. Мирхаев. – Казань: Миннитография ИПИ АН РТ, 2007. – 208 с.
74. Мирхаев Р.Ф., Гумеров И.Г. Система форм существования татарского языка в конце XIX – начале XX вв. / Р.Ф. Мирхаев, И.Г. Гумеров // Филология и культура, 2015. – № 1 (39). – С. 49 – 53.
75. Мирхаев Р.Ф., Миннуллин Б.К. Старотатарский литературный язык в конце XIX – начале XX веков: функционально-стилистические особенности употребления деепричастия на -ып (-ур) / Р.Ф. Мирхаев, Б.К. Миннуллин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11. – Ч. 2. – С. 118 – 120.
76. Михайлов М.С. Форма на -(y)асы в турецком языке / М.С. Михайлов // Вопросы языка, литературы стран Востока. Ученые записки кафедр иностранных языков восточного факультета Института Международных отношений. – М., 1958. – с. 141 – 154.
77. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка / К.М. Мусаев. – М.: Наука, 1964. – 344 с.
78. Мухаметшин Ф.М. Лексико-грамматические особенности газеты «Нур»: дис. ...филол. наук / Ф.М. Мухаметшин. – Казань, 2007. – 171 с.
79. Наджип Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века: автореф. дис.... докт. филол. наук / Э.Н. Наджип. – М., 1965. – 94 с.

80. Насилов В.Н. Древнеуйгурский язык / В.Н. Насилов. – М.: Изд-во вост. Лит., 1963. – 122 с.
81. Негматуллово М.М. Роль и место огузских элементов в истории развития татарского языка: дис. ...канд. филол. наук / М.М. Негматуллово. – Казань: Инст. яз., лит. и ист. им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1983. – 223 с.
82. Низамов И.М. Язык современной татарской периодической печати: автореф. дис. ...канд. филол. наук / И.М. Низамов. – Уфа, 1981. – 19 с.
83. Нуриева Ф.Ш. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: ФЭН, 1998. – 208 с.
84. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – 376 с.
85. Орузбаева Б. Формы прошедшего времени в киргизском языке / Б. Орузбаева. – Фрунзе, 1955. – 62 с.
86. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология / Л.А. Покровская. – М.: Наука, 1964. – 298 с.
87. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении / В.И. Рассадин. – М., 1978. – 288 с.
88. Салахов С.А. Степени прилагательных в тюркских языках юго-западной группы / С.А. Салахов. – Баку, 1985. – 121 с.
89. Серебренников Б.А. Система времени татарского глагола / Б.А. Серебренников. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1963. – 75 с.
90. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп / Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1986. – 301 с.
91. Современный казахский язык: Фонетика и морфология / Ред. коллегия: д-р филол. наук чл.-кор. АН КазССР проф. М.Б. Балакаев и др. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1962. – 452 с.
92. Современный татарский литературный язык / Ред. коллегия: Х.Р. Курбатов и др. – М.: Наука, 1969. – 380 с.

93. Солганик Г.Я. Язык современной публицистики: сборник статей. - 2-е изд., испр / Г.Я. Солганик. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – 230 с.
94. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков: Словообразование и морфология / под ред. проф. М.З. Закиева, Л.З. Шакировой. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. – 150 с.
95. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Морфология / авт.-сост.: Р.Р. Замалетдинов, М.Р. Саттарова, С.С. Сафонова, О.А. Чупрякова, З.Ф. Юсупова; под ред. проф. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 180 с.
96. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М.: Наука, 1984. – 483 с.
97. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.:Наука, 1988. – 557 с.
98. Татарская грамматика: в трех томах. Т. 2. Морфология / под. ред. М.З. Закиева. – Казань: Таткнигоиздат, 1997. – 397 с.
99. Татарская периодическая печать: Научно-энциклопедическое издание / Сост. и науч. ред. Р.А.Айнутдинов, З.З.Гилазев. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. – 200 с.
100. Тенишев Э.Р. Избранные труды / Э.Р. Тенишев. Книга первая. – Уфа: Гилем, 2006. – 304 с.
101. Тенишев Э.Р. Избранные труды / Э.Р. Тенишев. Книга вторая. – Уфа: Гилем, 2006. – 380 с.
102. Тенишев Э.Р. Избранные труды / Э.Р. Тенишев. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 256 с.
103. Троянский А. Краткая татарская грамматика. Изд. испр. и доп / А. Троянский. – Казань: Изд-во дух. учеб. упр., 1860. – 234 с.
104. Туймебаев Ж. Индикативные формы глагола в казахском языке / Ж. Туймебаев. – Алма-Ата: Ана тили, 1992. – 109 с.
105. Урусбиев И.Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке / И.Х. Урусбиев. – Черкесск: Карачаево-Черкесск. Кн. Изд-во, 1963 – 232 с.
106. Фасеев Ф.С. Краткий грамматический справочник татарского языка / Ф.С. Фасеев // Татарско-русский словарь. – Москва: «Советская энциклопедия». – 1966. – с. 809-813.

107. Фасеев Ф.С. Старотатарская деловая письменность XVIII в. / Ф.С. Фасеев. – Казань: Тат. книго. издат., 1982. – 171 с.
108. Хакимянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык / Ф.С. Хакимянов. – М.: Наука, 1987. – 192 с.
109. Хакимянов Ф.С. Варианты реализации поволжского литературного языка / Ф.С. Хакимянов // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. – Казань, 1991. – С. 28 – 37.
110. Хаков В.Х. Язык и стиль публицистики в годы первой русской революции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Х. Хаков. – Казань, 1961. – 19 с.
111. Халиуллина А.Р. Графо-фонетические и морфологические особенности тюркоязычного письменного памятника XIV в. «Кысас-ал Анбия» Насретдина Рабгузи: дисс. ...канд. филол. наук / А.Р. Халиуллина. – Казань, 2002. – 229 с.
112. Хальфин И. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Казанской гимназии / И. Хальфин. – Казань: тип. Казан. ун-та, 1809. – 106 с.
113. Хисамова Ф.М. Причастие в современном татарском литературном языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ф.М. Хисамова. – Казань, 1970. – 27 с.
114. Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI – XVII вв. / Ф.М. Хисамова. – Казань, 1990. – 154 с.
115. Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России / Ф.М. Хисамова. – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1999. – 408 с.
116. Хуснетдинов Р.М. Проблемы татарского литературного языка на страницах журнала «Шура»: дис. ...филол. наук / Р.М. Хуснетдинов. – Казань, 2011. – 184 с.
117. Шушунова А.Н. Язык информационных жанров газеты «Хальмг Унн» // Гуманитарные исследования / А.Н. Шушунов. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2009. – № 3 (31). – С. 103 – 108.
118. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 187 с.

119. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X – XIII вв. из Восточного Туркестана / А.М. Щербак. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 204 с.
120. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (имя) / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1977. – 191 с.
121. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Наречие, служеб. части речи, изобразит. слова) / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1987. – 149 с.
122. Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке / А.А. Юлдашев. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 195 с.
123. Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1977. – 270 с.
124. Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. – 318 с.
125. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Тат. книго. издат., 1986. – 287 с.
126. Юсупов Ф.Ю., Юсупова Г.Ф. Категория принадлежности имени существительного татарского диалектного языка / Ф.Ю. Юсупов, Г.Ф. Юсупова // Языковые уровни и их анализ (на материале языков разных систем). – Казан: Gumanitariya (ТГГИ), 2001. – С. 72 – 86.
127. Юсупов Ф.Ю. Морфология татарского диалектного языка. Категории глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Фэн, 2004. – 592 с.
128. Юсупов Ф.Ю. Татарский диалектный язык: грамматическая категория числа // Традиционная культура народов Поволжья. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Ф.Ю. Юсупов. – Казан: Ихлас, 2018. – С. 514 – 524.
129. Языки мира: Тюркские языки / гл. редкол.: В. Н. Ярцева (пред.) и др. – Москва: Индрик, 1997. – 542 с.

Научно-теоретическая литература на татарском языке:

130. Алпаров Г. Шәкли нигездә татар грамматикасы. (Телебезне гыйльми тикшерү юлында бер тәҗрибә) / Г. Алпаров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1926. – 164 б.
131. Алпаров Г. Сайланма хезмәтләр / Г. Алпаров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1945. – 380 б.
132. Бәширова И.Б. Татар әдәби теле тарихы: XIX гасыр ахыры – XX йөз башы / И.Б. Бәширова. – Казан: Казан дәүләт технология университеты нәшрияты, 1999. – 528 б.
133. Бәширова И.Б. Татар стилистикасының теоретик нигезләре / И.Б. Бәширова. – Казан, 2005. – 30 б.
134. Бәширова И.Б. Хәзерге татар әдәби теле. Семасиология: Татар лексикасында системалы бәйләнеш-мөнәсәбәтләр / И.Б. Бәширова. – Казан, 2006. – 192 б.
135. Бәширова И.Б. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: жанр стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык / И.Б. Бәширова. – Казан, 2008. – 340 б.
136. Бәширова И.Б. Татар әдәби теле. Семасиология / И.Б. Бәширова. – Казан, 2010. – 532 б.
137. Бәширова И.Б. Төрки-татар язма әдәби теле нәзәрияте: Гаяз Исхакый әсәрләре телен өйрәнү мәсьәләсенә карата // Фәнни Татарстан / И.Б. Бәширова. – Казан: Академия наук Республики Татарстан, 2018. – № 1. – б. 77-86.
138. Борынгы татар әдәбияты. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1963. – 576 б.
139. Вәлиди Ж. Татар теленең грамматикасы / Ж. Вәлиди. – Казан, 1919. – 175 б.
140. Вәлиди Ж. Сайланма хезмәтләр / Ж. Вәлиди. – Казан: Мәгариф, 2007. – 271 б.
141. Гарифуллин В.З. Газета текстының төзелеше / В.З. Гарифуллин. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1995. – 104 б.
142. Гарифуллин В.З. Журналист осталыгы / В.З. Гарифуллин. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2004. – 175 б.
143. Гарифуллин В.З. Вакытлы матбугатта жанрлар / В.З. Гарифуллин. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2007. – 120 б.

144. Гарифуллин В.З. Хәбәри журналистика / В.З. Гарифуллин. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2014. – 92 б.
145. Гыймадиева Л.И. Исмәгыйль Гаспралының «Тәржеман» газетасы (1883 – 1918) теленә тарихи-лингвистик анализ: филол. фән. канд. ... дис / Л.И. Гыймадиева. – Казан, 2000. – 164 б.
146. Жәләй Л. Татар теленең тарихи морфологиясе (очерклар) / Л. Жәләй. – Казан: ИЯЛИ, 2000. – 118 б.
147. Зәкиев М.З. Төрки-татар этногенезы / М.З. Зәкиев. – Казан: Фикер. – Мәскәү: Инсан, 1998. – 624 б.
148. Ибраһимов Г. Татар сарыфы / Г. Ибраһимов. – Казань: лит.-тип И.Н. Харитонова, 1911. – 82 б.
149. Ибраһимов Г. Татар сарыфы / Г. Ибраһимов. – Казан: Сабах, 1918. – 84 б.
150. Ибраһимов Г. Милләт. Тел. Әдәбият. Сайланма хезмәтләр / Г. Ибраһимов. – Казан: Мәгариф, 2007. – 239 б.
151. Ибраһимов С.М. Газета теле / С.М. Ибраһимов. – Казан: КДУ нәшр., 1964. – 134 б.
152. Ибраһимов С.М. Синтаксик стилистика / С.М. Ибраһимов. – Казан: КДУ нәшр., 1989. – 149 б.
153. Йосыпов Ф.Й. Татар теленең диалектлары. Урал сөйләшләре / Ф.Й. Йосыпов. – Казан: Мәгариф, 2003. – 349 б.
154. Йосыпов Р.А. Мәгълүмат чаралары теле һәм сөйләм культурасы / Ф.Й. Йосыпов. – Казан. – ТДГПУ, 2007. – 193 б.
155. Насыйри К. Әнмүзәж / К. Насыйри. – Казан, 1895. – 86 б.
156. Низамов И.М. Матбугатның тәэсирле сүзе / И.М. Низамов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. – 144 б.
157. Низамов И.М. Уем – тел очында / И.М. Низамов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1995. – 287 с.
158. Нугайбәк Г. Төрлек / Г. Нугайбәк. – Казань: лит.-тип И.Н. Харитонова, 1911. – 80 б.
159. Рамазанов Ш.А. Татар теле буенча очерклар / Ш.А. Рамазанов. – Казан: Тат. кит. нәшр, 1954. – 200 б.
160. Татар әдәби теле тарихы (XIII – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадырова, Р.Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф.М. Хисамова. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – II т.: Морфология. Грамматик категорияләренең структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм

- функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 888 б.
161. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, М.З. Вәлиева, Г.Ф. Гайнуллина, Х.Х. Кузьмина; фәнни ред. Ф.С. Баязитова. – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләрнең инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Беренче кисәк. – 528 б.
162. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, М.З. Вәлиева, Р.Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф.С. Баязитова. – Казан: ТӘҺСИ, 2020. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләрнең инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Икенче кисәк. – 560 б.
163. Татар вакытлы матбугаты (1905 – 1924). Библиографик күрсәткеч / фәнни редакторы – тар. фән. докт., академик М.Г. Госманов – Казан: Рухият, 1999. – 311 б.
164. Татар грамматикасы: өч томда. Тулыландырылган 2 нче басма / проект. жит. М.З. Зәкиев. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – т. II. – 432 б.
165. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 392 б.
166. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Беренче китап / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. – 463 б.
167. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Икенче китап / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. – 495 б.
168. Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе / Д.Г. Тумашева. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1964. – 299 б.
169. Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле. Морфология / Д.Г. Тумашева. – Казан: КДУ нәшр., 1978. – 221 б.
170. Фәезханов Г. Татар теленә кыскача гыйльми сарыф / Г. Фәезханов. – Казань. – Изд-во Казан. ун-та, 1887. – 32 б.
171. Хажиева Г.С. Татар антропонимиясендә ясалма номинациянең төре буларак псевдонимнар / Г.С. Хажиева // Габдулла Тукай һәм

- төрки дөнъя: Халыкара конференция материаллары. – Казан, 2016. – 418 – 422 б.
172. Хаков В.Х. Беренче рус революциясе елларында татар публицистикасының теле һәм стиле: филол. фән. канд. ...дис / В.Х. Хаков. – Казан, 1961. – 320 б.
173. Хаков В.Х. Тел һәм стиль мәсьәләләре / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: КДУ нәшр., 1961. – 160 б.
174. Хаков В.Х. Татар теле стилистикасына кереш / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: КДУ, 1963. – 168 с.
175. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы буенча очерклар / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан, 1965. – 120 б.
176. Хаков В.Х. Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше / В.Х. Хаков. – Казан: КДУ нәшр., 1972. – 224 б.
177. Хаков В.Х. Стилистика һәм сүз сәнгате / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. – 158 б.
178. Хаков В.Х. Татар әдәби теленең совет чорында үсеше. 20–30 нчы еллар / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан: КДУ нәшр., 1985. – 150 б.
179. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы / В.Х. Хаков. – Казан. – Казан, 1993. – 329 б.
180. Хаков В.Х. Татар әдәби теле: (Стилистика) / В.Х. Хаков. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1999. – 302 б.
181. Хаков В.Х. Тел – тарих көзгесе (Татар әдәби теленең үсеш тарихыннан) / В.Х. Хаков. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2003. – 295 б.
182. Хангилдин В.Н. Татар теле грамматикасы / В.Н. Хангилдин. – Казан. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. – 641 б.
183. Хангилдин В.Н. Татар теле культурасының кайбер мәсьәләләре / В.Н. Хангилдин. – Казан, 1976. – 94 б.
184. Хисамова Ф.М. XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренең тел үзенчәлекләре / Ф.М. Хисамова. – Казан: КДУ нәшр., 1981. – 161 б.

Научно-теоретическая литература на иностранных языках:

185. Bell A. The Language of News Media (Language in Society) / A. Bell. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1999. – 296 p.
186. Bülbül R. Haberin anatomisi ve temel yaklaşımlar / R. Bülbül – Ankara: Nobel Akademik Yayıncılık, 2001. – 332 s.

187. Cook G. The Discourse of Advertising / G. Cook. – London and New York: Routledge, 2001. – 256 p.
188. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. – New York: Routledge, 2015 – 272 p.
189. Girgin A. Yazılı Basında Haber ve Habercilik Etik'i / A. Girgin. – İstanbul: İnkılâp Kitabevi, 2003 – 343 s.
190. Kahya H. Cumhuriyet Dönemi Gazete Haber Dili Üzerinde istatistiksel Bir Aratırma (Cumhuriyet Gazetesi Örneği) / H. Kahya // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2008. Volume 1/4 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.sosyalarastirmalar.com/cilt1/sayi4/sayi4pdf/kahya_hayrullah.pdf (Дата обращения – 19.10.2020).
191. Öner M. Bugünkü Kırçak Türkçesi (Tatar, Kazak ve Kırgız Lehçeleri Karşılaştırmalı Grameri) / M. Öner – Ankara: Türk Dil Kurumu, 1998. – 270 s.
192. Simon-Vandenberg A.M. The grammar of headlines in the Times 1870 – 1970 / A.M. Simon-Vandenberg. – Brussel: Paleis der Academien, 1988. – 362 p.
193. Tokgöz O. Temel Gazetecilik / O. Tokgöz. – Ankara: İmge Kitabevi, 2000. – 428 s.
194. Yağbasan M., Demir Ü. Basın dili ve gazete manşetlerinin dilbilimsel analizi / M. Yağbasan, Ü. Demir // e-Journal of New World Sciences Academy. 2008. Volume 3, № 1 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://dergipark.org.tr/download/article-file/186853> (Дата обращения – 19.04.2020).

Лексикографические источники:

195. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик снзлеге: Ике томда. I том (А – Л) / Р.Г. Әхмәтъянов. – Казан: Мегариф – Вақыт, 2015. – 543 б.
196. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик снзлеге: Ике томда. II том (М – Я) / Р.Г. Әхмәтъянов. – Казан: Мегариф – Вақыт, 2015. – 567 б.
197. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев и др. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

- 330 *Миннуллин Б. К. Специфика морфологической структуры текстов...*
198. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
  199. Мәхмутов М.И. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / М.И. Мәхмутов, К.З. Хәмзин, Г.Ш. Сәйфуллин. – Казан: Иман, 1993. – I том. – 448 б.
  200. Мәхмутов М.И. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / М.И. Мәхмутов, К.З. Хәмзин, Г.Ш. Сәйфуллин. – Казан: Иман, 1993. – II том. – 854 б.
  201. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова, О.С. Парфенова, Ю.В. Трушкова при участии А.Н. Биткеевой и М.А. Горячевой. – М., 2006. – 312 с.
  202. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских с переводом на русский язык. Том I / сост. Лазарь Будагов. – Санкт-Петербург: тип. Императорской Акад. наук, 1869. – 810 с.
  203. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских с переводом на русский язык. Том II / сост. Лазарь Будагов. – Санкт-Петербург: тип. Императорской Акад. наук, 1871. – 415 с.
  204. Татарско-русский словарь: в 2-х т. / редкол.: Ш.Н. Асылгараев, Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев, К.М. Миннуллин, Д.Б. Рамазанова. – Казань: Магариф, 2007. – Т. 1 (А – Л). – 726 с.
  205. Татарско-русский словарь: в 2-х т. / редкол.: Ш.Н. Асылгараев, Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев, К.М. Миннуллин, Д.Б. Рамазанова. – Казань: Магариф, 2007. – Т. 2 (М – Я). – 726 с.
  206. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда / редкол.: Л.Т. Махмутова, М.Г. Мөхәммәдиев, К.С. Сабилов, Ш.С. Ханбикова. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1977. – I том. – 476 б.
  207. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда / редкол.: Л.Т. Махмутова, М.Г. Мөхәммәдиев, К.С. Сабилов, Ш.С. Ханбикова. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1979. – II том. – 726 б.
  208. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда / редкол.: Л.Т. Махмутова, М.Г. Мөхәммәдиев, К.С. Сабилов, Ш.С. Ханбикова. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1981. – III том. – 832 б.

209. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: I том: А – В / Р.Р. Абдуллина, А.М. Сэгыйтова, Ф.Ф. Гаффарова, Г.Г. Саберова, О.Н. Галимова, А.Ф. Гайнетдинова, Г.Д. Фэтхетдинова, Ф.И. Таһирова, И.И. Сабитова, Э.И. Сафина, Ф.М. Газизова. – Казан: ТӘһСИ, 2015. – 712 б.
210. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: II том: Г – Й / И.И. Сабитова, Ф.И. Таһирова, А.М. Сэгыйтова, А.Ф. Гайнетдинова, Г.Г. Саберова, Л.Ш. Шәмсетдинова, Г.Р. Сәмирханова, Э.И. Сафина. – Казан: ТӘһСИ, 2016. – 748 б. 392.
211. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: III том: К / И.И. Сабитова, А.Ф. Гайнетдинова, Ю.Ф. Борһанова, О.Н. Галимова, Г.Г. Саберова, Ф.Ф. Гаффарова, Э.И. Сафина, А.Ә. Тимерханов, Р.Р. Абдуллина, Р.Т. Сәфәров, Ф.И. Таһирова. – Казан: ТӘһСИ, 2017. – 744 б.
212. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: IV том: Л – Р / Ф.И. Таһирова, Э.И. Сафина, И.И. Сабитова, Ф.Ф. Гаффарова, Р.Т. Сәфәров, О.Н. Галимова, Р.Р. Абдуллина, Г.Р. Сәмирханова, Ф.А. Кушелекова, Г.Г. Саберова. – Казан: ТӘһСИ, 2018. – 760 б.
213. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: V том: С – Т / Э.И. Сафина, И.И. Сабитова, О.Н. Галимова, Г.Г. Саберова, Р.Т. Сәфәров, А.Ф. Гайнетдинова, Ю.Ф. Борһанова, Ф.И. Таһирова, Ф.Ф. Гаффарова, А.Ә. Тимерханов, Р.Р. Абдуллина. – Казан: ТӘһСИ, 2019. – 908 б.
214. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова һ.б. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.
215. Турецко-русский словарь / А.Н. Баскаков, Н.П. Голубева, А.А. Кяmileва и др. – М: Русский язык, 1977. – 966 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. СПЕЦИФИКА ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.....	9
1.1. Имя существительное	11
1.2. Имя прилагательное	39
1.3. Местоимение	48
1.4. Имя числительное	59
1.5. Наречие.....	69
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ.....	80
2.1. Причастие.....	81
2.2. Деепричастие	120
2.3. Инфинитив	138
2.4. Имя действия	147
ГЛАВА III. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ.....	167
3.1. Изъявительное наклонение	168
3.2. Повелительное наклонение	260
3.3. Желательное наклонение	267
3.4. Долженствовательное наклонение	275
3.5. Условное наклонение	284
3.6. Сослагательное наклонение	292
3.7. Формы, выражающие значение возможности	296
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	308
БИБЛИОГРАФИЯ.....	313

Научное издание

Миннуллин Бахтияр Кимович

СПЕЦИФИКА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУК-
ТУРЫ ТЕКСТОВ ТАТАРСКОЙ ПЕРИОДИЧЕ-
СКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Редактор *Д.Р. Галиуллина*

Компьютерная верстка *Д.Р. Галиуллиной*

Дизайн обложки *А.В. Булатова*

Подписано в печать 16.12.2022.

Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 18,4. Уч-изд. л. 18,1. Тираж 200 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в Институте языка, лите-

ратуры и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Для заметок

Для заметок

Для заметок